Джон Рональд Руэл Толкин

Книга утраченных сказаний

Часть I

Книга утраченных сказаний. Том I

Джон Рональд Руэл Толкин

Аннотация
«ТОТ, КТО ГРЕЗИТ В ОДИНОЧЕСТВЕ…»
ПРЕДИСЛОВИЕ
I. ДОМИК УТРАЧЕННОЙ ИГРЫ
II. МУЗЫКА АЙНУР
III. ПРИШЕСТВИЕ ВАЛАР И СОЗДАНИЕ ВАЛИНОРА
IV. ОКОВЫ МЭЛЬКО
V. ПРИШЕСТВИЕ ЭЛЬФОВ И ВОЗВЕДЕНИЕ КОРА
VI. ВОРОВСТВО МЭЛЬКО И ЗАТМЕНИЕ ВАЛИНОРА
VII. БЕГСТВО НОЛДОЛИ
VIII. СКАЗАНИЕ О СОЛНЦЕ И ЛУНЕ
IX. СОКРЫТИЕ ВАЛИНОРА
X. РАССКАЗ ГИЛЬФАНОНА: СТРАДАНИЯ НОЛДОЛИ И ПРИХОД ЛЮДЕЙ
ПРИЛОЖЕНИЕ. ИМЕНА И НАЗВАНИЯ В УТРАЧЕННЫХ СКАЗАНИЯХ, ЧАСТЬ I
УКАЗАТЕЛЬ

Аннотация

Книга Утраченных Сказаний — первое значительное художественное произведение Дж. Р.Р.Толкина, начатое в 1916—17 годах, когда автору было двадцать пять лет, и оставленное незавершенным несколькими годами позже. Замысел Средиземья и Валинора возник именно в этой *Книге*, ибо *Утраченные Сказания* — прообраз тех мифов и легенд, что впоследствии будут названы *Сильмариллионом*. Неразрывно связанные с английскими легендами, Сказания обрамлены историей о совершенном мореходом Эриолом (Эльфвине) великом путешествии через океан на запад, к берегам Тол Эрэссэа, Одинокого Острова, где обитают эльфы. От них он узнает истинную историю их народа — *Утраченные Сказания Эльфинесса*. В Сказаниях мы находим ранние представления о географии и космографии этого придуманного мира и первые упоминания богов и эльфов, карлов, балрогов и орков, Сильмарилей и Двух Древ Валинора, Нарготронда и Гондолина.

Книга Утраченных Сказаний будет опубли-

кована в двух томах. Настоящий — первый — содержит Сказания Валинора. Во второй будут включены легенды о Бэрэне и Лутиэн, о Турине и Драконе, а также единственные полные повествования об Ожерелье Карлов и Падении Гондолина. Каждая история сопровождается комментарием в виде короткого очерка, текстами связанных с ней стихотворений, а каждый том содержит обширный указатель имен и словарь ранних эльфийских языков.

John Ronald Reuel Tolkien

The History of Middle-earth

Volume I

The Book of Lost Tales

Part I

Edited by Christopher Reuel Tolkien

Джон Рональд Руэл Толкин

История Средиземья

Том I

Книга Утраченных Сказаний

Часть I

под редакцией Кристофера Руэла Толкина

перевод на русский язык —
неформальное творческое объединение
TTT
(TolkienTextsTranslation)
2000

перевод на русский язык — неформальное творческое объединение TTT(TolkienTextsTranslation) 2000

Под общей редакцией Светланы Таскаевой

© С. Таскаева, общая редакция, перевод IV, V, VI, VIII глав, комментариев к главе III, 2000;

© А. Дубинина, перевод стихотворений в III, IV, V, VIII главах, перевод IX главы, 2000;

© С. Лихачева, перевод I главы, 2000;

© В. Свиридов, перевод аннотации, предисловия, II главы, приложений, 2000;

© Б. Гаршин, перевод аннотации, предисловия, приложений, 2000;

© А. Куклей, перевод III главы, 2000;

© О. Мартынов, перевод VII главы, 2000;

© Д. Виноходов, перевод X главы, указателя, 2000;

© TTT, перевод произведения в целом, 2000.

«ТОТ, КТО ГРЕЗИТ В ОДИНОЧЕСТВЕ…»

Вы держите в руках книгу, которая представляет собой первый полный русский перевод первой части *Книги Утраченных Сказаний* Джона Рональда Руэла Толкина (1892–1973), автора всемирно известных произведений: сказки *Хоббит*, романа *Властелин Колец*, мифологической эпопеи *Сильмариллион* и многих других. После напечатанного посмертно, в 1977 году, *Сильмариллиона* — под редакцией сына Дж. Р.Р. Толкина, Кристофера Толкина, — в 1980 году свет увидели *Неоконченные Сказания*, а в 1983 году публикацией первой части *Книги Утраченных Сказаний* была начата серия «История Средиземья», в которую вошли черновики Толкина. К настоящему моменту в серии выпущено 12 томов.

Возникает законный вопрос: зачем публиковать для широкой публики черновики пусть даже очень известного и любимого автора и тем более — зачем переводить их на русский язык?

Безусловно, самым известным и популярным произведением Толкина был и остается роман

Властелин Колец: к примеру, по результатам проведенного в 1996 году в Англии опроса из 25 тыс. человек более 5 тыс. назвало этот роман книгой столетия, поставив его, таким образом, на первое место списка. О вкусах, конечно, не спорят. Но немалой долей своей притягательности — и успеха! — *Властелин Колец* обязан глубине и эпическому размаху, который придают ему многочисленные легенды и предания, рассказанные или едва упомянутые в романе. В этом смысле сам сюжет романа, события, описанные в ВК, уместно сравнить с древесным листом — самым прекрасным, но все же одним из многих, выросших на дереве. Как дети-читатели *Хоббита* догадались, что на дереве должны быть и другие листья, так и читатели *Властелина Колец* — и дети, и взрослые — почувствовали, что и за романом стоит нечто большее. В письмах к своим (по)читателям Толкин упоминал о своем легендариуме — «Сильмариллионе». Так, в одном из англоязычных фэнзинов (любительских журналов) 60-70-х годов мы находим рисунок, изображающий коленопреклоненного любителя творчества Толкина с подписью: «А еще, Господи, пошли мне опубликованный *Сильмариллион*!».

Сам Толкин так и не смог — по разным при-

чинам — закончить и напечатать «Сильмариллион». В завещании он возложил публикацию этой книги на младшего сына, Кристофера. Однако проблема заключалась в том, что на руках у К.Толкина оказался не единый, законченный текст, а множество отдельных версий разных эпизодов. Версии зачастую восходили к разным годам и плохо стыковались друг с другом. Чтобы облегчить понимание «Сильмариллиона», К.Толкин принял решение скомпилировать из разрозненных вариантов единый, внутренне непротиворечивый текст. Таким образом, известный нам *Сильмариллион* — это осуществленная Кристофером Толкином компиляция разных версий разных лет, «верхушка айсберга», «автородухновенность» которой, безусловно, ниже, чем у произведений, опубликованных при жизни Толкина. Однако необходимо заметить, что без *Сильмариллиона* восприятие материалов, опубликованных в книге *Неоконченные Сказания* и в серии «История Средиземья», было бы чрезвычайно затруднено даже для подготовленного и сверхзаинтересованного читателя.

Несмотря на свою сложность: несовременную эпичность, изобилие причудливых имен, приподнятый стиль и архаизованный язык —

Сильмариллион был принят публикой «на ура». Правда, сначала критики предрекали неудачу. Потом, когда прогнозы не оправдались — *Сильмариллион* неоднократно переиздавался и до 1985 года был переведен на 10 языков, — коммерческий успех *Сильмариллиона* был приписан успеху *Властелина Колец*. То же самое говорилось и о *Неоконченных Сказаниях*, когда, опять-таки, исключительно коммерческий успех этой книги был приписан успеху уже не только *Властелина Колец*, но и *Сильмариллиона*... Эта же ситуация повторилась и с *Книгой Утраченных Сказаний*.

Однако понятно, что в *Сильмариллион* (книгу) не могло войти все, относящееся к «Сильмариллиону» (собранию легенд о мире, созданном Толкином), поскольку, во-первых, некоторые сказания своим размером и подробным рассказом о событиях разрушили бы архитектонику книги, во-вторых, повествование об одном и том же событии может существовать в разных вариантах, написанных в разное время, в-третьих, некоторые тексты носят неповествовательный характер (словари, описания, лингвистические и иные трактаты).

Чтобы дать более полное представление о героях и событиях *Сильмариллиона* и *Властелина*

Колец, К.Толкин опубликовал *Неоконченные Сказания* — крупные незавершенные повествования и тексты, заполняющие лакуны в менее подробном изложении *Сильмариллиона* или оставшиеся «за кадром» *Властелина Колец*. А в серии «История Средиземья» публиковались в основном созданные в разное время варианты уже рассказанных легенд. Однако грань между *Неоконченными Сказаниями* и «Историей Средиземья» («новые тексты, заполняющие лакуны» — «варианты уже известного») в определенной мере условна: более полный вариант легенды о Турине — *Нарн и Хин Хурин* — опубликован в Неоконченных Сказаниях, а в 12-томнике мы находим такие оригинальные повествования, как *Утраченный путь*, *Записки клуба «Мнение»*, *Новая тень*.

В *Книгу Утраченных Сказаний*, первую часть которой вы держите в руках, вошли самые ранние из незаконченных толкиновских текстов о Средиземье, точнее — об Арде, мире, где происходит действие и *Хоббита*, и *Властелина Колец*. Таким образом, *Утраченные Сказания* представляют интерес и как самый первый вариант легенд, вошедших в опубликованный *Сильмариллион*, и как вариант в достаточной мере оригинальный

(а местами — и более подробный…) и поэтому способный доставить немало удовольствия тем, кто уже успел полюбить *Властелин Колец* и *Сильмариллион*.

Книга Утраченных Сказаний не является непосредственным предшественником текстов, впоследствии вошедших в «Сильмариллион». Оставив Книгу в целом и отдельные входящие в ее состав сказания неоконченными, Толкин обратился к изложению в стихах истории Турина (поэма *Лэ*[1] *о детях Хурина*) и истории Бэрэна и Лутиэн (поэма *Лэ о Лэйтиан*). Последующее развитие прозаических текстов «Сильмариллиона» ведет свое начало от *Наброска Мифологии* 1926 года — пересказа событийного фона *Лэ о детях Хурина*.

Итак, *Книга Утраченных Сказаний* — это сборник преданий, повествующих о событиях, начиная с Айнулиндалэ (Музыки Святых) — творения мира и заканчивая плаваньем на запад Эарэндэля (позднее — Эарэндиля). Причем в первую часть Книги вошли сказания, в которых повествуется

[1] Примечания: 1

Лэ — стихотворные новеллы, написанные парнорифмованными двустишиями и повествующие о любви и рыцарских приключениях; изначально ассоциируются с творчеством Марии Французской, англонормандской поэтессы XII в.; Толкин употребляет термин в значении “эпическая песнь”.

о том, что происходило в Валиноре и Средиземье до Прихода Людей, а во вторую — сказания, действие которых происходит после этого события в Бэлэрианде.

Поданы эти предания как рассказы о древних временах обитателей и гостей Домика Утраченной Игры и города Кортириона на острове Тол Эрэссэа прибывшему из Великих Земель (=Средиземья) мореходу по имени Эриол (чье имя переводится с языка эльфов как «Тот, кто грезит в одиночестве») или, по второй версии, Эльфвине (чье имя в переводе с древнеанглийского значит «Друг эльфов»). О том, как Эриол-Эльфвине попал в Домик Утраченной Игры, познакомился с его обитателями и узнал, почему этот дом носит такое странное название, повествуется в сказании *Домик Утраченной Игры*. Любознательный мореход остается в Домике, чтобы больше узнать об истории мира, эльфов и людей. К сожалению, не совсем понятно, как именно должна была окончиться история Эриола — эта часть не пошла дальше запутанных набросков. Однако Эриол — хранитель древней мудрости эльфов — фэери: она сохранена им для его потомков, которые еще не прибыли на свою новую Родину. Англия, таким образом, предстает как место, где сохрани-

лись старинные знания, а Эриола можно (хотя и с оговорками) уподобить Алкуину. Как и англосакс Алкуин, прибывший ко двору Карла Великого, Эльфвине мог бы сказать:

Пусть прочитает меня, кто мысль хочет древних постигнуть,

Тот, кто меня поймет, грубость отбросит навек.

Я не хочу, чтобы был мой читатель лживым и чванным:

Преданной, скромной души я возлюбил глубину.

Пусть же любитель наук не брезгует этим богатством,

Кое привозит ему с родины дальней пловец.

(Перевод Б. Ярхо)

Рассказанные Эриолу истории, обрамления и интерлюдии, повествующие о жизни Эриола на Тол Эрэссэа, пребывают в состоянии разной степени незавершенности: одни — только в виде планов и отдельных замечаний, другие застыли в состоянии первого наброска, третьи представляют собой переписанный чернилами

по карандашу набросок или чистовик, в который впоследствии снова вносилась правка.

Художественное произведение не висит в воздухе: оно принадлежит определенной эпохе в жизни автора и его окружения. Поэтому представляется необходимым назвать некоторые даты и привести некоторые факты из жизни Толкина, современные замыслу и написанию *Книги Утраченных Сказаний*.

Первое свидетельство о прозаических опытах Толкина на сюжет, впоследствии известный нам и из *Книги Утраченных Сказаний*, и из *Сильмариллиона* — это письмо, написанное в октябре 1914 года и обращенное к невесте Толкина, Эдит Брэтт: «Среди всего прочего я пытаюсь пересказать одно из преданий [имеются в виду предания *Калевалы*, финского эпоса — С.Л, С.Т.] — а это великолепный сюжет, и исключительно трагический — в виде небольшой повести в духе сочинений Морри-

са[2], со стихотворными вставками тут и там»[3]. Имеется в виду переработка истории Куллерво — источника истории Турина.

4 августа 1914 года Великобритания вступила в войну. К тому времени Толкину оставалось доучиться год в Оксфордском университете. Он хотел сначала закончить учебу и только после этого пойти служить в армию. Летом 1915 года он сдает последние экзамены и, вступив в полк ланкаширских стрелков, проходит обучение. 22 марта 1916 года они с Эдит Брэтт венчаются, а в июне Толкин отправляется как офицер связи на фронт, во Францию.

От этого времени до нас дошли несколько стихотворений, связанных с содержанием *Книги*, поэтому К.Толкин счел возможным опубликовать их в своих комментариях к отдельным сказаниям.

Но уже в ноябре Толкин возвращается в Англию лечиться от «окопной лихорадки». Большую

---

[2] Примечания: 2

Уильям Моррис (1834–1896) — романист, поэт и переводчик викторианской эпохи, оказавший большое влияние на Толкина: псевдосредневековые романы Морриса, где прозаический текст чередуется со стихотворным, отличаются причудливым архаичным языком (*Дом сынов Волка*, *Повесть о Сверкающей Равнине*, и др.).

[3] Примечания: 3

Цит. по: *The Letters of J. R. R. Tolkien*. Ed. Humphrey Carpenter. — London: Unwin Paperbacks, 1990. (Далее — “Письма”).

часть следующего, 1917 года, он проводит в госпитале. Именно к этому времени относятся самые ранние рукописные тексты некоторых из *Утраченных Сказаний*. В 1918 году, после заключения перемирия он возвращается с женой и сыном в Оксфорд и участвует в работе по составлению Большого Оксфордского Словаря вплоть до 1920 года, когда переезжает в Лидс, где забрасывает Книгу и принимается за *Лэ о детях Хурина*.

Хотя жизнь автора *Книги Утраченных Сказаний* богата событиями, ни в коей мере нельзя сказать, что Толкин — один из тех писателей, в книгах которых получают непосредственное отражение события жизни их создателя.

Толкин черпал вдохновение не в том, что происходит с ним, вокруг него, не в литературной традиции, а где-то «в ином месте», видимо, в легендарном elsewhere[4]. В этом смысле сам Толкин — прототип Эриола, а *Книга Утраченных Сказаний* — грезы того, кто грезит в одиночестве, а не с другими.

Цель, которую поставил перед собой автор

---

[4] Примечания: 4

К. Толкин в своих примечаниях постоянно ссылается на дополнительные сведения, содержащиеся “elsewhere”, “в другом месте”. Это пресловутое “другое место”, кладезь еще неизвестных текстов, среди исследователей творчества Толкина стало притчей во языцех.

Книги Утраченных Сказаний — создать «мифологию для Англии» — весьма несвоевременна и несовременна. Сам этот замысел как бы выводит Толкина за пределы английской литературы XX века, заставляя вспомнить о вершинных произведениях английского эпоса: *Беовульфе*, *Смерти Артура*, *Королеве Фей*, «библейской» дилогии Мильтона, а не о современных Толкину авторах и даже не о Моррисе, которому Толкин многим обязан и к книге которого *Земной Рай* возводят отчасти замысел обрамления и стиль *Книги Утраченных Сказаний*[5]. Однако в отличие от автора *Беовульфа*, Гальфрида Монмутского, Томаса Мэлори и Эдмунда Спенсера Толкин отказывается в полной мере черпать вдохновение в национальном предании и в национальной истории, а в отличие от Кюневульфа[6] и автора *Потерянного Рая* и *Возвращенного Рая* он не собирается обращаться к библейской традиции. Создавая «мифологию для Англии», Толкин приходит, скорее, к собственному варианту национально-

[5] Примечания: 5

В стихотворном романе Морриса некий мореход, приплывая на ранее неизвестный ему остров, выслушивает там множество легенд. В основном это пересказы античных мифов и фольклорных преданий.

[6] Примечания: 6

Кюневульф — англосаксонский поэт конца VIII — нач. IX вв., предположительный автор нескольких поэм на религиозные темы.

го мифа и национальной истории, повествуя о «выдуманном историческом моменте»[7] нашего мира. Согласно черновикам *Книги Утраченных Сказаний*, Тол Эрэссэа — это остров Англия, мореход Эриол — отец легендарных Хенгеста и Хорсы, англосаксонских завоевателей кельтской Британии, а сама Книга хранится в дымоходе разрушенного дома в деревне Грейт-Хейвуд, бывшем Тавробэле. Сам Толкин писал о преданиях *Сильмариллиона*: «Они возникали в моем уме как нечто «данное», и по мере их появления проявлялись их взаимные связи»[8].

Однако в форме, облекающей это в высшей степени оригинальное повествование, нельзя не узнать форму, давно и с большим успехом усвоенную английской литературной традицией: несколько повествователей по очереди рассказывают истории. В случае Толкина использование этой формы можно возвести через У. Морриса к Джеффри Чосеру, чье творчество находилось в сфере научных интересов Толкина. С другой стороны, ссылка на некую книгу

---

[7] Примечания: 7

См. “Письма”, № 183.

[8] Примечания: 8

Цит. по: Carpenter, Humphrey. *Tolkien: A Biography*. — London: Grafton, 1992. (Далее — Х.Карпентер).

(хранящуюся в дымоходе и написанную Эриолом “Книгу Утраченных Сказаний”), из которой автор почерпнул все свое повествование, — это общее место средневековой литературы, когда даже собственный, выдуманный автором сюжет подается как унаследованный из авторитетной традиции: так Мэлори ссылается на некую «Французскую Книгу», чтобы придать весомость наиболее оригинальным частям *Смерти Артура*. Таким образом, легенды, источником которых является воображение, подаются Толкином как утраченное — и вновь обретенное — наследие английской нации. См., например, стихотворение *Веление Менестрелю* (во второй части *Утраченных Сказаний*):

> *“Песнь, что пою я — лишь эхо невнятное*
>
> *Грез золотых, порождения снов,*
>
> *Сказ, нашептанный в часы предзакатные,*
>
> *Избранным душам завещанный зов”.*
>
> ***(Перевод С. Лихачевой)***

К сожалению, мы лишены возможности ознакомиться с первым вариантом переработанной «Истории Куллерво», упомянутым выше. Однако

к нему восходит одно из преданий *Книги* — сказание *Турамбар и Фоалокэ* (во второй части). Парадоксальным — или закономерным? — образом первое из прозаических (хотя прозаическое лишь отчасти) повествований опирается не на английский источник, а на финский эпос, *Калевалу*. И если стиль этого самого первого варианта сам Толкин определяет как «моррисовский», то в стиле позднейших вариантов — и *Турамбара и Фоалокэ*, и *Нарн и Хин Хурин* — ощущается влияние исландской саговой традиции. Однако история Турина оказывается единственным прозаическим повествованием Толкина, основной сюжет которого взят «не из Толкина». Можно сказать, что это первая и последняя точка опоры на какое — либо известное нам эпическое произведение.

Хронологически первым (хотя описанные в сказании события происходят ближе к концу цикла) из вошедших в *Книгу* текстов было *Падение Гондолина*, написанное в 1917 году, во время пребывания Толкина в госпитале. Будучи первым известным нам прозаическим произведением Толкина, *Падение* глубоко своеобразно и оригинально.

Казалось бы, столкновение с реальностью вой-

ны должно было безжалостно разрушить грезы «одинокого мечтателя». И в самом деле, «вполне разумно предположить, что центральная часть истории — великое сражение — кое-чем обязана тому, что пережил Толкин во время битвы на Сомме, точнее, его отклику на пережитое, поскольку сражение за Гондолин обладает героическим величием, совершенно несвойственным современной войне», — как пишет биограф Толкина, Х.Карпентер. В *Падении Гондолина* помимо общего трагического колорита тотальной войны присутствуют и весьма нетрадиционные образы — ломающие стены города железные драконы, внутри которых прячутся орки и чей жар можно «пополнить… лишь из огненных источников, что устроил Мэлько в своей стране» (*пер. А.Хромовой*) — вполне вероятно, что свое происхождение эти существа ведут от танков, появившихся в Первую мировую.

Но война, увиденная глазами художника, становится как бы катализатором художественного процесса, соприкосновение с действительностью оказывается путешествием в начало: падение города — это архетип, один из четырех сюжетов, которые, по мнению Борхеса, лежат в основе мировой литературы. И попытка проследить

литературные источники Падения приводит нас непосредственно к корням европейской литературы — рассказу Энея о падении Трои в *Энеиде* Вергилия.

С другой стороны, падение города, в особенности — Трои, — это идеальное начало эпоса или эпического цикла, в особенности — английского. Со времен Гальфрида Монмутского англичане считали своим предком троянца Брута — от его имени Гальфрид произвел само название «Британия». Поэтому и средневековые английские историографические сочинения, и эпические произведения на сюжет matter of Britain начинались, как правило, с падения Трои.

> *Как только силы осады / иссякли у Трои,*
>
> *И рухнула крепость, / став прахом и пеплом…*
>
> ***(Перевод С. Лихачевой)***

— таковы первые строки средневековой английской поэмы *Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь*, переведенной Толкином на современный английский. Таким образом, традиция для Толкина оказывается образцом, но следование ей гораздо глубже простого подражания…

История падения старого королевства и основания изгнанниками нового, история гибели и возрождения надежды осталась одной из важнейших толкиновских тем, войдя в его «атлантический» миф — историю Падения Нумэнора и основания Королевств Изгнанников.

Другое сказание, записанное в числе первых, — это история Бэрэна и Лутиэн. По сути своей эта история — почти классическая «волшебная сказка», в том смысле, в каком понимает этот термин В. Пропп. Налицо и «трудная задача», заданная жениху отцом невесты, и «волшебный помощник» — пес Хуан и сама Лутиэн, «волшебный дар» — волшебный плащ Лутиэн и шкура кота, в которой Бэрэн пробирается в Ангманди. Также «классическими» ходами волшебной сказки являются проникновение в запретный лес, заточение девушки с длинными косами, спуск в подземный мир, мир смерти, за спрятанным там сокровищем. Однако этот квест — поиск-путешествие, еще один из четырех борхесовских архетипических сюжетов — окрашен в неповторимые тона личного опыта. Прикасаясь к извечному образцу, автор как бы расцвечивает его событиями собственной жизни. Сказание о Бэрэне и Лутиэн — это в первую очередь история

любви автора этой истории: как известно, на могиле Эдит и Джона Толкина высечены имена «Лутиэн» и «Бэрэн». К примеру, первой встречей, во время которой Бэрэн видит, как Лутиэн танцует среди болиголова, мы обязаны танцу Эдит в рощице возле деревни Руз в один из тех дней 1917 года, когда лейтенанта Джона Толкина отпустили из лагеря в увольнение. Сурового отца, короля Тинвэлинта (позднее — Тингола), легко увидеть в опекуне Дж. Толкина, католическом священнике отце Фрэнсисе, который настоятельно запретил своему подопечному встречаться с любимой девушкой до совершеннолетия, боясь, что тот забросит занятия и не сможет поступить в Оксфордский университет. Юноша послушался своего опекуна. Для современного человека такое поведение странно и непривычно, и мифологизация его в подвиге добывания Сильмариля не кажется столь уж сильным преувеличением. В варианте *Книги Утраченных Сказаний* в рассказе о Бэрэна и Лутиэн еще нет «нарготрондского эпизода», но, возможно, появлением истории о сватовстве Кэлэгорма к Лутиэн мы обязаны тому факту, что прежде чем стать невестой Джона Толкина, Эдит Брэтт была помолвлена с другим…

Эпос может начинаться (тем более — писаться)

«с середины», однако рано или поздно очередь должна дойти и до «настоящего начала истории». Чтобы удовлетворить любопытство Эриола, Румиль, привратник Домика Утраченной Игры, принужден начать свой рассказ об истории эльфов с самого сотворения мира — о чем повествуется в сказании *Музыка Айнур*. Таким образом, теперь записываются сказания, которые лишены корней и в узко понимаемой литературной традиции, и в личном опыте автора. Конечно, *Музыка Айнур* — это аналог ветхозаветной *Книги Бытия*, однако вряд ли можно вести речь о чисто литературном «заимствовании» или о «подражании». Начиная с *Музыки Айнур* как с текста и как с события, Толкин творит уже в прямом смысле слова свой собственный мир, с уникальными, свойственными только ему связями, отношениями, героями и конфликтами. Музыка Айнур — это одновременно и начало мира, и объяснение «смысла и назначения истории» этого мира.

«Смысл и назначение» Арды показывают нам, как именно Толкин мыслил свой «вторичный мир» относительно реальности. Для Толкина — филолога и католика — это проблема не академическая, но глубоко личная. *Музыка Айнур* является полным аналогом *Книги Бытия* в том

смысле, что в ее основе лежит христианское мировоззрение — и «фактические», «событийные» расхождения не в силах скрыть концептуального сходства. *Музыку Айнур* хочется сравнить с *Гимном* Кэдмона — первым известным нам английским (точнее, древнеанглийским) стихотворением, в котором хвала «стражу царства небесного», создателю «middan-geard» — «Средиземья» — облечена в традиционную для тогдашней английской поэзии форму.

В своем подходе к проблеме Толкин следует и за автором *Беовульфа*. На первый взгляд и с точки зрения многих критиков, *Беовульф* с его действием, происходящим явно до принятия Северной Европой христианства, с персонажами — чудовищами и героями, столкновение которых определяет сюжет поэмы, — вещь глубоко «северная», а ссылки на Каина, прародителя чудищ, и упоминания о библейском сотворении мира — всего лишь вставки-интерполяции благочестивых монахов, переписавших «языческую» поэму в христианском духе. Сам Толкин придерживался (как явствует из прочитанной в 1936 году лекции *Чудовища и Критики*) другого мнения. Для него редкие отсылки в *Беовульфе* к мифу христианскому — меты и знаки, по которым опознается

точка зрения автора поэмы, христианина, чье мировоззрение «содержится в самом сюжете и символике», — как писал Толкин в одном из своих писем о ВК[9], — и потому не стремится демонстрировать или навязывать себя как-то иначе. «Ключ к этому слитному творческому взгляду — те самые упоминания о Каине, которые обычно принимают за свидетельство путаницы, царившей в головах англосаксов».[10] Автору *Беовульфа* достаточно назвать чудовище Гренделя исчадием ада и потомком Каина, чтобы стало ясно, как именно события поэмы укладываются в парадигму христианского мышления: ведь чудовища — враги любого человека, и христианина, и язычника. Можно сказать, что мир *Беовульфа* — это мир христианства, несмотря на то, что герои его — «добродетельные язычники», как называет их Толкин, — христианами не являются. Это же с легкостью применимо к миру, созданному самим Толкином. Христианство — это, так сказать, не тема и не сюжет мира Толкина (что можно было бы сказать, к примеру, о Мильтоне), но точка

[9] Примечания: 9
См.: “Письма”, № 142.

[10] Примечания: 10
The Monsters and the Critics and Other Essays by J. R. R. Tolkien. Ed. Christopher Tolkien. — Boston: Houghton Mifflin, 1984.

зрения на созданный им мир. К примеру, история Куллерво — миф, архетипичный в своей основе, — обретает, став историей Турина Турамбара, совершенно новое звучание.

Таким образом, можно сказать, что в *Книге Утраченным Сказаний* (как, впрочем, и во всех остальных произведениях Толкина) находит четкое и недвусмысленное выражение тот факт, что это эпос, созданный на основе авторского воображения, английский по форме и христианский по концепции-точке зрения.

Однако, создавая *Книгу Утраченным Сказаний*, автор еще не ограничивается тем, что мировоззрение «содержится в самом сюжете и символике». В *Книге* христианство — не только взгляд и концепция, но и отчасти материал: помимо рассказа *Музыки Айнур* о творении мира Единым, о причине появления зла в мире — гордыне старшего из ангелов (в котором нетрудно узнать Люцифера), в других сказаниях упоминается падение людей «волей Мэлько», пророчество о Великом Конце — конце света, а также битва, позднее названная Дагор Дагорат, — явный аналог Армагеддона. Радость открытия приводит к некоторой «угловатости» и нестыковкам: в сказании *Пришествие Валар и Создание Валинора*

говорится, что люди после смерти попадают в Ангаманди, Эруман-Арвалин или Валинор, что отвечает христианским — и уже — католическим представлениям об аде, чистилище (для которого придумано даже эльфийское слово) и рае, но находится в противоречии с тем, что сказано в *Музыке Айнур*: люди после смерти уходят из мира.

При последующей работе над текстами Толкин удалил многое из того, что слишком прямо заявляло о своей связи с христианским мировоззрением, причем не потому, что изменил свое отношение к христианству, а просто потому, что миф, по его мнению, не должен содержать религиозные и моральные истины в явной и выраженной форме (за что Толкин упрекал Томаса Мэлори).

Христианская точка зрения у Толкина находит свое воплощение в том, что все истории существуют не отдельно, но стремятся к единому центру, работают на общий сюжет. Формальный аналог авторской точки зрения — это не внешнее обрамление, не столько связь сказаний на уровне формы, сколько связь внутренняя, на уровне смысла, которая становится очевидной лишь ближе к концу цикла, который, к сожалению,

остался недописанным: “И так все судьбы фэери сплелись в единую нить, и нить эта — великая история об Эарэндэле” (*Утраченные Сказания*, часть II).

Таким образом, *Книга Утраченных Сказаний*, хотя и не оконченная — в высшей степени оригинальное и своеобразное произведение, которое представляет собой одновременно и зерно, из которого появляется мир, и такую часть целого, которая дает представление обо всем целом. Хотя сюжетам «Сильмариллиона» предстояло расти и изменяться, обретая новые черты и связи, когда, к примеру, Фэанор стал сыном Короля Нолдор, а история Бэрэна и Лутиэн включила в себя «нарготрондский» эпизод, большая часть историй менялась, скорее, в сторону разрастания изначально в них заложенного (ср. *Сказание о Турамбаре и Фоалокэ* и *Нарн и Хин Хурин*). Как уже было сказано, местами *Книга Утраченных Сказаний* повествует о событиях не просто более подробно, чем позднейший *Сильмариллион*, но гораздо более выразительно, живо и драматично — см., к примеру, Сказание о Солнце и Луне [broken link: #UtraI_talesun]. Если *Сильмариллион* рассказывает о событиях, то *Книга Утраченных Сказаний* показывает их нам, делая мифологиче-

ских персонажей ближе и понятнее и тем самым углубляя столкновения характеров и коллизии сюжета.

Сам метод написания *Утраченных Сказаний* показателен для всего творчества Толкина: многочисленные следующие друг за другом черновики одного и того же текста, которые подвергаются бесконечной правке и все-таки остаются незаконченными, текучая материя вновь сотворенных языков, меняющихся прямо на наших глазах. Все это делает *Книгу* непростым чтением, но мы все же надеемся, что оно доставит вам удовольствие.

Адекватный перевод на русский язык *Утраченных Сказаний* (а также *Неоконченных Сказаний* и всей серии «История Средиземья») связан с необходимостью решения большого количества технических и лингвистических проблем, не говоря уже о чисто переводческих. Поэтому мы считаем необходимым описать те принципы, которыми руководствовались переводчики и редактор в работе над переводом и публикацией *Книги Утраченных Сказаний*.

С нашей точки зрения, задача первого перевода — не только познакомить читателя с памятником иноязычной художественной литературы (отку-

да вытекает требование точности и бережного отношения к оригиналу — во избежание появления летающих глаурунгов и чешуи у орков), но и адекватно воспроизвести художественные достоинства литературного произведения средствами родного языка — чтобы читателю стало ясно, зачем переводчику понадобилось переводить эту книгу, а ему, читателю, тратить время на чтение переведенного.

В этой связи отдельную проблему представляет собой воссоздание стиля *Книги Утраченных Сказаний*, который несхож ни с тщательно продуманной пестротой ВК, ни со сжатостью и лапидарностью *Сильмариллиона*. Язык *Книги* изобилует архаизмами на самых разных уровнях — на уровне лексики (К.Толкину пришлось снабдить английский текст словарем редких, устаревших и архаичных слов), синтаксиса (изобилие инверсий, не свойственных современному английскому синтаксису) и морфологии (употребление устаревших грамматических форм). Поскольку мы поставили своей целью создание не только фактически точного перевода (чего, увы, нельзя сказать о большей части переводов ВК и *Сильмариллиона*), но и перевода, отражающего стиль *Утраченных Сказаний*,

мы постарались дать представление о вполне ощутимой архаизованности и торжественной велеречивости оригинала. Некоторая тяжеловесность и многочисленные шероховатости (необходимо помнить, что многие части Книги — всего лишь первые и единственные наброски к так и ненаписанным текстам) не ощущаются нами как досадная помеха, и мы не стремились сгладить их в своей работе. *Утраченные Сказания* (как и вся серия «История Средиземья») предоставляют нам неоценимую возможность бросить взгляд на самый творческий процесс, и мы не стали лишать этого удовольствия и читателей перевода.

Также необходимо помнить, что тексты *Книги Утраченных Сказаний* — черновики и, чтобы привести их в мало-мальски читаемый вид, Кристоферу Толкину пришлось снабдить их предисловием, подробными примечаниями, комментариями и другими материалами (о чем см. в *Предисловии* К.Толкина). Без них чтение *Утраченных Сказаний* — неважно, по-русски или по-английски — превращается в разгадывание головоломки, поэтому мы полностью и в аутентичной форме сохраняем в нашем переводе все ссылки, примечания и комментарии английско-

го оригинала. Мы также переводим французские и латинские выражения, которые использует в своих комментариях К.Толкин. Все остальные сноски, знаки и обозначения непосредственно в тексте сказаний либо примечаний принадлежат, соответственно, либо автору, либо комментатору. Также мы сохраняем идею шрифтового оформления оригинала: текст самого Толкина и комментатора, К.Толкина, набраны шрифтами разных размеров. [В формате fb2 по техническим причинам это сделано только в необходимых случаях - прим.верстальщика]

Для удобства ссылок, цитирования и работы с оригиналом *Утраченных Сказаний* мы сочли необходимым сохранить в нашей книге пагинацию издания, с которого сделан перевод. [В формате fb2 по техническим причинам это соблюдено примерно, как правило, без нарушения справочного аппарата; ссылки на страницы по номерам и в "Именах и названиях" кликабельны - прим.верстальщика] Также мы оставили без изменений ссылки К.Толкина на страницы англоязычных изданий произведений Дж. Р.Р. Толкина.

Названия произведений Толкина, встречающиеся в книге, набраны без кавычек курсивом,

когда имеется в виду опубликованная книга, и в кавычках, когда имеется в виду произведение вообще, во всех своих вариантах. Хотя это не совсем согласуется с отечественной книгоиздательской практикой, в данном случае мы сочли нужным последовать указаниям К.Толкина, изложенным в его *Предисловии*. Если существует несколько вариантов перевода названия какого-то произведения Толкина, то мы выбирали (или создавали заново) наиболее, с нашей точки зрения, адекватный и точный. Английские названия самих сказаний приведены в Оглавлении, названия других текстов Толкина, упомянутых в книге, — в Указателе. Английские названия стихотворений приводятся сразу же в тексте в квадратных скобках, перевод на русский язык древнеанглийских названий стихотворений также дается в квадратных скобках.

Цитаты из других произведений Толкина даны, как правило, в нашем переводе. В противном случае мы указываем фамилию переводчика отрывка. Фамилии переводчиков стихотворных произведений, вошедших в текст первой части *Книги Утраченных Сказаний*, приводятся непосредственно после переведенных ими текстов.

Ссылаясь на приложения к ВК, мы обозначаем

их русскими буквами — А, Б, В, Г, Д.

Весьма сложной проблемой, которую приходится решать при переводе произведений Толкина, является русская транслитерация (т. е., передача звукового облика иноязычных слов средствами русской орфографии) слов эльфийских языков, созданных Толкином. Трудности здесь двоякие.

Во-первых, различия фонетических систем эльфийских и русского языка не позволяют произвести транслитерацию без определенных потерь. Отчасти в этом «повинна» и русская орфографическая традиция, которая практически не допускает использования диакритики и специальных символов других алфавитов (в отличие от английской орфографии, к примеру).

С другой стороны, все известные нам по переводам ВК и *Сильмариллиона* разной степени непоследовательности попытки транслитерировать эльфийские слова либо частично, либо полностью игнорировали Приложение Д к ВК, где описаны фонетико-графические соответствия транслитерации эльфийских языков. Поскольку традиция транслитерации эльфийских слов еще не устоялась (в отличие, скажем, от традиции транслитерации слов западноевропейских языков, где различие фонетического облика

слова в родном и русском языке уже не принимается во внимание), мы сочли необходимым дать собственный вариант транслитерации эльфийских слов, который, как мы надеемся, является наиболее удачным компромиссом между требованиями адекватной передачи фонетического облика слов и требованиями русской орфографии. Отсюда неизбежные и болезненные разночтения с ранее изданными переводами Толкина. Наличие этих разночтений, естественно, отнюдь не облегчает восприятие нашего перевода, однако мы надеемся, что «Париж стоит мессы» и что возможность более точно воспроизвести звуковой облик эльфийских слов стоит необходимости примириться с новым вариантом транслитерации знакомых и ставших родными имен и названий.

Итак, буквосочетания «TH» и «DH» мы последовательно передаем, соответственно, как «т» и «д»: *Thorndor — Торндор*, *Maedhros — Маэдрос*. «C» и «K» — как «к»: *Valacirca — Валакирка*, *Kuruvar — Куруваp*. «CH» и «H» — как «х»: *Bragollach — Браголлах*, *Hiri — Хири*. «G» как «г»: *Goldriel — Голдриэль*. «QU» и «Q» (которому соответствует в поздней орфографии Толкина буквосочетание «QU») как «кв»: *Qalvanda — Квалванда*, *Qenya* или *Quenya*

— *квэнья*. «W» — как «в»: *Wiruin — Вируин*.

«Y» передается между гласными и в начале слова как «й»: *FAYA — ФАЙА*, *Yavanna — Йаванна*. В остальных случаях — как «ь»: *Calacirya — Калакирья*, *Morwinyon — Морвиньон*.

Мягкость согласного «L» в определенных позициях (после звуков «I» и «E» перед согласной или в конце слова) передается, согласно правилам русской орфографии, мягким знаком: *Melko — Мэлько*, *Isil — Исиль*.

Во всех остальных случаях ни согласный звук «L», ни другие согласные звуки эльфийских языков не смягчаются, а потому после них не могут идти буквы «е», «ю», «я» или «ь»: *Ulmo — Улмо*, *Astaldo — Асталдо*, *Noldoli — нолдоли*, *Telelli — тэлэлли*, *Beren — Бэрэн*.

Дифтонги «AI» «OI» «UI» «AU» передаются как «ай», «ой», «уи» и «ау»: *Vai — Вай*, *Haloisi — Халойси*, *Danuin — Дануин*, *Daurin — Даурин*.

Долгота гласных не указывается, циркумфлексы, острые и тупые ударения оригинальных слов в русской транслитерации не воспроизводятся. Оригинальное написание эльфийских слов на латинице читатель найдет в Указателе. Также ко всем вариантам слов в «Изменениях имен и названий» и к словам в Приложении прилагается

их написание латиницей.

Кроме того, мы сочли необходимым проставить ударения в транслитерированных на русский язык эльфийских словах согласно тому, что сказано об ударениях в эльфийских языках в Приложении Д к ВК. В двусложных словах ударение падает на первый слог, в более длинных словах — на второй от конца слог в тех случаях, когда в предпоследнем слоге содержится долгий гласный, дифтонг или гласный, за которым следует два или более согласных звука. Во всех остальных случаях ударение падает на третий от конца слог: *хильдор, Галадриэль, Халойси, Хисиломэ, Финголфин*. Во избежание путаницы с диакритическими знаками мы выделяем ударения жирным шрифтом. Ударение проставляется в следующих случаях: когда слово первый раз появляется в *Предисловии* К.Толкина и в самих *Сказаниях,* во всех случаях, когда слово появляется в «Изменениях имен и названий», в Приложении и Указателе.

Необходимо указать на особенности транслитерации и постановки ударения в словах *Сильмарили* и *Сильмарилли*. Дело в том, что Толкин использует две формы множественного числа от кв. Silmaril (*Сильмариль*) — квэнийскую

Silmarilli (*Сильмарилли*), где ударение переходит перед двойной согласной на второй от конца слог, и английскую Silmarils, где ударение — по правилам английского языка — остается на первом слоге. Соответственно, английскую форму множественного числа мы везде передаем русской формой множественного числа — *Сильмарили* — где ударение не меняет места и не удваивается последняя согласная.

Хотя ономастика (имена собственные) *Утраченных Сказаний* местами довольно сильно отличается от ономастики позднейших произведений Толкина, догадаться, кто есть кто, вполне возможно.

В оригинале слова типа валар, эльфы, нолдор написаны с большой буквы, но мы пошли навстречу правилам русского языка, оставив большие буквы только в выражениях типа Серые Эльфы или Дети Богов.

Характерная черта раннего творчества Толкина состоит в том, что эльфов-нолдор он называет gnomes (от греч. «мысль, разумение») — см. с. ~43–44~ настоящего издания. Точное соответствие ему в русском — слово «гном», зарезервированное традицией переводов Толкина и авторов фэнтэзи за существами, в англоязычной традиции назы-

ваемыми dwarf (dwarves), что этимологически неоправданно. Поэтому мы решили сохранить за эльфами-нолдор этноним «гномы», а слово dwarf (dwarves) мы переводим как «карла (карлы)». В отказе от использования от слова «гном» как коррелята dwarf (dwarves) мы не одиноки: В.Тихомиров в переводе *Старшей Эдды* для передачи древнеисландского слова dvergr (родственного английскому слову и имеющего то же значение) использует слова «карлики» и «цверги» (от нем. zwerg, родственного древнеисландскому и английскому слову), а А.Корсун — слово «карлики». Относительно различия «гномов» и «карл(иков) — цвергов» см. энциклопедию *Мифические Существа* К. Королева, статьи «Гномы» и «Цверги».

Что касается слова «карла», то его выбор обусловлен тем, что данное слово, во- первых, имеет в русском языке негативные ассоциации (а в *Книге Утраченных Сказаний* карлы — злой народ), к примеру:

Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

Во-вторых, слово это как-то да укоренено в национальной традиции — вспомним злого карлу Черномора из поэмы *Руслан и Людмила*, которую иногда называют первым произведением русской фэнтэзи:

Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за спину кладет…

В *Книге Утраченных Сказаний* Толкин использует впоследствии оставленные этнонимы *фэй* (fay(s)) для обозначения духов, в противоположность эльфам и людям, и *фэери* (fairy(-ies)) — для обозначения эльфов. Мы не стали переводить их, чтобы подчеркнуть своеобразие лексики *Книги* и отличие ее от лексики поздних произведений Толкина. Fay(s) мы везде даем как *фэй*, не изменяя это слово по родам, числам или падежам, то же самое относится и к слову *фэери*.

Золотое Древо Лаурэлин отчетливо женского рода — в оригинале к нему прилагаются местоимения she и her.

В кратком предисловии трудно предусмотреть ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у читателя при работе над книгой (а чтение этой книги — серьезный труд, а не праздное развлечение), поэтому мы воспользовались достижениями технического прогресса и открыли

в сети Internet сайт, на котором разместили некоторые дополнительные материалы. В гостевой книге сайта вы сможете высказать свои замечания и пожелания, задать вопросы коллективу переводчиков и редакторов и получить на них ответы. Мы также заранее признательны за сообщения о замеченных опечатках и возможных неточностях. Адрес сайта:

http://www.tolkien.ru/ttt

С. Лихачева, С. Таскаева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(написано Кристофером Толкином для первого издания Утраченных Сказаний, вышедшего в издательстве George Allen&Unwin (Publishers) Ltd в 1983 г.)

Книга Утраченных Сказаний, написанная шестьдесят-семьдесят лет назад, — первое существенное художественное произведение Дж. Р.Р. Толкина и первое появление валар, Детей Илуватара — эльфов и людей, карлов и орков, а также стран, где развертывается их история — Валинора, лежащего за западным океаном, и Средиземья — «Великих Земель» между восточными и западными морями. Спустя пятьдесят семь лет после того как мой отец прекратил работу над *Утраченными Сказаниями*, вышел в свет *Сильмариллион*[11], чрезвычайно отличающийся от своего отдаленного предшественника. С тех пор прошло шесть лет. Это предисловие кажется мне удобной возможностью высказать некоторые

[11] Примечания: 11

Если название набрано курсивом, это означает ссылку на произведение в напечатанном виде; если же оно заключено в кавычки — более общую ссылку, на работу в любой или во всех ее формах.

соображения по поводу обоих произведений.

Сильмариллион обычно считается «трудной» книгой, требующей объяснений и особого «подступа», чем он значительно отличается от *Властелина Колец*. В седьмой главе своей книги Дорога в Средиземье профессор Т.А.Шиппи соглашается с этим: «*Сильмариллион* не мог не быть трудным чтением» (с. 201), — и разъясняет, почему этого следовало ожидать. По его мнению, существенных причин две (хотя не совсем честно вырывать из сложных рассуждений отдельные фрагменты). В первую очередь — отсутствие в *Сильмариллионе* посредников вроде хоббитов (так, в *Хоббите* «Бильбо выступает в роли связующего звена между современностью и древним миром карлов и драконов»). Отец явно осознавал, что будь «Сильмариллион» опубликован, отсутствие хоббитов ощущалось бы как пробел — и не только читателями, которым они пришлись особенно по сердцу. В одном из писем отца от 1956 года (*Письма Дж. Р. Р. Толкина*, с. 238), вскоре после публикации *Властелина Колец*, говорится:

> «Я не думаю, что он имел бы очарование ВК — без хоббитов! Насыщенный мифологией, эльфийским волшебством и

всеми теми «высокими словесами» (как мог бы сказать Чосер), что столь не по вкусу многим критикам».

Замысел «Сильмариллиона» пуритански строг; читатель избавлен от такого «посредничества» и нарочитых коллизий (заключающихся не только в столкновении двух стилей) вроде той, что возникает при встрече короля Теодена с Пиппином и Мерри на руинах Исенгарда.

«— До свидания, судари мои хоббиты! Может, еще встретимся у меня дома. Там мы усядемся рядышком, и вы будете рассказывать обо всем, что только душа пожелает: о делах ваших предков, сколь вы их помните…

Хоббиты низко поклонились.

— Вот тебе и король Роханский, — вполголоса заметил Пиппин. — Замечательный старикан, и очень вежливый».

Второе соображение заключается в том, что

«*Сильмариллион* отличается от ранних произведений Толкина отказом от традиций романного жанра. В большинстве

романов (включая *Хоббита* и *Властелина Колец*) на передний план выдвигается один герой, наподобие Фродо или Бильбо, а затем рассказывается приключившаяся с ним история. Конечно, создает историю романист, и потому он всеведущ: он может объяснить или показать, что происходит «на самом деле», противопоставляя это ограниченному полю зрения своего персонажа».

Но коли так, то здесь очевидно примешивается вопрос о литературном вкусе (или привычке). Возникает также упоминаемая профессором Шиппи проблема, буквально, *раз*-очарования — «разочарования по недоразумению», испытанного теми, кто ожидал второго *Властелина Колец*. Некоторые читатели почувствовали себя оскорбленными, что однажды вылилось в обращенный ко мне упрек: «Это же Ветхий Завет какой-то!» Против столь ужасного приговора возразить нечего (хотя вряд ли тот читатель далеко продвинулся по книге, прежде чем был окончательно сражен этой убийственной аналогией). Конечно, «Сильмариллион» предназначался для того, чтобы непосредственно затрагивать сердце и

воображение, и не требует чрезвычайных усилий или каких-то незаурядных способностей; однако ему присущ особый лад, и потому сомнительно, чтобы какой-либо «подступ» мог сильно помочь тому, кто считает эту книгу недоступной.

Есть и третье соображение (которое профессор Шиппи выдвигает в другом месте):

> «[*Властелину Колец*], подобно *Беовульфу*, в полной мере свойственно «ощущение глубины», возникающее, как и в старом эпосе, благодаря вкрапленным в него песням и отступлениям, вроде лэ Арагорна о Тинувиэль или упоминания Сэмом Сильмариля и Железной Короны, рассказа Эльронда о Кэлэбримборе и множества других. Однако это ощущение является свойством именно *Властелина Колец*, но не вставных историй. Рассказывать их отдельно от обрамляющей повести и ожидать, что они сохранят свое очарование, было бы ужасной ошибкой — ошибкой, которую Толкин воспринял бы болезненнее кого-либо другого. Как он писал в поясняющем письме от 20-го сентября 1963 года:

«Меня терзают сомнения относительно этой затеи [написать *Сильмариллион*]. Часть притягательности ВК возникает, как я полагаю, благодаря отблескам мощного исторического пласта, служащего повествованию фоном и приковывающего внимание подобно неизвестному острову на горизонте или башням далекого города, отблескивающим на солнце сквозь дымку расстояния. Приближение разрушает волшебство, если только при этом не открываются новые дали» (*Письма*, с. 333).

Приближение разрушает волшебство. Что же до явления новых далей, то проблема, над которой Толкин, должно быть, не раз ломал голову, заключается в том, что во *Властелине Колец* Средиземье уже старо и обременено оставшейся позади историей. *Сильмариллион* же, в его полном варианте, был призван начать с самого начала. Но как можно создать ощущение глубины, когда ты уже опустился на самое дно?»

Цитированное здесь письмо определенно сви-

детельствует, что отец воспринимал (следует, наверное, уточнить: временами воспринимал) все это как серьезную проблему, которая для него не была новой: еще во время работы над *Властелином Колец*, в 1945 году, он писал мне (*Письма*, с. 110):

> «История должна быть рассказана, иначе это не история, однако сильнее всего действуют именно нерассказанные истории. Я думаю, упоминание о *Кэл-эбримборе* тронуло тебя потому, что оно вызывает острое ощущение бесконечности, свойственное всем *недосказанным* историям: далекие горы, на которые никогда не взберешься, темнеющий на горизонте лес, которого (как дерево Нигля) никогда не достигнешь, — а если достигнешь, он становится всего лишь соседней рощей…»

Суть дела точно иллюстрируется песней Гимли в Мории, в которой бесконечно отдаленным эхом древнего мира звучат великие имена:

> *«Был светел мир тех древних дней,*
> *Величье древних королей*

Еще хранило Нарготронд
И Гондолин в тиши времен».

(Перевод А. Дубининой)

— Здорово! — восхитился Сэм. Я бы выучил. «О, Мория! О, Казад Дум!» Эх, как представишь все эти огни, темнота еще горше становится..»

Этим своим «Здорово!» Сэм не только опосредует (и «присэмляет») высокое — могучих королей Нарготронда и Гондолина, Дурина на его резном каменном троне, — но и относит их еще дальше, в волшебную даль. И в этот миг кажется, что волшебство развеется, только тронь его.

Профессор Шиппи говорит, что «рассказывать [те истории, которые лишь упомянуты во *Властелине Колец*] отдельно от обрамляющей повести и ожидать, что они сохранят свое очарование, было бы ужасной ошибкой». Ошибка, по всей видимости, заключается не в том, чтобы вообще рассказывать истории, а в том, чтобы питать относительно них такие иллюзии. Отец в 1963 году явно представляется профессору Шиппи ломающим голову, стоит или нет браться за перо, ибо слова письма: «Меня терзают сомнения относительно этой затеи» профессором истолкованы как «затеи написать *Сильмариллион*». Но, говоря

это, отец ни в коей мере не имел в виду собственно произведение, которое в любом случае было уже написано, а по большей части и неоднократно переделано (аллюзии во *Властелине Колец* не иллюзорны).

Настоящий вопрос, дает он понять в том же письме немного выше, заключался для него в том, как представить произведение читателю после выхода в свет *Властелина Колец*, когда, как он полагал, лучшее время уже упущено:

> «Я по-прежнему боюсь, что публикация потребует огромного труда, а я вожусь слишком медленно. Легенды надо переработать и согласовать друг с другом (они создавались в разное время, некоторые — много лет назад), увязать с ВК и внести в них некую последовательность. Простые приемы вроде путешествия или поиска здесь уже непригодны.
>
> Меня терзают сомнения относительно этой затеи…»

Когда после его смерти возник вопрос о публикации «Сильмариллиона» в той или иной форме, я не придал значения этим сомнениям. Эффект «отблесков мощного исторического пласта, слу-

жащего повествованию фоном» во *Властелине Колец* неоспорим и чрезвычайно важен, но я не думал, что эти «отблески», использованные в нем с таким мастерством, будут препятствовать любому дальнейшему углублению в этот пласт.

Литературное «ощущение глубины, возникающее., благодаря вкрапленным в него [*Властелин Колец*] песням и отступлениям» не может служить критерием оценки произведения, выполненного в совершенно ином стиле: это означало бы рассматривать историю Древних Дней прежде всего или даже исключительно с точки зрения ее ценности как художественного приема, использованного во *Властелине Колец*. Так же не стоит механически относиться к приему возвращения в выдуманное прошлое, к смутно обрисованным событиям, чья прелесть заключается в этой самой смутности, как будто более полный рассказ о могущественных королях Нарготронда и Гондолина предполагал бы опасное приближение ко дну колодца, в то время как подробное повествование о Творении означало бы касание этого дна и окончательную утрату ощущения глубины — «когда ты уже опустился на самое дно».

На самом деле все совсем не так, вернее, не совсем так. «Глубина», о которой речь, подра-

зумевает лишь взаимосвязь между разными временными слоями или уровнями одного и того же мира. Невообразимая древность незапамятных времен будет обязательно и непрерывно ощущаться при условии, что у читателя есть место, наблюдательный пункт *в воображаемой истории*, с которого он смотрит в прошлое. И этот необходимый наблюдательный пункт возникает благодаря уже тому обстоятельству, что *Властелин Колец* вызывает мощное, физически воспринимаемое ощущение потока времени, гораздо более мощное, чем способны создать голая хронология или список дат. Чтобы прочесть *Сильмариллион*, следует представить себя в Средиземье конца Третьей Эпохи, добавив к Сэмову «Здорово!» желание узнать обо всем этом побольше. Более того, приданная *Сильмариллиону* сжатая форма, его очерковая манера вместе с намеками на стоящие за ним века поэзии и познания создают ощущение «нерассказанных преданий» даже по ходу изложения этих преданий, постоянно удерживая необходимую дистанцию. Повествование разворачивается неспешно, читателя не гнетет предчувствие того, что вот-вот что-то случится. Самих Сильмарилей мы на самом деле не видим, как видели Кольцо.

Создатель «Сильмариллиона» (используя его собственные слова об авторе *Беовульфа*) «рассказывает о делах далеких и исполненных печали, и его искусство вонзает в сердце острие давнего и непоправимого горя».

Как теперь стало окончательно ясно, у отца было большое желание опубликовать «Сильмариллион» вместе с Властелином Колец. Я не касаюсь вопроса об осуществимости и целесообразности этого в то время, так же как не строю никаких предположений о последующей судьбе такой объемистой и разноплановой тетралогии или квадрилогии, или о разных планах, которые мог бы строить отец после того, — ибо дальнейшее развитие собственно «Сильмариллиона», истории Древних Дней, было бы прекращено. Однако с посмертной публикацией «Сильмариллиона» почти четверть века спустя естественный порядок представления «средиземских дел» оказался поставленным с ног на голову. Весьма спорно благоразумие решения опубликовать в 1977 году версию первоначального «легендариума» как самостоятельное и самодостаточное произведение. Книга, не сопровождаемая хотя бы намеком, что это такое и откуда (в том, вымышленном мире) взялось, повисла в пустоте. Сегодня

я полагаю эту публикацию ошибкой.

В уже цитировавшемся письме 1963 года отец размышляет о форме, в которую могли бы быть облечены легенды Древних Дней. Исходный вариант, представленный *Книгой Утраченных Сказаний*, где человек по имени Эриол, совершив великое путешествие через океан, попадает на остров, населенный эльфами, и из уст обитателей острова узнает их историю, в конечном итоге отпал. Когда в 1973 году отец умер, «Сильмариллион» все еще находился в характерном для незавершенной работы состоянии: первые главы были серьезно исправлены или вообще переписаны, а заключительные застыли в том виде, в котором были оставлены двадцать лет назад. В самых последних исправлениях текста нет никакого указания или намека на повествовательное обрамление, в которое их предполагалось поместить. Мне кажется, в конце концов отец, так ничего и не придумав, склонялся к тому, чтобы вообще ничего не объяснять, кроме того, когда и кем в Средиземье были записаны эти предания.

В первом издании *Властелина Колец* Бильбо в Ривенделле в качестве прощального дара преподносит Фродо «несколько книг преданий и песен, плод многолетнего труда; листы были

тесно исписаны его мелким почерком, а на красных обложках красовались ярлыки: "Перевод с эльфийского Б.Б."». Во втором издании (1966) «несколько книг» стали «тремя книгами», а в примечании *О летописях Хоббитании*, добавленных в этом издании к Прологу, говорится, что содержание «трех томов, переплетенных в красную кожу» сохранилось в Алой Книге Западных Пределов, записанной в Гондоре, в 172 году Четвертой Эпохи королевским писцом Финдэгилем, а также что:

«Эти три тома — работа, потребовавшая великого мастерства и учености, в которой… [Бильбо] использовал все доступные ему в Ривенделле источники, письменные и устные. Поскольку они рассказывают почти исключительно о Древних Днях, Фродо их почти не использовал, и больше они здесь не упоминаются».

В Полном путеводителе по Средиземью Роберта Фостера говорится, что «*Квэнта Сильмариллион* — это, несомненно, один из *Переводов с эльфийского* Бильбо, сохранившихся в Алой Книге Западных Пределов». Мне тоже кажется, что «книги преданий», которые Бильбо подарил Фродо, в конце концов должны были оказаться «Сильмариллионом». Но поскольку кроме проци-

тированного выше отрывка в сочинениях отца на этот счет вроде бы ничего не говорится, то я не осмелился принять на себя ответственность и определенно высказать то, что лишь подозревал — и, как мне сейчас кажется, напрасно.

Что касается «Сильмариллиона», передо мной было три пути. Я мог неопределенно долго откладывать его публикацию на том основании, что это незавершенное произведение, не свободное от противоречий. Мог принять эту работу как есть и, цитируя свое предисловие к ней, «попытаться представить все разнообразие материалов, чтобы показать «Сильмариллион» как творческий процесс, последовательно развивавшийся на протяжении более чем полувека». В этом случае, как я писал в *Неоконченных Сказаниях* (с. 1), он выглядел бы «как комплекс ветвящихся текстов, связанных между собой комментариями» — предприятие, более грандиозное, чем может показаться из этих слов. В итоге я выбрал третий путь — «выработать единый текст, отбирая и упорядочивая фрагменты таким образом, чтобы получить наиболее последовательное и внутренне согласованное, на мой взгляд, повествование». После того как это решение, наконец, было принято, вся редактор-

ская работа — моя и помогавшего мне Гая Кэя — была направлена на то, чтобы в соответствии с указанием отца в письме 1963 года «легенды… переработать и согласовать друг с другом… [и] увязать с *Властелином Колец*». Так как целью являлось представление «Сильмариллиона» в виде «законченного и единого целого» (хотя по природе своей он вряд ли позволял добиться этого в полной мере), то и в опубликованной книге не оказалось никакого введения во все перипетии его истории.

Как бы ни оценивать все это, результат, которого я никак не предвидел, заключался в том, что к запутанности самого «Сильмариллиона» добавилась неопределенность его возраста. Камнем преткновения и источником многих недоразумений стали вопросы о том, рассматривать ли его как «раннего» или «позднего» Толкина, или как их смесь в какой-то пропорции; какова степень редакторской правки, перестановок (или даже дописывания). Профессор Рэндел Хелмс в книге *Толкин и Сильмарили* (с.93) поставил вопрос таким образом:

«Любой, кто подобно мне интересуется развитием *Сильмариллиона*, захочет ознакомиться с *Неоконченными Сказаниями* — и не только

потому, что они интересны сами по себе, но и потому, что соотношение между ними и *Сильмариллионом* служит классическим примером к извечному вопросу литературоведения: что же на самом деле является литературным произведением? То, что создал (или намеревался создать) автор, или же то, что в конечном счете выходит из-под редакторского карандаша? Для действующего критика проблема становится особенно острой, когда (как произошло с *Сильмариллионом*) писатель умирает, не закончив работу, и оставляет разные версии некоторых ее частей, которые затем, в том или ином виде, публикуются. Какую версию критик должен считать «настоящей»?»

Он, однако, говорит также: «Кристофер Толкин в данном случае помог нам, честно признав, что *Сильмариллион* в доступном нам виде — творение не отца, но сына». Это серьезное недоразумение, причиной которого послужили мои слова.

Опять же, профессор Шиппи, принимая на с. 169 мои заверения в том, что в опубликованной версии остался «почти весь» «Сильмариллион» образца 1937 года, в другом месте, тем не менее, явно не желает видеть его ничем иным, как «поздним» или даже последним произведением

автора. В статье же Констанс Б. Хайетт «Текст *Хоббита*: разбирая пометки Толкина» (English Studies in Canada, VII, 2, Summer 1981) делается вывод: «на самом деле предельно ясно, что в тени *Сильмариллиона* мы никогда уже не сможем различить последовательные этапы развития авторского замысла».

Однако при всех сложностях и неясностях не вызывает сомнения тот очевидный факт, что для создателя Средиземья и Валинора все их эпохи, страны и обитатели взаимосогласованы и неразрывно связаны вне зависимости от художественной формы и от того, как преображались отдельные части замысла на протяжении всей его жизни. Он хорошо понимал, что многие, с удовольствием прочитавшие *Властелин Колец*, никогда не захотят видеть в Средиземье что-то большее, чем просто декорацию пьесы, и будут наслаждаться ощущением «глубины», вовсе не желая нырять до дна. Но эта «глубина» — не фокус, наподобие полки с декоративными книжными корешками, за которыми нет собственно книг; а квэнья и синдарин — это полноценные языки. Мы имеем полное право исследовать этот мир вне зависимости от литературоведческих соображений, и попытка самым подробным об-

разом выяснить его устройство, начиная с мифа о Сотворении, будет совершенно правильной. При этом каждый обитатель, каждая деталь выдуманного мира, уже в силу того, что они показались существенными его автору, достойны внимания: Манвэ или Фэанор ничуть не меньше, чем Гандалв или Галадриэль; Сильмарили не меньше, чем Кольца. Великая Музыка, иерархия божеств, обиталища валар, судьба Детей Илуватара являются деталями, необходимыми для восприятия целого. В принципе, такие исследования вполне законны; они основываются на отношении к вымышленному миру как к предмету наблюдения и изучения, который ничуть не хуже множества других предметов наблюдения и изучения в нашем слишком невымышленном мире. Опираясь именно на эти соображения и зная, что другие разделяют их, я подготовил сборник, получивший название *Неоконченные Сказания*.

Но авторское видение его собственного детища исподволь, постепенно смещалось, меняло очертания и расширялось. Только в *Хоббите* и *Властелине Колец* части творения и были запечатлены в книге при жизни творца. Поэтому исследовать Средиземье и Валинор — сложная задача: объект изучения не стабилен, но существует

во времени, так сказать, в продольном разрезе (при жизни автора), а не только в поперечном разрезе, как напечатанная книга, которая более не подвергается существенным изменениям. Публикацией «Сильмариллиона» «продольная» история была рассечена поперек, что придало ей подобие законченности.

Это довольно сумбурное обсуждение — попытка осветить основные мотивы, побудившие меня к опубликованию *Книги Утраченных Сказаний*. Она представляет первый этап «продольной» истории Средиземья и Валинора, когда мощное укрупнение географического масштаба, как бы растягивающее карту во все стороны от центра и отодвигающее Бэлэрианд все дальше на запад, было еще делом далекого будущего; когда и речи не шло о Древних Днях, завершившихся затоплением Бэлэрианда, ибо не было представления о других Эпохах; когда эльфы были все еще «фэери», и даже Румилю, ученейшему из н олдор, далеко до авторитетных мудрецов позднего Толкина. В *Книге Утраченных Сказаний* принцы нолдор — едва намечены, так же как Серые эльфы Бэлэрианда; Бэрэн — эльф, а не человек, и попадает он в плен к чудовищному коту, одержимому злым духом, — непосредственному предшественнику Саурона;

карлы (Dwarves) — недобрый народ; а историческая связь квэнья и синдарина представляется весьма непривычной. И это лишь несколько самых заметных деталей, полный же их перечень был бы слишком длинным. С другой стороны, уже возникает твердая опора, пригодная для дальнейшего использования. Более того, история истории Средиземья редко шла путем исключения тех или иных эпизодов — гораздо чаще легенды подвергались деликатной трансформации, наподобие той, которая возникает при пересказе предания множеством поколений людей. Именно так история Нарготронда соприкоснулась с историей Бэрэна и Лутиэн, — соприкосновение, на которое в *Книге Утраченных Сказаний* нет даже намека, хотя обе повести в ней присутствуют.

Книга Утраченных Сказаний была начата отцом в 1916—17 годах, во время Первой мировой войны, когда ему было двадцать пять лет, и оставлена незавершенной несколькими годами позже. Она служит отправной точкой истории Валинора и Средиземья, по крайней мере, если говорить о полноформатных произведениях. Однако, прежде чем *Сказания* были закончены, отец обратился к сочинению поэм — *Лэ о Лэйтиан* (история Бэрэна и Лутиэн) в обычных рифмованных

строфах и *Дети Хурина* в технике аллитерационного стихосложения. Повторно работа над мифологией в прозе началась с новой отправной точки[12] — весьма краткого конспекта, или «Наброска», как его называл отец, написанного в 1926 году и предназначенного служить лишь в качестве фона, необходимого для понимания второй поэмы. Дальнейшая прямая линия развития прозаической формы ведет от «Наброска» к «Сильмариллиону», который был почти готов к ноябрю 1937 года, когда отец оборвал работу над ним, чтобы отослать — как есть — в издательство Allen and Unwin. Существуют, однако, важные ответвления и вспомогательные тексты, созданные в 30-е годы, такие как *Анналы Валинора* и *Анналы Бэлэрианда* (фрагменты которых сохранились также в переводе на древнеанглийский, сделанном Эльфвине (Эриолом)), принадлежащее Румилю космологическое описание, называемое *Амбарканта*, [12] «Очертания Мира», и *Ламмас*, или «Описание языков» Пэнголода из Гондолина. После этого история Первой Эпохи была отложе-

12 Примечания: 12

Только в случае *Музыки Айнур* имеет место прямое развитие, от рукописи к рукописи, от *Книги Утраченных Сказаний* к более поздним вариантам; ибо *Музыка Айнур* вычленялась из мифологии и развивалась как независимое произведение.

на на многие годы, до завершения работы над *Властелином Колец,* но непосредственно перед публикацией последнего отец с большой энергией вернулся к «Сильмариллиону» и связанным с ним произведениям.

Двухтомник *Утраченных Сказаний* станет, как я надеюсь, началом серии, в которой история продолжится этими более поздними произведениями в стихах и прозе. В надежде на это я снабдил книгу серийным заголовком, рассчитанным на то, чтобы под него подходило всё, что может появиться в дальнейшем, хоть я и опасаюсь, что «История Средиземья» может звучать чересчур амбициозно. В любом случае данный заголовок не предполагает «Истории» в обычном смысле слова. В мои намерения входит публикация законченных или почти законченных текстов, так что книги будут больше похожи на ряд переизданий. Главной целью я ставил себе не распутывание каждой отдельной ниточки, а ознакомление читателей с теми произведениями, которые могут и должны восприниматься как целостные.

Мне всегда было крайне интересно следить за развитием этой долгой истории, и я надеюсь, что те читатели, кому по душе такого рода

штудии, разделят этот интерес к коренным ли трансформациям сюжета и космологии или к такой детали, как явление остроглазого Лэголаса Зеленого Листа еще в сказании о *Падении Гондолина*. Однако эти старые рукописи интересны не только для выяснения источников замысла. Здесь можно найти многое такое, от чего отец не отказывался окончательно (насколько это вообще можно утверждать), ведь не следует забывать, что «Сильмариллион», ведя свое происхождение от «Наброска» 1926 года, писался как краткое изложение, конспект, излагающий суть гораздо более объемных произведений (будь то существующие или только задуманные). Откровенно архаичную манеру письма, избранную для этой цели, нельзя назвать напыщенной. Этот стиль полон достоинства и силы и как нельзя лучше подходит для выражения волшебной и загадочной сущности ранних эльфов, но легко оборачивается саркастической насмешкой над Мэлько или над занятиями Улмо и Оссэ. Последние временами выставляются в комическом свете и тогда описываются живым разговорным языком, который не вынес серьезности позднего «Сильмариллиона». Так, Оссэ, прикрепляя острова к океанскому дну, «носится… весь в пене, по

горло в море дел», утесы Тол Эрэссэа, обживаемые первыми птицами, «полнятся гомоном и запахом рыбы, а на уступах скал… собираются огромные птичьи базары»; когда же Прибрежные Эльфы, наконец, доставлены через океан в Валинор, Улмо, ко всеобщему изумлению, «едет позади в своей запряженной рыбами колеснице и громко трубит в знак посрамления Оссэ».

Утраченные Сказания так никогда и не достигли формы, которая показалась бы отцу подходящей для их опубликования, и даже не приблизились к ней. *Сказания* были экспериментальной и подготовительной работой. Затрепанные тетради, в которые они записывались, были отложены в дальний угол и годами не открывались. Превращение их в печатную книгу поставило перед редактором целый ряд щекотливых вопросов. Во-первых, сами по себе рукописи далеки от идеала — отчасти из-за того, что большая часть текста написана карандашом на скорую руку, и теперь местами предельно неудобочитаема, требуя лупы и большого, не всегда вознаграждаемого терпения. Кроме того, иногда отец стирал исходный карандашный текст и по тому же месту записывал исправленную версию чернилами. Поскольку в этот период

он чаще использовал сшитые тетради, а не отдельные листы, ему приходилось сталкиваться с нехваткой места, и тогда отдельные фрагменты сказания записывались посреди другой истории, что местами порождало повергающий в отчаяние текстовый вариант головоломки-паззла.

Во-вторых, не все *Утраченные Сказания* писались последовательно, одно за другим, следуя логике повествования. Отец неизменно начинал новую перестройку и переделку, не завершив работу над предыдущей версией. *Падение Гондолина* было сочинено первым из сказаний, поведанных эльфами Эриолу, а *Сказание о Тинувиэль* — вторым, однако события этих легенд происходят ближе к концу всей истории. С другой стороны, их сохранившиеся тексты — результат более поздних переделок. В некоторых случаях первоначальные варианты просто нечитабельны; в некоторых они сохранились полностью или частично. Иногда существует только предварительный набросок, а иногда связное повествование отсутствует вообще — есть только заметки и наметки. После многочисленных экспериментов я убедился, что нет другого разумного подхода, кроме как выстроить *Сказания* согласно последовательности событий.

И наконец, по мере развития *Сказаний* изменялись взаимоотношения, вводились новые концепции, а шедшая параллельно эволюция языков приводила к непрерывным изменениям в именах.

В издании, которое, подобно настоящему, останавливается на всех этих сложностях, не пытаясь их искусственно сгладить, и потому неизбежно является запутанным и нелегким для понимания, читатель ни на мгновение не остается наедине с текстом. Я попытался сделать *Сказания* доступными и последовательными, одновременно предоставив полное и точное описание реальной текстологической ситуации для тех, кому это интересно. Для этого я свел к минимуму число примечаний к текстам, руководствуясь следующими правилами:

— все многочисленные изменения имен фиксируются, но не отмечаются особо при каждом появлении в тексте, а собираются в конце сказания (ссылки на имена можно найти в Указателе);

— почти все примечания к содержанию текста сжаты и сведены в комментарий или короткий очерк, сопровождающий каждое сказание;

— почти все лингвистические комментарии (касающиеся, прежде всего, имен) собраны в

конце книги, в приложении «Имена и Названия в *Утраченных Сказаниях*», из которого можно почерпнуть богатую информацию относительно ранних стадий развития «эльфийских» языков;

— нумерованные примечания ограничиваются, главным образом, вариантами и разночтениями, обнаруживающимися в других текстах, так что читатель, не желающий беспокоить себя по этому поводу, может читать *Сказания* в уверенности, что это почти все, что он пропускает.

Комментарии охватывают ограниченный круг вопросов, затрагивая почти исключительно подоплеку того, о чем идет речь, в контексте самих *Сказаний* и в сравнении с *Сильмариллионом*. Я воздерживался от обсуждения параллелей, источников, взаимных влияний и почти полностью обошел молчанием сложности превращения *Утраченных Сказаний* в *Сильмариллион* (так как попытка обозначить этот процесс хотя бы пунктиром увела бы, я думаю, слитком далеко), рассматривая проблему упрощенно, как переход от одной фиксированной точки к другой. Я не претендую на абсолютную точность и правильность своего анализа; наверняка есть такие подсказки к решению головоломных загадок *Сказаний*, которые я пропустил.

Все тексты приводятся в виде, максимально близком к рукописи. Молча исправлялись только самые незначительные и очевидные ошибки; неуклюже построенные или грамматически несогласованные предложения, встречающиеся в тех фрагментах *Сказаний*, которые не продвинулись далее первого скорописного наброска, я оставлял как есть. Я дал себе большую волю в расстановке знаков препинания, ибо при быстром письме отец в пунктуации ошибался или пренебрегал ею вовсе. Кроме того, я позволил себе несколько упорядочить употребление прописных букв. Я принял, после некоторых колебаний, согласованную систему расстановки диакритических знаков в эльфийских именах. К примеру, отец писал: Palûrien, Palúrien, Palurien; Õnen, Onen; Kôr, Kor. Я же использую острый акцент вместо символов долготы, циркумфлексов, острых (а иногда и тупых) акцентов оригинального текста, но оставляю циркумфлекс в односложных словах — так, Palrúien, Ónen, но Kôr: это та же самая система, по крайней мере, внешне, что принята в позднем синдарине.

Напоследок замечу, хто издание *Книги Утраченных Сказаний* в виде двухтомника связано исключительно с ее объемом. Издание задумы-

валось как единое целое, и я надеюсь, что второй том увидит свет нс позже, чем через год после первого. Однако у каждого тома свой собственный указатель и приложение «Имена и названия в Утраченных Сказаниях». Второй том содержит Сказания, наиболее интересные во многих отношениях: *Тинувиэль*, *Турамбар* (Турин), *Падение Гондолина* и *Сказание о Науглафринге* (Ожерелье Карлов), а также наброски к *Сказанию об Эарэндэле* и заключительную часть работы, и, наконец, *Эльфвине из Англии*.

I
ДОМИК УТРАЧЕННОЙ ИГРЫ

[THE COTTAGE OF LOST PLAY]

На обложке одной из пришедших ныне в весьма потрепанный вид «Тетрадей для школы», в которых содержатся некоторые из*Утраченных Сказаний*, мой отец записал: «*Домик Утраченной Игры, введение к Книге Утраченных Сказаний*»; там же, на обложке, почерком моей матери проставлены инициалы Э.М.Т., и число, 12 февр. 1917 г. В эту тетрадь мать переписала повесть набело с чернового отцовского наброска, сделанного карандашом на отдельных листах, вложенных в ту же тетрадь. Таким образом, дату создания этой легенды можно отнести к периоду до зимы 1916—17 гг. (хотя, возможно, это не так). Переписанный начисто вариант в точности соответствует первоначальному тексту; последующие изменения, по большей части незначительные (в том, что не касается имен), вносились уже в чистовик. Текст приводится здесь в окончательном варианте.

Так случилось однажды, что некоего странника из дальних краев, наделенного великой любознательностью, желание узнать новые земли и обычаи живущих там неведомых народов увело на корабле далеко на запад, до самого Одинокого

Острова, или Тол Эрэссэа на языке фэери, гномы[прим.1] же называют его Дор Файдвэн, Земля Избавления, и достославное предание сложено о нем.

Как-то раз, после долгих странствий, когда во многих окнах засветились вечерние огни, пришел он к подножию холма на бескрайней лесистой равнине. Он был уже совсем близок к середине острова; немало дорог исходил он, останавливаясь на ночлег во встреченных поселениях, будь то маленькая деревушка или целый город, в час, когда зажигают свечи. В эту пору жажда нового стихает даже в сердце скитальца; тогда даже сын Эарэндэля, каковым и был этот странник, обращается мыслями скорее к ужину и отдыху и вечерним рассказам у огня перед сном.

Пока же стоял он у подножия невысокого холма, налетел легкий ветерок, и грачиный выводок пронесся над головою его в прозрачном, недвижном воздухе. Солнце уже зашло за ветви вязов, что росли на равнине насколько хватало глаз; последние золотые отблески уже погасли среди листвы и, тихо скользнув через поляны, задремали меж корней, чтобы видеть сны до рассвета.

Грачи же, криком возвестив о своем возвращении и стремительно развернувшись, слетели к

гнездовьям в ветвях высоких вязов на вершине холма. Тогда подумал Эриол (ибо так называли его впоследствии жители острова, что означает «Тот, кто грезит в одиночестве», о прежних же его именах в истории этой не говорится ни слова): «Близок час отдыха, и хотя не знаю я даже имени этому дивному на вид городу на холме, там стану искать я приюта и ночлега, и не пойду дальше до утра — может статься, что и утром не уйду я, ибо благоуханны здешние ветра, а место это радует глаз. Сдается мне, хранит сей город в сокровищницах своих и дворцах, и в сердцах тех, кто живет в пределах его стен, немало древних, чудных и прекрасных тайн».

Эриол же шел с юга, и прямая дорога лежала перед ним — с одной стороны огражденная высокой стеною серого камня, увитой поверху цветами; тут и там над стеною нависали огромные темные тисы. В просветах между ними увидел Эриол, идя по дороге, как засветились первые звезды — об этом впоследствии пел он в песне, что сложил в честь дивного города.

И вот оказался он на вершине холма, среди домов, и, словно бы случайно, свернул на извилистую улочку и прошел чуть ниже по западному склону холма — там привлек его взгляд

маленький домик с множеством аккуратно занавешенных окошек — однако сквозь занавеси пробивался теплый, ласкающий глаз свет, словно внутри царили радость и покой. Тогда сердце Эриола затосковало по доброй компании, и тяга к странствиям оставила его — повинуясь желанию более властному, он свернул к дверям этого домика и, постучав, спросил того, кто вышел открыть ему, как зовется этот дом и кто живет в нем. И услыхал в ответ, что это — Мар В**а**нва Тьялиэ**э**ва, или Домик Утраченной Игры, и весьма подивился Эриол такому названию. Живут же внутри, как сказали ему, Л**и**ндо и В**а**йрэ, что выстроили дом этот много лет назад, а с ними — немалая родня их, и друзья, и дети. Этому подивился Эриол больше, чем прежде, видя, сколь мал дом, но тот, кто открыл ему, проник в его думы и сказал так:

— Невелико это жилище, но еще меньше те, что живут в нем — ибо всякий входящий должен быть совсем мал, либо по желанию своему и доброй воле уменьшиться в росте, стоя на пороге.

Тогда отвечал Эриол, что с превеликой охотой вошел бы внутрь и просил бы на ночь гостеприимства у Вайрэ и Линдо, буде на то их согласие, и что не сможет ли он по желанию своему и доброй воле уменьшиться до необходимых размеров

здесь же, на пороге. Тогда сказали ему: «Входи», и Эриол ступил внутрь — и что же? — дом показался ему весьма просторным и восхитительным несказанно; и хозяин дома, Линдо, и жена его, Вайрэ, вышли приветствовать гостя, и радостнее стало у Эриола на душе, нежели когда-либо на протяжении всех его странствий, хотя с тех пор, как пристал он к Одинокому Острову, немало счастливых минут изведал он.

Когда же Вайрэ приветствовала его, как подобает, а Линдо расспросил гостя об имени его, и откуда пришел он, и куда держит путь, Эриол назвался Чужестранцем, и рассказал, что прибыл от Великих Земель[прим.2], а путь держит туда, куда уводит его тяга к дальним странствиям, в огромном зале накрыли стол для вечерней трапезы, и Эриола пригласили туда. В трапезной же, невзирая на лето, зажжены были три очага — один в дальнем конце комнаты и еще два по обе стороны от стола; если не считать их света, в тот миг, когда вошел Эриол, в зале царил мягкий полумрак. Но в этот миг многие вошедшие следом внесли свечи всех размеров и форм в причудливых подсвечниках — одни были из резного дерева, другие — чеканного металла. Их расставили как придется на главном столе и на

тех, что размещались по бокам.

В этот миг где-то в глубине дома громко и мелодично прозвучал гонг, и тотчас же вслед за тем зазвенел смех многих голосов и послышался топот маленьких ножек. Тогда сказала Вайрэ Эриолу, видя, что на лице его отразилось радостное изумление:

— Это — звук Т**о**мбо, Гонга Детей, что находится за пределами Зала Вновь Обретенной Игры; гонг звонит единожды, призывая сюда детей в час трапезы, для еды и питья, и трижды — призывая в Комнату Пылающего Очага, когда наступает время рассказов.

И добавил Линдо:

— Если при одном ударе гонга в переходе раздается смех и звук шагов, то вечерами, после трех ударов, стены сотрясаются от веселого хохота и топота. Это — счастливейший миг для Сердечка, Хранителя Гонга, как сам он уверяет, — а в старину изведал он немало радости, года же его невозможно счесть, так древен он, хотя по — прежнему весел душою. Он плыл на «В**и**нгилоте» вместе с Эарэндэлем в том последнем странствии, когда надеялись они отыскать Кор. Звук этого Гонга в Тенистых Морях пробудил Спящую в Жемчужной Башне, что стоит далеко на западе,

на Сумеречных Островах.

Жадно внимал Эриол этим словам, ибо казалось ему, будто новый, дивный мир открывается перед ним, и ничего более не слышал он, пока Вайрэ не пригласила его сесть. Тогда он поднял взгляд, и что же? — всю залу, все скамьи и стулья, что были в ней, заполнили дети, разные лицом, и ростом, и видом; а между ними там и тут разместились сотрапезники всех возрастов и нравов. В одном только все они были похожи: в каждом лице отражалось неизбывное счастье, озаренное радостным предвкушением новых восторгов и веселых минут. Мягкий свет свечей играл на лицах; он вспыхивал в золотых кудрях, мерцал на темных локонах, там и тут зажигал бледным пламенем седые пряди. Пока же оглядывался Эриол, все поднялись с мест и хором пропели песнь Внесения Снеди. Тогда внесли и расставили на столах яства и, наконец, все сели: и те, кто доставил блюда, и те, кто прислуживал, и те, что оставались на местах; хозяин и хозяйка, дети и гость; Линдо же благословил сперва еду и собравшихся за нею. Во время трапезы Эриол разговорился с Линдо и его женой и поведал им историю своей жизни, рассказал и о своих приключениях, особо же о тех, что пережил на

пути к Одинокому Острову, и, в свою очередь, расспросил их о дивном этом крае, более же всего — о чудесном городе, где оказался теперь.

И отвечал ему Линдо:

— Узнай же, что сегодня или, скорее, вчера ты вступил в пределы того края, что зовется Алалмин**о**рэ, или «Земля Вязов», гномы же называют его Гар Л**о**ссион, или «Край Цветов». Он считается срединной и прекраснейшей частью острова, первым же среди городов и деревень почитают К**о**ромас или, как некоторые зовут его, Корт**и**рион — тот самый город, где сейчас находишься ты. Поскольку стоит он в самом сердце острова и еще из-за высоты его могучей башни те, что говорят о нем с любовью, называют город Цитадель Острова или даже Цитадель Мира. Не только великая любовь тому причиной: весь остров обращается к здешним жителям за мудрым советом и наставлением, за песней и знанием; здесь же, в огромном *к**о**рине* вязов живет М**э**риль-и-Тур**и**нкви. (*Корин* же — это огромная изгородь в форме круга из камня, колючего кустарника или даже деревьев, внутри которой земля покрыта зеленым дерном). Мэриль происходит из рода **И**нвэ, прозванного гномами Инв**и**тиэль; он был Королем над всеми **э**льдар, в ту пору, когда жили они в Коре. Так

было встарь, еще до того, как, услышав плач мира, Инвэ увел народ свой в земли людей; но это — события великие и скорбные; о том же, как эльдар пришли на этот дивный одинокий остров, я, может статься, расскажу в другой раз.

Но, спустя много дней, **И**нгиль сын Инвэ, видя, что край этот радует глаз, остался здесь, а с ним — самые прекрасные и мудрые, самые веселые и великодушные из эльдар[прим.3]. В числе многих других сюда пришел мой отец В**а**лвэ, что отправился вместе с Н**о**лдорином на поиски гномов, а также и отец жены моей Вайрэ, Тулк**а**стор. Он был из народа **А**улэ, но долго прожил среди Прибрежных Флейтистов, солос**и**мпи, и потому пришел на остров одним из первых.

И вот Ингиль выстроил огромную башню[прим.4] и назвал город Коромас или «Приют Изгнанников Кора», однако из-за этой башни город ныне чаще называют Кортирион.

К этому времени трапеза подошла к концу; тогда Линдо наполнил чашу, а вслед за ним — Вайрэ и все собравшиеся в зале; но Эриолу он сказал так:

— То, что наливаем мы в чаши, зовется *л**и**мпэ*, напиток эльдар, юных и старых; благодаря ему сердца наши остаются молоды и песни рожда-

ются на устах; но напиток этот предлагать я не вправе: только Туринкви позволено давать его тем, что не принадлежат к народу эльдар. Вкусивший же его должен навсегда остаться с эльдар Острова — до тех пор, пока те не выступят в путь на поиски утраченных семейств этого народа.

Тогда Линдо наполнил чашу Эриола — но наполнил ее золотистым вином из старого бочонка гномов; и все поднялись с мест и осушили чаши «за Исход и за то, чтобы вновь зажглось Волшебное Солнце». Тут трижды прозвучал Гонг Детей, и в зале поднялся радостный шум, и в конце зала, там, где не было очага, распахнулись огромные дубовые двери. Многие взяли в руки со стола свечи, укрепленные в высоких деревянных подсвечниках, и подняли их над головою, прочие же смеялись и весело переговаривались промеж себя. И вот толпа расступилась в обе стороны так, что образовался проход, по которому прошли Линдо, Вайрэ и Эриол; когда же они переступили порог, остальные последовали за ними.

Теперь увидел Эриол, что находятся они в недлинном, широком переходе, стены которого до середины увешаны гобеленами; на гобеленах изображены были многие сюжеты, но в ту пору Эриол не знал, что означают они. Над гобелена-

ми, как показалось ему, висели картины, однако в полумраке Эриол не мог разглядеть в точности, ибо те, что несли свечи, держались позади, а впереди единственный источник света находился за открытою дверью: алый отблеск, словно от яркого пламени, играл на полу.

— Это Огонь Сказаний пылает в Каминной Комнате, — сказала Вайрэ, — он не гаснет весь год, ибо пламя это — волшебное, великая помощь от него рассказчику — но идем же туда, — и Эриол отвечал, что лучшего и желать не может.

Тогда все, смеясь и переговариваясь, вошли в комнату, откуда струился алый отсвет. Убранство комнаты радовало глаз — это можно было заметить даже в отблесках огня, что плясали на стенах и низком потолке, в то время как во всех углах затаились глубокие тени. Вокруг огромного очага разбросано было множество мягких ковриков и упругих подушек; а чуть поодаль стояло глубокое кресло с резными ножками и подлокотниками. И вот что почувствовал Эриол в тот раз, да и во всякий другой, когда входил туда в час рассказов, — сколь велико не было бы число собравшихся, комната всегда казалась как раз впору: просторна — но не слишком велика, мала — но не тесна.

И вот все, стар и млад, расселись кто где хотел, Линдо опустился в глубокое кресло, а Вайрэ — на подушку у его ног; Эриол же, наслаждаясь жаром алого пламени, невзирая на то, что стояло лето, вытянулся у самого очага.

Тогда молвил Линдо:

— О чем повести нам нынче речь? Поведать ли о Великих Землях и поселениях людей; о в**а**лар и В**а**линоре; о западе и его тайнах, о востоке и его славе, о юге и нехоженых его пустошах, о севере, мощи его и силе, либо об этом острове и обитателях его; либо о былых днях холма Кор, где жил некогда наш народ? Ибо нынче вечером мы принимаем гостя, путешественника великого и славного, сына Эарэндэля, как сдается мне, — так не поведать ли нам о дальних странствиях, о кораблях, о ветрах и море?[прим.5]

На расспросы эти одни отвечали одно, другие — другое, но, наконец, Эриол молвил:

— Прошу вас, если и прочим придется это по душе, поведайте мне на этот раз об острове, с особою же охотой послушал бы я об этом чудесном доме и славных его обитателях; ибо не видывал я дома прекраснее этого и не глядел на отроков и дев более милых.

Тогда молвила Вайрэ:

— Узнай же, что встарь, во времена Инвэ[прим.6](а об истории эльдар до того знаем мы немного) были в Валиноре дивные сады близ серебряного моря. У самых границ той земли находились они, хотя и недалеко от холма Кор; однако же из-за удаленности от солнечного древа Л**и**ндэлос там вечно царил словно бы летний вечер, кроме тех часов, когда в сумерках на холме зажигали серебряные светильники, и тогда яркие искорки, подрагивая и переливаясь, кружились в танце на дорогах и тропах, гоня прочь темные тени дерев. Тогда радовались дети, ибо чаще всего именно в этот час новый друг, бывало, приходил к ним по дороге, что называлась Ол**о**рэ М**а**ллэ или Тропа Снов. Говорили мне, хотя и не знаю, верить ли, будто дорога эта вела окольными путями к домам людей, но этой стезей сами мы никогда не следовали, когда уходили в ту сторону. По обе стороны ее высокие насыпи и огромные тенистые деревья, в кронах которых словно бы поселился неумолчный шепот; крупные светлячки мерцают тут и там на поросших травою обочинах.

К высоким решетчатым воротам тех садов, что в сумерках сияли золотом, вел путь грез; оттуда же извилистые тропинки, окаймленные самшитом, уводили к прекраснейшему из садов,

в глубине которого стоял белоснежный домик. Из чего построен он был и когда, никто не ведал, не ведают и сейчас, однако говорили мне, будто лучился домик мягким светом, словно сложен был из жемчуга; крыт был соломой, но соломой чистого золота.

По одну сторону от него густо разрослась белая сирень, а по другую возвышался раскидистый тис; из побегов его дети ладили луки, а по ветвям карабкались на крышу. Все сладкоголосые птицы, сколько их есть, пели в кустах сирени. Стены домика покосились от времени, и его бесчисленные решетчатые окошки приняли причудливые очертания. Говорилось, будто никто не жил в нем, но эльдар тайно и ревностно охраняли домик, чтобы никакое зло не коснулось его, и чтобы, однако, дети, играющие там на приволье, не ощущали опеки. То был Домик Детей или Игры Сна, а вовсе не Утраченной Игры, как неверно говорится в песнях людей — тогда ни одна игра не была еще утрачена; только ныне и здесь, увы, существует Домик Утраченной Игры.

То были дети, пришедшие сюда самыми первыми — дети праотцов людей. Из сострадания эльдар стремились направить всех, приходящих этой стезей, к домику и саду, чтобы не набрели

они, заплутав, на холм Кор и не были очарованы величием Валинора; ибо тогда они либо оставались там навсегда и велика была скорбь родителей их, либо возвращались назад и тосковали вечно, не зная тоске своей утоления — непонятые, странные, чуждающиеся детей человеческих. Нет, даже тех, что забредали еще дальше, к самому подножию скал Эльдамара и плутали там, любуясь красивыми ракушками, пестрыми рыбками, голубыми заводями и серебристой пеной морской, они уводили назад, к домику, ласково маня ароматом цветов. Однако были и такие, кому доводилось услышать вдалеке нежные трели флейт солосимпи, и они не играли с другими детьми, но взбирались к верхним окнам и все вглядывались в сумрак, тщась разглядеть за деревьями отблески далекого моря и волшебные берега.

В большинстве своем дети нечасто заходили в дом, но танцевали и играли в саду, сбирали цветы, гонялись за золотыми пчелами и бабочками с расцвеченными крыльями, — ими эльдар украсили сад детям на радость. И многие дети сдружились там — после, в земле людей, они встречали друг друга и любовь рождалась между ними; но об этом, верно, людям ведомо более,

нежели я в силах рассказать тебе. Однако были и такие, как уже говорила я, что слышали вдалеке свирели солосимпи, или те, что, вновь покинув сады, внимали звукам песен тэлэлли на холме; были и такие, что, даже побывав на холме Кор, возвращались после к домам своим, изумленные и восхищенные. Смутные воспоминания их, обрывки рассказов и слова песен породили многие странные предания, что долго радовали людей; может статься, радуют и по сей день, ибо эти дети становились поэтами Великих Земель[прим.7].

Когда же фэери покинули Кор, путь, о котором говорила я, перегородили высокие непроходимые скалы; и поныне, вероятно, можно видеть там опустевший домик и облетевший сад: там и пребывать им до той поры, когда, спустя немало времени после Исхода, если все сложится хорошо, дороги через Арвалин к Валинору заполонят толпы сынов и дочерей человеческих. Тогда же дети более не приходили в сад отдохнуть и повеселиться, и скорбь и тоска воцарились в мире, и люди почти перестали верить — и задумываться — о красоте эльдар и величии валар. Так было до тех пор, пока не явился некто от Великих Земель и не просил нас разогнать мглу.

Теперь, увы, путь сюда от Великих Земель для

детей не безопасен, но Мэриль-и-Туринкви согласилась внять его мольбе и избрала Линдо, моего мужа, чтобы тот измыслил какой-нибудь благой план. Линдо и я, Вайрэ, еще раньше взяли детей на свое попечение — тех немногих оставшихся, что побывали на холме Кор и навсегда остались с эльдар. И вот выстроили мы здесь при помощи добрых чар этот Домик Утраченной Игры: здесь хранят и повторяют древние предания и древние песни, здесь звучит эльфийская музыка. Время от времени наши дети вновь отправляются в путь на поиски Великих Земель и приходят к одиноким детям, и, когда сгущаются сумерки, что — то нашептывают им в спаленках при свете ночника или свечи, и утешают плачущих. Говорили мне, будто некоторые выслушивают жалобы тех, кого наказали либо выбранили, внимают их сетованиям и делают вид, будто принимают их сторону — по мне, помощь затейливая и забавная.

Однако не все, кого отсылаем мы, приходят назад, и весьма огорчает это нас, ибо отнюдь не из нелюбви эльдар не пускали детей к холму Кор, но тревожась о домах людей; однако в Великих Землях, как ты сам знаешь, есть красивые места и дивные края, что неодолимо влекут к себе; потому только при крайней необходимости от-

важиваемся мы отпустить наших детей. Однако большинство все же возвращаются — и немало историй и невеселых рассказов об их странствиях выслушиваем мы. Но вот и подошла к концу моя повесть о Домике Утраченной Игры.

Тогда молвил Эриол:

— Печален этот рассказ, но и отраден для слуха; теперь вспоминаются мне слышанные в раннем детстве слова отца. Издревле, говорил он, в роду нашем живет поверье, будто один из праотцов наших рассказывал, бывало, о чудесном доме и волшебных садах, о прекрасном горо — де и о музыке, исполненной несказанной красоты и тоски — говорил он, что ребенком видел все это и слышал, но где и как — осталось неизвестным. Всю жизнь свою не знал он покоя, словно полуосознанная тоска о неведомом владела им; говорится, будто умер он среди скал на пустынном берегу, в ночь, когда бушевала буря, — и что большинство детей его и внуков наделены с тех пор беспокойной душою; сдается мне, теперь-то я знаю истину.

И сказала Вайрэ, что, похоже, одному из предков его встарь удалось добраться до скал Эльдамара.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гномы* — Второй Род, *нолдоли* (впоследствии *нолдор*). Об употреблении слова *гномы* см. с. 43 [broken link: #UtraI_pg43]; о лингвистическом различии, проводимом здесь, см. с. ~50–51~.

2. «Великие Земли» — земли к востоку от Великого Моря. Термин «Средиземье» не встречается в *Утраченных Сказаниях* и впервые появляется только в сочинениях 1930-х годов.

3. В обоих манускриптах за словами «из эльдар» следует: «что же до благороднейших — то таких нет, ибо принадлежать к роду эльдар достаточно, чтобы считаться равным среди равных», но во втором манускрипте эти слова вычеркнуты.

4. Первоначальный вариант «огромный Т ирион» был изменен на «огромную башню».

5. Эта фраза, начиная от «сына Эарэндэля, как сдается мне» заменила в первоначальном манускрипте ранний вариант: «так не поведать ли нам о страннике Эарэндэле, кто, единственный из сынов человеческих, сообщался и с валар, и с эльфами, кто, единственный из народа своего, видел земли за скалой Таниквэтиль; кому назначено вечно вести свой корабль по небесной тверди?»

6. Первоначальный вариант был «еще до прав-

ления Инвэ», последующий — «в первые дни правления Инвэ» впоследствии был заменен на настоящий вариант.

7. Эта последняя фраза явилась добавлением ко второму манускрипту.

Изменения в именах и названиях в *Домике Утраченной Игры*

На момент создания повести ономастика пребывала в весьма неустойчивом состоянии, отчасти отражавшем стремительное развитие языков. В первоначальный текст вносились изменения; новый вариант в свою очередь тоже подвергался переработке на разных этапах, однако в нижеприведенных примечаниях нет необходимости уточнять в подробностях, когда и где именно. Имена приводятся в порядке очередности их упоминания в повести. Значки > и < означают «изменен на» и «изменен с».

*Дор **Ф**айдвэн (Dor Faidwen).* Название Тол Эр**э**ссэа на языке гномов менялось неоднократно: *Гар **Э**глос (Gar Eglos) > Дор **Э**длот (Dor Edloth) > Дор **У**сгвэн (Dor Usgwen) > Дор **У**свэн (Dor Uswen) > Дор **Ф**айдвэн*.

*Мар В**а**нва Тьялиэва (Mar Vanwa Tyaliéva)*. В первоначальном тексте было оставлено место для

названия на эльфийском языке, впоследствии заполненное *Мар В**а**нва Талиэва (Talieva)*.

Великие Земли. Повсюду в тексте сказания *Внешние Земли* заменены на *Великие Земли*. *Внешние Земли* впоследствии стало означать «земли к западу от Великого Моря».

*В**и**нгилот (Wingilot)* < *В**и**нгэлот (Wingelot)*.

*Гар Л**о**ссион (Gar Lossion)* < *Л**о**сгар (Losgar)*.

*К**о**ромас (Koromas)* < *К**о**рмас (Kormas)*

*М**э**риль-и-Тур**и**нкви (Meril-i-Turinqi)*. В первом варианте содержится только *Тур**и**нкви*, причем в одном случае оставлен пробел для имени собственного.

Инвэ (Inwë) < Инг (Ing) при каждом упоминании.

*Инв**и**тиэль (Inwithiel)* < *Гим-Г**и**тиль (Gim-githil)*, что в свою очередь возникло из *Г**и**тиль (Githil)*.

***И**нгиль (Ingil)* < *Инг**и**льмо (Ingilmo)*.

*В**а**лвэ (Valwë)* < *М**а**нвэ (Manwë)*. Возможно, что имя *М**а**нвэ* употреблено по отношению к отцу Вайрэ просто по ошибке.

*Н**о**лдорин (Noldorin)*. В первоначальном варианте значилось: «*Н**о**лдорин, коего гномы зовут Г**о**лдриэль*»; имя *Г**о**лдриэль (Goldriel)* было изменено на *Голт**а**дриэль (Golthadriel)*, а затем ссылку на соответствие из языка гномов вычеркнули, и

осталось только имя *Н**о**лдорин*.

*Тулк**а**стор (Tulkastor)* < *Тулк**а**ссэ (Tulkassë)* < *Тур**э**нбор (Turenbor)*.

*солос**и**мпи (Solosimpi)* < *солос**и**мпэ (Solosimpë)* при каждом упоминании.

*Л**и**ндэлос (Lindelos)* < *Линдэл**о**ксэ (Lindeloksë)* < *Линдэл**о**ктэ (Lindeloktë) Поющая Гроздь (Гл**и**нгол)*.

*тэл**э**лли (Telelli)* < *тэл**э**ллэ (Telellë)*.

***А**рвалин (Arvalin)* < *Х**а**рмалин (Harmalin)* < *Х**а**рвалин (Harwalin)*.

Комментарии к Домику Утраченной Игры,

В первоначальной мифологической концепции моего отца истории морехода Эриола отводилось центральное место. В те дни, как сам он вспоминал много позже в письме к другу Мильтону Уолдмену[13], основной целью его труда было удовлетворить потребность в специфически-, узнаваемо-*английской* литературе о «фэери»:

> «С самого раннего детства меня огорчала нищета моей собственной любимой

[13] Примечания: 13

Письма Дж. Р. Р. Толкина, под ред. Х. Карпентера, 1981, с.144. Письмо, скорее всего, было написано в 1951 г.

родины: у нее нет собственных преданий (связанных с ее языком и почвой), во всяком случае, того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в мифологии других земель. Есть эпосы греческие и кельтские, романские, германские, скандинавские и финские (последние произвели на меня сильнейшее впечатление); но ровным счетом ничего английского, ежели не считать дешевых изданий народных сказок».

В ранних версиях мифология увязывалась с древней легендарной английской историей; и, более того, намеренно ассоциировалась с определенными местами в Англии.

Эриол сам — близкая родня прославленных персонажей легенд северо-западной Европы, отправившись в плавание на запад через океан, наконец-то доплывает до Тол Эрэссэа, Одинокого Острова, где живут эльфы; и от них узнает «Утраченные Сказания Эльфинесса». Поначалу в структуре произведения ему отводилась роль более значимая, нежели (как стало впоследствии) человека позднейшего времени, который добрался до «земли фэери», там обрел

утраченное или потаенное знание и впоследствии изложил узнанное на своем языке: Эриолу предстояло войти в историю фэери в немаловажном качестве свидетеля гибели эльфийского Тол Эрэссэа. Элемент древней истории Англии или «исторической легенды» изначально являлся не просто обрамлением, обособленным от великих сказаний, впоследствии вошедших в состав «Сильмариллиона», но неотъемлемой частью финала. Разъяснения (насколько возможно что-либо разъяснить) по необходимости придется отложить до конца Сказаний; однако здесь нужно сказать по меньшей мере несколько слов об истории Эриола вплоть до его прибытия на Тол Эрэссэа и о первоначальной значимости Одинокого Острова.

Сюжетная линия Эриола, по сути дела, принадлежит к самым запутанным и неясным во всей истории Средиземья и Амана. Отец оставил *Утраченные Сказания*, так и не дойдя до конца, причем отказался и от первоначальных планов их завершения. Эти планы возможно восстановить по записям, однако карандашные наброски, сделанные наспех, на разрозненных листочках бумаги без датировки, либо в маленькой записной книжке (в которую, на протяжении многих

лет создания *Утраченных Сказаний*, отец заносил свои соображения и мысли (см. с. 171), со временем стерлись и поблекли, и местами с трудом поддаются расшифровке, даже после долгого изучения. Эти записи, в том, что касается «Эриола» или «английского» элемента, представляют собою короткие наброски, где ключевые повествовательные фрагменты, зачастую не особо связанные между собою, оформлены в нечто вроде списка, и в пределах его постоянно меняются.

Как бы то ни было, в планах, которые наверняка принадлежат к числу самых ранних, обнаруженных в записной книжке и озаглавленных «История жизни Эриола», мореход, приплывший на Тол Эрэссэа, соотнесен с преданием о вторжении в Британию Хенгеста и Хорсы (V в. н. э.). Этой теме отец посвятил немало времени и размышлений, а также курс лекций в Оксфорде; он же разработал ряд оригинальных теорий, особенно касательно появления Хенгеста в *Беовульфе*[14].

Из этих набросков мы узнаем, что первоначально Эриол носил имя ***Оттор***, но сам себя называл ***Вэфре*** (древнеанглийское слово, означающее «беспокойный, скиталец») и всю жизнь стран-

[14] Примечания: 14
Дж. Р. Р. Толкин, Финн и Хенгест, под ред. Алана Блисса, 1982.

ствовал по морям. Отец его звался ***Эох*** (слово из древнеанглийского поэтического вокабуляра, означающее «конь»); Эох был убит своим братом ***Беорном*** («воин» в переводе с древнеанглийского, однако первоначально слово это означало «медведь», так же, как и его эквивалент björn в древнеисландском; ср. оборотень Беорн в *Хоббите*). Эох и Беорн были сыновьями *Хедена*, «одетого в кожу и мех», а Хеден (как многие герои скандинавских легенд) вел происхождение от бога Бодена. В других черновиках содержатся иные увязки и комбинации, а поскольку история Эриола даже частично никогда не была записана в логически последовательном виде, имена эти имеют значение только для того, чтобы продемонстрировать направление мыслей моего отца на тот момент.

Оттор Вэфре поселился на острове Гельголанд в Северном море и женился на женщине по имени *Квен* (древнеангл. «женщина, жена»); у них родились двое сыновей, которых «в честь деда» назвали ***Хенгест*** и *Хорса*, «дабы отомстить за Эоха» (*hengest* — еще одно древнеанглийское слово, означающее «конь»).

Затем Оттора Вэфре охватила тоска по морю: он был одним из сыновей *Эарэндэля*, рожден-

ным под его лучом. Если луч Эарэндэля касается новорожденного, тот становится «сыном Эарэндэля» и странником. (Так, в *Домике Утраченной Игры* автор и Линдо называют Эриола «сыном Эарэндэля».) После смерти Квен Оттор покидает детей. Хенгест и Хорса отомстили за Эоха и стали великими вождями; но Оттор Вэфре отправился искать и найти Тол Эрэссэа, здесь названный на древнеанглийском *se uncúþa holm*, «неведомый остров».

В черновиках содержатся разнообразные сведения о пребывании Эриола на Тол Эрэссэа, отсутствующие в Книге Утраченных Сказаний; что до них, я сошлюсь только на утверждения о том, что «Эриол принял имя **А**нгол», и что гномы (позже нолдор, см. с. 38 [broken link: #UtraI_pg38]) назвали его Ангол «в честь его родного края». Безусловно, имеется в виду древняя родина «англов» до их миграции через Северное море в Британию: *Angel* или *Angul* в древнеанглийском, *Angeln* в современном немецком языке, область Датского полуострова между Фленсбургским заливом и рекой Шлей, к югу от нынешней границы Дании. От западного побережья полуострова до острова Гельголанд не так уж далеко.

В другом месте *Ангол* дается в качестве эквива-

лента имени *Эри**о**лло* на языке гномов; говорится, что и то, и другое — имена «области в северной части Великих Земель», «между морей», откуда приплыл Эриол». (Подробнее об этих именах см. далее под рубрикой *Эриол* в Приложении.)

Не следует думать, что эти записи во всех отношениях воспроизводят историю Эриола так, как отец задумал ее, сочиняя *Домик Утраченной Игры*, — как бы то ни было, там со всей определенностью говорится, что имя *Эриол* означает «Тот, кто грезит в одиночестве» и что «о прежних же его именах в истории этой не говорится ни слова» (с. 2). Но важно вот что (согласно моему представлению о самых ранних разработках, это, возможно, самое удачное объяснение крайне непонятных фактов): в момент написания ключевая мысль по- прежнему заключалась в следующем: *Эриол приплыл на Тол Эрэссэа от земель восточнее Северного моря*. Он жил в период, предшествующий англо-саксонскому завоеванию Британии (как мой отец и пытался представить дело, в силу собственных причин).

Позже имя Эриола сменилось на **Э**льфвине («друг эльфов»), мореход превратился в англичанина «англо-саксонского периода» английской истории, отправившегося за море на запад, к Тол

Эрэссэа: он отплыл из Англии в Атлантический океан; и из этой более поздней разработки возникает крайне любопытная история *Эльфвине из Англии*, которая будет приведена в конце *Утраченных Сказаний*. Но в самой ранней версии он не был англичанином из Англии; Англии в смысле «земля англичан» еще не существовало; ибо кардинально-важный элемент этой версии (со всей определенностью сформулированный в сохранившихся записях) состоит в том, что эльфийский остров, на который прибыл Эриол, и есть Англия — иначе говоря, острову Тол Эрэссэа в финале истории предстояло стать Англией, землей англичан. Коромас или Кортирион, город в центре Тол Эрэссэа, куда приходит Эриол в *Домике Утраченной Игры*, в последующие дни должен был превратиться в Уорик (Warwick) (причем элементы *Kor-* и *War-* этимологически связаны);[15] Алалминорэ, Земля Вязов, стала бы Уорикширом, а Тавробэль, где Эриол некоторое время гостил во время своего пребывания на Тол Эрэссэа, впоследствии соотнесся бы с Грейт-Хей-

[15] Примечания: 15

Великая башня, или *тирион*, построенная **И**нгилем, сыном **И**нвэ (с. 16), не идентифицирована с огромной башней Уорикского замка, однако наверняка в Коромасе появилась башня из-за того, что она была в Уорике.

вуд, деревней в Стаффордшире.

Ничего из этого в записанных Сказаниях буквально не сформулировано, и обнаруживается лишь в отдельных набросках; но кажется очевидным, что в момент написания *Домика Утраченной Игры* представления эти еще существовали (и, как я попытаюсь продемонстрировать в дальнейшем, лежат в основе всех *Сказаний*). Чистовик, переписанный моей матерью, датируется февралем 1917 г. С 1913 г. и вплоть до замужества в марте 1916 г. мать жила в Уорике и отец приезжал к ней в гости из Оксфорда; после свадьбы она на какое-то время обосновалась в Грейт- Хейвуд (к востоку от Стаффорда), поскольку деревня находилась поблизости от военного лагеря, где проходил службу отец, а по возвращении из Франции отец провел в Грейт-Хейвуд зиму 1916—17 гг. Таким образом, Тавробэль острова Тол Эрэссэа мог быть отождествлен с Грейт-Хейвуд никак не раньше 1916 г., а текст *Домика Утраченной Игры* был переписан начисто (и, вполне возможно, сочинен) именно там.

В ноябре 1915 г. отец написал стихотворение

Кортирион среди дерев, посвященное Уорику[16]. К первому переписанному начисто экземпляру стихотворения прилагается следующее прозаическое предисловие:

> «И вот некогда, после великих войн с Мэлько и гибели Гондолина, фэери поселились на Одиноком Острове, и в самой середине того острова возвели великолепный город в окружении дерев. И город тот назвали они Кортирионом, в память об исконной своей обители Кор в Валиноре, и еще потому, что сей город также стоял на холме, и была в нем огромная башня — высокая, сложенная из серого камня, отстроенная по повелению их владыки Ингиля, сына Инвэ.
>
> Прекрасен был Кортирион, и полюбили его фэери, и не иссякали в городе песни, и стихи, и сверкающие россыпи смеха, но вот однажды произошел Великий Исход, и вновь зажгли бы фэери Волшебное Солнце Валинора, кабы не предательство

[16] Примечания: 16

Три варианта этого стихотворения даны на с. 33–43. Стихотворение, написанное в Этапле (Па-де-Кале) в июне 1916 года и озаглавленное «Одинокий Остров», явственно обращено к Англии. См. Письма, с. 437, примечание 4 к письму 43.

и малодушие людей. Но так случилось, что Волшебное Солнце мертво, и Одинокий Остров перемещен ныне в пределы Великих Земель, а фэери разбрелись по широким и неприветным дорогам мира; и теперь люди обосновались на померкшем этом острове, и не ведают и не задумываются о древнем его прошлом. Однако же остались еще на острове иные из эльдар и нолдоли[17] былых дней, и песни их слышны на побережье той земли, что некогда была прекраснейшей обителью бессмертного народа.

И кажется фэери, как мнится и мне, — тому, кто знает город сей и часто бродил по искаженным его дорогам, — будто осень и листопад — то самое время года, когда тут и там, возможно, открывается сердце человеческое, и прозревает взор, сколь мало осталось в мире былого смеха и красоты. Задумайся о Кортирионе и опечалься — и все же неужто вовсе не осталось надежды?»

---

[17] Примечания: 17

Относительно различия между *эльдар* и *нолдор* см. с. 50–51.

И здесь, и в тексте *Домика Утраченной Игры* содержатся ссылки на события, которые на момент появления Эриола на Тол Эрэссэа относятся к будущему; и хотя подробное их изложение и толкование придется отложить до конца *Сказаний*, здесь необходимо пояснить, что «Исход» — это великий поход с Тол Эрэссэа на помощь эльфам, до сих пор скитающимся в Великих Землях — см. слова Линдо (с. 17): «до тех пор, пока те не выступят в путь на поиски утраченных семейств этого народа». В ту пору остров Тол Эрэссэа сдвинут был с места при помощи Улмо, и отделен от морского дна, и притянут ближе к западным берегам Великих Земель. В последующей битве эльфы потерпели поражение и укрылись на Тол Эрэссэа; на остров вторглись люди, и началось угасание эльфов. Последующая история Тол Эрэссэа — это история Англии, а Уорик — не что иное, как «искаженный Кортирион», сам по себе — напоминание о древнем Коре (в более поздних сочинениях превратившемся в Тирион на холме Туна, город эльфов в Амане; в *Утраченных Сказаниях* название Кор используется как по отношению к городу, так и к холму).

Инвэ, названный в тексте *Домика Утраченной Игры* «Королем над всеми эльдар, в ту пору, когда

жили они в Коре» — прообраз Ингвэ, короля эльфов ваньяр в *Сильмариллионе*. В предании, позже рассказанном Эриолу на Тол Эрэссэа, Инвэ вновь упоминается как один из трех эльфов, первыми отправившихся в Валинор после Пробуждения, подобно Ингвэ *Сильмариллиона*. Родня его и потомки звались ***И**нвир*, от них ведет свой род Мэриль-и-Туринкви, Владычица Тол Эрэссэа (см. с. 50). Ссылки Линдо на то, что Инвэ, услышав «плач мира» (т. е. Великих Земель), увел эльдар в земли людей (с. 16) — суть в зачаточном состоянии история похода Воинств Запада на штурм Тангородрима: «Воинство валар готовилось к битве; под белоснежными знаменами их выступили ваньяр, народ Ингвэ» (*Сильмариллион*, с. 251). Позже в *Сказаниях* (с. 129) Мэриль-и-Туринкви говорит Эриолу, что «Инвэ, старейший из всех эльфов, что и ныне жил бы в величии, не погибни он во время похода в мир; но Ингиль, сын его, давно возвернулся в Валинор и пребывает с Манвэ». С другой стороны, в *Сильмариллионе* об Ингвэ говорится, что «он вступил в Валинор [на заре дней эльфов], и пребывает у престола Стихий, и все эльфы чтят его имя; но он никогда не возвращался назад и никогда более не обращал взор свой к Средиземью» (с. 53).

Слова Линдо касательно пребывания Ингиля на Тол Эрэссэа «спустя много дней» и перевод названия его города Коромас как «Приют Изгнанников Кора» — это ссылка на возвращение эльдар из Великих Земель после войны с М**э**лько (М**э**лькором, М**о**ргото́м) за освобождение порабощенных нолдоли. Упоминание Линдо о его отце Валвэ, который «отправился вместе с Нолдорином на поиски гномов», соотносится с определенным элементом истории о походе из Кора[18].

Таким образом, важно отметить, что (если моя интерпретация событий в целом соответствует истине) в *Домике Утраченной Игры* Эриол попадает на Тол Эрэссэа *после* Падения Гондолина и *после* похода эльфов Кора в Великие Земли на победоносную войну с Мэлько, когда эльфы, принявшие в нем участие, уже вернулись из-за моря и обосновались на Тол Эрэссэа; однако *до* «Исхода» и *до* перемещения Тол Эрэссэа на место Англии в географическом плане. Этот последний элемент вскоре полностью исчез из эволюционирующей мифологии.

---

[18] Примечания: 18

История Эарэндэля, приведенная в самом конце *Сказаний*, прольет некоторый свет на упоминания Линдо о звоне Гонга в Тенистых Морях и о Спящей в Жемчужной Башне.

★

Говоря о самом «Домике», нужно сразу же отметить, что другие сочинения отца почти не проливают света на этот текст; от представления о детях, бывающих в Валиноре, отец отказался целиком и полностью, так что в дальнейшем упоминания практически не встречаются. Однако позже, в *Утраченных Сказаниях*, снова обнаруживаются ссылки на Олорэ Маллэ. После описания Сокрытия Валинора говорится, что по велению Манвэ (который весьма сокрушался о происшедшем) валар Оромэ и Лориэн проложили странные пути от Великих Земель до Валинора, и дорога, созданная Лориэном, — это Олорэ Маллэ, Тропа Снов; по этому пути, в те времена, когда «люди едва только пробудились на земле», «дети отцов отцов людей» приходили в Валинор во сне (с. 211, 213). Во второй части Сказаний содержатся еще два упоминания: рассказчица *Сказания о Тинувиэль* (девочка из Мар Ванва Тьялиэва) говорит, что видела Тинувиэль и ее мать своими глазами, «странствуя Путем Снов в давно минувшие дни», а рассказчик *Сказания о Турамбаре* уверяет, что «бродил по Олорэ Маллэ в те времена, когда еще не пал Гондолин».

Существует также стихотворение на тему *Домика Утраченной Игры*, содержащее немало описательных подробностей, отсутствующих в прозаическом тексте. Это стихотворение, согласно отцовским пометкам, было написано в доме № 59 по Сент-Джон-стрит, в Оксфорде (квартира Толкина на последнем курсе) 27–28 апреля 1915 г. (Толкину было 23 года). Стихотворение (как это водится со стихами!) существует в нескольких вариантах; каждый в деталях отличается от предыдущего, а финал стихотворения дважды переписывался полностью. Здесь я привожу стихотворение сперва в самом раннем варианте, а затем даю окончательный вариант, дату создания которого со всей определенностью установить невозможно. Подозреваю, что это существенно более поздняя переделка; возможно, переработанная заодно с прочими старыми стихами, когда готовился к печати сборник *Приключения Тома Бомбадила* (1962), хотя в письмах отца упоминаний об этом нет.

Первоначально стихотворение было озаглавлено *Ты и Я, и Домик Утраченной Игры [You and Me / and the Cottage of Lost Play]* (на древнеанглийском — *pæt húsincel ærran gamenes*); впоследствии заглавие изменилось на *Мар Ванва Тьялиэва, Домик*

Утраченной Игры; в окончательном варианте — *Приют Утраченной Игры: Мар Ванва Тьялиэва [The Little House of Lost Play: Mar Vanwa Tyaliéva]*. Разбивка стихотворных строк заимствована из текстов оригинала.

Ты и Я, и Домик Утраченной Игры

Мы там бывали — ты и я —
В иные времена:
Дитя, чьи локоны светлы,
Дитя, чья прядь темна.
(5) Тропа ли грез манила нас
От очага в метель,
Иль в летний сумеречный час,
Когда последний отблеск гас,
И стлали нам постель, —
(10) Но ты и я встречались там,
Пройдя дорогой Сна:
Темна волна твоих кудрей,
Мои — светлее льна.
Мы робко шли, рука в руке,
(15) Или резвились на песке,
Сбирали жемчуг и коралл,

А в кронах рощ не умолкал
Хор звонких соловьев.
В ведерки серебра набрав
(20) В затонах, подле валунов,
Мы убегали в царство трав,
Сквозь сонный дол, витым путем,
Что вновь уже не обретем,
Меж золотых стволов.
(25) Не схож ни с ночью и ни с днем
Лучистый сумрак той поры,
Когда открылся взгляду Дом
Утраченной Игры:
Отстроен встарь из белых плит
(30) И золотой соломой крыт,
Ряд створчатых окон глядел
На море с высоты.
И здесь же — наш ребячий сад:
Редис, горчица, кресс-салат,
(35) И незабудки, и люпин —
Душисты и густы.
Самшит кустился вдоль дорог,
А дальше — наш любимый дрок,

Алтей, дельфиниум, вьюнок
(40) И алых роз кусты.
Не счесть теней среди аллей,
Не счесть в пижамках малышей,
А с ними — я и ты.
Кто норовил друзей облить
(45) Из леек золоченых,
Кто собирался возводить
Дома, помосты в кронах,
Чертогов купола.
Кто догонял цветных стрекоз,
(50) Кто напевал себе под нос,
Кто с чердака глядел на двор,
Кто плел ромашковый убор,
Кого игра звала.
Но тут и там два малыша,
(55) По-детски важно, не спеша,

Вели серьезный детский спор[19], —
И мы — из их числа.
Но отчего седой рассвет
Нас вспять стремился увести,
И отчего возврата нет
К тому волшебному пути
Вблизи береговой черты,
От пенных волн — в чудесный сад
Вне расставаний и утрат, —
Не знаем я и ты.

(Перевод С. Лихачевой)

Вот окончательный вариант стихотворения:

Приют Утраченной Игры

Мар Ванва Тьялиэва

Мы там бывали — нам с тобой
знакома та страна:

---

[19] Примечания: 19

Эти слова перекликаются со строчками из стихотворения Фрэнсиса Томпсона «Дэйзи»:
Two children did we stray and talk
Wise, idle, childish things.
[Двое детей, мы бродили и вели мудрые, праздные, детские разговоры.]
Отец приобрел сочинения Фрэнсиса Томпсона в 1913 и 1914 гг.

дитя, чей локон — золотой,
дитя, чья прядь темна.
(5) Тропа ль раздумий нас вела
от очага в метель,
иль в летний сумеречный час,
когда последний отблеск гас,
и стлали нам постель, —
(10) но повстречаться довелось
нам на дорогах Сна:
темна волна твоих волос,
мои — светлее льна.
Мы робко шли, рука в руке,
(15) след оставляя на песке,
сбирали жемчуг и коралл,
а в кронах рощ не умолкал
хор звонких соловьев.
В ведерки с серебром поймав
(20) лучистый блик морских валов,
мы убегали в царство трав,
сквозь сонный дол, витым путем,
что впредь уже не обретем,
меж золотых стволов.

(25) Не схож ни с ночью и ни с днем
извечный вечер той поры,
когда впервые нам вдвоем
открылся Дом Игры:
отстроен вновь, но стар на вид,
(30) и золотой соломой крыт;
ряд створчатых окон глядел
на море с высоты.
И здесь же — наш ребячий сад:
редис к обеду, кресс-салат,
(35) и незабудки, и люпин —
душисты и густы.
Самшит кустился вдоль дорог,
а дальше — наш любимый дрок,
алтей, дельфиниум, вьюнок
(40) и алых роз кусты.
Повсюду — детский говор, смех,
шум, — но особняком от всех
держались я и ты.
Кто норовил друзей облить
(45) из леек золоченых,
Кто собирался возводить

дома, помосты в кронах
и города средь трав.
Кто догонял цветных стрекоз,
(50) кто напевал себе под нос,
кто, в ожерелье из цветов,
кружился в танце вновь и вновь,
кто, на колени встав
пред принцем нескольких годков
(55) в венце из ярких ноготков
слагал строку к строкам.
Но двое, локоны смешав,
склонив головки, не спеша,
бродили по садам,
(60) за руки взявшись, — и о чем
шел разговор у них вдвоем —
известно только нам.

(Перевод С. Лихачевой)

Примечательно, что стихотворение называлось *Домик, или Приют Утраченной Игры*, в то время как описывается в нем Домик Детей в Валиноре близ города Кор; но это, по словам Вайрэ (с. 19), «Домик Игры Сна, а вовсе не Утраченной Игры, как неверно говорится в песнях людей».

Я не стану пытаться анализировать или разъяснять идеи, заложенные в стихотворениях о «Домике Детей». Читатель, как бы уж он их не проинтерпретировал, вряд ли нуждается в помощи для того, чтобы распознать личностно значимые, вполне определенные эмоции, лежащие в основе всего этого.

Как я уже говорил, концепция, согласно которой смертные дети во сне приходили в сады Валинора, вскорости была целиком и полностью отвергнута; в окончательно сформировавшейся мифологии для нее не нашлось бы места, а уж тем более для предположения, что в один прекрасный день в некоем обозримом будущем «дороги через Арвалин к Валинору заполонят толпы сынов и дочерей человеческих».

Точно так же вскорости исчезла вся «эльфийская» миниатюрность. Замысел Домика Детей уже существовал в 1915 г., как явствует из стихотворения *Ты и Я*, ив том же году, и даже в тех же самых числах апреля, было написано стихотворение *Шаги гоблинов* (или *Cumaþ þá Nihtielfas*), касательно которого в 1971 г. отец заметил: «Хотелось бы мне на веки вечные похоронить злосчастный стишок, воплощающий все то, что

я (очень скоро) пламенно возненавидел»[20]. Однако следует отметить, что в ранних набросках говорится, будто эльфы и люди в прошлом были «сходны ростом», и миниатюрность (а также прозрачность и расплывчатость) «фэери» — одно из следствий их «угасания» и напрямую связано с владычеством людей в Великих Землях. Но к этому вопросу я вернусь позже. В связи с этим, миниатюрность Домика представляется крайне странной, поскольку свойство это само по себе кажется чем-то особенным: Эриол, который на протяжении многих дней странствовал по Тол Эрэссэа, поражен тем, что жилище вмещает столь многих, и ему отвечают, что все входящие должны быть либо стать совсем малы. Но ведь Тол Эрэссэа — остров, населенный эльфами.

Далее я даю три варианта стихотворения *Кортирион среди дерев* [Kortirion among the Trees] (впоследствии *Древа Кортириона* [The Trees of Kortirion)). Сохранились самые ранние списки

[20] Примечания: 20

У отца спросили разрешения включить стихотворение в антологию, как уже прежде случалось не единожды. См. *Биографию* Х. Карпентера, с. 74. где приводится отрывок из стихотворения, а также библиографию в том же издании (за 1915 г.).

(ноябрь 1915 г.)[21], а также и множество последующих вариантов. Прозаическое введение к одному из ранних вариантов цитировалось на с. ~16–17~. Наиболее значительной переработке текст подвергался в 1937 г., еще одна последовала много позже; к тому времени стихотворение изменилось до неузнаваемости. Поскольку отец отсылал этот текст Реннеру Анвину в феврале 1962 г., предполагая включить его в сборник *Приключения Тома Бомбадила*, можно утверждать с большой степенью вероятности, что окончательный вариант относится именно к этому времени[22].

Сперва я привожу вариант 1937 года, в который вносились лишь незначительные изменения. В одном из самых ранних списков стихотворение озаглавлено на древнеанглийском *Cor Tirion þœra béama on middes* и «посвящено Уорику»;

---

[21] Примечания: 21

Согласно отцовским записям, стихотворение датируется 21–28 ноября 1915 г. и было написано в Уорике «во время недельного отпуска из военного лагеря». Информация не вполне точна, поскольку сохранились письма к моей матери, написанные из военного лагеря 25 и 26 ноября, и во втором из них отец утверждает, что «сделал карандашный список "Кортириона"».

[22] Примечания: 22

В письме отец говорил: «“Древа” — стихотворение слишком уж длинное и амбициозное, и даже если его сочтут неплохим, наверняка опрокинет лодку».

но в другой рукописи второе название дано на эльфийском (второе слово не совсем поддастся расшифровке): *Нарквэлион ла…ту алдалин Кортирионвэн* (т. е. «Осень (среди) деревьев Кортириона»),

Кортирион среди Деревьев

Первые Стихи

О град, что увядает на холме,
Где тает память прежних дней у древних врат,
Покров твой сед, и сердце в полутьме,
Лишь замок, хмурясь, как века назад,
(5) Все мыслит, как меж вязов навсегда
Уходит прочь Скользящая Вода,
И к морю запада спешит среди лугов,
Неся с собой сквозь водопадов шум
Года и дни — к воде без берегов;
(10) Не первый век потоком унесен
С тех пор, как фэери возвели Кортирион.
О островерхий град с холма ветров,

Чьи переулки вьются меж теней,
Где и сейчас, гордясь сиянием цветов,
(15) Павлины бродят в красоте своей, —
Равнина есть широкий пояс твой,
Омытая серебряной водой
Дождей и светом солнца; тысяча дерев
Который полдень тень бросает на траву,
(20) Который век хранит ветров напев.
Ты — фэери град в Вязовой Земле,
Алалминорэ из эльфийских королевств.
Кортирион, древа свои воспой!
Дубы и клены, тополь стройный твой,
(25) Поющий тополь и прекрасный тис,
Чьи дерева со стен взирают вниз,
Величье мрачное храня,
Пока мерцанье ранних звезд ночных
Не загорится в черных листьях их,
(30) Пока Медведицы Небесной семь лампад
Их сумрачных волос не озарят,
Короной увенчав смерть дня.

О, мира дольнего оплот!
Лишь лето знамя развернет —
(35) И вязы музыкой полны,
И в пенье их едва слышны
Других деревьев голоса.
Кортирион святой, о вязах пой —
Им лето полнит паруса собой,
(40) На гордых мачтах их листва растет,
Флот галеонов, величав, плывет
Сквозь солнечные небеса.

Вторые Стихи

Для острова, что увядает, сердце — ты,
Последние Отряды медлят здесь,
(45) Порою медленно проходят их ряды
Твоими тропами, и их тосклива песнь:
Святые фэери, эльфийский род,
Что меж деревьями танцует и поет
Самим себе — о том, что было и ушло.
(50) Они проходят и теряются в вет-

рах,

Волна в траве — и даже память унесло

О золотых летящих волосах,

О голосах как колокольчики в полях.

Есть радость у весны: светла она

(55) Среди дерев; но лето сонное к твоим

Ручьям порой нисходит, где слышна

Трель тайной флейты тоном водяным.

Высокий тонкий звон такой

Эльфийский колокольчик под рукой

(60) У ветра издает.

И лето, приходя глотнуть холодных чар,

Чертог из запахов и света создает;

Волшебный грустный отзвук в нем

Звенит далеким серебром.

(65) Тогда, о древний град, все дерева твои

Тихонько сетуют, и долог шепот их;

Для зачарованной ночи приходит срок,

Когда, как призрачный, мерцает мо-

тылек
Вокруг горящих тонких свеч,
(70) И обречен сияющий рассвет,
И солнечных касаний мягкий свет
На ароматной зелени лугов,
Когда приходит час трав и цветов
Под лезвие косы полечь.
(75) Октябрь печальный облачить роси-стый дрок
В сверкающие паутинки смог,
Укрытый тенью, умирает вяз,
Листва вздыхает, бледной становясь,
Увидев Зиму вдалеке
(80) И копья льда в ее руке.
Непобедимая, грядет она
Под солнцем Всех-Святых. И вот до дна
Испита чаша, вязов час пришел,
Крыла листвы летят, минуя дол,
(85) Как птицы, над седой водой в тос-ке.

Третьи Стихи

Но мне всего дороже время то,
С ним очень схож увядший город мой
Ушедшей пышностью, что не вернет никто,
Печали песней сладкой и святой,
(90) Что полнит эхом тихих троп туман,
Когда алмазным инеем зима
Одарит утро, осенив далекий лес
Тенями синими. Хрустальный сумрак твой —
Он фэери знаком во тьме небес,
(95) И в сумраке одежд их колдовских
Сияет тайна хладных звезд твоих.
Им время бриллиантовых ночей
Открыто — вязов обнаженных сном,
И кружевом Плеяд в руках у тополей,
(100) И лун златосияющим лицом.
Фэери, эльфов тающий народ
Тогда самим себе в ночи поет,

И ткется песнь о звездах и листах,
И танец кружит с ветром в сини крыл,
(105) И скорбь в свирелях их и голосах
Зовет людей: «Увидь, чего уж нет —
Кортириона солнце древних лет!»
О древний град, теперь древа твои
В туман вздымают головы свои,
(110) Как смутные плывущие суда,
В опаловое море навсегда
Уйдя из гавани теней;
И города людские далеки,
Порты, где веселились моряки,
(115) Покой оставлен — призраком ветров
Они, несомы к пустоте брегов,
В печальной красоте своей
Сквозь океан забвения летят.
Твои деревья наги, древний град,
(120) Утрачен летний пышный их наряд.
Медведицы Небесной семь лампад
Огнем прозрачно-восковым горят,

Над смертью года сея свет.
И только ветер в площадях пустых,
(125) И эльфы не танцуют среди них,
(Лишь иногда в лучах луны
Сверкают вспышки белизны) —
Но оставлять тебя нужды мне нет.

Последние Стихи

Мне нет нужды в дворцах алей огня,
(130) Где солнца дом, ни в островах морей,
В лесах сосновых, что уступы скал хранят,
Взирая с высоты на ширь полей;
Не тронет сердца моего и зов
Всех Королей Земных колоколов,
(135) Я обретаю то, что нужно мне,
В Земле иссохших Вязов, только здесь,
В Алалминорэ из эльфийских королевств,
Где сладким плачем кружат в тишине
Святые фэери, эльфийский род,

(140) Что, медля, самому себе печаль поет.

(Перевод А. Дубининой)

★

Далее я привожу текст стихотворения, переработанный отцом в 1937 г., в более позднем из слегка отличных друг от друга вариантов.

Кортирион среди дерев

I

О град, что увядает на холме,
Где медлят тени древние у врат,
Сед твой покров, и сердце в полутьме,
И башни молчаливо сторожат
(5) День разрушенья своего, пока
Меж вязов мчит Скользящая река
Все к морю меж цветущих берегов,
Неся с собой сквозь водопадов шум
Года и дни — к воде без берегов;
(10) И много лет ушло, как возведен
Был эльфами здесь град Кортирион.

Высокий град на ветреном холме,
В сплетенье улиц и в тени аллей,
Где неприрученные в тишине
(15) Павлины бродят в красоте своей;
Ты опоясан спящею землей,
Где сыплет дождь серебряной водой,
Под ним, мерцая, шепчутся всегда
Деревья древние, чья тень длинна,
(20) Чья песнь слышна бессчетные года;
Ты — город в Землях Вязов, что зовет
«Алалминорэ» весь эльфийский род.
Кортирион, древа твои пою:
Бук, иву топей тонкую твою,
(25) Твой хмурый тис, дождливый тополь твой,
Что во дворах все мыслят день-деньской
В величье сумрачном своем,
Пока мерцанье ранних звезд ночных Не просияет в черных кронах их,
(30) И белая луна, всплывая ввысь,
На призраки дерев не глянет вниз,

Дерев, что молча тают день за днем.
О Одинокий остров, раньше здесь
Был твой оплот, и лето пело песнь,
(35) И вязы музыкой полны,
И были ярко зелены
Шлемы древесных королей,
Кортирион благой, о вязах пой —
Им полнит лето паруса собой,
(40) Их мачты гордые пронзают свод, —
Флот галеонов, величав, плывет
По водам солнечных морей.

II

Для острова, что увядает, сердце — ты,
Последние Отряды медлят здесь;
(45) И до сих пор проходят их ряды
Твоей тропой; торжественна их песнь,
Священного народа древних дней,
Бессмертных эльфов, чей напев нежней
И обреченнее всего звучит о том,

(50) Что было и что будет — но в листве
И в травах прошумит он ветерком,
И вновь забудем мы о нежных голосах,
Подобных злату асфоделей волосах.
Когда-то радость здесь несла весна
(55) Среди дерев; но лето сонное к твоим
Ручьям склонялось тихо, где слышна
Свирель воды, напев к мечтам его весны,
Как долгий звук эльфийских голосов
В прозрении зимы сквозь шум листов;
(60) Со стен кивая, поздние цветы
Внимали беспокойной трели той
Из залов солнечных своих пустых;
И звук из света с чистым льдом
Звенел далеким серебром.
(65) Тогда склонялись дерева твои,
Кортирион, был грустен шепот их:
Дни прожиты, приходит ночи срок,
Когда как призрак вьется мотылек

Вокруг горящих тонких свеч;

(70) И обречен сияющий рассвет,

И солнечных касаний мягкий свет

На ароматной зелени лугов,

Когда приходит час трав и цветов

Под лезвие косы полечь.

(75) Когда октябрь холодный росный дрок

Одеть блестящей паутинкой мог,

То умирал укрытый тенью вяз,

Листва вздыхала, бледной становясь,

Увидев копья льда вдали

(80) В руках стальной зимы, грядущей вслед

За солнцем Всех-Святых. Отсрочки нет,

И на янтарных вянущих крылах

Летят листы чрез мертвый дол в ветрах,

Как птицы, над водой седой земли.

III

(85) И время то всего дороже мне,
Ведь с ним так схож увядший город мой,
Мелодией, что тает в тишине,
Сплетенной с грустью странной и святой,
Тумана прядями закрывшей путь.
(90) О, время сна и иней поздних утр,
И в ранней тени отдаленный лес!
Проходят эльфы, свет волос укрыв
Под капюшонами во мгле небес,
Лиловы и серы покровы их,
(95) Где вытканы свет холодных звезд ночных.
И под бездонным небом танцы их
Часты под вязов обнаженных сном,
Где взгляд луны среди ветвей нагих
И Семизвездья кружево огнем
(100) Мерцают сверху. О бессмертный род

Священных эльфов, что тогда поет
Прежде Рассвета сложенную песнь!
Тогда кружите вы среди ветров,
Как некогда в мерцании лугов
(105) До нас, в краю эльфийском, в давний век
До дня, как с моря вы пришли на смертный брег.
Кортирион седой, древа твои,
Как смутные плывущие ладьи,
Теперь вздымают главы сквозь туман,
(110) В опаловый безбрежный океан
Плывут, забыв причал теней,
И гавани с их шумом далеки,
Где раньше пировали моряки,
Покой забыт — как призраки ветров,
(115) Они несомы к пустоте брегов
Мерцающим теченьем много дней.
Наги твои древа, Кортирион,
Покров с костей их ветром унесен,
И семь Ковша небесного огней,
(120) Как в полутемном храме семь

свечей,
Венчают ныне мертвый год.
И улицы холодные пусты,
И танцы эльфов боле не часты,
Лишь звуки иногда в лучах луны
(125) Подземной мертвой музыки слышны.
Я встречу зиму здесь, когда она придет.
Мне нет нужды в дворцах алей огня,
Где правит Солнце, я не поплыву
К волшебным островам, и горы не манят
(130) Своею высотой, и не зовут
Меня колокола в ветрах дали
Ни одного из королевств Земли.
Ведь здесь пока еще цветут цветы,
Хоть в Землях Вязов часто грусть живет
(135) («Алалминорэ» их зовет эльфийский род),
И грусть мелодий сладких и святых
Народ бессмертный ткет, и дерева,

И камни — под покровом волшебства.

(Перевод А. Дубининой)

★

И, наконец, я привожу окончательный вариант стихотворения (вторую из двух слегка отличных друг от друга версий), сочиненный (как мне кажется) почти полвека спустя после первого.

Древа Кортириона

I

Алалминорэ

О древний град на ветровом холме,
Где тени медлят у разбитых врат,
Где седы камни, залы — в тишине,
И башни молчаливо сторожат
(5) День разрушенья своего, пока
Меж вязов мчит Скользящая Река
Все к морю меж цветущих берегов,
С собой неся сквозь водопада шум
Без счета дни — к воде без берегов;

(10) И много дней туда ушло, как возведен

Был эдайн древний град Кортирион.

Кортирион, седой венец горы,

В сплетенье улиц и в тени аллей,

Где важной поступью до сей поры

(15) Павлины бродят в красоте своей,

Когда-то среди дремлющей земли

Серебряных дождей, что с неба шли,

Где до сих пор старинные древа

В полдневный час дают густую тень

(20) И в быстром ветре шепчутся едва,

Была ты, Леди Вязовой Страны,

Высоким градом в годы старины.

Еще ты помнишь лето древ своих —

Ив у ручья и буков золотых;

(25) Дождливый тополь, тис печальный твой,

Что во дворах старинных день-деньской

В величье сумрачном скорбит,

Пока мерцаньем звезды не сверкнут,

Крыла летучей мыши не мелькнут,
(30) Пока, поднявшись, белая луна
Дерев волшебного не тронет сна,
Чей плащ ночной с тенями слит.
Алалминор, вот здесь был твой оплот;
Ко дню, как лето выступит в поход,
(35) Вставало вязов воинство твоих,
И зелены броня и шлемы их,
Высоких лордов среди древ.
Но лето тает. Зри, Кортирион!
У каждого из вязов парус полн
(40) Ветрами, и могучи мачты их,
Отплыть готовых кораблей больших
Ко дням иным вне солнечных морей.

II

Нарквэлион[23]

О сердце острова, Алалминор,

---

[23] Примечания: 23

С названием *Нарквэлион* (которое появляется также в эльфийском заглавии первоначального варианта стихотворения, см. с. 32) ср. *Нарквэлиэ* — «угасание солнца», квэнийское название 10-го месяца (*Властелин Колец*, прил. Г).

Отряды Верные всё медлят здесь,
(45) И путь их пролегает до сих пор
Твоей тропой; их величава песнь.
Перворождённые, Прекрасный род,
Бессмертных эльфов песенный народ,
Чья песнь — про скорбь и славу древних дней,
(50) Кто позабыт людьми — как ветра шум
В ветрах, в волне травы среди теней,
И вновь забыт людьми волос их свет,
Их голоса — зов дней, которых нет.
По травам ветер! Года поворот.
(55) Дрожь тростников у блещущей воды,
Деревьев шепот издали придёт,
Как сердце лета, смутные мечты
Пронзит холодный тонкий флейты звук
В провиденье зимы и мглы вокруг.
(60) И поздние цветы в разломах стен
Эльфийской флейты звука ждут, клонясь;

Сквозь солнечный чертог, древесный плен,

Кружась, приходит трель звенящим льдом

И отдается тонким серебром.

(65) Исходит год, отливы вод шумят,

Древа твои, Кортирион, скорбят.

И слышен звон точила по утрам,

И падает трава по вечерам Под косу, и наги поля.

(70) И запоздалый сумрачен рассвет,

И на лугах бледнее солнца свет.

Проходят дни. Как мотыльки вокруг свечи,

Мелькают крылья белые ночи,

Недвижен воздух, спит земля.

(75) Ламмас прошел, на убыль свет луны идет,

И Равноденствию осеннему черед;

И дрогнет напоследок гордый вяз,

Листва трепещет, бледной становясь,

Вдали завидев копья льда

(80) Зимы, грядущей с солнцем воевать,

—

К Дню Всех Святых ей время умирать.
И на янтарных вянущих крылах
Летят листы в безжалостных ветрах,
Как птиц упавших, примет их вода.

III

Хривион[24]

(85) О Леди Вязов, о Кортирион!
Увы, с тобою схоже время то,
Чей воздух грустным эхом напоён —
Нет призрачней, чем отзвук песни той,
Тумана прядями закрывшей путь.
(90) О увяданье, иней поздних утр
И в ранней тени отдаленный лес!
Незримы эльфы, свет волос укрыт
Под капюшоном в сумраке небес,
И ленты на покровах синих их
(95) Блестят узором хладных звезд ночных.

---

[24] Примечания: 24
Ср. с ***хривэ*** — «зима», *Властелин Колец*, прил. Г.

И под бездонным небом танец их
Творится ночью — в свете кружевном
От Семизвездья средь ветвей нагих,
Где лунный лик сияет серебром.
(100) О Старшие, бессмертный светлый род,
Что ныне песни древние поет,
Прежде рассвета, в свете первых звезд
Рожденные; тенями средь ветров
Кружите вы, как раньше меж лугов,
(105) До нас, в краю эльфийском, в давний век,
До дня, как с моря вы пришли на смертный брег.
Кортирион, теперь древа твои —
Как смутные плывущие ладьи,
Они вздымают главы сквозь туман,
(110) Стремясь вовне, в пустынный океан,
Прочь от портов теней,
И гавани с их шумом далеки,
Где раньше пировали моряки;
Покой забыт, как призраки ветров,

(115) Они несомы к пустоте брегов
Немым теченьем много дней.
Нага твоя земля, Кортирион,
Увяла пышность, ветром унесен
Покров дерев. Лишь только в тьме ночей
(120) Семь погребальных светятся свечей,
Венчая мертвый год Ковшом небес.
Зима пришла. Бесплоден небосвод.
Безмолвны эльфы — но не мертв их род:
Они конца лишь дней суровых ждут,
(125) Безмолвствуя. И я останусь тут,
Кортирион, я встречу зиму здесь.

IV

Мэттанье[25]

Я не нашел бы ни дворцов огня,
Где правит Солнце, ни снегов смертей,

---

[25] Примечания: 25

Слово *Мэттанье* содержит элемент *мэтта* — «окончание, конец», как в «Амбар-мэтта» — «Конец мира» (*Возвращение короля*, VI, 5).

И горы стран сокрытых не манят
(130) Искать к народу тайному путей;
И башенный не манит звонкий зов
Всех королевств земных колоколов.
Здесь — лес и камни под покровом чар,
Утрат бесценных, памяти благой
(135) Ценней, чем смертного богатства дар.
И род бессмертный жив в твоей земле,
Алалминорэ древних королевств.

(Перевод А. Дубининой)

★

Я завершаю комментарии примечанием по поводу употребления моим отцом слова *гномы* для обозначения нолдор, которые в *Утраченных Сказаниях* именуются *нолдоли*. Слово *гномы* отец использовал на протяжении многих лет; оно появляется даже в ранних изданиях *Хоббита*[26].

[26] Примечания: 26

В главе 3, *Краткая Передышка*, фраза «мечи Высоких Эльфов Запада» заменила вариант «мечи тех эльфов, коих ныне называют гномами»; а в главе 8, *Пауки и Мухи*, фраза «Туда отправились и прожили там не один век эльфы Света, и Глубокомудрые эльфы, и Морские эльфы» заменила вариант «Там эльфы Света, и Глубокомудрые эльфы (либо гномы), и Морские эльфы прожили там не один век».

В черновом варианте заключительного абзаца Приложения Е к *Властелину Колец* отец писал:

> «Я иногда (не в этой книге) использовал слово «гномы» для обозначения *нолдор* и язык гномов вместо *нолдорин*. Я счел это правомерным, поскольку, что бы уж там ни думал Парацельс (если он и впрямь изобрел это название), для некоторых слово «гном» по- прежнему ассоциируется с сокровенным знанием[27]. А нолдор — название этого народа на языке Высоких Эльфов — означает «Те, Кто Знают», поскольку среди трех родов эльдар нолдор с самого начала выделялись как знанием того, что есть и было в

---

[27] Примечания: 27

Речь идет о двух словах: (1) греческое *gnōme* — «мысль, разумение» (во множественном числе означающее «сентенции, пословицы», отсюда английское слово *gnome* (гнома) — сентенция, афоризм, и прилагательное *gnomic* (гномический)); и (2) слово gnome (гном), использованное автором XVI века Парацельсом в качестве синонима для pygmaeus (пигмей). Парацельс «говорит, что элементом существ, так называемых, является земля… сквозь которую они проходят беспрепятственно, как рыба сквозь толщу воды или птицы и земные твари сквозь воздух» («Оксфордский словарь английского языка», см. Gnomez). Согласно «Оксфордскому словарю», сам ли Парацельс придумал это слово или нет, предполагалось, что означает оно «подземные жители» и никоим образом не связано с первым омонимом. (Это примечание воспроизводится по Письмам Дж. Р.Р. Толкина, с. 449; см. письмо (№ 239), о котором идет речь).

мире, так и стремлением узнать больше. Однако они никоим образом не похожи на гномов как высоконаучных теорий, так и народных сказок; так что теперь я отказался от этого вводящего в заблуждение перевода. Ибо нолдор принадлежат к роду высокому и прекрасному, то — старшие Дети мира, ныне ушедшие. Были они статны, светлолицы и сероглазы, и темны были их кудри, кроме как в золотом доме Финрода…»

В *опубликованном* варианте последнего абзаца Приложения Е ссылки на «гномов» устранены; вместо них приводится пространное объяснение использования слова *эльфы* в качестве варианта перевода *квэнди* и *эльдар*, несмотря на умаляющий оттенок английского слова. Этот отрывок, где речь идет о квэнди в целом, повторяет формулировку черновика: «То был род высокий и прекрасный, и среди него эльдар, ныне ушедшие, были что короли: Народ Великого Странствия, Народ Звезд. Были они статны, светлолицы и сероглазы, и темны были их кудри, кроме как в золотом доме Финрода…». Таким образом, это описание облика и волос изначально относилось

исключительно к нолдор, а не ко *всем* эльдар в целом. И в самом деле, ваньяр были золотоволосы; именно от Индис из рода ваньяр, матери Финарфина, сам он и его дети, Финрод Фэлагунд и Галадриэль унаследовали золотые волосы, столь приметные среди правителей нолдор. Но как возникло это необычное искажение смысла, я объяснить не в состоянии [28].

[28] Примечания: 28

Имя *Финрод* в заключительном абзаце Приложения Е сейчас можно счесть ошибкой: вплоть до выхода второго издания *Властелина Колец* Финродом звался Финарфин, а Финрод звался **И**нглором; и в данном конкретном случае изменение просто проглядели.

II
МУЗЫКА АЙНУР

[THE MUSIC OF AINUR]

Вторая тетрадь, точное подобие той, в которую мать переписывала *Домик Утраченной Игры*, содержит текст, написанный почерком отца (все остальные тексты *Утраченных Сказаний* также принадлежат его руке, кроме чистовой копии *Падения Гондолина*[29]), чернилами, и озаглавленный «*Связующее звено Домика Утраченной Игры, и (Сказания 2) Музыки Айнур*». Текст подхватывает последние слова Вайрэ, обращенные к Эриолу (с.20) и, в свою очередь, прямо переходит в *Музыку Айнур* (в третьей тетради, точно такой же, как и первые две). Единственное указание о датировке *Связующего Звена* и *Музыки* (которые, как я думаю, были написаны в одно и то же время) — письмо отца, датированное июлем 1964 г. (*Письма*, с. 345), в котором он говорит, что, когда в Оксфорде он «был в штате тогда еще незаконченного великого Словаря», он «написал космогонический миф, "Музыку Айнур"». В состав группы Оксфордского Словаря он вошел в ноябре 1918 г., а покинул ее весной 1920 г. (*Биография*, с. 99, 102). Если память его не подвела, и свидетельств

---

[29] Примечания: 29
Если быть точным, это сказание озаглавлено *Туор и изгнанники Гондолина*, но отец ссылался на него как на *Падение Гондолина*, и я поступаю так же.

иного нет, то пауза между*Домиком Утраченной Игры*и*Музыкой Айнур*составила около двух лет.

*Связующее звено*между ними существует в единственной версии, так как чернильный текст записывался поверх полностью стертого карандашного черновика. Поэтому я сопровождаю*Звено*кратким комментарием перед*Музыкой Айнур*.

— Однако, — воскликнул Эриол, — многое пока укрылось от моего разумения. Я бы, например, охотно послушал, какова суть валар. Они боги?

— Суть их такова, — отвечал Линдо, — хотя люди рассказывают о них много небывальщины и выдумок, далеких от истины, и называют их многими чуждыми именами, которые ты здесь не услышишь.

Но тут Вайрэ прервала их.

— Этот вечер, Линдо, не следует длить рассказами. Час покоя уже подступил, и при всей своей неутомимости гость наш устал с дороги. Пошли за свечами сна, а дальнейшие повести для утоления сердца и наполнения ума странник услышит завтра.

Эриолу же она сказала:

— Не думай, что завтра ты должен непременно покинуть наш дом; ибо никто к тому не понуждается. Нет, всякий может остаться, пока остается недосказанной повесть, которую он хотел услы-

шать.

Тогда Эриол отвечал, что всякое стремление к отъезду в иные края оставило его сердце и что самым прекрасным на свете кажется ему погостить немного здесь. Вслед за этим внесли свечи сна, и каждый из собравшихся взял по свече, а двое обитателей дома пригласили Эриола за собой. Один из них был привратник, который давеча открыл на стук Эриола. Был он с виду седовласым стариком — мало кто так выглядел из этого народа; зато другой, с обветренным лицом и смеющимися голубыми глазами, был худ и низкоросл, так что никто бы не смог сказать, пятьдесят ему лет или десять тысяч. То был **И**львэрин, или Сердечко.

Эти двое провели его вниз по коридору с гобеленами на стенах к большой дубовой лестнице, по которой он последовал за ними. Лестница, завиваясь, поднималась вверх, пока не вывела их к проходу, освещенному маленькими висячими светильниками цветного стекла, которые, покачиваясь, рассыпали брызги ярких бликов по полу и драпировкам.

Следуя этим проходом, провожатые Эриола обогнули внезапно обозначившийся угол и, спустившись в полутьме на несколько ступенек, распахнули перед ним дверь. Поклонившись,

они пожелали ему спокойной ночи, и сказал Сердечко: «Попутного ветра и счастливых странствий в твоих снах!», после чего они удалились. Он же обнаружил, что находится в уютной комнатке, и была там постель чистейшего белья, и пышные подушки подле окна, и ночь за окном казалась благоуханной и теплой, хотя он только что наслаждался жаром от поленьев, пылавших в Очаге Сказаний. Вся мебель здесь была темного дерева, и его большая свеча, мерцая мягким светом, наполняла комнату волшебством, пока не подумалось ему, что из всех благ земных лучшее — это сон, а из всех снов лучший тот, который снится в этой волшебной спальне. Однако прежде, чем улечься, Эриол распахнул окно, через которое хлынули запахи цветов, и бросил взгляд на темные деревья в саду, меж которыми луна проложила серебристые дорожки и разбросала черные тени. Окно его оказалось высоко над этими лужайками; и соловей внезапно запел в соседней кроне.

Затем Эриол заснул, и в сны его вплеталась музыка, изысканнее и прозрачнее которой он не слыхал никогда, и была она исполнена печали. Такова была эта музыка, как если бы свирели или серебряные флейты из самых тонких и изящных

выводили на подлунных полянах кристально чистые ноты и тонкие, как паутинка, созвучия; и Эриол во сне тосковал, сам не зная о чем.

Когда он проснулся, солнце уже восходило, и никакой музыки не было слышно, если не считать пения бесчисленных птиц за окном. Свет, пробиваясь сквозь стекла, рассыпался веселыми зайчиками, и комната его, со всеми своими ароматами и симпатичными драпировками показалась еще милее, чем прежде. Однако Эриол встал и, облачившись в чистые одежды, приготовленные ему для того, чтобы он мог сбросить свои, пропылившиеся в дороге, устремился из спальни и он блуждал по переходам этого дома, пока не набрел на лестничку, спустившись по которой попал на веранду, выходившую в солнечный дворик. Была там решетчатая калитка, отворившаяся под его рукой и пропустившая в тот самый сад, лужайки которого раскинулись под окном его комнаты. Там бродил он, вдыхая утренний воздух и любуясь восходом солнца над странными крышами этого города, когда перед ним вдруг из орешниковой аллеи появился пожилой привратник. Он не заметил Эриола, поскольку, как обычно, склонил голову к земле и что-то быстро бормотал себе под нос. Однако

Эриол обратился к нему с пожеланием доброго утра, и тот очнулся и сказал:

— Прошу прощения, сударь мой! Я тебя не заметил — прислушивался к птичьему пению. По правде говоря, ты застал меня в унынии. Увы! Здесь у меня появился один чернокрылый плут и наглец, распевающий песни, дотоле неведомые мне, на языке, который чужд моему слуху. Это невыносимо, сударь мой, это невыносимо, ибо я считал, что знаю речи всех птиц, хотя бы простейшие. Я думаю спровадить его к Мандосу за нахальство!

Тут Эриол рассмеялся от всего сердца, но привратник продолжал:

— Да, да, сударь, да раздерет его Тэвильдо Князь Котов за то, что он осмелился устроиться на насесте в саду, что на попечении Румиля! Знай, что мы, нолдоли, не стареем удивительно долго, но я поседел, изучая все языки валар и все языки эльдар. Задолго до падения Гондолина, сударь мой, я скрашивал свою долю раба Мэлько, разбирая рычание всех его тварей и гоблинов. Не внятен ли был мне язык зверей до самого тонкого мышиного писка? Не различал ли я оттенков даже в бездумном гудении бессловесного жука? Случалось мне изучать даже языки людей, но, Мэлько

их побери! они плывут и меняются, меняются и плывут, и не найти в них той прочной основы, из которой сплетают песни или сказания. Для чего я этим утром чувствовал себя подобно Омару из валар, знающему все языки? Я внимал согласию птичьих голосов, постигая каждый, узнавая каждую любимую мелодию, и тут, *тирипти лирилла*, является какая — то пичуга, мэлько во отродье… Но я утомил тебя своими причитаниями о песнях и словах.

— Отнюдь нет, — сказал Эриол, — но я умоляю тебя не принимать столь близко к сердцу какого-то наглеца из дроздов. Если глаза меня не обманывают, ты ухаживал за этим садом много лет. Тогда тебе должно быть ведомо множество песен и языков — достаточно, чтобы успокоить сердце величайшего из мудрецов, если это действительно первый голос, что ты здесь услышал, но не смог изъяснить. Не правду ли говорят, что в каждой роще — если не в каждом гнезде! — птицы щебечут по — своему?

— Да, так говорят, и говорят истинно, — ответил Румиль, — и все песни Тол Эрэссэа временами можно слышать в этом саду.

— Сердце мое исполнилось радости, — сказал Эриол, — когда я стал понимать дивный язык

эльдар Тол Эрэссэа, — но чудно мне было слушать тебя, когда ты говорил так, как если бы у эльдар было много наречий; так ли я понял?

— Так, — отвечал Румиль, — ибо еще существует язык, которому хранят верность нолдоли. Но встарь у тэлэри, солосимпи и Инвир были свои языки, отличные от него. Эти языки оказались не столь стойкими, и сейчас они слились в тот язык островных эльфов, которому ты научился. Есть также затерявшиеся племена, что скитаются в печали по Великим Землям, и они, может быть, говорят теперь совсем чуждо, ибо эпохи прошли со времени ухода из Кора; и, как я полагаю, именно долгие странствия нолдоли по Земле и черные века их рабства стали причиной глубокого расхождения их языка с языком их родичей, живших все это время в Валиноре. Тем не менее, родство между речью гномов и эльфийским эльдар, на мой искушенный взгляд, несомненно… но я опять утомляю тебя! Я не встретил еще ни одного слушателя в мире, который не устал бы задолго до конца таких рассуждений. «Языки и наречия, — хмыкают они, — нам и одного хватает». Это слова Сердечка, Хранителя Гонга. «Языка гномов, — сказал он однажды, — мне достаточно, ибо не он ли, и никакой иной, звучал в устах Эар-

эндэля, и Туора, и отца моего Бронвэга, которого вы, ошибочно смягчая звуки, называете Воронвэ». Однако в конце концов ему пришлось научиться эльфийскому, ибо иначе он был обречен молчанию или расставанию с Мар Ванва Тьялиэва — а сердце его не вынесло бы ни того, ни другого. И вот — ныне он щебечет на языке эльдар, как дева из Инвир, не хуже самой Мэриль-и-Туринкви, нашей королевы, да хранит ее Манвэ! Но и это не всё — существует, помимо того, сокровенный язык, которым написано множество стихов эльдар, и книги мудрости, и история древности и начала начал, но на котором не говорят. Язык этот обычно звучит только на высоком совете валар, и мало кто из нынешних эльдар может прочесть его знаки или хотя бы распознать их. Многому из этого я выучился в Коре, целую жизнь тому назад, спасибо благоволению Аулэ, и потому многое мне ведомо, очень многое…

— Тогда, — воскликнул Эриол, — ты, может быть, поведаешь мне о тех вещах, что я сгораю желанием постичь после вчерашних бесед у Огня Сказаний? Кто такие Манвэ, Аулэ, и кого из валар ты еще называл, и ради чего народ эльдар покинул свой дивный дом в Валиноре?

Тем временем солнце поднялось уже высоко и

стало пригревать, и усыпало лужайки золотом, и птицы грянули мощным хором. Они зашли в увитую зеленью беседку, и Румиль сел на скамью резного камня, обросшую мхом. И ответил он так:

— Безмерно то, о чем ты спрашиваешь, и истинный ответ требует простереть изыскания за те пределы бездны времен, которых не достигает даже взгляд Румиля, старейшего из нолдоли.

Все предания валар и эльфов сплетены так тесно, что редкое из них можно изложить, избежав необходимости воскрешать всю их великую историю.

— И все же, — вновь воскликнул Эриол, — прошу тебя, Румиль, расскажи мне о том, что ведомо тебе о самом начале начал, чтобы я, наконец, стал понимать то, что мне рассказывают на этом острове!

Но Румиль сказал только:

— Илуватар был в начале начал, и далее не простирается мудрость валар, ниже эльдар или людей.

— А кто есть Илуватар? — вопросил Эриол. — Кто-то из богов?

— Нет, — сказал Румиль, — он не из богов, ибо создал их. Илуватар — Предвечный Владетель

из-за пределов мира. Мир сотворен им, но он не от мира и не в мире, однако он любит мир.

— Об этом я нигде и никогда не слыхал, — сказал Эриол.

— Вполне возможно, — отозвался Румиль, — ибо люди молодой народ, и еще нечасто среди них рассказывают о Музыке Айнур.

— Просвети меня, — попросил Эриол, — ибо я жажду ведать, что есть Музыка Айнур?

Комментарии к «*Связующему звену Домика Утраченной Игры и Музыки Айнур*»

Итак, *Айнулиндалэ* впервые достигла слуха смертного, когда Эриол сидел в залитом солнцем саду на Тол Эрэссэа. Даже после того, как Эриол (Эльфвине) выпал из числа персонажей, Румиль, великий нолдорский мудрец из Тириона, «который первый придумал знаки, подходящие для запечатления речей и песен» (*Сильмариллион*, с. 63), сохранился, и *Музыка Айнур* по-прежнему приписывалась ему, хотя его образ приобрел монументальность, сообщаемую ароматом древности, и далеко ушел от болтливого и чудаковатого филолога из Кортириона. Следует отметить, что в данной версии Румиль побывал рабом у Мэлько.

Здесь же возникает тема изгнания нолдор из Валинора, ибо слова Румиля об исходе из Кора, без сомнения, относятся именно к этому событию, а не к возглавленному Инвэ «походу в мир» (с. 16, 26, 129); кое-что сообщается также о языках и их носителях.

В *Связующем Звене* Румиль утверждает:

(1) что между *тэлэри*, *солосимпи* и *Инвир* имелись языковые различия в прошлом;

(2) но эти диалекты «сейчас слились в язык островных эльфов»;

(3) что язык *нолдоли* (гномов) сильно изменился за время их скитаний по Великим Землям и плена у Мэлько;

(4) что нолдоли, живущие ныне на Тол Эрэссэа, приняли язык островных эльфов; однако иные остались в Великих Землях. (Когда Румиль говорит о «затерявшихся племенах, что скитаются в печали по Великим Землям», которые, «может быть, говорят теперь совсем чуждо», он, похоже, имеет в виду те остатки нолдорских изгнанников из Кора, которые, в отличие от него, не попали на Тол Эрэссэа, но не тех эльфов, которые никогда не

бывали в Валиноре[30].)

В *Утраченных Сказаниях* Морские эльфы, названные впоследствии *тэлэри*, именуются *солосимпи* («Прибрежные Флейтисты»). Тогда требуется объяснить то смущающее обстоятельство, что *тэлэри* называлось первое из эльфийских колен во главе с королем Инвэ (*ваньяр Сильмариллиона*). Кем тогда считать *Инвир*? Мэриль-и-Туринкви позже говорит Эриолу (с. 115), что тэлэри — это те, кто последовал за Инвэ, «родичи же его и потомки — королевский род Инвир, чья кровь течет во мне». Тогда следует рассматривать Инвир как королевский клан *среди тэлэри*, а соотношение между старой концепцией и тем, что говорится в *Сильмариллионе*, можно проиллюстрировать следующим образом:

	Утраченные сказания	*Сильмариллион*
I	Тэлэри (включая Инвир)	Ваньяр
II	Нолдоли (Гномы)	Нолдор
III	Солосимпи	Тэлэри

В *Связующем Звене* Румиль, как кажется, утвер-

[30] Примечания: 30

С другой стороны, возможно, что под «затерявшимися племенами» он на самом деле подразумевал тех эльфов, что потерялись во время странствия от Вод Пробуждения (см. с. 118); тогда смысл его слов заключается в том, что если уж расхождение языков нолдоли и оставшихся в Валиноре эльдар столь глубоко, насколько же больше оно должно быть для тех, кто никогда не пересекал моря!

ждает, что народ эльдар отличается от народа «гномов» — «родство между речью гномов и эльфийским эльдар, на мой искушенный взгляд, несомненно…». Народы эльдар и нолдоли противопоставляются и в прозаическом вступлении к *Кортириону среди дерев* (с. 25). Эльфийский язык везде противопоставляется языку гномов, а «принадлежащее языку эльдар» используется как выражение, контрадиктное выражению «принадлежащее языку гномов». На самом деле в *Утраченных Сказаниях* довольно явно указывается, что гномы, собственно, входят в число эльдар — например, «нолдоли, мудрецы среди эльдар» (с. 58). С другой стороны, мы читаем, что после бегства нолдоли из Валинора Аулэ «хотя как и прежде дарил своей любовью тех немногих верных гномов, что не покинули его чертогов, но с той поры называл их "эльдар"» (с. 176). Здесь нет явного противоречия, как может показаться на первый взгляд. Похоже, что, с одной стороны, противопоставление языка эльдар («эльфийского») языку гномов возникло из-за того, что последний выделился в отдельный язык; ив то время, как гномы определенно составляли часть эльдар, об их языке этого сказать было нельзя. С другой стороны, гномы очень давно покинули Кор и,

таким образом, выпали из «Корэльдар», а потому и из эльдар. Слово *эльдар* при этом сузило свое значение, однако в любой момент оно могло быть вновь расширено до старого смысла, в котором нолдоли — часть эльдар.

Если это так, то узкий смысл понятия *эльдар* отражает позднейшую языковую ситуацию на Тол Эрэссэа; и действительно, в дальнейших сказаниях, где повествуется о временах до мятежа нолдоли и их ухода из Валинора, их неизменно обозначают как эльдар. *После* мятежа, как цитировалось выше, Аулэ не хотел называть оставшихся в Валиноре именем «нолдоли», и, по логике вещей, не видел эльдар в тех, кто ушел.

Та же двусмысленность имеет место со словами эльфы и эльфийский (язык). Румиль здесь называет язык эльдар «эльфийским», в противоположность «языку гномов»; рассказчик Сказания о Тинувиэль говорит: «Это мое сказание, и это предание гномов, и потому я прошу, чтобы ты не возмущал ухо Эриола своими эльфийскими именами»; в том же фрагменте эльфы подчеркнуто противопоставляются гномам. Однако, опять-таки, в дальнейших историях этой книги слова *эльфы, эльдар, эльдалиэ* используются попеременно для обозначения Трех Родов

(см., например, описание споров среди валар относительно приглашения эльфов в Валинор, с. ~116–118~). И, наконец, очевидно похожие вариации имеют место со словом «фэери»; так, Тол Эрэссэа — это название «на языке фэери», в то время как «гномы называют его Дор Файдвэн» (с. 13), но, с другой стороны, Гильфанона из гномов называют «одним из старейших среди фэери» (с. 175).

Из замечаний Румиля вырисовывается объяснение корней «глубокого расхождения» между двумя ветвями эльфийской речи, полностью отличающееся от тех причин, с которыми раскол связывался впоследствии. Здесь Румиль приписывает его «долгим странствиям нолдоли по Земле и черным векам их рабства» (в то время как их родичи жили все это время в Валиноре), — то есть, в более поздних терминах, Изгнанию Нолдор. В *Сильмариллионе* же (см. особенно с. 113, 129) Средиземье узнало язык Валинора от нолдор, которые, однако, отказались от него (сохранив только для общения меж собой) и взамен приняли *синдарин* — язык Серых Эльфов Бэлэрианда, никогда не бывавших в Валиноре. Квэнья и синдарин происходят от общего корня, но «глубокое расхождение» между ними было

вызвано эпохами раздельной жизни. С другой стороны, в *Утраченных Сказаниях* эльфийская речь Валинора также появляется в Великих Землях с приходом нолдор, но они сохраняют ее, и там язык начинает изменяться, становясь совершенно иным. Другими словами, согласно первоначальной концепции, «второй язык» отщепляется от языка-предшественника лишь с переселением нолдор из Валинора в Великие Земли, в то время как впоследствии было принято, что «первый» и «второй» языки разделились на заре истории эльфов. Тем не менее, язык гномов — это *синдарин*, в том смысле, что это реально существующий язык, который в конце концов, по мере эволюции всего замысла, стал языком Серых эльфов Бэлэрианда.

Что касается слов Румиля насчет сокровенного языка, используемого среди валар, которым когда-то записывались стихи эльдар и книги мудрости, но который уже мало кто знает, то приведем, для сравнения, следующее замечание из маленькой записной книжки *Утраченных Сказаний* (упомянутой на с. 23):

> «Боги понимали язык эльфов, но меж собой им не пользовались. Мудрейшие

> из эльфов хорошо знали язык богов, и это знание долго хранилось среди тэлэри и нолдоли, однако ко времени прихода на Тол Эрэссэа никто не владел им, кроме Инвир, и сейчас оно живет лишь в доме Мэриль».

В *Связующем Звене* появляются некоторые новые персонажи. Омар из валар, «знающий все языки», не пережил *Утраченных Сказаний*; впоследствии его изредка упоминают, но он остается бесплотным духом. Туор и Бронвэг появляются в истории о *Падении Гондолина*, которая уже была написана; Бронвэг — это форма имени *Воронвэ* в языке гномов, того самого Воронвэ, что сопровождал Туора из Виньямара в Гондолин в позднейшей легенде. Тэвильдо Князь Котов — это демонический слуга Мэлько, отдаленный предшественник Саурона; он является одним из главных действующих лиц в первоначальном варианте истории Бэрэна и Тинувиэль, который также был к тому времени уже написан (*Сказание о Тинувиэль*).

Служитель Гонга Сердечко, сын Бронвэга, получает здесь эльфийское имя Ильвэрин (первоначально *Эльвэнильдо*).

Музыка Айнур

Черновик оригинального текста*Музыки Айнур*с многочисленными исправлениями, записанный на скорую руку карандашом, сохранился в виде отдельных листков, вложенных в тетрадь, которая содержит более полный и гораздо более законченный текст, написанный чернилами. Однако этот второй вариант прочно связан с первым, который изменялся, главным образом, путем добавлений. Текст, приводимый ниже, — это второй вариант; некоторые же места, где две версии заметно различаются, откомментированы (на мой взгляд, лишь немногие из этих различий имеют существенное значение). Выдержки из первого варианта, приводимые в Примечаниях, показывают, что вначале форма множественного числа была не*айнур*, а*айну*, а*Илуватар*первоначально был*Илу*(хотя*Илуватар*также встречается в черновике).

И сказал тогда Румиль:

— Выслушай же то, что еще не достигало людского слуха; то, о чем и эльфы редко говорят между собой; то, о чем Манвэ Сулимо, Властитель над эльфами и людьми, сокровенно поведал праотцам моего отца во глубине времен[прим.1]. Так вот, один жил **И**луватар. И айнур первыми воспел он к бытию, и слава их и мощь превыше, чем у любых его созданий в мире и вне его. Затем он устроил для них обиталища в пустоте и жил

среди айнур, открывая им все сущие сущности, величайшая из которых музыка.

Когда бы он ни обращался к ним, предлагая темы для песни и для радостного гимна, открывая им все то великое и прекрасное, что вечно задумывал он в своем разуме и сердце, они играли ему музыку, и голоса их инструментов величественно возносились вкруг его престола.

И вот однажды Илуватар извлек для айнур великий замысел из своего сердца, развернув пред ними историю, чьи безбрежность и величие не имели себе равных среди всего, о чем он рассказывал прежде; и великолепие ее начала, и благородство ее завершения столь поразили айнур, что они склонились пред Илуватаром безмолвные.

Тогда Илуватар возгласил:

— Пока что в той повести, что я предложил вам, сказаны лишь первые слова, а исполненные красы пределы, что описал я вам, как место, где могла бы развернуться и произойти вся эта история, пока лишь набросок. Я не заполнил всех пробелов, так же как не раскрыл в подробностях все то утонченное, прекрасное и изысканное, коим полон мой разум. Засим я желаю, чтобы вы сотворили великую и славную музыку и воспели

тему сию; и (ибо многому я вас научил и ярко возжег в вас Сокровенное Пламя)[прим.2] дабы вы применили ваше разумение и способности в украшении темы сообразно вашим думам и замыслам. Я же воссяду, внемлю и возрадуюсь, что чрез вас я сотворил столько красоты, достойной Песни.

И тогда арфисты и лютнисты, флейтисты и трубачи, органы и бесчисленные хоры айнур начали облекать тему Илуватара великой музыкой; и вознеслись звуки могучих мелодий, переливаясь и перемежаясь, смешиваясь и растворяясь среди рокота созвучий, более величественного, нежели рев океанов, пока чертоги Илуватара и пространства айнур не переполнились музыкой, и эхом музыки, и эхом ее эха, вплоть до самых мрачных и пустынных пределов. Ни до того, ни с той поры не было музыки столь неизмеримого великолепия; хотя сказано, что в еще более великой сольются перед престолом Илуватара хоры айнур и Сынов Человеческих после Великого Конца. Тогда величайшие темы Илуватара будут сыграны верно, ибо для айнур и людей, наконец, станут внятны его разум и сердце и все его цели, насколько сие возможно.

А пока что Илуватар восседал и внимал, и дол-

гое время все казалось ему добрым, ибо почти не было в музыке неверных нот, и видел он пред собой айнур, прилежно выучившихся многому. Однако по мере того, как развивалась великая тема, в сердце Мэлько закралось желание вплести в нее плоды собственного тщеславного воображения, не в лад великому замыслу Илуватара. Илуватар одарил Мэлько щедрее, чем прочих айнур, способностями, знанием и мудростью; и часто тот в одиночку забирался во тьму и пустоту, взыскуя Сокровенного Пламени, что дарует Жизнь и Бытие (ибо питал он горячее желание самому призывать сущности к бытию). Мэлько не нашел искомого, ибо Пламя пребывает с Илуватаром, но пока что он этого не ведал.[прим.3]

Однако там Мэлько взлелеял свои собственные коварно-искусные замыслы, которые скрыл даже от Илуватара. И вот некоторые из этих замыслов и дум вплел он в свою музыку, и немедля вокруг него явилось нестроение, и многие из игравших подле него смутились, и музыка их затихла, а замыслы их остались неясными и незавершенными; другие же подхватили его музыку, оставив ту великую тему, с которой начали.

И так злодеяние Мэлько омрачало музыку, ибо замыслы свои он обрел во тьме внешней, куда

Илуватар еще не обратил своего светлого лика. И чужда была его сокровенным думам краса замыслов Илуватара, и потому созвучия рушились и распадались. Но восседал по — прежнему Илуватар и слушал, пока музыка не пала в бездны мрака и уродливости невообразимой; и тогда печальная улыбка легла на его уста, и воздел он левую руку. И тут же, хотя никто и не понял как, среди этих громыханий родилась новая тема, подобная первоначальной и все же иная, и набрала мощь и благозвучие. Но буйство и беспорядок аккордов, порожденных Мэлько, усилились, ревом своим стремясь заглушить ее, и началось сражение звуков, и в лязге его мало что можно было разобрать.

Тогда воздел Илуватар десницу, и не улыбался он уже, но плакал. И стала быть третья тема, ни в чем не похожая на предыдущие. И взрастала она над разноголосицей, пока, наконец, не увиделось, что две музыки звучат одновременно у ног Илуватара, безмерно различные меж собой. Одна, великая, была глубока и прекрасна, но пронизана неизбывной скорбью, в то время как вторая, наконец обретшая единство и собственный склад в себе, но громкая, пустая и надменная, победно ревела, как бы стремясь затопить первую. И все

же, как ни пыталась вторая греметь как можно страшнее, неизменно оказывалось, что так или иначе она дополняет и оттеняет красу первой.

И в разгар сей порождающей эхо схватки, от которой сотрясались чертоги Илуватара и дрожь пронизывала темные пространства, Илуватар воздел над собой обе руки, и в одном непостижимом созвучии — необъятнее тверди небесной, великолепнее солнца, пронзительнее, нежели свет взора Илуватара, — музыка оборвалась и умолкла.

И тогда Илуватар молвил:

— Велики слава и мощь айнур, и Мэлько среди них изощрен в знаниях. Но пусть будет ведомо ему и каждому из айнур, что Я есмь Илуватар, и всему, что спели и сыграли вы, я есть причина — так! И причина не столько музыки, что творите вы в горних пределах, на радость мне и в удовольствие вам самим, но причина возникающих в музыке формы и сути, подобных форме и сути самих айнур, коих я создал, чтобы разделить с ними мое, Илуватара, собственное бытие. Может быть, я возлюблю эти порождения моей песни так же, как люблю айнур, порождение моих дум[прим.4], а может быть, и больше. Ты же, Мэлько, узришь, что невозможно ни создать

тему, чьим изначальным истоком не был бы Илуватар, ни изменить музыку помимо Илуватара. Тот же, кто попытается это содеять, обнаружит в конце концов, что лишь помог мне измыслить творение, еще более великолепное, и чудо, еще более причудливое. И вот! — чрез Мэлько в тот замысел, что я развернул пред вами, вошли ужас, подобный пламени, и гнев, подобный грому, и тоска, подобная черным водам, и зло, столь же далекое от света моего, сколь бездны запредельных пространств тьмы. Чрез него в лязге оглушающей музыки явились боль и страдание; и в смешении звуков родились жестокость, и ненасытность, и тьма, и гнилая трясина, и всяческое разложение — телесное или духовное, — и смрадный туман, и неистовый огнь, и беспощадный хлад, и смерть без надежды. И все это чрез него, но не от него. И узрит он, равно как и все вы, и как возгласят те создания, коим должно теперь обитать среди зла его и терпеть из-за Мэлько страдания и скорбь, ужас и злобу, что в конце все зло его оборачивается к вящей славе моей, и делает мою тему лишь более достойной того, чтобы быть услышанной, Жизнь — еще более достойной того, чтобы быть прожитой, а Мир — настолько чудеснее и удивительнее, что он будет назван величайшим и

прекраснейшим из деяний Илуватара.

Айнур устрашили эти слова, и не все из сказанного они поняли, а Мэлько устыдился, а устыдившись — преисполнился гнева. Но тут Илуватар, видя их замешательство, восстал в славе своей и устремился из чертогов через светлые пространства, устроенные им для айнур, в пределы тьмы; и увлек он айнур за собой.

И вот, когда уже со всех сторон их окружало одно лишь отсутствие всего, они внезапно узрели чудесное видение непревзойденной красы там, где только что была пустота. И возгласил Илуватар:

— Узрите песнь вашу и вашу музыку! По мере того, как вы играли, музыка, повинуясь моей воле, обретала форму, и вот! теперь мир развертывается, и история его начинается так же, как развертывалась и начиналась моя тема в ваших руках. Каждый найдет в сем моем замысле те украшения и усовершенствования, что задумал он сам; и даже Мэлько обнаружит там сущности, пусть и противные моему разумению, что ухитрился он измыслить в своем сердце. Только увидит он, что они есть ничто иное, как часть целого, и дань величию целого. Единственное, что добавил я, — это огнь, дающий Жизнь и Бытие.

И вот, в сердце мира горело Сокровенное Пламя.

К восхищению айнур, у них на глазах мир сделался шаром в пустоте и отделился от нее; и возрадовались они, увидев свет — белый и золотой одновременно; и смеялись они, наслаждаясь красками, а величественный рев океана наполнил их томлением. Сердца их радовались воздуху и ветрам и всем породам земным — железу и камню, сребру и злату; однако из всего этого разнообразия наилучшей, и прекраснейшей, и достойнейшей хвалы сочли они воду. Поистине, из всех стихий мира вода хранит самое глубокое эхо Музыки Айнур, и многие из Сынов Человеческих спустя эпохи неутолимо будут внимать гласу Моря и тосковать, сами не зная о чем.

Знай же, что вода возникла, главным образом, мечтою и помышлением Улмо, кому Илуватар полнее прочих айнур открыл глубины музыки, в то время как воздух, и ветры, и эфирные течения небес задумал Манвэ Сулимо, величайший и благороднейший из айнур. Землю и большинство из даров ее недр измыслил Аулэ (кого Илуватар лишь чуть менее, чем Мэлько, научил всяким премудростям), хотя многое здесь было и не от него[прим.5].

Тогда Илуватар обратился к Улмо:

— Зришь ли ты, что думы Мэлько об обжигающем беспощадном морозе не смогли разрушить красоты твоих хрустальных вод и прозрачных заводей? Даже там, где он мыслил утвердиться бесповоротно, — смотри! — легли снега, и мороз выковал изысканные узоры, и вознеслись величественные ледовые замки.

И еще молвил Илуватар:

— Мэлько замыслил испепеляющий зной и необузданный огнь, и все же не смог ни иссушить твои творения, ни заставить замолчать прибой твоих морей. Зато узри ныне великолепие облаков в небесной вышине, очаруйся волшебством туманов и испарений, преклони слух к шепоту дождя, падающего на землю!

И отозвался Улмо:

— Воистину, воды сейчас дивнее, чем в моих самых прекрасных мечтах. Очарование снега превыше моих самых сокровенных помыслов, и если его музыка скромна, то музыка дождя — вот что воистину прекрасно и что переполняет мое сердце, и радуюсь я, что она достигает моего слуха, хотя и нет вещи на свете печальней, чем шелест дождя. И да будет так: среди воздуха и ветров найду я Манвэ Сулимо, и будем мы с ним

вновь и вновь играть мелодии к вящей славе твоей и радости!

И с той поры Улмо и Манвэ стали лучшими друзьями и союзниками почти во всех делах[прим.6].

Пока Илуватар говорил с Улмо, мир разворачивался перед взором айнур, и та история, что предложил им Илуватар как тему для великой музыки, начинала течение свое. Мало что из ее грядущих событий находится за пределами провидения айнур, благодаря их совокупной памяти о речах Илуватара и знанию (хотя, может быть, неполному) каждым из них великой музыки — и все же кое-что остается сокрытым даже от них[прим.7]. Внимательно наблюдали они, пока, задолго до прихода людей, — что людей! бессчетные века еще оставались до того, как первые из эльдар проснулись и спели свои первые песни, сотворили свои первые самоцветы и явили свое бесконечное очарование взорам Илуватара и айнур, — пока среди айнур не возник раскол, столь были они заворожены великолепием мира, в который вглядывались, и настолько покорены той историей, что разворачивалась в нем, и для которой красота мира была лишь местом действия и декорациями.

И настал момент, когда некоторые из них оста-

лись с Илуватаром за пределами мира, — это были, в основном, те, кто старательно выводил ноты, играя по замыслу Илуватара и заботясь лишь о том, чтобы верно его изложить, но не развить или украсить чем — нибудь. Другие же — в том числе многие прекраснейшие и мудрейшие из айнур — испросили позволения Илуватара жить в его мире. И говорили они так:

— Мы будем оберегать эти чистые порождения наших грез, которые твоим могуществом обрели бытие и непревзойденную красоту. И мы научим эльдар и людей, как понимать их и пользоваться ими, когда придет предусмотренное тобой время появления на Земле сначала эльдар, а затем и праотцев людей.

Мэлько же притворился, что желает обуздывать бесчинства огня и прочих бедствий, что принес он на Землю, но действительным его намерением, которое он скрывал глубоко в своем сердце, было лишить власти прочих айнур и наслать войну на эльдар и людей, ибо был он разгневан, что Илуватар предуготовил для этих племен столь великие дары[прим.8].

Появление эльдар и людей было задумано самим Илуватаром, и никто из айнур не отважился в своей музыке что-либо добавить к этой

мелодии, ибо они не вполне постигли ее, когда Илуватар впервые объявил об этих созданиях. Посему истинно называются эти народы Детьми Илуватара. Может быть, именно по этой причине многие из айнур, помимо Мэлько, стояли за вмешательство в дела эльдар и людей, будь то с добрыми или злыми намерениями; видя же, что Илуватар создал эльдар весьма похожими на айнур по натуре, если не по мощи и стати, в то время как людей он оделил странными дарами, айнур имели дело, главным образом, с эльфами[прим.9].

Читая в их сердцах, Илуватар удовлетворил их желание, и не сказано, что при этом он опечалился. Так появились в мире те великие, которых мы знаем сейчас под именем валар (или, что то же, вали)[прим.10]. Живут они в Валиноре или в небесах; а другие на суше или в морских глубинах. Мэлько правил огнем и жесточайшими морозами, самым лютым холодом и самыми глубокими горнилами под огнедышащими горами; и во всем, что есть в мире из бесчинного или чрезмерного, внезапного или жестокого, винят его и, по большей части, справедливо. Улмо же обитает в открытом океане и правит течением всех вод и струением рек, наполнением родников и падением дождей и рос во всем мире. На

дне морском он задумывает музыку глубокую и странную, но вечно полную печали; и помогает ему в том Манвэ Сулимо.

Когда эльфы пришли и стали жить в Коре, он многому научил солосимпи, и отсюда происходит печальное очарование их мелодий и их неизменная любовь к прибрежным местам. При нем были Салмар, и Оссэ, и Онэн, которым он поручил управлять волнами и малыми морями, и многие иные.

Аулэ же пребывал в Валиноре, и многие вещи обрели свою форму в его руках. Он все время придумывал приспособления и инструменты, ткал полотно и ковал металлы. Обработка земли и хлебопашество наполняли его восторгом, так же как языки и письмена, вышивка и живопись. Именно от него нолдоли, мудрецы среди эльдар, вечно жаждущие новых, неведомых ранее знаний и премудростей, научились бессчетным ремеслам, а равно постигли глубины волшебства и наук. Благодаря его урокам, к которым мастера эльдар добавили великую красоту своего собственного разума и сердца и воображения, они изощрились в измышлении и сотворении самоцветов. До эльдар мир не знал драгоценностей, а прекраснейшими из всех самоцветов были

Сильмарилли, ныне утраченные.

Величайшим же и главным из сих четырех великих был Манвэ Сулимо. Он пребывал в Валиноре и восседал на чудесном троне в великолепном чертоге на высочайшей вершине Таниквэтиль, что высится на краю мира. В его чертог постоянно влетали и вылетали из него ястребы, чей зоркий взгляд пронзает морские пучины, проникает в самые потаенные пещеры и проницает самую черную тьму мира. Они несли ему вести обо всем отовсюду, и мало что ускользало от него — хотя некоторые вещи оставались скрыты даже от Владыки Богов. С ним была Варда Прекрасная, ставшая его супругой и Королевой Звезд, и их дети — Фионвэ-Урион и Эринти, любимица. Вокруг них обитает великий сонм дивных духов, и велико их счастье. Люди любят Манвэ даже больше, чем могучего Улмо, ибо он никогда даже в мыслях своих не причинял им плохого, не требовал почестей и не ревновал свою власть, подобно древнему духу Вай. Особенная приязнь была между ним и тэлэри, коими правил Инвэ и которые научились от него стихам и песням; ибо хотя Улмо — повелитель музыки и властен над голосами инструментов, Манвэ непревзойден в искусстве сложения стихов и песен.

— О Манвэ Сулимо в сапфировом убранстве, повелитель воздуха и ветров, владыка предержащий богов, эльдар и людей, величайший оплот против зла Мэлько![прим.11]

И продолжил Румиль:

— И вот! После ухода этих айнур и принятия ими служения все было спокойно в течение долгой эпохи, пока Илуватар бдил. Но затем внезапно он возвестил:

— Узрите, я люблю этот мир, ибо он чертог для игрищ эльдар и людей, возлюбленных моих созданий. По приходе своем будут эльдар самыми дивными и прекрасными среди всего, что было доселе; и станут они глубже понимать красоту, и будут счастливее людей. Однако людям я дам новый, больший дар.

И он установил, что людям должно иметь свободу, посредством которой (но в пределах, положенных стихиями, материей и превратностями мира) они могли бы творить и направлять свою жизнь за пределы изначальной Музыки Айнур, которая для всего прочего в мире есть неумолимый рок. И сделал он так, что их руками все сущее должно обрести форму и быть завершено, а мир — исполнен до самой последней мелочи[прим.12]. И вот! Даже для нас, эльдар, к

нашей скорби стало явным, что люди имеют странную способность к добру и злу и могут по своей прихоти, не оглядываясь на богов или фэери, изменять суть вещей; так что мы говорим: «Сыны Человеческие неподвластны судьбе, но они же странно слепы к тому, чему следовало бы радоваться великой радостью».

Илуватар знал, что люди, вовлеченные в раздоры айнур, не всегда будут использовать свой дар в согласии с его предназначением, но приговорил об этом так:

— Придет время, и они тоже увидят, что все сделанное ими, даже самые постыдные деяния и самые уродливые творения, в конце концов оборачивается лишь к вящей славе моей и приносит свою дань красоте моего мира.

И все же среди айнур поговаривают, что затеи людей порой повергают Илуватара в горе; и если пожалованию дара свободы они дивились и завидовали, то безграничное его терпение к злоупотребляющим этим даром еще поразительнее для богов и фэери. У дара, однако, есть и другая сторона: Сыны Человеческие приходят в мир, чтобы лишь недолго пожить в нем и уйти, хотя и не исчезают при этом окончательно и бесповоротно. Что же до эльдар, то они живут

до самого Великого Конца[прим.13], если не будут убиты или не исчахнут от горя (ибо подвержены и той, и другой смерти), и не поддаются старости — разве что в течение десятков тысяч столетий; умирая же, они возрождаются в своих детях, так что числом ни убавляются, ни прибывают. И все же Сынам Человеческим после свершения всех вещей определено присоединиться ко Второй Музыке Айнур, тогда как свои замыслы относительно судьбы эльдар после завершения мира Илуватар не открыл даже валар, и Мэлько не смог выведать их.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В черновике эта вступительная фраза отсутствует.

2. В черновике нет упоминания о вложенном в айнур Сокровенном Пламени.

3. Этот фрагмент, начинающийся словами «Илуватар одарил Мэлько щедрее прочих айнур…», возник из гораздо более краткого чернового варианта: «Мэлько чаще других айнур забирался во тьму и пустоту [*позже добавлено*: в поисках скрытых огней]».

4. Слова «моей мелодии» и «моих дум» в первоначально написанном тексте следовали в

обратном порядке, а впоследствии была сделана карандашная правка, приведшая текст к настоящему виду. В начале текста имеется фраза: «Айнур первыми воспел он к бытию». Ср. предложение, открывающее *Айнулиндалэ* в *Сильмариллионе*: «Создал он айнур… что были плодами его дум».

5. В черновике здесь ни Манвэ, ни Аулэ не упоминаются.

6. В черновике это предложение, относительно дружбы и союзничества Манвэ и Улмо, отсутствует.

7. В черновом виде этот фрагмент был существенно иным:

> «И пока Илу говорил с Улмо, великая и удивительная история, которую Илу предложил им и в которой было все его величие, но не было тогда лишь сцены для нее, — развернулась теперь пред взором айну в бесчисленных подробностях, повторяя ту музыку, что играли они вокруг престола Илу. И снова гармония была заглушена ревом и грохотом, и новая гармония взросла над ними, и изменилась земля, и взошли и засияли звезды, и ветер омыл небосвод, и солнце

и луна были поставлены на круги свои и обрели жизнь».

8. В черновике эта фраза о Мэлько отсутствует.

9. В черновике этот абзац выглядит следующим образом:

> «Появление эльдар и людей было задумано самим Илу, и никто из айну ничего не изменял в звучании их мелодии, даже Мэлько, хотя его древняя музыка и его деяния в мире наложили неизгладимый отпечаток на их историю впоследствии. Может быть, по этой причине Мэлько и многие из айну — будь то по доброму или злому умыслу — будут ратовать за вмешательство в их дела. Видя, однако, что Илу создал эльдар слишком похожими на айну по натуре, если не по стати, они имели дело, главным образом, с людьми».

Заключительная фраза этого фрагмента, по-видимому, единственное место, в котором второй вариант текста находится в прямом противоречии с черновиком.

10. В черновике: «кого и вы и мы знаем как валур и валир».

11. Фрагмент, следующий за упоминанием солосимпи и словами «их неизменная любовь к прибрежным местам», полностью отсутствует в черновике.

12. В черновике этот фрагмент выглядит так:

> «„.но людям я назначу задание и пожалую великий дар». И положил он, что людям должно иметь свободную волю и способность творить и замышлять, не ограниченную Музыкой Айну; что через их предприятия все будет завершено по форме и существу, и что мир, который проистек из Музыки Айну, будет исполнен до самой последней мелочи».

13. В черновике: «Что же до эльдар, то они живут вечно».

Изменения в именах и названиях в *Музыке Айнур*

***А**йнур (Ainur).* В черновике везде ***А**йну (Ainu).*

*Ил**у**ватар (Ilúvatar).* В черновике обычно ***И**лу (Ilu),* но встречается и *Ил**у**ватар*.

***У**лмо (Ulmo)*. В черновике **У**лмо именуется именно так, но встречается и *Л**и**нквиль (Linqil)* —

исправлено на ***У**лмо*.

*солос**и**мпи (Solosimpi) < солос**и**мпэ (Solosimpë).*

*в**а**лар или в**а**ли (Valar or Vali).* В черновике *в**а**лур* и *в**а**лир* (*Valur* и *Valir*) — формы мужского и женского рода.

***О**нэн (Ónen)< **О**вэн (Ówen).*

*Вай (Vai) < **У**лмонан (Ulmonan).*

Комментарии к *Музыке Айнур*

Текст *Музыки Айнур* продолжается фрагментом, переходящим без какого-либо разрыва в повествовании в рассказ о *Создании Валинора*; однако я отнес этот переход к следующей главе. Исходный рукописный текст также не прерывался между двумя историями, и нет никаких намеков или признаков того, что композиция *Создания Валинора* не следует построению *Музыки Айнур*.

В последующие годы миф о Творении пересматривался и переписывался снова и снова; примечательно, однако, что лишь в этом случае, в отличие от остальной мифологии, существует прямое наследование: каждый вариант непо-

средственно основан на предыдущем[31]. Более того — и это самое примечательное, — самая первая версия, написанная, когда отцу было 27 или 28 лет, и еще привязанная к контексту *Домика Утраченной Игры*, эволюционировала так, что ее концепция претерпела лишь немного изменений из тех, что относятся к существенным. В действительности изменений, которые можно отследить, шаг за шагом сравнивая последовательные варианты, было очень много, и много нового материала добавилось; однако первоначальная последовательность предложений постоянно узнается и в последней версии *Айнулиндалэ*, написанной более чем тридцать лет спустя, и даже многие предложения сохранились неизменными.

При сравнении видно, что великая тема, которую Илуватар предложил для айнур, первоначально описывалась более определенно («…в той повести, что я предложил вам…», с. 53), а его слова по завершении Музыки («Велика слава и мощь айнур..») содержали пространное перечисление того, чему стал причиной Мэлько, и что он

[31] Примечания: 31

При сравнении с опубликованным текстом *Сильмариллиона* следует иметь в виду, что часть материала ранней версии появляется не в самом тексте *Айнулиндалэ*, а в конце Главы 1, *О начале дней* (с. 39–42).

привнес в историю мира (с. 55). Но самое важное отличие заключается в том, что в ранней версии Мир впервые предстал перед глазами айнур как реальность («и вот! теперь мир развертывается и история его начинается», с. 55), а не как Видение, скрывшееся от них и получившее существование только словом Илуватара: «*Эа*! Да Будет это всё!» (*Сильмариллион*, с. 20).

Будучи выявленными, все различия, тем не менее, гораздо менее примечательны, чем цельность и завершенность мифа о Творении в его самом первом варианте.

Кроме того, в этом сказании возникают многие менее важные подробности, и многим из них суждено было сохраниться. К имени Манвэ, «владыки богов, эльдар и людей», добавляется *Сулимо*, «повелитель воздуха и ветров»; его убранство сапфировое, а всевидящие ястребы вылетают из его обители на Таниквэтиль (*Сильмариллион*, с. 40); он особенно любит тэлэри (в дальнейшем — ваньяр), и от него те получают дар стихов и песен; а супруга его — Варда, Королева Звезд.

Манвэ, Мэлько, Улмо и Аулэ обозначены как «четыре великих»; в конечном счете великих валар, *Аратар*, стало числом девять, однако до того в иерархии валар произошло много подви-

жек. Основные черты Аулэ и его особая приязнь к нолдоли возникают здесь в том виде, в котором сохранятся впоследствии, хотя здесь ему приписывается восхищение «языками и письменами», в то время как в *Сильмариллионе* (с. 39) это хоть и не отрицается прямо, но довольно явно подразумевается, что языки и письмена — заслуга и искусство исключительно эльфов-нолдор; далее в *Утраченных Сказаниях* (с. 141) говорится, что Аулэ «с помощью гномов изобрел письмена и алфавиты». Улмо, особо связываемый с солосимпи (в дальнейшем — тэлэри), предстает здесь более «требовательным к почестям и ревнивым к своей власти», чем Манвэ; обитает он в Вай. Вай появился вместо первоначального «Улмонан», но это не просто замена одного имени другим: «Улмонан» именовался чертог Улмо, находившийся в Вай, открытом (Внешнем) Океане. Значение Вай, важного элемента первоначальной космологии, прояснится в следующей главе.

Появляются здесь и другие божества. У Манвэ и Варды есть дети, Фионвэ-Урион и Эринти. Эринти впоследствии стала Ильмарэ, «приближенной Варды» (*Сильмариллион*, с. 30), но больше нигде не упоминалась (см. с. 202). Фионвэ, много позже переименованный в Эонвэ, выдержал испыта-

ние временем и, когда идея «детей валар» была заброшена, стал Глашатаем Манвэ. Появляются духи, подчиненные Улмо: Салмар, Оссэ и Онэн (впоследствии — Уинэн); хотя все они сохранились в пантеоне, до появления концепции майар оставалось еще много лет, так что Оссэ долго числился среди валар. Валар часто называют богами (например, когда Эриол спрашивает, боги ли они, Линдо отвечает утвердительно, с. 45), и это словоупотребление долго сохранялось в ходе развития мифологии.

Здесь заявлены идеи о возрождении эльфов в своих детях и о разных судьбах эльфов и людей. В этой связи можно упомянуть одну забавную деталь. В начале вышеприведенного текста (с. 53) сказано: «в еще более великой [музыке] сольются перед престолом Илуватара хоры айнур и *Сынов Человеческих* после Великого Конца». В заключительном предложении того же текста мы читаем: «И все же *Сынам Человеческим* после свершения всех вещей определено присоединиться ко Второй Музыке Айнур, тогда как свои замыслы относительно судьбы эльдар после завершения мира Илуватар не открыл даже валар, и Мэлько не смог выведать их». В первой же версии *Айнулиндалэ* (датируемой 1930-ми годами) первое

из этих предложений стало звучать так: «„.хоры айнур и *Детей Илуватара* после Великого Конца». В то же время второе осталось, по существу, неизменным. Это противоречие сохранилось вплоть до окончательной версии. Возможно, изменение первого предложения было результатом нечаянной подстановки шаблонного оборота, впоследствии так и не обнаруженной. Однако при публикации (с. 15, 42 [broken link: #UtraI_pg42]) я оставил эти две фразы как есть.

III
ПРИШЕСТВИЕ ВАЛАР И СОЗДАНИЕ ВАЛИНОРА

[THE COMING OF THE VALAR AND THE BUILDING OF VALINOR]

Как я уже отметил, данное сказание следует за Музыкой Айнур без разрыва в повествовании; в тексте нет никакого названия. Сам текст содержится в трех разных тетрадях (*Утраченные Сказания*-записаны в весьма запутанном порядке: части разных сказаний чередуются друг с другом); на обложке тетради с началом сказания, продолжающим*Музыку Айнур*, написано «содержит также Пришествие Валар и начало Создания Валинора». Текст написан чернилами поверх стертого карандаша.

Когда же Румиль закончил и воцарилась тишина, Эриол, помолчав, промолвил:

— Воистину велик сей рассказ, весьма нов и странен он для моего слуха. Но мнится мне, что большая часть того, о чем поведал ты, случилась вне этого мира, и если ведаю я ныне, откуда проистекает жизнь его, движение и основной замысел его истории, хотелось бы мне услышать о самых давних событиях, свершившихся в его

пределах: о трудах валар и о великих, что были в те древнейшие дни. Скажи мне, откуда взялись и Солнце, и Луна, и Звезды, и как обрели они места, где пребывают, и пути, коими следуют? А более того — откуда земные материки, Внешние Земли, великие моря и Волшебные Острова? И также хотелось бы мне услышать твои мудрые и удивительные рассказы об эльдар и их появлении и о приходе людей.

Тогда ответил Румиль:

— Вопросы твои едва ли не длиннее и многословнее самих моих сказаний, а любопытство твое осушит, пожалуй, колодец и глубже, чем мои знания, буде позволю я тебе испить из него и не запрещу снова прийти к нему, если таково твое желание. Воистину, не ведаешь ты, о чем просишь, не знаешь и того, как длинны и запутанны те истории, что ты хочешь услышать. Взгляни, солнце стоит уже высоко над крышами, и сии часы дня не для рассказов. Скорее уж настало время — и давно — прервать пост.

С такими словами Румиль спустился вниз по аллее, усаженной орешником, и, пройдя солнечную полянку, весьма быстро вошел в дом, хотя и смотрел по дороге себе под ноги.

Но Эриол остался сидеть и размышлять в бе-

седке, думая том, что он услышал, и множество вопросов приходило ему в голову — тех, что он желал бы задать, и позабыл он о том, что не вкушал пищи. Но тут пришел Сердечко с товарищем, что нес покрывала и чистое белье, и молвили они Эриолу:

— Румиль Мудрый сказал, что ты, должно быть, лишился чувств в Беседке Дроздов от голода и усталости, ибо утомил тебя его болтливый язык. И мысля, что это вполне вероятно, мы пришли помочь тебе.

Тогда Эриол поблагодарил их и, прервав свой пост, провел остаток этого дивного дня погруженный в глубокие размышления, укрывшись в тихих аллеях сада; и не было там недостатка в отрадных местах для прогулок, ибо хотя ограждали сад мощные каменные стены, спрятанные за фруктовыми деревами или укрытые вьющимися растениями, чьи золотые и алые цветы светились под солнцем, множество укромных местечек и уголков, рощиц и лужаек, тенистых дорожек и покрытых цветами полян таил этот сад, и бесконечно можно было бродить по нему, всякий раз находя что — нибудь новое. И все же тем больше была радость Эриола, когда наступила ночь и опять осушались чаши за то, чтобы

«вновь зажглось Волшебное Солнце», и когда, воздев свечи, все вновь отправились в комнату, где горел Огонь Сказаний.

Тогда вопросил Линдо:

— Быть ли, как обычно, рассказам этой ночью или станем мы слушать музыку и песни?

И многие отвечали — «Пусть будут песни и музыка». Тогда поднялись искусные в этом и пели старые песни, и, быть может, возвращали к жизни забытое искусство менестрелей Валинора — здесь, в комнате, залитой мерцающим светом очага. Иные читали и стихи о Коре и Эльдамаре — небольшие отрывки, что сохранились от прежнего богатства; но вскоре смолкли и песни, и музыка — настала тишина, и бывшие здесь задумались об ушедшей красоте, горячо желая, дабы вновь возгорелось Волшебное Солнце.

Наконец, обратился Эриол к Линдо, говоря:

— Некто Румиль, привратник, и, сдается мне, великий мудрец, этим утром, в саду, поведал мне о начале мира и пришествии валар. Как бы мне хотелось услышать о Валиноре!

Тогда сказал Румиль, что сидел на табурете в темном углу:

— Тогда с позволения Линдо и Вайрэ начну я сказание, иначе не прекратишь ты задавать

вопросы. И пусть присутствующие здесь простят меня, если снова услышат они старые истории.

Вайрэ же отвечала, что сии слова о самых давних днях нескоро еще устареют для слуха эльдар.

Тогда сказал Румиль:

— Вот как явились Манвэ Сулимо и Варда Прекрасная. Варда — та, кто, творя Музыку, думала о свете — белом и серебряном — и о звездах. Оба они, создав себе могучие крила, быстро устремились чрез три слоя воздуха. Темный и недвижный В**а**йтья окутывает собой мир и то, что вне его, **И**львэ же — голубой и чистый, и струится он среди звезд, и наконец достигли они слоя В**и**льна, что сер и в котором могут летать птицы.

Пришло с ними множество меньших вали, тех, что любили их и пели рядом с ними и играли музыку созвучно им. То были м**а**нир и с**у**рули — сильфы воздуха и ветров.

Однако как ни скоро летели они, Мэлько явился раньше них, стремглав пронесшись в воздухе, пламенея из-за быстроты своего полета, и бушевали моря там, где он погрузился в волны, горы над ним извергли пламя, а земля разверзлась, колеблясь; и Манвэ, глядя на это, гневался.

Затем явились Улмо и Аулэ, и вместе с Улмо не пришел никто, кроме одного только Салмара,

известного после как Нолдорин, и, хотя добрым было сердце Улмо, часто предавался он в одиночестве глубоким думам и был молчалив, нелюдим и надменен даже с айнур; вместе же с Аулэ пришла великая владычица Палуриэн, которой в радость изобилие и плоды земли, и потому давным-давно эльдар назвали ее Иаванной. Вместе с ними появилось множество духов деревьев и лесов, долин, рощ и гор — и те, что поют среди трав поутру или в хлебах ввечеру. То были нэрмир и тавари, нандини и орокси, брауни, фэй, пикси, лепреконы и другие, что не имеют имен, ибо число их весьма велико. Но не должно путать их с эльдар: они родились прежде мира, старше старейших его, и, будучи не от мира, часто смеются над ним, ибо не творили его, и для них он по большей части — игра. Эльдар же родились в мире и любят его великою и горячей любовью — по этой причине печальны они в самой радости своей.

Следом за величайшими этими владыками пришел Фалман-Оссэ, повелитель волн морских, и Онэн, супруга его, а с ними — оарни, фалмарини и длиннокудрые вингильди — духи пены и океанского прибоя. Был Оссэ вассалом и подчиненным Улмо, но было так из страха и благоговения перед ним, а не из любви. За ним пришел Тулкас Пол-

дорэа, радующийся своей силе, и братья Ф**а**нтури: Ф**а**нтур Снов — тот, кто зовется Лориэн Олоф**а**нтур, — и Фантур Смерти, Вэф**а**нтур М**а**ндос, а также те две, кого называют Тари, бесконечно почитаемые владычицы, королевы валар. Одна из них — супруга Мандоса, и все знают ее как Ф**у**и Ниэнну, ибо всегда грустна она и вечно скорбит и плачет. Множество иных имен есть у нее, но их вспоминают нечасто, и все они печальны, ибо она — Н**у**ри, вздыхающая, и Х**э**скиль, что приносит зиму, и все должны склониться перед ней, ибо она — Кв**а**лмэ-Т**а**ри, госпожа смерти. Но другая была супруга Оромэ Охотника, называемого **А**лдарон, владыка лесов, чьи радостные клики разносятся над вершинами гор и кто почти столь же силен, сколь вечно юный Тулкас. Оромэ — сын Аулэ и Палуриэн, а Тари, супруга его, всем известна как В**а**на Дивная; любит она радость, юность и красоту, и счастливейшая из всех живущих, ибо она — Туил**э**рэ, или, как говорят валар — Вана Туив**а**на, приносящая весну, и всяк возносит хвалу ей, Т**а**ри-Л**а**йси, госпоже жизни.

Однако, когда все они пересекли границы мира и Вильна всколыхнулся от их прихода, явились в спешке, опоздав, М**а**кар и свирепая сестра его Мэ**а**ссэ, и было бы лучше, если бы никогда не

нашли они дорогу в мир и навсегда оставались с айнур за гранью Вайтья и звезд, ибо оба они — духи раздора и с несколькими иными меньшими духами, что пришли вместе с ними, были первыми и главными из тех, кто присоединился к разладу Мэлько и кто помог ему творить его музыку.

Последним из всех пришел **О**мар, которого еще называют Ам**и**лло, самый младший из великих валар, и пел он, когда появился.

Затем, когда эти великие духи собрались вместе в мире, Манвэ обратился к ним, молвив:

— Узрите ныне! Как могут валар пребывать в этом прекрасном месте и быть счастливы, радуясь его богатствам, если Мэлько будет дозволено разрушить его, творя огонь и беспорядок, так что не станет у нас места, дабы восседать в покое, и не сможет земля цвести, а замыслы Илуватара не воплотятся?

Тогда все валар разгневались на Мэлько, и лишь только Макар говорил против Манвэ; но остальные выбрали нескольких из своего числа, дабы найти лиходея, и то были Мандос и Тулкас; ибо грозного вида Мандоса боялся Мэлько более всего, кроме, разве что, мощной длани Тулкаса, что был вторым.

И вот, они вдвоем отыскали его и принудили явиться к Манвэ, и Тулкас, чье сердце невзлюбило коварство Мэлько, ударил его кулаком, и тот стерпел, но ничего не забыл. Однако учтиво говорил он с богами и молвил, что причинил он немного вреда, бурно радуясь новизне мира; также сказал он, что ничего не мыслил он содеять против власти Манвэ или достоинства Аулэ и Улмо, и ничего не замышлял он, что повредило бы хоть кому-то. И еще посоветовал он, дабы валар расстались ныне, и каждый из них поселился бы среди того, что любил боле всего на Земле, и чтобы никто не пытался проявлять свою власть за пределами этих границ. Было в том некое скрытое порицание Манвэ и Улмо, однако среди прочих богов одни приняли его слова за правду и последовали бы его совету, другие же — не поверили; пока они спорили, Улмо поднялся и отправился к Дальним Морям, что лежат за Внешними Землями. Не любил он многословье и скопление народа, а в тех глубоких водах, пустых и недвижных, собирался он поселиться, оставив владычество над Великими и малыми морями Оссэ и Онэн, своим вассалам. Но всегда волшебством своим из глубины дальних морских чертогов Улмонан управлял он слабейшими течениями Тенистых

Морей и повелевал озерами, источниками и реками мира.

Такова была Земля в те дни, и не изменилась она с тех пор, кроме как древними трудами валар. Обширнейший из всех краев — Великие Земли, где поселились и бродят люди, а среди холмов поют и танцуют Утраченные Эльфы; но за западными пределами той земли лежат Великие Моря, и в бескрайних водах запада бесчисленны малые земли и острова, за которыми катят свои волны одинокие моря, чьи волны шумят у Волшебных Островов. Еще дальше, там, куда заплывали лишь немногие корабли смертных, раскинулись Тенистые Моря, где качаются на волнах Сумеречные Острова и бледная Жемчужная Башня высится над их самым дальним западным мысом; но покуда не была она построена, и простирались темные Тенистые Моря до самого их дальнего берега, что в Эрумане.

Ныне Сумеречные Острова считаются первой из Внешних Земель, к которым еще причисляют Эруман и Валинор. Эруман — или Арвалин — лежит на юге, но Тенистые Моря простираются до самых берегов Эльдамара на севере; а корабли должны плыть еще дальше, чтобы достичь этих серебряных берегов, ибо за Эруманом

вздымаются Горы Валинора, огромным кольцом выгибающиеся на запад, а Тенистые Моря на севере Эрумана образуют просторный залив, так что волны разбиваются о подножие великих утесов и Гор, стоящих над самым морем. Там вздымается великая Таниквэтиль, чей вид величественен. Высочайшая из всех гор, облачена она в чистейшие снега; взирает она с дальней стороны залива на юг через Эруман и на север — через Залив Фаэри; все Тенистые Моря, даже паруса кораблей в залитых солнцем водах великих океанов и скопления народа в западных гаванях земель людей можно было впоследствии видеть с ее вершины, хотя расстояние до них измеряется в бессчетных лигах. Но пока Солнце не встало, Горы Валинора не были подняты, и обширная долина Валинора лежала холодная. Я никогда не видел и не слышал о том, что за Валинором, кроме того, что точно лежат там темные воды Внешних Морей, где нет приливов и отливов; весьма холодны и разрежены те воды, так что ни одна лодка не может скользить по их лону и ни одна рыба — плавать в их глубинах, кроме зачарованной рыбы Улмо и его волшебной колесницы.

Туда он отправился ныне, боги же совещались, раздумывая о словах Мэлько. И советовали Аулэ

и его супруга Палуриэн, что были более всех опечалены вредом, нанесенным смутой Мэлько, и нисколько не поверили его обещаниям, чтобы боги не расходились, как просил Мэлько, дабы не задумал он случаем нападать на них по одиночке или нанести вред их владениям.

— Разве не могущественнее он, — молвили Аулэ и Палуриэн, — нежели каждый из нас, кроме одного только Манвэ? Давайте лучше построим жилище, где мы сможем вместе жить в радости, покидая его лишь тогда, когда надо заботиться о наших богатствах или осматривать наши владения. Даже тот, кто считает иначе, может поселиться там на время и найти покой и отдых после трудов в мире.

Ныне разум и руки Аулэ уже жаждали творить вещи, и оттого настаивал он на этом замысле; и большая часть богов решила, что это хороший совет, и отправились они, дабы найти место в мире, где поселиться. Стояли дни Сумерек (Ломэнд**а**нар), ибо был тогда свет — золотой и серебряный, но, не собранный еще воедино, трепетал и струился он в воздухе изменчивыми потоками или временами мягко ниспадал на землю сверкающим дождем и бежал по ней, подобно воде; и в те времена Варда, забавляясь, поместила несколько

звезд на небеса, но было их тогда немного.

В этом сумраке боги обошли север и юг, увидев немногое; в этих краях нашли они великий холод и одиночество, и власть Мэлько, что все набирала силу; но Мэлько и его слуги рыли на севере, строя мрачные залы Утумны, ибо и не думал он поселиться среди других, хотя и притворялся на время, будто относится мирно и дружественно к остальным.

Теперь, когда кругом стояла тьма, Аулэ убедил Мэлько возвести две башни — на севере и на юге, на каждую из которых хотел он поместить по великой светильне. Их сделал Аулэ сам, из золота и серебра, а Мэлько сотворил столпы и были они очень высоки и светились подобно бледно — голубым кристаллам; и когда Аулэ ударил по ним рукой, они зазвенели, словно металлические. Они поднимались сквозь нижний слой воздуха, достигая Ильвэ и звезд. Сказал Мэлько, что сделаны они из неразрушимого материала великой прочности, который сотворил он сам, и солгал он, ибо знал, что они — изо льда. И тот столп, что на севере, назвал он Р**и**нгиль, а тот, что на юге — Х**э**лькар, и вот, лампы были готовы и поставлены на них, наполненные собранным светом — серебряным на севере и золотым — на юге. Немало

этого света Манвэ и Варда собрали с небес, дабы боги могли лучше рассмотреть места на земле и выбрать красивейшее для своего дома.

Теперь при свете огня странствовали они по востоку и западу, и восток был холмистой пустошью, а запад — сосредоточием великих морей мрака, так что собрались боги на Сумеречных Островах и стояли там, разглядывая западные пределы, как вдруг светильни севера и юга замигали и рухнули, и когда они упали, воды поднялись вокруг островов.

Тогда не поняли боги, что произошло, а случилось так, что пламя тех светилен растопило предательский лед столпов Мэлько — Рингиля и Хэлькара, и огромные потоки воды хлынули от них в Тенистые Моря. Столь велико было таяние, что хотя эти моря были поначалу невелики, зато чисты и теплы, ныне стали они черными и огромными, и легли над ними туманы и глубокие тени, ибо громадные холодные реки влились в них. Так были низвергнуты с высоты великие светильни, и гром их падения сотряс звезды, и часть их света снова расплескалась по небу, но большая — вылилась на землю, став причиной появления пожаров и пустынь, ибо велика была сила того огня, покуда не собрался он в озера и пруды.

Тогда настало время первой ночи, и длилась она бесконечно долго; а валар весьма разгневались на предательство Мэлько. Поднявшись и бурля возле самых ног, грозили захлестнуть их сумеречные моря, что уже сокрыли в своих волнах множество островов.

Тогда Оссэ, ибо Улмо не было там, призвал к себе оарни и, объединив свои усилия, повлекли они остров, на котором стояли валар, из тех вод на запад, пока не достигли Эрумана, чьи высокие берега сдержали злой потоп; и то был первый прилив.

Тогда рек Манвэ:

— Теперь построим же мы спешно жилище, что станет защитой от зла.

И отправились они в Арвалин и узрели огромную равнину, что простиралась на бесчисленные лиги, достигая самих Внешних Морей. Это место, по словам Аулэ, вполне подошло бы для великого строительства и для создания прекрасных царств; для того валар и весь их народ сначала собрали самые громадные скалы и камни Арвалина и соорудили огромные горы между ним и той равниной, которую назвали они теперь Валинор, или Страна Богов. Поистине, сам Аулэ трудился семь веков по слову Манвэ, воздвигая Таниквэ-

тиль, и рокот наполнил сумрак мира, и Мэлько услышал шум их работы. По причине их долгих трудов стала долина Эрумани весьма широкой и на диво ровной, ведь убрали они все камни и скалы, что были там; а горы Валинора поднялись нерушимы и неприступно-высоки. Увидев, наконец, эту мощную крепость меж Валинором и миром, боги вздохнули спокойно; но Аулэ и Тулкас поспешили в мир со многими из своего народа и принесли сюда, что смогли: мрамор и камень, железо, золото, серебро, бронзу и прочие всевозможные вещества, которые сложили на равнине, и Аулэ принялся за работу.

Но вот молвил он:

— Негоже работать в этом мраке, и злым было деяние Мэлько, которое разрушило прекрасные светильни.

Варда же ответствовала ему, говоря:

— Немало еще света осталось и в воздухе, и того, что разлился по земле.

И она пожелала собрать его вновь и поставить маяк на Таниквэтиль. Но Манвэ не пожелал, чтобы с небес собрали остатнее сияние, ибо и без того уже сгустилась тьма ночи, но по его просьбе Улмо поднялся из глубин и направился к блистающим озерам и прудам, наполненным

сиянием. Там собрал он реки света в большие сосуды, пустив снова воды на их место, и с этим вернулся в Валинор. Там свет этот вылили в две огромные чаши, что сотворил Аулэ, работая во мраке, к возвращению Улмо, и были они названы Кулуллин и Силиндрин.

Потом в срединной долине выкопали они две огромные ямы и, хотя разделены они лигами, все же недалеки друг от друга в сравнении с безбрежностью этой равнины. В одну из них поместил Улмо семь золотых самородков, добытых им из самых потаенных глубин моря, и был брошен туда осколок светильника, горевшего прежде на столпе Хэлькар, что на юге. Затем засыпали они яму плодородной почвой, которую создала Палуриэн, и пришла Вана, что любит жизнь и солнечный свет и под чьи песни поднимаются и раскрываются цветы, и переливы голосов тех дев, что собрались вокруг нее, были подобны веселому гомону народа, что торопится на улицу в ясное утро. Там, над курганом, пела Вана песню весны и танцевала вокруг, изливая на него потоки золотого света, который Улмо принес от мерцающих озер и которым в конце был Кулуллин почти переполнен.

Но во вторую яму бросили они три огромных

жемчужины, что Оссэ нашел в Великом Море, и вслед за ними Варда положила туда маленькую звезду, и они покрыли все это пеной и белыми туманами, а сверху слегка присыпали землей, а Лориэн, что любит сумерки, трепещущие тени и душистые запахи, несомые вечерними ветрами, владыка снов и видений, сел рядом и беззвучно и быстро нашептывал, пока его духи наигрывали едва слышные мелодии подле него, и казалось, словно в темноте, от далеких жилищ, доносится эта музыка; и боги поливали тот холм реками белого сияния и серебряного света, которым Силиндрин был наполнен до краев — и когда они окончили работу, был Силиндрин все еще полон.

Тогда явилась Палуриэн, Кэми, владычица Земли, супруга Аулэ, мать владыки лесов, и плела заклинания над этими двумя холмами, творя таинственные чары жизни и роста, чары юных листьев, цветения и созревания плодов, однако ни слова об увядании не было в этой песне. Закончив петь, надолго умолкла она, размышляя; валар же восседали вокруг этого места, и темна была равнина Валинора. Но вот прошло время, и во мраке вспыхнул, наконец, яркий золотой проблеск, и крик радости и хвалы вырвался у всех валар и у тех, кто был с ними. И вот, из того места,

куда пролилась влага Кулуллина, поднялся тонкий побег, и от его коры лилось бледно — золотое сияние; и росток поднимался ввысь, и спустя семь часов вздымалось на том месте могучее древо, такое, что все валар и их народ могли усесться под его ветвями. Стройным и высоким было то древо, и ничто не могло пробить его гладкую кору, которая испускала слабый золотистый свет по всей его огромной высоте. Его прекрасные ветви простирались во все стороны, и золотистые почки набухали на всех побегах и веточках, и из них появлялись ярко — зеленые листья, чьи края светились. Немало дивного света давало то древо, но на глазах у валар в великом изобилии распустились на нем цветы, так что скоро все его ветви покрылись колеблющимися гроздьями золотых цветов, подобных мириадам висячих светильников, горящих огнем, и свет сочился с их кончиков и капал на землю с благозвучным звоном.

И боги вознесли хвалу Ване и Палуриэн и возрадовались в свете, говоря им:

— О, воистину прекрасно сие древо, и должно ему иметь свое имя.

И Кэми молвила:

— Пусть зовется оно Л**а**урэлин, ибо ярки его

цветы и прекрасна музыка его росы.

Но Вана пожелала назвать его Линдэл**о**ксэ, и оба имени остались.

И прошло двенадцать часов с тех пор, как показался первый побег Линдэлоксэ, и в сей час вспышка серебряного света пронзила золотистое сияние, и валар узрели росток, поднимающийся из того места, куда пролилась влага Силиндрина. Нежно-белая кора его мерцала, словно жемчуг, и подымался он так же быстро, как Лаурэлин, и пока он рос, сияние Лаурэлин убывало, и свет его цветов стал тусклее, пока древо не засветилось слабо, так, словно заснуло; но вот другое выросло теперь — такое же высокое, как Лаурэлин, и был его ствол еще стройнее и изящнее, а кора — как шелк, но ветви росли чаще, сплетаясь плотнее, побеги кустились гуще, и выпустили они потоки голубовато — зеленых листьев, подобных наконечникам копий.

И взирали валар в изумлении, но Палуриэн рекла:

— Не закончился еще рост этого древа.

И пока она говорила, древо расцвело, и соцветья его не висели гроздьями, но были как отдельные цветы, и каждый рос на тонком стебле, что качались согласно, и были те цветы как

сребро, жемчуг и блистающие звезды, и горели они белым огнем; и казалось, словно у дерева бьется сердце, его сверкание трепетало, нарастая и убывая. Свет подобно жидкому серебру сочился от его ствола и стекал на землю, и по равнине разлилось великое свечение, хотя не было оно таким ярким, как свет золотого дерева, а из-за огромных его листьев и из-за биения его внутренней жизни беспрерывно трепетали тени в озере его сияния, тени весьма четкие и черные; тогда Лориэн не мог сдержать радости и даже Мандос улыбнулся. Но молвил Лориэн:

— Внемлите! Я дам имя этому древу, и будет оно зваться Сильпион.

И таково было его имя с тех пор. Тогда Палуриэн поднялась и сказала богам:

— Соберем же теперь весь свет, что падает каплями на землю с этого дивного древа и поместим в Силиндрин и пусть берут его оттуда понемногу. Смотрите, это дерево, когда пройдут двенадцать часов его сильнейшего света, тоже поблекнет, и тогда Лаурэлин ярко засияет снова; но чтобы не истощилось оно, бережно поливайте его из чаши Кулуллин в час, когда тускнеет Сильпион, а для Сильпиона сделайте вы то же самое, выливая обратно собранный свет из глубокой

чаши Силиндрин при каждом убывании света золотого дерева. Свет — это сок этих деревьев, и сок их — свет.

И значили сии слова ее, что хотя эти древа должно поливать сиянием их, дабы струился в них сок и жизнь, однако, живя и произрастая такими, как есть, давали они свет в великом изобилии, много больше того, что выпивали их корни; боги послушались ее слов, и Вана возложила на одну из своих дев, звавшуюся Урвэн, труд поливать Лаурэлин, а Лориэн повелел Сильмо, юноше, коего любил он, заботиться об освежении Сильпиона. Посему сказано, что стоило лишь полить каждое из древ, как наступали удивительные сумерки — златые и сребряные — и смешение света невиданной красы, пока одно древо не потухало совершенно, а другое не возгоралось полным сиянием.

Теперь при свете древ было Аулэ легко и удобно работать, и занимался он многими делами, а Тулкас помогал ему, и Палуриэн, мать волшебства, была вместе с ним. Сначала на Таниквэтиль было возведено великое обиталище для Манвэ и поставлена сторожевая башня. Оттуда отправлял Манвэ своих стремительных ястребов и встречал их, когда они возвращались, и туда часто прише-

тал в позднейшие дни Соронтур, Король Орлов, которому Манвэ дал великую силу и мудрость.

Был тот дом построен из мрамора голубого и белого и стоял посреди снежных полей, а крыши его были сделаны из сплетений того лазурного воздуха, что называется *ильвэ* и лежит над белым и серым слоями. Те сплетения сотворили Аулэ и супруга его, а Варда изукрасила звездами, и Манвэ поселился в том доме; на равнине же, в ярком свечении дерев, стояли дома прекрасного и радостного града, что звался В**а**лмар. Ни металла, ни камня, ни древесины могучих деревьев не пожалели на его строительство. Были золотыми их крыши и серебряными — полы, а двери — из полированной бронзы; возвели их с помощью магии и скрепили стены их волшебством.

Отдельно от тех домов, рядом с открытой долиной помещался огромный чертог, и был то дом Аулэ, полный волшебными тканями, сплетенными из света Лаурэлин, сияния Сильпиона и мерцания звезд; но другие были сплетены из нитей золота и серебра, железа и бронзы, выкованных не толще паутины, и были на них с великим искусством вытканы события музыки Айнур, так что изображали они то, что было уже, и то, что еще будет, или же то, что явилось лишь

в славе разума Илуватара.

Во дворе росли некоторые из тех деревьев, что после появились на земле, и лежало средь них озеро голубой воды. Множество фруктов падало с них на землю и на траву, что росла по берегам озера, и собирали их девы Палуриэн для пиров ее и ее владыки.

Был и у Оссэ великий дом, где жил он, когда происходили советы валар или же если утомлял его шум морских волн. Онэн и оарни принесли тысячи жемчужин для этого дома, и полы его были морской водой, а гобелены походили на сверкание серебряной рыбьей чешуи; крышей же служила морская пена. Улмо жил не в Валмаре и ушел оттуда, едва тот был построен, во Внешние Моря. Когда надо было ему побыть в Валиноре, жил он в чертогах Манвэ, но случалось это не так уж часто. Лориэн также поселился далеко, и был его чертог огромным и сумеречным, и росли возле него бесконечные сады. Мурмуран назвал он свое обиталище, которое Аулэ построил из туманов, собранных за Арвалином, над Тенистыми Морями. Располагалось оно на юге, у подножия Гор Валинора, на границе королевства, но удивительные сады его широко раскинулись, достигая подножия Сильпиона, чей свет причуд-

ливо освещал их. Были они полны лабиринтов и запутанных дорожек, ибо Палуриэн подарила Лориэну множество тисов, кедров и сосен, что источали в сумерках аромат, навевающий дремоту; и нависали они над глубокими озерами. Светляки ползали по их берегам, а Варда поместила звезды в их глубину на радость Лориэну, духи его дивно пели в сих садах, а благоухание ночных цветов и песни сонных соловьев наполняли их великим очарованием. Также росли там маки, светившиеся алым в сумерках, и боги называли их *фумэллар* — цветы сна, а Лориэн часто прибегал к ним для для своих чар. В самом сердце прекрасного этого сада стоял в кольце темных, высоко вздымающихся кипарисов, глубокий сосуд Силиндрин. Там покоился он на ложе из жемчужин, и недвижная его поверхность светилась серебряными искрами, и тени деревьев лежали на ней, а Горы Валинора могли взирать на свои лики, что отражались там. Лориэн, вглядываясь туда, зрел множество таинственных видений, пробегавших по воде, и никогда никто не тревожил сон Силиндрина, разве что Сильмо приходил неслышно с серебряным кувшином набрать толику его мерцающей прохлады и тихо шествовал прочь, дабы полить корни Сильпиона,

пока не разгорелось златое древо.

Иным было разумение Тулкаса, что жил в самой середине Валмара. Самый юный, силен он и крепок телом, и потому зовется он Полдорэа, тот, кто любит игры и стрельбу из лука, кулачный бой, борьбу, бег, прыжки и песни, что сопутствуют веселым пирам, когда налитая до краев чаша ходит по кругу. Между тем вовсе не любил он спорить и затевать драку без причины, как Макар, хотя нет никого из валар или ува**н**имор (последние суть чудовища, великаны и исполины), кто не боится силы его рук или удара его одетого железом кулака, когда есть у него причина для гнева. А жилище его было домом веселья и шумной радости; и вздымался он высоко в небо несколькими ярусами, высилась там башня из бронзы, и медные столпы поддерживали просторную аркаду. Во дворе его играли и соперничали друг с другом в доблести, и там временами прекрасная владычица Нэсса, супруга Тулкаса, разносила кубки доброго вина и прохладное питье игрокам. Но более всего любила она уходить к прекрасным лужайкам, чьи травы Оромэ, брат ее, собрал на самых щедрых своих лесных полянах, а Палуриэн посадила там эти травы, зачаровав их так, что оставались те лужайки всегда зелеными и

ровными. Там танцевала она со своими девами, пока цвела Лаурэлин, ибо не была ли в танце она более искусна, нежели сама Вана?

Жил также в Валмаре и Нолдорин, издревле известный как Салмар: то играл он на арфах и лирах, то восседал под Лаурэлин под благозвучный голос своих струн. Там под его музыку радостно пел Амилло, которого еще называют Омар и чей голос — прекраснейший из всех голосов, кто знает все песни на всех наречиях; и если не пел он под арфу своего брата, то голос его переливался в садах Оромэ, когда юная дева Ниэлликви танцевала в тех лесах.

У Оромэ же были обширные владения, которые любил он необычайно — и не меньше любила их Палуриэн, мать его. Рощи деревьев, что насадили они на равнине Валинора и даже в предгорьях, нельзя сравнить с тем, что есть на Земле. Развились там звери: олени — среди дерев, и скот пасся среди широких лугов; бизоны жили там и лошади бродили свободными, но никогда они не забредали в сады богов, хотя жили в мире и не было в них страха, ибо хищники не жили среди них, а Оромэ никогда не охотился в Валиноре. И хотя он несказанно любил свое королевство, часто отправлялся он во внешний мир — гораздо

чаще, чем Оссэ, и также часто, как Палуриэн, и там стал он величайшим из охотников. Но в Валмаре его чертоги просторны и невысоки, и бесценные роскошные шкуры и кожи брошены на пол или висят на стенах, и также — копья, и луки, и ножи. Посреди каждой комнаты и залы растет живое древо, что поддерживает крышу и чей ствол увешан охотничьими трофеями и оленьими рогами.

Здесь живет весь народ Оромэ, что носит зеленое и коричневое, и шумит здесь бурное веселье, и владыка лесов пирует там; но Вана, его супруга, частенько уходит оттуда. Далеко от шумливого двора этого дома лежат ее сады, плотно отгороженные от диких земель густыми зарослями боярышника, чьи цветы подобны вечным снегам. И самое уединенное место ограждено стеной из роз, и его более всего любит дивная владычица Весны. Среди сего благоухания поместил Аулэ давным-давно тот самый сосуд — золотой Кулуллин, наполненный сиянием Лаурэлин словно сверкающей влагой, из которого сотворил он источник, так что весь сад исполнился здоровья и счастья из-за чистого его света. Птицы поют там круглый год, звонко славя весну, и растут цветы, необузданные в своем цветении и радости

жизни. Однако великолепие это не покидает златого сосуда, кроме тех случаев, когда девы Ваны, ведомые Урвэн, уходят из сада в пору, когда разгорается Сильпион, дабы полить корни огненного дерева; но вечно источник озаряет сад своим янтарным дневным светом, пчелы трудятся над розами, и легко ступает там Вана, а жаворонки поют над ее золотой главой.

Так прекрасны были те обители и так велико сияние деревьев Валинора, что Вэфантур и Фуи, супруга его, повелительница слез, не могли оставаться здесь долго, но отправились на север, где под корнями самых холодных и самых северных Гор Валинора, что там, близ Арвалина, вновь вздымаются почти на прежнюю высоту, попросили они Аулэ вырыть им чертог. Поскольку каждый из богов может жить так, как ему нравится, Аулэ сделал это, а они и весь их сумеречный народ помогали ему. Весьма широки были эти пещеры, что простирались даже под Тенистые Моря, темны они и исполнены отзвуками, и все это жилище в глуби земли известно богам и эльфам как Мандос. Здесь, в этом черном чертоге, воссел Вэфантур и назвал его собственным именем — Вэ. Был он освещен единственным сосудом, помещенным в середине, в котором светились

несколько капель бледной росы Сильпиона; был сей чертог затянут темным туманом, а полы его и колонны — сделаны из гагата. Сюда во времена, что настали после, приходили эльфы из всех народов, кто по злой судьбе погиб от оружия или умер от тоски по тем, кого уже не было с ними — только так могут эльфы умереть, и лишь на время. Здесь Мандос выносил им приговор, и здесь они ждали во тьме, грезя о прошлых своих деяниях, до тех пор, пока в час, назначенный Мандосом, не родятся они среди детей своего народа и не уйдут на землю — петь и смеяться. В Вэ Фуи приходит нечасто, ибо занята она скорее тем, что превращает соленые испарения в слезы и ткет она черные облака, после выпуская их наверх, где подхватывают их ветры и носят над миром, и их бессветные тенета опускаются там и тут на живущих в мире.

Эти сплетения — отчаяние, слезы без надежды, скорбь, слепое горе. Чертог, что более прочих любит она — даже шире и темнее, чем Вэ, и так же наречен он ее собственным именем и зовется Фуи. Здесь, перед черным ее троном горит жаровня с единственным мерцающим углем, крыша чертога — из крыльев летучих мышей, а колонны, что поддерживают ее, и стены вокруг — из

базальта. Сюда приходят сыны людей услышать свой приговор, и приводит их то множество бед, что злая музыка Мэлько породила в мире. Кровопролития и пожары, голод и несчастья, болезни и удары, нанесенные во мраке, жестокость и мучительный холод, нестерпимая боль и собственное безрассудство приводят их сюда; а Фуи читает в их сердцах. Некоторых она оставляет в Мандосе, что под горами, а иных отправляет за горы, и Мэлько хватает их и забирает в Ангам**а**нди, Железные Преисподни, где ждут их злые дни. Некоторых, а их больше всего, отсылает она на черную ладью М**о**рниэ, что время от времени останавливается в темной гавани севера, ожидая печальные шествия, что медленно спускаются на берег из Мандоса по неровным извилистым тропам.

Тогда, наполнившись, сама она подымает свои траурные паруса и, гонима несильным ветром, плывет вдоль берегов. И все, кто на борту, пока плывут они на юг, с неизбывной тоской и сожалением взирают на тот проход в горах, сквозь который чуть виден Валинор на отдаленной равнине. И проход сей близок к Таниквэтиль, где берега Эльдамара. И не узреть им более того светлого края, но увезенные, живут они на просторных равнинах Арвалина. Там скитаются они

во мраке, устраивая себе жилища, как могут, но не оставлены они без песни и могут видеть звезды, в терпении ожидая наступления Великого Конца.

Немногочисленны счастливцы, за коими в свое время приходит Норнорэ, глашатай богов. Тогда едут они с ним в колесницах или на добрых конях в долину Валинора и пируют в чертогах Валмара, поселившись в домах богов до тех пор, пока не настанет Великий Конец. Далеко от них черные горы севера и туманные равнины Арвалина, и для них — музыка, дивный свет и радость.

Но вот поведал я о том, как построены были жилища всех великих богов, которые мастерством Аулэ поднялись в Валиноре; но Макар и его свирепая сестра Мэассэ построили себе жилище сами, с помощью лишь своего народа, и это были мрачные чертоги.

На границах Внешних Земель стояли они, не очень далеко от Мандоса. Были они построены из железа и не украшены ничем. Здесь сражались вассалы Макара, облаченные в доспехи, там стоял лязг оружия, слышались крики и резкие звуки труб, а Мэассэ была среди воинов и подстрекала их наносить удары, а тех, кто терял сознание, приводила в себя крепким вином, дабы могли они сражаться дальше; и смута эта обагрила

руки ее по локоть. Никто из богов не приходил сюда, кроме Тулкаса, и если они хотели посетить Мандос, то искали кружной путь, чтобы не проходить близ этих шумных чертогов; но Тулкас временами боролся с Макаром или обменивался сокрушительными ударами с бойцами, и поступал он так для того, чтобы не изнежиться от хорошей своей жизни, хотя он не любил этот народ, и они, по правде говоря, не любили его и его великую безгневную силу. Не останавливался бой в чертогах Макара, кроме как на время, когда его народ собирался в чертоги на пир или когда Макар и Мэассэ уходили далеко, охотясь в черных горах на волков и медведей. Дом был полон боевого оружия, и щиты, огромные и отполированные до блеска, висели на стенах. Залы освещались факелами, и звучали там свирепые песни победы, грабежа и разорения, а рдяный свет факелов отражался на лезвиях обнаженных мечей. Здесь сидят часто Макар и его сестра, внимая этим песням, и у Макара на коленях лежит огромная секира, а Мэассэ держит копье. Но в дни до сокрытия Валинора эти двое странствовали по Земле и жили далеко от тех краев, ибо любили разнузданную сумятицу, которую поднял Мэлько по всему миру.

Между тем, Валинор теперь был построен, и царит там великий мир, а боги живут в радости, ибо духи раздора недолго задерживаются среди них, и Мэлько не подходит близко.

Тогда молвила девочка, что сидела среди слушателей, очень любившая сказания и стихи:

— Ах, если бы никогда не приходил он туда, и если бы дано было мне узреть ту страну все еще сияющей, какой она вышла из рук Аулэ…

Она уже слышала, как Румиль рассказывал сие сказание, и много думала о нем, но большая часть собравшихся узнала историю впервые, также, как и Эриол, и они сидели в изумлении. Тогда заговорил Эриол: — Необычайно могущественны и славны валар, и желал бы я услышать больше о тех древних днях, если бы не видел я мерцания Свечей Сна, что внесены сюда.

Другой ребенок, что сидел на подушке возле кресла Линдо, сказал:

— Нет, а я бы желал побывать в чертогах Макара и получить случаем меч или нож, дабы носить их, а в Валмаре, мнится, неплохо побывать в гостях у Оромэ.

На то Линдо, рассмеявшись, сказал:

— Это было бы и в самом деле неплохо.

И с этим он поднялся, и рассказы были закон-

чены на эту ночь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Изменения в именах и названиях в *Приш**е**ствии Валар и Создании Валинора*

***О**нэн (Ónen)* < ***О**вэн (Ówen)* (только в первом случае; везде далее сначала написано **О**нэн).

***Э**руман (Eruman)* и ***А**рвалин (Arvalin)*. Первоначальные названия этой области — *Х**а**ббанан (Habbanan)* и *Х**а**рмалин (Harmalin)*, но они были исправлены на протяжении повествования (кроме двух случаев, когда *Х**а**ббанан* был пропущен) на ***Э**руман* (один раз — *Эрум**а**ни*, с. 70) и ***А**рвалин*. (В трех последних случаях *Х**а**ббанан* > ***А**рвалин*, тогда как в более ранних случаях *Х**а**ббанан* > ***Э**руман*; но различия, по- видимому, не имеют значения, так как названия *Х**а**ббанан/Х**а**рмалин* и поздние ***Э**руман/**А**рвалин* были взаимозаменяемыми.) В *Домике Утраченной Игры* изменения были: *Х**а**рвалин* > *Х**а**рмалин* > ***А**рвалин* (с. 22).

*Ломэнд**а**нар (Lomendánar)* < *Л**о**мэ Д**а**нар (Lome Danar)*

*Сил**и**ндрин (Silindrin)* < *Тэл**и**мпэ (Силиндрин) (Telimpë (Silindrin))* (только в одном случае, впоследствии — Сил**и**ндрин, как и написано в

первый раз).

*Линдэл**о**ксэ (Lindeloksë)* < *Линдэл**о**тэ (Lindelótë)* (ср. с. 22).

Комментарии к *Пришествию Валар и Созданию Валинора*

Этот подробный рассказ Румиля в данном случае лучше всего обсуждать по частям.

(i) Приход валар и их столкновение с Мэлько (с. ~65–67~)

Описание прихода валар в мир не перешло в поздние версии, но рассказ о них в этом отрывке является самым ранним источником Валаквэнты (*Сильмариллион*, с. 25–29), хотя отсутствует преемственность рукописей. Этот отрывок очень интересен, так как здесь появляются сразу множество мифологических персонажей, которые встречаются и впоследствии, не считая тех, кто упоминается только здесь. Примечательно, что многие из имен валар, появившиеся в ранних работах, не были потом изменены или переделаны: *Йаванна, Тулкас, Лориэн, Ниэнна, Оромэ, Алдарон, Вана, Нэсса* — те, кто впервые появились именно в этой истории; а также — *Манвэ, Сулимо, Варда, Улмо, Аулэ, Мандос, Оссэ, Салмар*, которые уже

упоминались ранее. Некоторые остались в видоизмененной форме: *Мэлькор* вместо *Мэлько*, *Уинэн* (позже и это имя появляется в *Утраченных Сказаниях*) вместо *Онэн*, *Фэантури* вместо *Фантури*; в то время, как некоторые другие, такие, как Йаванна *Палуриэн* и Тулкас *Полдорэа* долго сохранялись в традиции «Сильмариллиона», пока не были изменены на *Кэмэнтари* (хотя см. *Кэми*, «владычица Земли» в этом сказании) и *Аста́лдо*. Но многие из этих ранних валар исчезли на следующей после *Утраченных Сказаний* ступени, или фазе: Омар-Амилло и варварские боги войны Макар и Мэассэ.

Здесь появляется также определенная система отношений, которая сохранилась и в самом позднем варианте. Так, Лориэн и Мандос с самого начала были братьями, каждый со своими специальными обязанностями — «грезы» и «смерть»; а Ниэнна с самого начала была тесно связана с ними, здесь — как супруга Мандоса, впоследствии — как сестра Фэантури. Изначально образ Ниэнны был более мрачным и зловещим (богиня смерти, тесно связанная с Мандосом), нежели впоследствии. Неопределенное отношение Оссэ к Улмо возникло в самом начале; но присущие Улмо надменность и обособленность позже ис-

чезли, по крайней мере, как черты «характера», на которые здесь прямо указывается. Вана уже супруга Оромэ, но сам Оромэ был сыном Аулэ и (Йаванны) Палуриэн; в позднем варианте этих мифов Вана потеряла свою значимость по сравнению с Ниэнной, в то время как Оромэ приобрел, став, в итоге, одним из великих валар — *Аратар*.

Особенно же занимательны в этом отрывке упоминания о низших духах, которые пришли вместе с Аулэ и Палуриэн; из него следует, что понимание эльдар как непохожих по своей сущности на «брауни, фэй, пикси, лепреконов» весьма старо, поскольку эльдар «родились в мире» и связаны с ним, в то время как остальные появились еще до творения мира. Позднее отсутствуют всякие следы подобных обитателей мира: о майар сказано мало, и, конечно, не говорится, что они включали в себя существа, которые «поют среди трав поутру и в хлебах ввечеру» [32].

---

[32] Примечания: 32

См. *Сильмариллион*, с. 30: «Вместе с валар пришли многие иные духи, что родились еще до начала времен, подобные валар, но не такие могущественные. То были майар — народ валар, их слуги и помощники. Сколько их было, эльфы не знают, и мало кто из них имеет имена на языке Детей Илуватара». В ранней версии этого отрывка читаем: «Множество меньших духов они [валар] привели с собой — великих и малых, и многих из них люди путают с эльдар, или эльфами; но это не так, ибо они были еще до мира, а эльфы и люди пробудились в мире после прихода валар».

Салмар, помощник Улмо, появившийся в Музыке Айнур, теперь идентифицирован как Нолдорин, впервые упомянутый Вайрэ в *Домике Утраченной Игры* (с. 16); его история — то, что возможно разобрать — появится позже. В последующих работах о нем не говорится ничего, кроме того, что он пришел вместе с Улмо и сотворил для него рога (*Сильмариллион*, с. 40).

В более поздних вариантах этого повествования нет никакого упоминания о Тулкасе (или Мандосе!), отправившихся на поиски Мэлькора в самом начале истории валар в Арде. Из *Сильмариллиона* мы узнаем лишь о великой войне между валар и Мэлькором еще до того, как «Арда обрела форму», и как Тулкас, явившись с «дальних небес», разгромил Мэлькора, так что тот бежал из Арды и «бродил в мрачных думах во внешней тьме».

(ii) Ранняя концепция Западных Земель и Океанов.

В *Домике Утраченной Игры* термин «Внешние Земли» употребляется для обозначения земель к востоку от Великого Моря, позднее — Средиземья; потом «Внешние Земли» были заменены на «Великие Земли» (с. 21). К «Внешним Землям» теперь относятся

Самая ранняя карта

Сумеречные Острова, **Э**руман (или **А**рвалин) и Валинор (с. 68). Любопытная тенденция, которая часто появляется в *Утраченных Сказаниях*, — уравнивание понятий «мир» (с. 16) с Великими Землями или со всеми землями к западу от Внешних Земель; см. например: горы высятся как

«крепость меж Валинором и миром» (с. 70) и Король Инвэ услышал «плач мира» (с. 16).

Здесь уместно обратиться к карте (с. 81), которая появляется в тексте более поздних историй (в *Воровстве Мэлько и Затмении Валинора*). Эта карта, нарисованная на странице рукописи с текстом, написанным вокруг него, — поспешный набросок, сделанный мягким карандашом, теперь стершийся и поблекший, так что многие нюансы сложно, а то и вовсе невозможно, разобрать. Я перерисовал его как мог аккуратно, за исключением одного названия, буквы которого уже неразборчивы (начинается с «М»), предшествующие слову «лед». Я добавил буквы «а», «Ь», «с» и т. д., чтобы было более понятно.

Утумна (позже Утумно) располагается на самом дальнем севере, к северу от столпа Рингиль; местоположение южного столпа на этой карте не определено. Квадратик, помеченный «а», — очевидно, Валмар, и я полагаю, что две точки, которые я пометил буквой «Ь», обозначают Два Древа, о которых позднее сказано, что они стояли к северу от города богов. Точка «с» — владения Мандоса (см. с. 76, где сказано, что Вэфантур Мандос и Фуи Ниэнна попросили Аулэ построить им жилище «под корнями самых холодных и самых

северных Гор Валинора[33]); точка к югу от этого места вряд ли может обозначать жилище Макара и Мэассэ, так как сказано (с. ~77–78~), что, будучи недалеко от чертогов Мандоса, оно находилось у границы Внешних Земель.

Область, которую я пометил «Ь» — Эруман/Арвалин (который в конечном итоге стал называться **А**ватар), ранее — *Хаббанан/Хармалин (Харвалин)*, которые просто чередуются (см. с. 79).

Позже, на карте мира, появившейся в 1930-е годы, западный берег Великого Моря образует плавный и правильный изгиб с севера на юг, обращенный на запад, а гряда Гор Валинора изгибается фактически противоположной дугой на восток,)(; там, где эти две кривые соприкасаются своими серединами, находятся Туна и Таниквэ-

---

[33] Примечания: 33

В *Сильмариллионе* (с. 28) чертоги Мандоса располагались «на западе Валинора». В окончательном тексте *Валаквэнты* на самом деле сказано «к северу», но я изменил это на «к западу» в опубликованной работе (и также заменил «север» на «запад» на с. 52) на основании утверждения в том же отрывке, что чертоги Ниэнны находятся «на западе Западных Земель, у границ мира», и в то же время — рядом с чертогом Мандоса. Из другого отрывка следует, что чертоги Мандоса мыслились как находящиеся на берегах Внешнего Моря, см. *Сильмариллион* с. 186: «Ибо по ее просьбе дух Бэрэна медлил в чертогах Мандоса, пока Лутиэн не придет проститься с ним на сумрачные берега Внешнего Моря, откуда люди, умерев, уходят, чтобы никогда не вернуться назад». Обозначения «север Валинора» и «берега Внешних Морей», однако, не противоречивы, и я сожалею об этом неоправданном редакторском вмешательстве.

тиль. Таким образом, две территории в форме удлиненной буквы V тянутся, соответственно, на север и на юг, начиная от этой центральной точки, между Горами и Морем, которые постепенно расходятся в разные стороны и называются Эруман (на севере) и Арвалин (на юге).

На этой небольшой примитивной карте линия гор уже такая, в тексте она описана как «огромное кольцо, выгибающееся на западу» (изгиб обращен к западу, если учитывать, скорее, края, нежели середину). Однако линия берега на этой карте иная. К несчастью, маленькая карта здесь непонятна, потому что нарисовано несколько линий (помеченные «j»), тянущихся к северу от Кора (помеченного «d»), и невозможно понять, указывают ли пометки на них, что их надо стереть, или что они представляют собой параллельные горные цепи. Однако я считаю, что эти линии, скорее, варианты расположения линии Гор Валинора на севере; и я почти не сомневаюсь, что в то время отец еще не имел четкого представления о «пустошах» к северу от Кора и к востоку от горной гряды. Данная интерпретация карты хорошо согласуется с тем, что говорится в настоящем сказании (с. 68): «Тенистые Моря на севере Эрумана образуют просторный залив,

так что волны разбиваются о подножие великих утесов и Гор, стоящих над самым морем» и «она [Таниквэтиль] взирает с дальней стороны залива на юг через Эруман и на север — через Залив Фаэри». С этой точки зрения название *Эруман* (позже — *Араман*), а сначала — альтернатива *Арвалину* — было дано северным землям, когда прибрежные области стали более симметричными.

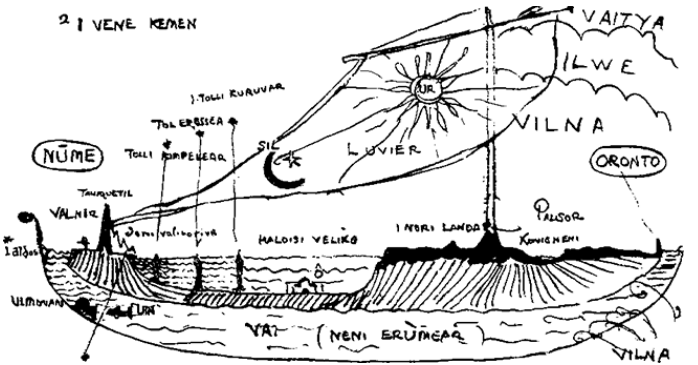
В тексте сказано (с. 68), что «в бескрайних водах запада бесчисленны малые земли и острова, за которыми катят свои волны одинокие моря, чьи волны шумят у Волшебных Островов». Маленькие кружки на карте (помеченные «к»), очевидно, схематически указывают на расположение этих архипелагов (о Волшебных Островах еще будет идти речь в дальнейшем). Тенистые Моря, как будет видно впоследствии, были частью Великого Моря западнее Тол Эрэссэа. Прочие буквы на карте обозначают объекты, которые еще не упоминались в повествовании.

В рассказе мы встречаем важную космологическую идею о Трех Слоях Воздуха — Вайтья, Ильвэ и Вильна, а также — о Внешнем Океане, в котором не происходит приливов и отливов, холодном и «разреженном». В Музыке Айнур (с. 58) говорится, что Улмо обитает во Внешнем Океане, оставив

Оссэ и Онэн «управлять волнами и малыми морями»; там он называется «древним духом Бай» (исправлено из «Улмонан»). Теперь становится ясным, что Улмонан — название его чертога во Внешнем Океане, а также то, что «малые моря», владения Оссэ и Онэн, включают в себя Великое Море (с. 68).

Здесь существует очень ранний и весьма примечательный рисунок, на котором мир показан в разрезе и представлен в виде огромного викингского корабля с мачтой, вздымающейся из самой высокой точки Великих Земель, единственным парусом с Луной и Солнцем на нем, такелажными веревками, протянутыми к Таниквэтиль и высокой горе на самом дальнем востоке, и изогнутым носом (черные пятна на парусе — чернильные брызги). Этот рисунок поспешно набросан мягким карандашом на клочке бумаги; он тесно связан с космологией *Утраченных Сказаний*.

Я привожу здесь перечень имен и слов, написанных на рисунке, и, насколько это возможно, их значения (без каких-либо этимологических комме-тариев, которые даны в Приложении, где именам и прочим словам, встречающимся только на этом листке, посвящены отдельные статьи).



И Вэнэ Кэмэн — это, очевидно, название рисунка; это может означать «Форма Земли» или «Корабль Земли» (см. Приложение, статья *Глорвэнт*).

Нумэ — «запад».

Валинор, Таниквэтиль (огромная высота Таниквэтиль, пусть даже дань условности рисунка, заслуживает внимания: согласно повествованию, она столь высока, что «скопления народа… в западных гаванях земель людей можно было… видеть с ее вершины» (с. 68). Ее фантастическая

высота передана на картине отца, датируемой 1927–1928 гг. (Рисунки Дж. Р.Р. Толкина, № 31). *Харма**л**ин* — раннее название *Арва**л**ина* (см. с. 79).

*и **а**лдас* — «Древа» (стоящие к западу от Таникветиль).

*Т**о**рос валин**о**рива* — название «Торос» неясно, но в любом случае первая буква первого слова, если это «Т», очень необычна. Эта ссылка, видимо, относится к Горам Валинора.

*Т**о**лли Кимп**э**лэар* — это могут быть Сумеречные Острова, но я не нашел никакого другого упоминания слова *Кимпэлэар* или чего-то похожего.

Тол Эрэссэа — «Одинокий Остров».

*И Т**о**лли К**у**рувар* — «Волшебные Острова».

*Хал**о**йси В**э**ликэ* — «Великое Море».

О — «Море» (Что за образование на дне моря нарисовано ниже названия «О»? Это может быть, конечно, жилище Оссэ на дне Великого Моря, которое упомянуто в следующем сказании (с. 106)).

*И Н**о**ри Л**а**ндар* — возможно, означает «Великие Земли».

*Койбиэн**э**ни* — предшественник *Куивиэ**э**нен*, Вод Пробуждения.

*П**а**лисор* — земли, где проснулись эльфы.

*Сил**ь*** — «Луна».

Ур — «Солнце».

Лувиэр — «Облака».

Оронто — «восток».

Вайтья, Ильвэ и Вильна — появляются в виде трех слоев, как и было описано в повествовании, и *Вильна* снова появляется в правом нижнем углу рисунка. В *Утраченных Сказаниях* не говорится ничего, что могло бы объяснить этот последний факт, так же неясно, что подразумевалось под волнистыми линиями в том же месте (см. с. 86).

Улмонан — чертоги Улмо.

***У**ин* — Великий Кит, который появляется далее в *Сказаниях*.

Вай — Внешний Океан.

Нэни Эрумэар — «Внешние Воды» = *Вай*.

Из этого рисунка следует, что мир плавает в Вай и по нему. Это согласуется с тем, как сам Улмо описывает его валар в одном из последующих сказаний (с. 214):

> «— Внемлите, есть один лишь Океан, и это — Вай; а то, что Оссэ считает океанами — всего лишь моря, воды, лежащие во впадинах в камне;...в этих просторных водах плавает неохватная Земля, удерживаемая словом Илуватара...»

В том же абзаце Улмо рассказывает об островах в море и говорит, что («кроме тех немногих, что все еще плавают, не прикованные») они «вздымаются подобно горным вершинам из тинистых глубин», и это тоже хорошо видно на рисунке.

Видимо, вполне правдоподобно, что существует некая связь (физическая, так же, как и этимологическая) между *Вай* и *Вайтья* — последним из Трех Слоев, «темным и недвижным», что «окутывает собой мир и то, что вне его» (далее в *Сказаниях*, на с. 181, есть упоминание о «темных и разреженных пределах Вайтья, что все окружает собой»). На следующей ступени развития этой мифологической космологии (датирующейся 1930-ми гг. и очень ясно и полно изложенной и показанной в работе под названием *Амбарканта*, «Очертания Мира») весь мир заключен внутри *Вайя*, и это слово обозначает «то, что охватывает, оболочка»; Вайя «словно море под землей и словно воздух над землей» (что напоминает описание Вай (с. 68) как очень «разреженного», так что ни одна лодка не может скользить по нему и ни одна рыба — плавать в его глубинах, кроме зачарованной рыбы Улмо и его колесницы); и в Вайя под Землей живет Улмо. Таким образом, Вайя — частично развитие идеи Вайтья, а частично — Вай.

Поскольку в самом раннем словаре языка квэнья (см. Приложение [broken link: #UtraI_appendix]) оба слова — и *Вайтья* («наиболее отдаленный слой воздуха за гранью мира») и *Вай* («внешний океан») — образованы от корня *вайа-*, «охватывать», и поскольку о Вайтья в данном повествовании сказано, что он «окутывает собой мир и то, что вне его», можно подумать, что Вайтья-Вай уже в этой ранней космологии была бесконечной всеохватывающей материей — это становится ясно из более поздней космологии, но не выражено прямо в *Утраченных Сказаниях*. Но в ранних работах нет однозначного подтверждения этого предположения; и когда мы смотрим на рисунок, он представляется не вполне пригодным для разрешения вопроса. Потому что Вай не является непрерывным продолжением Вайтья; и если появление надписи «Вильна» внизу рисунка означает, что Земля *и* океан Вай, в котором и на котором плывет Земля, содержатся внутри Трех Слоев, из которых мы видим внизу, под землей и Вай, внутренний (Вильна), тогда вопрос о том, продолжают ли Вайтья-Вай друг друга, становится еще более запутанным.

Трудным вопросом является и представление мира в виде корабля. Есть лишь одно место,

подтверждающее, что отец мыслил мир именно таким образом — абзац (со с. 214), который я уже цитировал выше, где Улмо, обращаясь к валар и говоря о Вай, заключает:

> «И знайте, о валар, не ведаете вы обо всех чудесах, а там, *под темным килем Земли*, сокрыто много тайн — даже и там, где стоят мои великие чертоги Улмонан, есть то, что вам и не снилось».

Но на рисунке Улмонан располагается не под килем корабля, а внутри его корпуса, и я склонен думать, что слова Улмо «под темным килем Земли» относятся к форме земли как таковой, которая, разумеется, похожа на корабль. Более того, кропотливое изучение рисунка заставляет меня склониться к мысли, что мачта, парус и, что еще более очевидно, изогнутый нос *были добавлены уже позже*. Может ли быть, что форма Земли и Вай, такие, как он нарисовал их — в виде корпуса корабля — заставили отца добавить мачту, парус и нос как *jeu d' esprit*[34] без какого-либо глубинного смысла? Это мне кажется нехарактерным и непохожим на него, но я не могу предложить

---

[34] Примечания: 34
jeu d'esprit (фр.) — игра ума (*прим. перев.).*

иного объяснения[35].

(iii) Светильни (с. ~69–70~)

В этой части повествование заметно отличается от более поздних версий. Здесь нет никакого упоминания о жилище валар на острове Алмарэн после сотворения Светилен (*Сильмариллион*, с. 35), нет, конечно, и упоминания о возвращении Мэлько «извне», поскольку здесь Мэлько не только не покидал мира, придя туда, но и сам создал столпы для светилен. В этом рассказе, хотя Мэлько и не вполне доверяют, его притворное сотрудничество (даже то, что он сам дал названия столпам) было принято, в то время как в более поздних повествованиях его жестокость и злоба были известны и очевидны валар, хотя они даже не знали о его возвращении на Арду и строительстве Утумно, пока не стало слишком поздно. В настоящем повествовании в поведении Мэлько наблюдается некоторая проказливость и низменная хитрость, которые потом, конечно, не могли сохраниться (хотя история о том, как он вероломно сотворил столпы изо льда, сохранилась

[35] Примечания: 35

Если это действительно так и если *И Вэнэ Кэмэн* означает «Земля-Корабль», то название было добавлено к рисунку в то же время, что и мачта, парус и нос. — В записной книжке, упомянутой на с. 23, есть отдельная пометка: «Карта Корабля Мира».

в версиях 1930-х годов).

Позже сами светильни (в конечном итоге, после того как были изобретены и отвергнуты промежуточные формы их имен) были названы ***И**ллуин* — северная светильня и ***О**рмал* — южная. В *Сильмариллионе* Рингиль (содержащий корень *ринг-* «холод») сохранился только как название меча Финголфина, а «Хэлькар» стало названием Внутреннего Моря, «что плещется там, где в прежние времена вздымалась гора Иллуина» (с. 49). В данном повествовании Хэлькар — название южного, а не северного столпа. Слово *хэлькар* означает «сильнейший холод» (см. Приложение [broken link: #UtraI_appendix]), и это показывает, что Хэлькар находился изначально на крайнем юге (поскольку это — одна из двух точек, приведенных на маленькой карте, с.81), в то время как Рингиль располагался на дальнем севере. В этом рассказе нет никакого упоминания о появлении Внутренних Морей после падения Светилен; эта идея появилась позже, однако кажется вполне вероятным, что она возникла именно из-за этой истории с таянием ледяных столпов.

В поздних работах нет упоминания о строительстве Гор Валинора из камней, собранных в Эрумане/Арвалине, из-за чего этот край стал

ровным и лишенным скал.

(iv) Два Древа (с. ~71–73~)

Раннее описание появления Двух Древ проясняет некоторые детали позднейших, более лаконичных, версий. То, что земля под Сильпионом (Тэльпэрионом) «была испещрена тенями его трепещущих листьев» (*Сильмариллион*, с. 38), как мы видим, своим происхождением обязано тому, что у дерева словно бьется сердце. Концепция света как жидкой субстанции, который «капал на землю», бежал реками и был собран в сосуды, хотя не исчезла в опубликованной работе (с. 38–39), здесь выражена гораздо сильнее. Некоторые детали вообще не изменялись, такие, как, например, гроздья Лаурэлин и светящиеся края ее листьев.

С другой стороны, есть и заметные различия между этой историей и поздними версиями: самое главное, видимо, то, что Лаурэлин была первоначально Старшим Древом. Цикл Двух Древ состоял из двенадцати часов, в то время как в

поздних версиях — из семи;[36] и приготовления валар к появлению Древ с детальным описанием их вещественной «магии» были позже забыты. Две великие «чаши», Кулуллин и Силиндрин, остались как «огромные сосуды, подобные сверкающим озерам», в которые Варда собирала «росу Тэльпэриона и влагу, что стекала с Лаурэлин» (там же, с. 39), хотя их названия исчезли, как и необходимость поливать Деревья светом, собранным в чаши или сосуды, — во всяком случае, об этом нигде не упоминается впоследствии. Урвэн («Дева Солнца») была предшественницей **А**риэн, майа Солнца, а Т**и**лион, кормчий Луны в *Сильмариллионе*, что «грезил у озер **Э**стэ [жена Лориэна] в мерцающих лучах Тэльпэриона», возможно, унаследовал черты образа Сильмо, любимца Лориэна.

Как я уже отмечал раньше, «в позднейшем варианте этих мифов Вана потеряла свою значимость по сравнению с Ниэнной»; здесь же именно Вана и (Йаванна) Палуриэн — «повивальные

---

[36] Примечания: 36

Слова Палуриэн (на с. 73): «Это дерево, *когда пройдут двенадцать часов его сильнейшего света*, тоже поблекнет», кажется, подразумевают более долгий период, нежели двенадцать часов; хотя возможно, время, когда дерево затухает, не принимается в расчет. В снабженном примечаниями списке имен к сказанию *Падение Гондолина* сказано, что Сильпион озарял весь Валинор серебряным светом «половину двадцати четырех часов».

бабки» Древ, а не Йаванна и Ниэнна, как это было впоследствии.

Что касается имен Древ, *Сильпион* долгое время оставалось именем Белого Древа; имя *Тэльпэрион* появилось достаточно поздно, и даже тогда *Сильпион* сохранилось и упоминается в *Сильмариллионе*, как одно из имен. Иазвание *Лаурэлин* появилось в самом начале и никогда не менялось, но другое имя этого Древа в *Утраченных Сказаниях*, *Линдэлоксэ*, и все подобные формы не сохранились.

(v) Жилища Валар (с. 73 и далее)

Описания домов валар почти полностью исчезли в последующих версиях. В опубликованной работе ничего не говорится о жилище Манвэ, кроме того, что его чертоги «стояли над вечными снегами на Ойолоссэ, высочайшей вершине Таниквэтиль» (с. 26). Здесь же появляется Соронтур, Король Орлов, частый гость чертогов Манвэ (см. *Сильмариллион*, с. 110: «Ибо Манвэ, кто любит всех птиц и кому они приносят вести на Таниквэтиль из Средиземья, послал туда народ Орлов»); на самом деле он появляется уже в сказании *Падение Гондолина* как «Торндор [имя на языке гномов], Король Орлов, коего эльдар зовут Рам**а**ндур», где имя «Рамандур» было впоследствии

изменено на «Соронтур».

О Валмаре и жилищах валар в этом городе в последующих работах сохранилось очень мало, за исключением отдельных выражений («золотые улицы» и «серебряные купола» Валмара, «Валмар многозвенный»), которые намекают на развернутые описания первоначального варианта, где дом Тулкаса, вздымающийся в небо несколькими ярусами, увенчан бронзовой башней, а крыши чертогов Оромэ поддерживают живые деревья, чьи стволы увешаны охотничьими трофеями и оленьими рогами. Это не значит, что впоследствии все это было отвергнуто: как я уже упоминал в Предисловии, версия, последовавшая за *Утраченными Сказаниями*, была настолько сжатой, что больше походила на конспект (собственно, им она и являлась), и в дальнейшем мифология развивалась именно от нее, заново разрастаясь. То, что не упоминается после *Утраченных Сказаний*, могло продолжить свое существование, так сказать, в подвешенном состоянии — Валмар не переставал быть городом с воротами, улицами и жилищами. Но в контексте позднейших работ довольно трудно представить, чтобы буйный Оссэ владел домом в Валмаре, пусть даже полы его были морской

водой, а крыша — пеной; и, конечно, чертоги Макара и Мэассэ (описание жизни в которых заставляет вспомнить древнескандинавские мифы о Бесконечной Битве) исчезают вместе с исчезновением самих этих божеств — «клики Мэлько» в Валиноре, которая неизбежно оказалась бы неуместной.

Сохранились некоторые детали первоначальных описаний: то, что Улмо редкий гость в Валмаре (ср. *Сильмариллион*, с. 40), а Йаванна и Оромэ часто посещают «внешний мир» (там же, с. 29, 41, 47), связь садов Лориэна с Сильпионом и садов Ваны — с Лаурэлин (там же, с. 99); и, как можно видеть, многое из того, что сказано здесь о божествах, сохранилось, хотя бы и в ином виде. Здесь также появляется Нэсса — сразу сестра Оромэ и супруга Тулкаса, великолепно танцующая. Омар-Амилло назван братом Нолдорина-Салмара. Далее (см. с. 93) сказано, что Ниэликви — дочь Оромэ и Ваны.

(vi) Боги Смерти и судьбы эльфов и людей (с. ~76–77~)

Данная часть сказания содержит наиболее поразительные и трудные для объяснения детали. Мандос и его супруга Ниэнна появляются в самом начале сказания — в рассказе о приходе валар

в мир (с. 66), где они названы «Фантур Смерти, Вэфантур Мандос» и «Фуи Ниэнна», «госпожа смерти». В интересующем нас абзаце сказано, что Вэфантур назвал свое жилище Вэ по своему собственному имени, в то время как впоследствии (*Сильмариллион*, с. 28) его самого называли именем его чертогов; но в ранней работе разграничиваются местность (Мандос) и чертоги (Вэ или Фуи), находящиеся в этой местности. Здесь Мандос еще не «Глашатай Судеб Валар», который «объявляет свои приговоры и пророчества лишь по слову Манвэ» — что позднее мыслилось как одна из наиболее примечательных особенностей данного валы; и поскольку здесь Ниэнна — жена Мандоса, то В**а**йрэ Ткачиха, его супруга согласно более поздним работам, отсутствует — вместе со своими гобеленами, изображающими «все, что ни свершилось во Времени», которыми Вайрэ украшает чертоги Мандоса, что «становятся все вместительней с ходом времени» (в *Утраченных Сказаниях* имя «Вайрэ» дано эльфийке с острова Тол Эрэссэа). Гобелены, которые «изображали то, что было уже, и то, что еще будет», висят здесь в чертогах Аулэ (с. 74).

Наиболее важной в абзаце о Мандосе представляется определенность в вопросе о посмертных

судьбах эльфов: они ожидают в чертогах Мандоса, пока Вэфантур не освободит их, чтобы возродиться детьми в своем народе. Эта идея уже возникала в сказании *Музыка Айнур* (с. 59), и данная концепция эльфийского «бессмертия» оставалась неизменной много лет; мысль же о том, что эльфы могут умереть только от оружия или от скорби, сохранилась без изменений — она появилась уже в *Музыке Айнур* (там же): «Что же до эльдар, то они живут до самого Великого Конца, если не будут убиты или не исчахнут от горя», и этот абзац, весьма мало изменившийся, мы встречаем в *Сильмариллионе* (с. 42).

В рассказе о Фуи Ниэнне мы, однако, сталкиваемся с идеями, находящимися в глубоком противоречии с основной мыслью позднейшей мифологии (в этом абзаце ощущается также некий уклон в иную мифологическую концепцию — в причудливых образах слез, созданных из соленых испарений, и черных облаков, которые ткет Ниэнна, посылая с ними в мир «отчаяние, слезы без надежды, скорбь, слепое горе»). Здесь мы также узнаем, что Ниэнна судит людей в своих чертогах, названных по ее собственному имени *Фуи*; и что некоторых она оставляет в местности Мандос (где находятся ее чертоги), в то

время как большая их часть отправляется на черной ладье Морниэ, которая всего лишь перевозит мертвецов на юг, на побережье Арвалина, где они бродят в сумерках до самого конца мира. Но других она отправляет прочь, и Мэлько забирает их в Ангаманди, где их ждут «злые дни» (в каком смысле эти люди мертвы или смертны?); и (что самое удивительное) малое число людей уходит жить к богам в Валинор. Это очень непохоже на Дар Илуватара, благодаря которому люди не привязаны к миру, но покидают его, уходя неизвестно куда;[37] это и есть самая настоящая Смерть (ибо смерть эльфов есть лишь «подобие смерти» — см. *Сильмариллион*, с. 42): окончательный и неизбежный уход.

Но есть возможность пролить некий, хотя и слабый, свет на посмертное существование людей, которые скитаются во мраке Арвалина, «устраивая себе жилища, как могут» и «в тер-

---

[37] Примечания: 37

Ср. *Сильмариллион*, с. 104: «Иные говорят, что они [люди] тоже уходят в чертоги Мандоса; но их место ожидания не то, что у эльфов, и из сотворенных Илуватаром лишь Мандос — не считая Манвэ — знает, куда уходят они, проведя назначенное для воспоминаний время в тех покойных чертогах у Внешнего Моря». Там же, с. 186: «Ибо по ее просьбе дух Бэрэна медлил в чертогах Мандоса, не желая покинуть мир, покуда не придет Лутиэн для последнего прощания на туманные берега Внешнего Моря, откуда умершие люди отправляются, чтобы никогда не вернуться».

пении ожидая наступления Великого Конца». Я должен сослаться на то, как изменялись названия этой местности, о чем см. на с. 79. Из ранних списков слов (или словарей) обоих языков (см. Приложение [broken link: #UtraI_appendix]) становится ясно, что значение топонимов *Харвалин* и *Арвалин* (и, вероятно, *Хаббанан*) — «(находящийся) возле Валинора/валар». Из словаря языка гномов следует, что слово Эруман означает «(находящийся) за обиталищами манир» (т. е., к югу от Таниквэтиль, где жили подчиненные Манвэ духи воздуха), из него также выясняется, что слово *манир* связано со словами гномского языка *манос*, значение которого — «дух, ушедший к валар или в Эрумани», и *мани* — «благой, святой», Смысл этих этимологических связей остается малопонятным.

Так же существует весьма раннее стихотворение об этой местности. Оно, согласно примечаниям отца, написано в Броктон Камп (Стаффордшир) в декабре 1915 г. или в Этапле в нюне 1916 г. Оно озаглавлено *Хаббанан под звездами [Habbanan beneath the Stars]*, В одном из трех его текстов (между которыми нет расхождений) заглавие дано по-древнеанглийски: *þã gebletsode felda under þām steorrum* [«блаженные поля под звездами»), в

двух текстах *Хаббанан* в заглавии было изменено на *Эруман*, в третьем *Эруман* стояло с самого начала. Стихотворению предпослано краткое прозаическое вступление.

Хаббанан под звездами

Хаббанан — край, где приближаешься к местам, что не принадлежат людям. Там воздух душист, а небо вельми глубоко, ибо просторна Земля.

В подзвездном крае Хаббанан,
Где все кончаются пути,
Там эхо песни дальних стран
И слабый отзвук струн летит
К тем, кто собрался вкруг огня,
Один лишь глас поет, звеня,
И все покрыла ночь…

★

Их ночь не та, что знаем мы, -
Где над землей туман повис,
Чуть звезды в тишине зажглись -
Их скрыл покров туманной тьмы;
Лишь дыма тонкого вуаль
И тишины бездонной даль…

★

То шар из темного стекла,

Где дивным ветром веет мгла;

Нехоженой равнины свет,

Луну он видит много лет В пылающем огне комет —

И всюду ночь легла…

★

Там сердце поняло мое,

Что те, кто в сумерках поет,

Кто вторит гласу звезд ночных Звучаньем странных струн своих —

Сыны счастливые Его С высокогорных тех лугов,

Где славят Бога самого И шорох трав, и песнь ручьев.

(Перевод А. Дубининой)

★

Решающее доказательство мы находим в раннем списке квэнийских слов. Первые статьи этого

списка восходят (как я полагаю, см. Приложение [broken link: #UtraI_appendix]) к 1915 году, и в одной из этих статей, о корне *мана*, дано слово *манимо*, которым называют душу, находящуюся в *манимуинэ* — «Чистилище».

И стихотворение, и словарная статья предоставляют редкую возможность пролить свет на мифологическую концепцию в ее ранней фазе: здесь идеи, взятые из христианской теологии, выражены прямо. В замешательство приводит и осознание того факта, что эти мотивы присутствуют и в самом сказании — в рассказе о посмертной судьбе людей после суда в черных чертогах Фуи Ниэнны. Некоторые, «а их больше всего», отправляются на ладье смерти в (Хаббанан) Эруман, где они скитаются во мраке и терпеливо ожидают Великого Конца; некоторых хватает Мэлько и мучает их в Ангаманди — «Железных Преисподнях»; немногие отправляются жить к богам, в Валинор. С учетом сказанного в стихотворении и в ранних «словарях» это не может быть ничем иным, кроме как отражением Чистилища, Ада и Небес.

Все это становится еще более необычным, если мы обратимся к заключительному абзацу сказания *Музыка Айнур* (с. 59), где Илуватар говорит: «Людям я дам новый, больший дар», дар «творить

и направлять свою жизнь за пределы изначальной *Музыки Айнур*, которая для всего прочего в мире есть неумолимый рок», и где говорится, что «у дара, однако, есть и другая сторона: Сыны Человеческие приходят в мир, чтобы лишь недолго пожить в нем и уйти, хотя и не исчезают при этом окончательно и бесповоротно…» Приняв окончательный вид, в *Сильмариллионе* (с. 41–42), этот абзац не очень сильно изменился. Правда, в ранней его версии отсутствуют предложения:

> «Но поистине умирают сыны людей и покидают мир; посему зовутся они Гостями, или же Странниками. Смерть — судьба их, дар Илуватара, коему с течением Времени позавидуют и Стихии».

Тем не менее очевидно, что этот центральный образ — Дар Илуватара — уже присутствует.

Но этот вопрос я должен оставить, ибо он — загадка, которую я не могу решить. Самым простым объяснением противоречия между двумя этими сказаниями было бы предположение, что *Музыка Айнур* написана позже *Пришествия Валар и Создания Валинора*, однако, как я уже указывал (на с. 61), все свидетельствует об обратном.

Наконец, можно обратить внимание на линг-

вистическую иронию, с которой *Эруман* в конце концов сделался *Араманом*. Ибо *Арвалин* — второе название *Эрумана*, которое также ассоциировалось с духами мертвых — значило «(находящийся) возле Валинора»; *Араман* скорее всего означает просто «(находящийся) за Аманом». Но корень *ман-* «благой» присутствует, потому что топоним *Аман* — производное от него («Неискаженное Королевство»).

Осталось указать на две менее важные особенности, упомянутые в конце сказания. Норнорэ здесь Глашатай Богов; впоследствии им стал Фионвэ (позднее — Эонвэ), см. с. 63. А слова о «том проходе в горах, сквозь который чуть виден Валинор» — первое упоминание о проходе в Горах Валинора, где стоял город эльфов.

На пустых страницах после конца сказания отец записал список дополнительных имен валар (таких, как Манвэ *Сулимо*, и т. д.). Некоторые из этих имен появляются в *Сказаниях*; те, что не упомянуты, даны в Приложении вместе с основными именами. Из списка выясняется, что Омар-Амилло — близнец Салмара-Нолдорина (в этом сказании они уже названы братьями, с. 75); что Ниэликви (с. 75) — дочь Оромэ и Ваны; и что у Мэлько был сын («рожденный от Улбанди») по

имени К**о**сомот: это, как будет видно впоследствии, был Г**о**тмог, Владыка Б**а**лрогов, убитый Экт**э**лионом в Гондолине.

IV
ОКОВЫ МЭЛЬКО

[THE CHAINING OF MELKO]

Вслед за рассказом Румиля о приходе валар и создании Валинора идет длинный промежуточный эпизод, продолженный в рукописи новым повествованием не с красной строки, а в том же абзаце. Но поскольку на обложке тетради название *Оковы Мэлько* обозначено отдельно, я следую за оглавлением. Далее текст написан чернилами по стертому оригиналу в карандаше.

Той ночью Эриол снова слышал во сне музыку, которая так тронула его в первую ночь; и на утро он опять рано вышел в сад. Там его встретила Вайрэ и назвала *Эриолом* — «так впервые было создано и прозвучало это имя». Эриол поведал Вайрэ о «музыке снов», которую слышал, а она сказала, что то была не музыка снов, а голос флейты Т**и**мпинэна, «которого гномы Румиль и Сердечко и остальные в моем доме зовут Т**и**нфанг». Она добавила, что дети прозвали его Тинфанг Трель; и что он играет и танцует в летних сумер-

> ках, радуясь первым звездам: «и с каждой нотой зажигается и сияет новая звезда. Нолдоли говорят, что, когда играет Тинфанг Трель, звезды торопятся вспыхнуть, и что они любят его, а дети часто следят из окон, не появился ли он и не прошел ли незамеченным по тенистой лужайке». Вайрэ рассказала Эриолу, что Тинфанг «пугливей олененка — быстро скроется и ускользнет неслышней мыши: ступил по ветвям и пропал, и лишь флейта его смеется издалека».

— И волшебство живет в этой музыке, — сказал Эриол, — если вправду его флейту я слышал в эти две ночи.

— Нет никого, даже из солосимпи, — молвила Вайрэ, — кто мог бы сравниться с ним, хотя и утверждают те же флейтисты, что он одного с ними рода; но повсюду говорят, что это причудливое создание происходит и от валар, и от эльдар, ибо наполовину он — фэй лесов и долин, один из множества детей Палуриэн, а наполовину — гном или Прибрежный Флейтист[прим.1]. Как бы то ни было, это удивительно мудрое и странное существо. Он давным-давно явился сюда вместе с эльдар. Хотя не шел он и не отдыхал вместе с

ними в пути, но всегда был впереди или восседал поодаль, наигрывая причудливую мелодию. Теперь он играет в садах острова; но больше прочих мест любит Алалминорэ и сильней всего — этот сад. Снова и снова, когда долгие месяцы молчит его флейта, мы повторяем: «Увы, Тинфанг Трель ушел в Великие Земли, и многие в тех дальних краях услышат его музыку за окном, в вечернем сумраке!» Но вдруг опять раздается голос знакомой флейты в тихий час сумерек, или он заиграет под полной луной, и ярко сверкают синие звезды.

— Верно, — сказал Эриол, — и сердца тех, кто внимает ему, начинают биться сильнее от пробудившихся стремлений. Чудилось, словно меня наполняет страстное желание открыть окно и выпрыгнуть в сад — так сладок был воздух, что лился в комнату; но я не мог вздохнуть глубоко, и пока слушал, мне хотелось убежать, не знаю за кем, не знаю куда, навстречу волшебству подзвездного мира.

— Тогда, поистине, сам Тимпинэн играл тебе, — отвечала Вайрэ, — и ты отмечен, ибо многие ночи этот сад скучал без его музыки. Такова сила этого духа, что отныне и навсегда ты полюбишь летние вечера и звездные ночи, и от их очарования твое

сердце будет страдать неутолимо.

— Но ведь вы, живущие здесь, не единожды слышали его игру, — удивился Эриол, — однако ж, как видится мне, непохоже, чтобы вас томило невнятное желание, что вряд ли может быть исполнено.

— Мы не таковы, ибо у нас есть *лимпэ*, — молвила Вайрэ, — *лимпэ*, и только оно может помочь, и глоток его дает постигнуть всякую музыку и песню.

— Тогда, — сказал Эриол, — хотелось бы мне осушить кубок сего доброго напитка.

Но Вайрэ отвечала, что это возможно, только если он найдет королеву Мэриль.

Немного дней спустя после этой беседы Эриола и Вайрэ на лужайке в ясный день случилось так, что Эриол отправился в путь — а Тинфанг Трель все это время играл ему в сумерках, звездном свете и лунном сиянии, пока сердце Эриола не утолилось. Сердечко был его провожатым, и они устремились к жилищу Мэриль-и-Туринкви — вязовому *корину*.

Владычица обитала в том же городе — у подножия высокой башни, построенной Ингилем, где росло множество вязов, самых древних и прекрасных, какие только были в Земле Вязов. Высоко

в небо вздымались три яруса — каждый следующий меньше предыдущего — яркой листвы, а сквозь нее просачивался прохладный солнечный свет — золотисто-зеленый. Посреди рощи лежала огромная, гладкая как полотно зеленая поляна, окруженная деревьями, так что густая тень окутывала ее края, а середину весь день освещало солнце. Там стоял прекрасный дом, возведенный из камня сверкающей белизны. Его крыша настолько заросла мхом, молодилом и множеством удивительных ползучих растений, что сквозь пестрое смешение оттенков: золотых и красно — бурых, алых и зеленых — нельзя было разглядеть, как она сделана.

Бесчисленные птицы щебетали на скатах крыши; некоторые распевали на самом верху, а голуби стаями кружили над *корином* или стремительно опускались на поляну, чтобы погреться на солнце.

Весь дом утопал в цветах. Они окружали его, собранные в гроздья, на лианах и плетях, в колосьях и кистях, метелках и зонтиках, а огромные соцветия обращали свои лица к солнцу. От них струились подхваченные легким дуновением ароматы, которые смешивались в благоухание, исполненное чудесного очарования, краски же

и тона цветов пестрели и сочетались по воле случая и удачи. Весь день среди цветов стоял пчелиный гул. Пчелы были везде: над крышей, над душистыми клумбами и дорожками и даже возле прохладных открытых галерей. Когда Эриол и Сердечко поднялись на холм, полдень давно миновал, и солнце, сиявшее как бронза, освещало башню Ингиля с запада. Вскоре они приблизились к мощной стене, сложенной из тесаного камня. Стена кренилась наружу и сверху поросла травой, колокольчиками и желтыми ромашками.

За калиткой, найденной в стене, в прогалине под вязами обнаружилась тропа, с одной стороны которой рос кустарник, а с другой тек быстрый ручеек, журча по бурому руслу, устланному прелой листвой. Тропинка вела к самому краю поляны, и дойдя до него, Сердечко промолвил, указывая на белый дом:

— Вот обитель Мэриль-и-Туринкви, и раз нет у меня дела к столь высокой госпоже, мне пора возвращаться.

И Эриол пошел один по солнечной лужайке, пока не оказался в зарослях высоких, почти по плечо, цветов, росших около открытых галерей дома. Приблизившись, он услышал музыку, и

навстречу, словно приветствуя его, вышла прекрасная госпожа, сопровождаемая множеством дев. Она промолвила, улыбаясь:

— Добро пожаловать, о плававший по многим морям. Отчего взыскуешь ты радости моих безмятежных садов с их тихими звуками, когда соленому запаху моря, дыханию ветров и танцующему на волнах кораблю пристало быть твоей усладой?

Некоторое время Эриол безмолвствовал, онемев от красоты владычицы и очарования этого цветочного царства, но наконец пробормотал, что достаточно видел море, но никогда не пресытится этой чудесной страной.

— Но, — произнесла она, — задуют осенние ветра, и принесенная ими чайка заплачет, быть может, в небе — и вот, ты снова полон непокоя и вспоминаешь черные берега своей страны[прим.2].

— Нет, госпожа, — отвечал Эриол, и на сей раз голос его звучал уверенно, — нет, такого не случится, ибо дух, играющий на флейте среди сумеречных лугов, наполнил мое сердце музыкой, и ныне жажду я лишь глотка *лимпэ*!

Сразу после этих слов улыбающееся лицо Мэриль стало серьезным и, повелев девам оставить их, она попросила Эриола следовать за ней к

лужайке возле дома, заросшей прохладной невысокой травой. Здесь росли и фруктовые деревья, и возле корней одного из них — древней могучей яблони — почва возвышалась, образуя вокруг ствола широкое сидение, мягкое и покрытое травой. На него опустилась Мэриль и, взглянув на Эриола, сказала:

— Знаешь ли ты, о чем просишь?

И он ответил:

— Ни о чем мне не известно, кроме того, что я мечтаю постигнуть душу каждой песни и всей музыки и жить всегда в дружбе и родстве с чудесным народом эльдар, что обитает на этом острове, и пребыть свободным от неутолимого желания до самого Исхода или же до самого Великого Конца!

Но Мэриль промолвила:

— Если дружба и возможна, то родство — нет, ибо человек — это человек, а эльда — эльда, и тому, что Илуватар сотворил несхожим, следует оставаться таковым, пока стоит мир. Даже если остался бы ты жить здесь до самого Великого Конца и сила *лимпэ* оградила бы тебя от смерти, тебе все равно пришлось бы умереть и покинуть нас, потому что человеку должно умереть. Не думай, о Эриол, что избавишься от несбыточных желаний, отведав *лимпэ* — ибо сменишь одни страсти

на другие, обретя вместо старых устремлений новые — глубже и сильнее прежних. Неутолимая страсть жива в сердцах обоих народов, что наречены Детьми Илуватара, но больше — у эльдар, ибо их сердца полнятся видением красоты в великом сиянии.

— И все же, государыня, — сказал тогда Эриол, — позволь мне лишь пригубить этого напитка и провести век свой другом твоего народа; о королева эльдалиэ, я стал бы тогда как счастливые дети Мар Ванва Тьялиэва!

— Нет, не могу я еще дать соизволение на это, — отвечала Мэриль, — потому что разрешить испить *лимпэ* тому, кто видел жизнь и дни в землях людей, это совсем другое, нежели дать его ребенку, который мало знает; но даже для детей проходит немалый срок, прежде чем мы даем им вино песни, ибо сначала учим их многому и испытываем их сердца и души. А потому я прошу тебя выждать время и узнать все, что только можно узнать на нашем острове. Скажи, что ведомо тебе о мире или о древних днях людского рода, или о корнях, которыми сущее ныне уходит в былые времена, или об эльдалиэ и всей их мудрости, что можешь ты притязать на кубок юности и поэзии?

— Язык Тол Эрэссэа знаком мне, и о валар я слышал, и о начале всего, и о создании Валинора; музыке внимал я, стихам и смеху эльфов, и нашел все это истинным и добрым, а мое сердце видит и предрекает, что впредь я буду всегда любить это, и ничто иное, — так отвечал Эриол, а сердце его скорбело из-за отказа королевы.

— Но ты еще ничего не знаешь ни о приходе эльфов, ни об их судьбах, ни об их природе или об уделе, что Илуватар даровал им. Мало тебе ведомо о великолепии их дома в Эльдамаре, что на холме Кор, или о горечи разлуки. Что известно тебе о наших тяготах на всех темных дорогах мира и о муках, что вынесли мы по вине Мэлько; о скорби, от которой страдали и страдаем по вине людей, или о страхах, что омрачают наши надежды из-за них же? Ведаешь ли ты о пропасти слез, что отделяет нашу жизнь на Тол Эрэссэа от дней веселья, что мы знали в Валиноре? О дитя человеческое, ты мечтаешь разделить судьбы эльдалиэ и наши возвышенные чаяния, и все то, что мы еще не обрели, но знай: если ты вкусишь сего напитка, все это должен ты полюбить и узнать, и сердце твое должно стать заодно с нами. И даже если во время Исхода разгорится война между людьми и эльфами, должен ты будешь сражаться на нашей

стороне против своего рода и племени, но до тех времен не сможешь ты вернуться домой, хотя тоска будет снедать тебя, а страсти, что порой терзают человека, испившего *лимпэ*, будут как огонь невообразимой муки. Знал ли ты все это, о Эриол, когда пришел сюда со своей просьбой?

— Нет, не знал, — печально ответил Эриол, — хотя часто вопрошал об этом.

— Тогда внемли, — сказала Мэриль, — я начну рассказ и поведаю тебе о некоторых вещах, пока не погаснет день — но после тебе придется уйти отсюда, запасшись терпением.

И Эриол склонил голову.

— Теперь, — молвила Мэриль, — я расскажу тебе о временах, когда в мире царил покой, о временах Оков Мэлько[прим.3]. О земле поведаю тебе я, какой явилась она эльдар, и как обрели они ее, пробудившись.

Когда был создан Валинор, боги жили в мире, ибо Мэлько, что рыл под защитой железа и холода глубокие пещеры, был далеко, и лишь Макар и Мэассэ носились на крыльях бури, радуясь землетрясениям и подчиняя себе бешенство древних морей. Светел и дивен был Валинор, но мир погрузился в глубокий сумрак, ибо боги собрали почти весь свет, что прежде струился в воздухе.

Редко теперь выпадал мерцающий дождь, и везде царила темнота, озаряемая лишь слабыми проблесками света либо багровыми вспышками там, где извергались в небеса истерзанные Мэлько холмы.

Тогда Палуриэн Йаванна отправилась из своих изобильных садов, дабы обозреть бескрайние земли своей вотчины, и странствовала по темному миру, разбрасывая семена и размышляя среди холмов и долин. Одна в вечных сумерках, пела она песни, полные неизъяснимой красы, и столь могучими были их чары, что они плыли над скалами, а их эхо звучало в холмах и пустынных равнинах долгие века, и все доброе волшебство позднейших времен — лишь отголоски памяти об ее песне.

И вот все живое пошло в рост: плесень и странные ростки устлали сырые низины, мхи и лишайники украдкой заползали на скалы и разъедали их поверхность, кроша камень в пыль, и, умирая, обращали этот прах в перегной, над которым неслышно подымались папоротники и бородавчатые растения, а невиданные создания выползали из щелей и извивались по камням. Но Йаванна плакала, ибо не было во всем этом чудесной силы, о которой она мечтала — и хотя

Оромэ прискакал к ней во мраке, однако Туивана не покинула сияния Кулуллина и Нэсса осталась танцевать на своих зеленых лужайках.

Тогда Оромэ и Палуриэн соединили всю свою мощь, и Оромэ столь мощно протрубил в рог, словно желал пробудить серые скалы к жизни и движению. И вот, при звуках рога поднялись великие леса и зашумели на холмах, и явились к жизни все деревья с темной кроной, и земля, точно мехом, покрылась соснами и источавшими аромат смолистыми деревьями; ели и кедры развесили по склонам свои голубоватые и оливковые ковры, и для тисов начались века роста. Теперь и Оромэ стал не так мрачен, и Йаванна утешилась, видя красоту первых звезд Варды, сверкавших на бледном небе сквозь ветви первых деревьев, и слыша шум темных лесов и скрип сучьев, когда прилетали ветра Манвэ.

В то время в мире стало много странных духов, ибо появились для них уютные места, тихие и укромные. Одни пришли от Мандоса, древние духи, что явились от Илуватара вместе с ним, и они старше мира, мрачны и скрытны; другие — из крепости на севере, где тогда в глубоких подземельях Утумны обитал Мэлько. Были они опасны и полны зла; тревогу, соблазны и ужас

несли они с собой, обращая темноту в гибельный и пугающий мрак, чего не случалось до той поры. Но были там и совсем иные, что кружились в легком танце, источая вечерние запахи, и эти духи явились из садов Лориэна.

И даже во времена света мир еще полон духами, одиноко живущими в тенистом сердце девственных лесов, будящими скрытных тварей под звездами пустыни и населяющими пещеры в холмах, немногими найденные. Но в хвойных лесах слишком много этих древних созданий, чуждых эльфам и людям, чтобы мы чувствовали себя там спокойно.

Когда свершилось это великое деяние, Палуриэн была рада отдохнуть от своих долгих трудов и вернуться в Валинор, дабы отведать сладких плодов сей земли и спокойно посидеть под Лаурэлин, чья роса — свет, Оромэ же отправился в буковые леса на равнинах великих богов; но Мэлько, который долгое время прозябал в страхе, опасаясь гнева богов за то, что он предательски совершил со светильнями, теперь разразился великим неистовством, ибо думал, что боги оставили мир ему и его присным. Под самым дном жилища Оссэ он устроил землетрясения, чтобы земля раскололась и огонь ее недр смешался

с морем. Ураганные шторма и страшный рев необузданных потоков обрушились на мир, и леса застонали и затрещали. Море хлынуло на сушу, разрывая ее, и обширные области пали пред его яростью или раскололись на отдельные островки, а берега были изрыты пещерами. Горы колебались, из их сердца изливался на засыпанные пеплом склоны расплавленный камень, подобный жидкому огню, и тек в море; и грохот ужасающих столкновений на пламенеющем взморье преодолел горы Валинора, заглушив своим ревом пение богов. Тогда воспряла Кэми Палуриэн, Йаванна, что дарует плоды, и Аулэ, что любит все ее творения и все, из чего состоит земля, и поднялись к чертогам Манвэ и говорили с ним, возвещая, что все сделанное пойдет прахом из-за бешеной злобы невоздержанного сердца Мэлько, и Йаванна молила, дабы ее долгий труд в сумерках не погиб, затопленный или погребенный. Туда же, пока говорили они, явился и Оссэ, ярясь как прилив между скалами, ибо гневался он на разрушения в своем царстве и опасался недовольства Улмо, своего владыки. Тогда встал Манвэ Сулимо, Владыка Богов и Эльфов, и Варда Тинвэт**а**ри рядом с ним, и заговорил голосом грома с Таниквэтиль, и боги в Валмаре услышали

его, и Вэфантур узнал его голос в Мандосе, и Лориэн пробудился в Мурмуране.

И был созван великий совет между Двумя Древами в час смешения света, и Улмо пришел туда из дальних глубин; и, посовещавшись, боги составили мудрый замысел, в котором были и мысль Улмо, и много от искусства Аулэ, и обширные знания Манвэ.

И вот Аулэ собрал шесть металлов: медь, серебро, олово, свинец, железо и золото — и, взяв долю каждого, сотворил своим волшебством седьмой, который он назвал *т**и**лькал*[38], и были у него не только свойства тех шести металлов, но и много собственных. Он переливался яркозеленым или красным цветом, его нельзя было сломать, и лишь один Аулэ знал секрет его ковки. Тогда он сковал крепкую цепь из семи металлов, соединив их заклинаниями в вещество величайшей твердости, яркости и гладкости, но *тилькала* ему хватило только чтобы добавить немного в каждое звено. Но два наручника он сделал из чистого *тилькала* и с четырьмя кандалами поступил так же. И цепь эта была наречена *Анг**а**йно*, что значит «Смиритель», наручники — *Воротэмнар*,

[38] Примечания: 38

Сноска в рукописи: «*Т(**а**мбэ) **И**(льса) Л(ат**у**кен) К(**а**ну) **А**(нга) Л(**а**урэ). Ильса* и *лаурэ* — это «волшебные» имена *т**э**льпэ* и *к**у**лу*».

что связывают навеки, а кандалы — *Ильтэрэнди*, ибо их нельзя распилить или расколоть.

Но боги вознамерились прийти к Мэлько с великой силой — дабы увещевать его, если возможно, обратиться к добрым деяниям; но также намеревались они, если ничто иное не поможет, победить Мэлько силой или хитростью и надеть на него оковы, из которых невозможно вырваться.

И пока Аулэ ковал, боги облачались в доспехи, взятые у Макара, который был рад видеть, что они взялись за оружие и собираются на войну, пусть даже их гнев был против Мэлько. Когда же боги и весь их народ вооружились, Манвэ поднялся на свою лазурную колесницу, которую влекли три белейших коня из владений Оромэ, и в руке он сжимал белый лук, чьи стрелы подобны порывам ветра над бескрайними морями. Фионвэ, его сын, стоял позади него, и Норнорэ, его глашатай, бежал впереди. Но Оромэ ехал один на гнедом коне, держа копье, а Тулкас широко шагал возле его стремени, облаченный в кожаную тунику и опоясанный бронзой; оружия при нем не было, не считая окованной железом латной рукавицы на правой руке. Тэлим**э**ктар, сын Тулкаса, что лишь недавно возрос, следовал за отцом с длинным

мечом на серебряном поясе. Затем на черной колеснице ехали Фантури, и со стороны Мандоса был запряжен черный конь, а со стороны Лориэна — серый в яблоках, вслед же за ними поспешали Салмар и Омар. Аулэ, что до последнего медлил в своей кузне, шел позади без оружия, неся лишь захваченный из кузницы молот с длинной рукоятью и торопясь к берегам Тенистого Моря, а за ним четверо его подмастерьев несли цепь.

На берегу их встретил Фалман-**О**ссэ и перевез через море на огромном плоту, восседая на нем в мерцающей кольчуге; но Улмо В**а**йлимо, намного опередив их, с грохотом ехал в колеснице, что могла странствовать в глубине морей, яростно трубя в рог из раковины. Так боги переправились через море и острова и, ступив на бескрайние земли, отправились в великой силе и гневе дальше на север. Миновали они Железные Горы и Хисиломэ, что простиралась в тумане за горами, и подошли к ледяным рекам и холмам. Тогда Мэлько заставил землю содрогаться под ними, а покрытые снегом вершины — изрыгать пламя, но из-за силы этого воинства приспешники Мэлько, которыми полнились здешние места, не смогли преградить ему путь. Пришли они на самый дальний север и, миновав разрушенный столп

Рингиль, достигли огромных врат подземелья Утумны, которые Мэлько захлопнул перед ними с ужасным лязгом.

И вот, грозный Тулкас с громоподобным шумом ударил в ворота своей могучей дланью, так что загудели они, но не дрогнули. Тогда Оромэ, спешившись, поднял свой рог и вострубил столь оглушительно, что тотчас врата распахнулись, а Манвэ возвысил свой неизмеримый глас и велел Мэлько выйти.

И хотя глубоко в подземных чертогах Мэлько услышал его, но, будучи в сомнении, все же не вышел, а послал своего слугу Л**а**нгона, дабы тот передал, что «Мэлько пребывает в радости и изумлении, зря богов возле своих врат. Ныне был бы он счастлив приветствовать их, но по бедности сего пристанища не более чем двум из них может он оказать радушный прием; и нижайше просит, дабы среди этих двоих не было ни Манвэ, ни Тулкас, ибо один заслуживает, а другой требует гостеприимства великой пышности, оказанного ценой огромных расходов. А если не будет то им по душе, то он охотно выслушал бы глашатая Манвэ, дабы ведать, о чем столь горячо мечтают боги, что пришлось им покинуть мягкие ложа и праздность Валинора ради унылого края, где он,

Мэлько, скромно вершит свой труд и изнуряет себя работой».

Тогда Манвэ, Улмо и все боги были чрезвычайно возмущены хитростью и дерзостью этих слов, скрытой под раболепством, и Тулкас в неистовстве чуть было не бросился сломя голову по узким лестницам, что вели вниз за ворота дальше, чем мог видеть глаз, но остальные удержали его. Аулэ же изрек, что из слов Мэлько явствует, что тот бдителен и осторожен в этом деле, и совершенно очевидно, кого из богов он больше всего боится и меньше всего жаждет видеть в своих покоях:

— А потому, — молвил он, — нам теперь надлежит измыслить, как эти двое могут захватить его врасплох и как его страх по воле случая заставит его исправиться.

С этим Манвэ согласился, молвив, что всей их силы едва ли достанет, чтобы извлечь Мэлько из его оплота, тогда как их хитрость должна быть сплетена со всем возможным умением, чтобы поймать в ловушку столь искусного обманщика.

— Лишь гордыня Мэлько поможет нам победить его, — добавил Манвэ, — или такая битва, которая расколет землю и навлечет беду на нас всех.

Так сказал Манвэ, ибо стремился избежать сра-

жения айнур с айнур. Затем, после того как боги решили, как поймать Мэлько на его чрезмерную спесь, они сочинили слова, якобы исходящие от самого Манвэ, и вложили их в уста Норнорэ, который спустился вниз и произнес их перед троном Мэлько.

— Знай же, — сказал он, — боги явились, дабы испросить у Мэлько прощения, ибо, видя его ужасный гнев и разрушение мира, причиненное его неистовством, они говорили один другому: «Что это, почему Мэлько сердится?», и другой отвечал первому, зря силу буйства Мэлько: «Разве он не величайший из нас? Почему же не в Валиноре живет самый могущественный из валар? Несомненно, у него есть причина для негодования. Давайте же отправимся в Утумну и упросим его переселиться в Валинор, дабы Валмар не был лишен его присутствия.»

— С этим, — продолжал Норнорэ, — не согласился один Тулкас, но Манвэ склонился к общему мнению (это боги прибавили, памятуя о злобе, которую Мэлько питал к Полдорэа), и теперь они пришли, силой принудив к тому Тулкаса, дабы просить тебя даровать им всем свое прощение, отправиться с ними домой и, венчая их славу, поселиться, если ты соблаговолишь, в чертогах

Макара на время, пока Аулэ не построит тебе величественный дворец; а башни его будут вздыматься выше, чем Таниквэтиль.

На это Мэлько откликнулся с горячностью, ибо его безбрежная гордыня нахлынула и затопила все его коварство:

— Наконец-то боги заговорили честно и справедливо! Но прежде, чем я удовлетворю их просьбу, мое сердце должно исцелиться от былых обид. Для этого им следует, оставив оружие у ворот, придти сюда и преклониться передо мной в подземных чертогах Утумны. Но знай! Тулкаса я видеть не желаю и, если я отправлюсь в Валинор, то вышвырну его прочь.

Норнорэ передал эти слова, и Тулкас в гневе ударил рукой об руку, но Манвэ велел отвечать, что боги поступят, как того желает сердце Мэлько, однако Тулкас придет и в цепях будет отдан во власть и на волю Мэлько; и с этим Мэлько охотно согласился, ибо и унижение валар, и оковы Тулкаса радовали его.

Тогда валар положили возле ворот оружие, оставив возле него, однако, стражей, и обмотали цепь Ангайно вокруг шеи и рук Тулкаса, и даже он в одиночку еле выдерживал ее огромный вес; и они последовали за Манвэ и его глашатаем в пе-

щеры севера. Там на своем троне сидел Мэлько, и зал этот освещался пышущими жаровнями и был полон злым чародейством, и странные призраки лихорадочно сновали туда и сюда, а огромные змеи обвивались и ползали беспрерывно вокруг столбов, что поддерживали высокий свод. Тогда произнес Манвэ:

— Вот, мы явились и приветствуем тебя в твоих собственных чертогах; приди же теперь в Валинор.

Но Мэлько не хотел так легко отказываться от своей забавы.

— Но сначала, — сказал он, — ты, Манвэ, подойдешь и станешь на колени передо мной, а после тебя — все валар; но последним подойдет Тулкас и поцелует мою ногу, ибо я помню нечто такое, отчего не питаю к Полдорэа великой любви.

Он намеревался ударить Тулкаса ногой в лицо в отплату за давным-давно нанесенный удар, но валар предвидели такую возможность и лишь играли в унижение, чтобы выманить Мэлько из его оплота Утумны. Манвэ и вправду надеялся до конца на мир и дружелюбие, и по его слову боги на самом деле приняли бы Мэлько в Валинор на условиях мира и дружбы, не будь его гордыня ненасытной, а упорство во зле — непре-

одолимым. Теперь, однако, мало снисхождения к Мэлько осталось в их сердцах при виде того, как он упорствует, требуя, чтобы Манвэ преклонился перед ним, а Тулкас согнулся к его безжалостным стопам; но все же Владыка Богов и Эльфов приближается к трону Мэлько и преклоняет колена, ибо так замыслили они, дабы вернее поймать злодея. Но внезапно столь лютый гнев вспыхнул в сердцах Тулкаса и Аулэ при виде этого зрелища, что Тулкас одним прыжком преодолел весь зал, невзирая на Ангайно, а за ним Аулэ и Оромэ, что последовал за отцом, и весь чертог пришел в волнение. Тут Мэлько вскочил на ноги, закричав громким голосом, и его слуги бросились к нему на помощь из мрачных переходов. Тогда занес он над Манвэ железную плеть, что держал в руке, но Манвэ слегка дохнул на железные хвосты плети, и их отнесло прочь, и тогда Тулкас ударил Мэлько прямо в зубы своей стальной дланью, и они с вместе с Аулэ схватились с Мэлько и тотчас связали его Ангайно, тридцать раз обернув вокруг него цепь.

Тогда молвил Оромэ:

— Его надлежит убить, — и это было бы хорошо, но великих богов нельзя было тогда убить[прим.4]. Теперь на Мэлько крепкие оковы, он стоит на ко-

ленях и вынужден приказать своим рабам, дабы те не препятствовали валар — однако большая часть их, будучи испуганы пленением своего владыки, разбежалась по самым темным углам.

Тулкас выволок Мэлько за ворота, и Аулэ надел на его запястья по одному из Воротэмнар, а на лодыжки — по паре Ильтэрэнди, и тиль-кал стал красным, коснувшись его, и никогда эти узы не были сняты с его рук и ног. Затем к наручникам прикрепили цепь, и беспомощного Мэлько унесли прочь, пока Тулкас и Улмо крушили врата Утумны, нагромождая над ней груды камня. И глубоко под землею в пещерах и норах до сих пор живут нечистые духи, заключенные туда в день, когда был пленен Мэлько, но все же многими путями порой проникают они в мир — сквозь расщелины, где они подражают голосам прилива на скалистых берегах, просачиваясь в темные протоки, что извиваются невидимыми много лиг, или из-под голубых сводов, где берут начало ледники Мэлько.

После всего этого боги возвращались в Валинор долгими и темными путями, каждый миг следя за Мэлько, что скрежетал зубами от бессильного гнева. Губа у него была разорвана после удара Тулкаса, которого не сдержало даже благора-

зумие, когда величие Манвэ склонилось перед проклятым, — и на лице Мэлько навсегда застыла кривая ухмылка.

И был устроен суд на склонах Таниквэтиль, и Мэлько призван к ответу перед всеми вали[прим.5], великими и малыми, простертый ниц в оковах пред серебряным троном Манвэ. Против него говорили разгневанные Оссэ, Оромэ, Улмо и полная отвращения Вана, свидетельствуя о его деяниях, жестоких и бессердечных; но Макар все же держал его сторону, хотя и без приязни, молвив:

— Плохо, если всегда царит мир: эхо не разносит боле шума ударов в вечном спокойствии Валинора, посему, если невозможны станут деяния доблести либо буйного веселья даже во внешнем мире, поистине, явится скука, и уж я-то не жажду таких времен!

Тут встала Палуриэн, в скорби и слезах, и поведала о бедах земли, о дивной красоте своих замыслов и о всем том, что горячо мечтала она взрастить; и о великом множестве цветов и трав, деревьев, плодов и семян, что рождал бы мир, пребывая в покое.

— Смотрите, о валар, как бы эльфы и люди, когда настанет их время, не были лишены радости и покоя.

Но Мэлько, услышав об эльфах и людях, скорчился от гнева, ярясь на свою беспомощность.

Тогда и Аулэ согласился с ней на этом, и многие из богов, но Мандос и Лориэн хранили молчание, ибо никогда не говорили они много ни на советах валар, ни в другое время. Но тут встал посреди собрания возмущенный Тулкас и удалился, ибо не мог терпеть разговоров там, где ясно различал вину. Скорее бы он освободил Мэлько от оков и вышел бы с ним на поединок посреди широких равнин Валинора и нанес бы ему множество жестоких ударов в воздаяние за его злодеяния, чем стал бы судить о них. Манвэ же сидел и внимал, и хотя тронули его слова Палуриэн, все же мнилось ему, что Мэлько — айну, наделенный неизмеримым могуществом, от которого может произойти много блага либо зла для мира. Посему он отставил суровость, и вот каким был его приговор: три века, пока длится немилость богов, Мэлько, скованный цепью Ангайно, будет заключен под сводами Мандоса, и после того явится он на свет Двух Древ, дабы еще на четыре века поселиться в жилище Тулкаса и служить ему, возмещая послушанием старинную вражду.

— Лишь тогда, — молвил Манвэ, — может статься, ты вернешь благоволение богов, дабы

они дозволили тебе жить в своем доме и отчасти вернули положение, которого достоин вала и владыка среди айнур.

Такой приговор вынес Манвэ, и даже Макару и Мэассэ он показался справедливым, хотя Тулкас и Палуриэн сочли его мягким. И вот для Валинора и для всей земли наступают долгие мирные времена, покамест Мэлько пребывает в глубочайших чертогах Мандоса, а в сердце его копится тьма.

И вот морские бури постепенно стихают, а подгорные огни — гаснут; земля больше не сотрясается, жестокие холода смягчаются, а неподатливые снега и ледники тают на дальнем севере и крайнем юге и даже вокруг столпов Рингиль и Хэлькар. И вновь на землю приходит Палуриэн, и леса разрастаются и множатся, а рог Оромэ часто звенит в сумерках. Теперь паслен и переступень карабкаются в чащобе, остролист и падуб появились на земле. Даже скалы укрылись плющом и стелющимися растениями благодаря затишью в воздухе и спокойствию морей, а пещеры и берега украсились травой, и огромные водоросли плавно покачиваются, когда Оссэ волнует воды.

И вот этот вала явился и воссел на оконечности Великих Земель, наслаждаясь на досуге спокой-

ствием своих владений. И зрел он, как Палуриэн наполняет мирные сумерки Земли порхающими существами. Летучие мыши и совы, отпущенные из Мандоса Вэфантуром, кружили в небе, и соловьи, посланные Лориэном из Валинора, выводили свои трели над недвижными водами. Вдалеке заскрипел козодой, и змеи, ускользнувшие из Утумны, когда был пленен Мэлько, бесшумно ползали в темных местах; лягушки заквакали на берегах водоемов.

И тогда известил он Улмо о всем том новом, что появилось, и Улмо восхотел, дабы воды морей отныне сделались населенными, и отправился на поиски Палуриэн, и когда она поделилась с ним заклятиями, в морях замерцали рыбы и странные создания поползли по дну. Но никто из валар или эльфов не знает, откуда взялись устрицы и моллюски, потому что они уже открывали свои створки в тихих морях до того, как Мэлько нырнул туда с высоты, и жемчужины появились много прежде, чем эльдар задумались или начали грезить о драгоценных камнях.

Три огромные рыбы, светящиеся во мраке бессолнечных дней, всегда сопровождали Улмо, и на крыше жилища Оссэ на дне Великого моря сами собой сверкали чешуйки. Настало время

величайшего мира и покоя, когда жизнь пустила глубокие корни в недавно сотворенную почву, когда только света ожидали посеянные семена, дабы прорасти, и время это зовется и прославляется как век Оков Мэлько.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этом месте был добавлен, видимо, вскоре после написания, нижеследующий абзац, впоследствии решительно зачеркнутый:

> «На самом деле он сын Л**и**нвэ Т**и**нто, Короля Флейтистов, который пропал давным-давно, во время великого похода из Палисора, и, блуждая по Хисиломэ, увидел одинокий сумеречный дух (Т**и**ндриэль) В**э**ндэлин, что танцевала на поляне между буками. Полюбив ее, он покинул свой народ и был счастлив, вечно танцуя в сумерках, но его дети Тимпинэн и Тинувиэль много после вернулись к эльдар, и про них есть много преданий, которые редко рассказывают».

Имя *Тиндриэль* сначала стояло одно, но потом оно было поставлено в скобки, а на полях

прибавлено *Вэндэлин*. Это первое упоминание о Т**и**нголе (Линвэ Тинто), Х**и**тлуме (Хисиломэ), М**э**лиан (Тиндриэль, Вэндэлин) и Лутиэн Тинувиэль. Обсуждение этих аллюзий см. далее.

2. Ср. перевод имен *Эриол* и *Ангол* как «железные скалы», о чем см. в Приложении (статья *Эриол*).

3. С историей пребывания Эриола (Эльфвине) на Тол Эрэссэа и с «утраченными сказаниями», услышанными им, связаны два плана-конспекта повествования. Один из них является, по большей части, изложением настоящих *Сказаний*; другой, более поздний, заметно отличается. Во второй версии, в которой путешественник назван Эльфвине, рассказы второй ночи у Огня Сказаний переданы «Эвроморду-привратнику», хотя их содержание не изменилось (Приход богов, упорядочение мира и создание Валинора, выращивание Двух Древ). После этого следует позднейшая вставка: «Эльфвине отправляется просить *лимпэ* у Мэриль; она отсылает его». Третья ночь у Огня Сказаний описана так:

> «Привратник продолжает рассказ о предначальных сумерках. Бешенство Мэлько. Оковы Мэлько и пробуждение

эльфов. (Как Фанкиль и множество темных призраков вырвались в мир). [Этот рассказ Мэриль переместить, как сказано здесь, и сильно сократить.]»

Представляется очевидным, что эта перестановка — лишь намерение, так и не исполненное. Интересно, что в настоящем тексте, как и в первом из двух планов, Румиль — привратник в доме, и именно имя «Румиль», а не «Эвроморд», сохранилось как имя рассказчика Музыки Айнур.

4. Первоначальный текст таков: **«но великих богов нельзя убить, разве что их детей или всех меньших из вали, хотя только рукой кого-либо из валар»**.

5. *Вали* как форма от *валар*. Ср. слова Румиля (с. 58): **«…которых мы знаем сейчас под именем валар (или вали, что то же)»**.

Комментарии к *Оковам Мэлько*

В промежуточном эпизоде, соединяющем это сказание и предыдущее, мы неожиданно сталкиваемся с Тимпинэном, или Тинфангом. Этот образ существовал в воображении отца несколько лет, и о нем есть два стихотворения. Первое озаглавлено *Тинфанг Трель [Tinfang Warble].* Оно совсем

короткое, но существует в трех версиях. Согласно заметке отца, оригинал был написан в Оксфорде в 1914 году и переписан в Лидсе «в 1920—23 гг.». Стихотворение было опубликовано в 1927 году в новом варианте, который я привожу здесь[39].

Тинфанг Трель

Тихий посвист, легкий свист,
Флейты звук высок и чист.
То играет Тинфанг Трель.
Кто танцует, одинок,
Вьются тени легких ног
В серых сумерках лесных
В свете первых звезд ночных?
Он зовется Тинфанг Трель.
Видишь первую звезду?
Как огонь ее раздут
В пламень дымно-голубой.
Он играет не для нас,
Он играет не для вас,
О, не для нас с тобой.

---

[39] Примечания: 39

Стихотворение было опубликовано в журнале, обозначенном на вырезке из него как «I.U.M[agazine]».

Все мелодии его Для него, ни для кого,
Ведь это Тинфанг Трель.

(Перевод А. Дубининой)

В первом варианте Тинфанг назван «лепраун» (leprawn), а по раннему словарю языка гномов он — «фэй».

Второе стихотворение озаглавлено *Вдаль по древним холмам, прочь из этих земель* [Over Old Hills and Far Away]. Оно существует в пяти вариантах, название самого первого из которых переведено на древнеанглийский — *Geond fyrne beorgas and heonan feor*. Примечание отца гласит, что оно было написано в Броктон Камп в Стаффордшире между декабрем 1915-го и февралем 1916-го и переделано в Оксфорде в 1927 году. Последний вариант, приведенный здесь, отличается от ранних не только отдельными словами, но и целыми строками. В конце я даю несколько наиболее интересных отличий.

Вдаль по древним холмам, прочь из этих земель

Ранней ночью июньской была тишина,
Были звезды бледны, далека луна[прим.1],
И деревья поникли в томительных

снах,

Пока тени, проснувшись, оживали в корнях.

Я тихонько поднялся и стал пред окном,

Оставляя постель, непримятую сном;

Что-то там трепетало, прекрасно и странно,

Как цветка аромат или пряди тумана

Над озерною гладью[прим.2] в эльфийской земле[прим.3],

Кружит белым мерцаньем в струящейся мгле,

Звездный свет или ветер доносят его

Высоко к переплету окна моего.

Или это был звук? И дивил он меня,

Ибо он приближался, так ясно звеня,

Будто издалека, с каждым шагом слышней,

Чист, как звездная искра среди камышей,

И неверен и смутен — то есть, то нет —

Как росинки полночной мигающий свет.

Я на зов поспешил, распрощавшись со сном,

По скрипучим ступеням, сквозь дремлющий дом,

Вот вздохнула дверь, выпуская в ночь,

От порога — лужайкой, и прочь, прочь!

Это был Тинфанг Трель в своем танце ночном,

Тот, чья флейта звала за вечерним окном;

Развевалась, сверкая, как иней в мороз,

Паутина его древних белых волос,

И вокруг него звезды мерцали, кружась,

И под флейту их свет разгорался и гас[прим.4]

Синеватыми искрами на серебре[прим.5] *—*

Как мерцают всегда вслед его игре.

Но лишь призраком звука нарушив покой,

Белой гальки я тихо коснулся стопой,

Как прыжок его ног вспыхнул в вихре песка,

Ветерком белых пальцев сверкнула рука.

Так в мгновение ока подпрыгнул он ввысь

В бледном блеске волос, что как крылья неслись;

Свою длинную флейту, что пела в руке,

Перекинул за плечи висеть на шнурке.

И своим узким тельцем, изящней тени,

Он скользнул в тростники, и сомкнулись они,

Лишь серебряным смехом вода отдалась,

И высокую ноту он выдул, смеясь,

И порхнуло в тени платье цвета теней.

О! Изогнуты вверх, клюва птицы длинней,

Загибались носки мягких туфель его,

Он как ветер ночной танцевал над травой.

Он ушел, и долина нага и пуста,

Здесь стою я один, и вокруг темнота.

Но внезапно из сумрака дальних лугов,

Но опять издали, из сырых тростников,

От замшелых полян, от вечерних болот

Льются несколько быстрых трепещущих нот.

Я ручей перепрыгнул, по лугу скорей,

Ибо то Тинфанг Трель был с игрою своей,

И я должен за посвистом флейты спешить

Сквозь траву, через корни и сквозь камыши,

По туманным полям, по ночным тростникам,

Что еще вторят древнего эльфа шагам,

И кивают и шепчут под быстрой стопой;

Вдаль по древним холмам, над дремотной рекой,

Прочь из этих земель, далеко к той стране,

Где эльфийские арфы[прим.6] *поют в тишине.*

(Перевод А. Дубининой)

Из ранних вариантов:

1. «Был тихим вечер однажды в июне,

На меня звезды столь рано взглянули…»

Ср. с прозаическим текстом, с. 94: «Нолдоли говорят, что когда играет Тинфанг Трель, звезды торопятся вспыхнуть».

2. «над озерной гладью» вместо «над озером фэери».

3. «в эльфийской земле» вставлено в последнюю версию текста вместо «в земле фэери».

4. «Загорались они, засиять торопясь…»

Ср. примечание (2).

5. «Синие звезды ярко сияют,

Пока на флейте Трель им играет».

Ср. с прозаическим текстом, с. 95: «или он заиграет под полной луной, и ярко сверкают синие звезды».

6. «эльфийские арфы» вставлено в последнюю версию текста вместо «арфы фэери».

★

Первая часть *Оков Мэлько* приобрела совершенно иную форму в позднейших версиях, где во время пребывания валар на острове Алмарэн под светом Двух Светилен (*Сильмариллион*, с. 35) «семена, посеянные Йаванной, начали быстро прорастать и распускаться, и появилось множество растений, больших и малых: мхи и травы, великие папоротники и деревья с вершинами, венчанными облаками», «пришли звери, что обитали на травянистых равнинах, в реках и озерах, поселились в тенистых лесах». Такова была Весна Арды, но после прихода Мэлькора и возведения Утумно «зелень блекла и гнила, реки забило водорослями и илом, появились болота, вонючие и ядовитые, где множились мухи; леса же стали темны и опасны, и страх поселился в них; звери обратились в чудищ, клыкастых и рогатых, обагрив землю кровью». Затем произошло низвержение Светилен, и «так окончилась Весна Арды» (с. 37). После создания Валинора и появления Двух Древ «Средиземье лежало в сумерках под звездами» (с. 39), и лишь Йаванна и Оромэ из всех валар приходили туда время от времени: «Йаванна бродила в темноте, печалясь, ибо рост

и надежды Весны Арды погибли. И она погрузила в сон многое из того, что появилось Весной, дабы оно не старело, но ожидало времени грядущего пробуждения» (с. 47). «Но уже были древнейшие из живых: в морях — огромные водоросли, на суше — высокие тенистые дерева; и в долинах меж укрытых мраком холмов жили темные создания, древние и могучие».

В раннем повествовании, однако, не упоминается о начале роста во времена Светилен (см. с. 69), а первые деревья и травы появляются от заклинаний Йаванны во мраке, последовавшем за падением Светилен. Более того, в последнем предложении говорится о семенах, посеянных в «мирных сумерках», пока Мэлько был скован, и эти семена ожидали «только света… чтобы прорасти». Таким образом, по раннему повествованию, Йаванна сеет во мраке, предвидя, как представляется, рост и цветение в дни солнечного света, в то время как во всех последующих версиях богиня скорее погружает в сон то, что пробудилось под светом Светилен в дни Весны Арды. Ио и в раннем повествовании, и в *Сильмариллионе* содержится мысль, что Йаванна предвидит, что в конце концов свет придет и в Великие Земли — в Средиземье.

Концепция текучего света, струящегося в воздухе над Землей, также весьма примечательна, и, кажется, первоначально века сумерек к востоку от моря были освещены остатками этого света («Редко теперь выпадал мерцающий дождь, и везде царила темнота, озаряемая лишь слабыми проблесками света», с. 98) и звездами Варды, хотя «боги собрали почти весь свет, что прежде струился в воздухе» (там же).

«Великое неистовство» (с. 100) может мыслиться как предшественник Битвы Стихий в позднейшей мифологии (*Сильмариллион*, с. 51). Ио если в раннем повествовании деяния Мэлько являются причиной прихода валар, то Битва Стихий, в которой меняется облик Средиземья, следует за появлением валар. В *Сильмариллионе* валар подвигнуты на штурм Утумно тем обстоятельством, что Оромэ обнаружил недавно пробудившихся эльфов.

По богатству деталей и «примитивности» общей атмосферы рассказ Мэриль-и-Туринкви о пленении Мэлько мало напоминает позднее повествование, которому равно чужды и стиль переговоров в Утумне, и вероломные уловки валар с целью поймать Мэлько в ловушку. Но некоторые детали сохранились: скованная Аулэ

цепь Ангайнор (хотя и не из чудесного тилькала с его именем чрезвычайно нехарактерной деривации), борьба Тулкаса и Мэлько, заключение последнего в Мандос «на три века», и мысль о том, что его твердыня не была разрушена до основания. Также выясняется, что мягкий и доверчивый характер Манвэ обозначился рано, а ссылка на то, что Мандос редко говорит, предвосхищает тот факт, что в *Сильмариллионе* Мандос выносит свои приговоры лишь по слову Манвэ (см. с. 90). Происхождение соловьев из владений Лориэна в Валиноре также уже присутствует.

Наконец, из того, как в этом рассказе описано путешествие валар, видно, что Хисиломэ (сохранившись без дальнейших изменений как квэнийское название Хитлума) является областью, совершенно отличной от позднейшего Хитлума, ибо располагается за Железными Горами. Как сказано в *Сильмариллионе*, Железные Горы были воздвигнуты Мэлькором «как ограда перед его оплотом Утумно»: «они стояли на границе краев вечного холода, огромной дугой изгибаясь с востока на запад» (с. 118). Но на самом деле «Железные Горы» соответствуют здесь позднейшим «Горам Тени» (***Эрэд Вэтрин***). В снабженном примечаниями списке имен, прила-

гаемом к сказанию *Падение Гондолина*, по поводу названия *Дор Ло**о**мин* говорится следующее:

> «*Дор Ломин* или «Земля Тени» — это область, именуемая эльдар *Хисиломэ* (что означает «Тенистые Сумерки»)… и так названа она по причине того, что там мало солнечного света из-за Железных Гор, ограничивающих ее с юго — востока».

На небольшой карте, данной на с. 81, линия гор, которую я обозначил буквой «f», скорее всего изображает Железные Горы, а область к северу о них, помеченная «g», — это Хисиломэ.

Рукопись продолжается без перерыва от того места, на котором я закончил текст данной главы. Но здесь завершается часть мифологического повествования (что отмечено коротким вмешательством Эриола), и потому дальнейший рассказ Мэриль-и-Туринкви является материалом следующей главы. Таким образом, я разделил единое повествование на две части.

V
ПРИШЕСТВИЕ ЭЛЬФОВ И ВОЗВЕДЕНИЕ КОРА

[THE COMING OF THE ELVES AND THE MAKING OF KÔR]

Я беру это заглавие с обложки тетради (еще там добавлено «Как эльфы создавали Самоцветы»)), потому что, как я уже отметил, повествование продолжается без нового названия.

Тогда молвил Эриол:

— Прискорбным событием было, мнится мне, освобождение Мэлько, каким бы милосердным и справедливым сие ни казалось, — но как же это произошло?

Мэриль[прим.1] продолжала:

— И вот, настало время, когда третий век заключения Мэлько под чертогами Мандоса близился к завершению. Манвэ восседал на вершине горы, проницая острым взором своим тени за пределами Валинора, и ястребы летали к нему и от него, неся важные вести, Варда же пела песнь, взирая на равнину Валинора. В то время мерцал Сильпион и крыши Валмара чернели и серебрились

под его лучами. Радовалась Варда, но внезапно заговорил Манвэ и изрек:

— Узрите! Видны златые отблески под соснами, и в глухих сумерках раздаются шаги. Эльдар явились, о Таниквэтиль!

Тогда немедля воспряла Варда и простерла длани к северу и югу. И распустив свои длинные волосы, запела Варда Песню Валар, и чудный глас ее наполнил Ильвэ.

Затем спустилась она в Валмар, в обитель Аулэ, что мастерил серебряные сосуды для Лориэна. Рядом с Аулэ стояла чаша с сиянием Тэлимпэ[прим.2], которое искусно применял он в своей работе. Но когда остановилась пред ним Варда и молвила «Эльдар явились!», Аулэ, отбросив свой молот, воскликнул «Наконец-то Илуватар ниспослал их!», и удар молота по слиткам серебра, что лежали на полу, волшебным образом породил серебряные искры, которые сквозь окна вспорхнули на небеса. Узрев сие, Варда зачерпнула из чаши сияния и, смешав его с расплавленным серебром, дабы придать крепости, вознеслась в небо на своих быстрых крылах и с великой щедростью засветила на тверди частые звезды, и оттого сделались небеса дивны и великолепны, а краса их удвоилась. А те звезды, что затеплила

Варда, наделены усыпляющей силой, ибо серебро для них взято из сокровищ Лориэна, а сияние их долгое время пребывало в Тэ-лимпэ, что в саду его.

Иные говорят, что тогда же, в ознаменование пришествия эльдар, зажгла Варда и Семь Звезд, и что она обронила Морв иньон, пылающий над западным краем мира, когда с великой поспешностью возвращалась в Валинор. Хотя сие поистине есть подлинное начало Морвиньона и красы его, Семь Звезд — не творение Варды, а искры кузницы Аулэ, чей блеск в древних небесах принудил Варду попытаться превзойти их; однако сего она не достигла.

Но вот, покуда вершит Варда свои великие труды, Оромэ, шпоря коня, мчится по равнине и, натянув поводья, восклицает столь громко, что весь Валмар слышит его:

— *Тулиэльто*! *Тулиэльто*! Они явились! Они явились!

А после того, остановившись меж Двух Древ, трубит он в рог, и врата Валмара отворяются, а вали стекаются на равнину, дивясь, о каком же чуде он принес известие. Тогда рек Оромэ:

— Узнайте же: леса мира и в особенности — Палисора, что лежит в сердце Великих Земель и

где шепчутся без устали сосны, полнятся странными звуками. Туда я отправился, и вот, словно пробудился под юными звездами некий народ. Среди дальних дерев что — то двигалось и раздавались слова, тут и там слышался шум шагов. Тогда помыслил я — что же такое создано в тайне матерью моей Палуриэн? И отправился я к ней и вопросил, она же ответствовала: «То не мой труд, рука величайшего содеяла сие. Наконец Илуватар пробудил детей своих — скачи же домой, в Валинор, и оповести богов, что поистине явились эльдар!»

Тогда возгласил весь народ Валино ра:

— *И-Эльдар тулиэр*! Эльдар явились!

До того часа не ведали боги, чего не доставало их радости, чего ожидали они столь жадно для полноты своего счастья — но ныне знали боги, что пуста была земля и исполнена тоски, пока не появились у нее дети.

И вновь собран совет, и Манвэ восседает пред богами меж Двух Древ, что ныне дарят свет уже четыре века. Все вали пришли туда, с великой поспешностью прибыл из Внешних Морей даже Улмо Вайлимо, чей лик сияет возбуждением и радостью.

В тот день Манвэ освободил Мэлько от Ан-

гайно, не дожидаясь, покуда исполнится время его приговора, однако кандалы и наручники из *тилькала* с Мэлько не сняли, и он носил их на запястьях и лодыжках. Великая радость ослепила даже предвидение и мудрость богов. Последней, торопясь из Палисора, явилась Палуриэн Йаванна, валар повели речи об эльдар, а Мэлько сел у ног Тулкаса и притворно улыбался, изображая скромность и ликование. Наконец решили боги позвать в Валинор иных из пробудившихся эльдар, дабы говорили те с Манвэ и его народом и поведали о своем пришествии и о желаниях, кои мир вселил в них.

Тогда Норнорэ, чьи ноги, когда он бежит, мелькают так, что их нельзя разглядеть, спешит из Валинора со словами Манвэ и без остановки стремится он по земле и морю к Палисору. Там находит он глубокий дол меж заросших соснами склонов, где у ног прости раются воды широкого озера, а над головой — сумерки, изузоренные звездами Варды. Там услышал Оромэ звуки пробуждения эльдар, и в песнях это место зовется Койвиэ-нэни, или Воды Пробуждения.

Ныне на склонах долины, на голых берегах озера и изрезанных отрогах окружных холмов видны создания, что в изумлении взирают на

звезды, а иные уже поют чудесными голосами. И Норнорэ стоял на холме, пораженный красой сего народа, и поскольку он был вала, они казались ему на диво маленькими и изящными, а лица их — печальными и нежными. Затем заговорил с ними Норнорэ великим гласом валар, и сияющие лица обратились к нему:

— Внемлите, о эльдалиэ! Вы те, кого ожидали мы века сумерек и кого искали мы все века покоя! Пришел я от самого Манвэ Сулимо, Владыки Богов, пребывающего на Таниквэтиль в мудр ости и ми ре, к вам, о Дети Илуватара, и вот что вложил Манвэ в уста мои: пусть иные из вас отправятся со мной — ибо я Норнорэ, глашатай валар, — и вступят в Валинор и говорят с ним, дабы ведал он о вашем приходе и всех ваших желаниях.

Велико было оживление и изумление у вод Койвиэ, и в конце концов трое из эльдар выступили вперед, отважившись пойти с Иорнорэ, и он отнес их назад в Валинор. Имена их, как передают эльфы Кора, были **И**силь **И**нвэ, **Ф**и**и**нвэ Н**о**лэмэ, отец Тур**о**ндо, и Т**и**нвэ Л**и**нто, отец Тин**у**виэль, но нолдоли зовут их **И**нвитиэль, Голф**и**нвэг и Т**и**нвэлинт. После содеялись они великими среди эльдар, и тэлэри следовали за Исилем, родичи же его и потомки — королевский род Инвир, чья

кровь течет и во мне. Нолэмэ был повелителем нолдоли, и о делах его сына Туронд — или, как его назвали позже, Тургона, — есть немало великих сказаний, ну а Тинвэ[прим.3] не жил долго со своим народом, но и поныне, говорят, правит он живущими поодиночке эльфами Хисиломэ, и танцует на тамошних сумеречных полянах со своей супругой Вэндэлин — духом, пришедшим давным-давно из тихих садов Лориэна; однако величайшим из эльфов стал Исиль Инвэ, чье высокое имя почитается в народе и посейчас.

Слушай теперь о том, как трое эльфов, принесенные Норнорэ, стояли пред богами, когда настало смешение света: Сильпион угасал, а древо Лаурэлин пробуждалось к величайшему сиянию, Сильмо же как раз опустошил кувшин серебра на корни Сильпиона. Эльфов, чьи глаза привыкли к сумраку и не видели ничего ярче звезд Варды, ослепило и поразило великолепие света, но краса и царственная мощь собора богов исполнили их благоговением, а крыши Валмара, сверкающие далеко на равнине, — трепетом, и преклонились они с почтением, но Манвэ рек им:

— Восстаньте, о Дети Илуватара, ибо весьма рады боги приходу вашему! Поведайте, как вы

пришли; каким нашли мир; каким видится он вам, его первенцам, и какими желаниями он наполняет вас.

Но, ответствуя, молвил Нолэмэ:

— Поистине, от величайшего явились мы! Ибо мнится мне, лишь сейчас пробудился я ото сна бесконечно глубокого, и безбрежные сновидения уже позабыты.

И Тинвэ прибавил, что сердце говорит ему, будто лишь недавно явился он из необъятных краев, но сам он так и не смог припомнить, какими темными и загадочными путями привели его сюда. Последним говорил Инвэ, взиравший на Лаурэлин, пока прочие держали речь, и молвил:

— Не ведаю, откуда, какими путями и куда я странствовал, но мир наш для меня — великое чудо, и мнится, люблю я его весь, однако ж наполняет он меня жаждой света.

И узрел Манвэ, что Илуватар стер из умов эльдар знание о том, как они пришли в мир, и что богам не дано узнать того; и глубоко было его изумление. Йаванна же, внимавшая речам, перевела дух, потрясенная словами Инвэ о жажде света. Взглянула она на Лаурэлин, и сердце ее помыслило о плодоносных садах Валмара, и зашептала она нечто Ту-иване, сидевшей подле

нее и не сводившей взора с нежного изящества эльдар; затем обе они обратились к Манвэ:

— Внемли! Укрытая тенью земля — не место для созданий столь дивных, по р ожденных мыслью и сердцем Илуватара. Прекрасны рощи и сосновые боры, но не одни эльфы живут в них: странствуют там дети Мандоса и слуги Мэлько скрываются в странных местах, да и сами мы не желаем расставаться с этим чудесным народом. Их далекий смех, звучавший в Палисоре, достиг нашего слуха, и было бы хорошо, если бы эхо этого смеха звенело в наших чертогах и дворах Валмара. Пусть эльдар живут средь нас, и колодец нашей радости наполнят новые источники, что никогда не пересохнут.

Среди богов поднялся шум, и большинство было заодно с Палуриэн и Ваной, тогда как Макар, молвив, что для валар построен был Валинор, воскликнул:

— Уж ныне здесь скорее сад с розами для прекрасных дам, нежели обитель мужей! Отчего желаете вы привести сюда детей мира?

В том согласилась с ним Мэассэ, а Мандос и Фуи остались холодны к эльдар, как и ко всему остальному; Варда горячо поддержала Йаванну и Туивану, ведь, поистине, сильнее, чем все,

жившие в Валиноре, любила она эльдар. И Аулэ с Лориэном, Оромэ, Нэсса и Улмо весьма упорно стояли на своем: призвать эльдар, дабы жили они среди богов. По сей причине, хотя Оссэ осторожно высказался против — верно, из-за негаснущей ревности и вражды, что питал он к Улмо — совет решил, что следует призвать эльдар, и боги ожидали лишь приговора Манвэ. Даже Мэлько, видя волю большинства, вкрадчиво присоединил свой коварный голос к сему ходатайству, но с тех пор, однако, клеветал на валар, говоря, что в тюрьму призвали они эльдар из зависти и ревности к их красе. Подобную ложь он впоследствии часто повторял нолдоли, когда желал возбудить их беспокойство, добавляя, против всякой правды, что он единственный был против общего гласа богов и говорил за свободу эльфов.

Может статься, и в самом деле, реши боги по-иному, мир был бы сейчас прекраснее, а эльдар — счастливее, но никогда не достичь им того великолепия, тех знаний и красоты, каковыми владели они встарь, а советы Мэлько меньше повредили бы им.

Выслушав все сказанное, с радостью Манвэ принял решение, ибо и его сердце само по себе склонялось к тому, чтобы привести эльдар из

сумерек мира к свету Валинора. Обратившись к трем эльдар, он изрек:

— Возвращайтесь ныне к вашим родичам — быстро отнесет вас Норнорэ к Койвиэ-нэни, что в Палисоре. И таково слово Манвэ Сулимо и глас воли валар, дабы народ эльдалиэ, Дети Илуватара, отправились в Валинор, где станут жить они, осененные величием Лаурэлин и сиянием Сильпиона, и познают счастье богов. И будут владеть они обителью неизреченной красоты, которую боги помогут им возвести.

На то ответствовал Инвэ:

— Поистине, с охотой послушаемся мы слов твоих, да и кто из эльдалиэ, что уже очарованы красой звезд, станет медлить или отдыхать, пока его очи не усладит благословенный свет Валинора!

Тогда отвел Норнорэ тех эльфов обратно на голые берега Койвиэ-нэни, и, поднявшись на камень, Инвэ вещал о посольстве всему тому множеству эльдалиэ, которых Илуватар первыми пробудил на Земле, и все, кто внимал его речи, исполнились жаждой лицезреть богов.

Когда Норнорэ, воротясь, поведал валар, что эльфы тронулись в путь и что в великом обилии ниспослал их Илуватар на Землю, боги взялись за

великие приготовления. Вот Аулэ собирает свой инструмент и все то, с чем он работает, а Йаванна и Туивана странствуют по равнине до предгорий и пустынных берегов Тенистых Морей в поисках дома и пристанища для эльфов. Оромэ же едет из Валинора прямиком в леса, где знакома ему всякая сумрачная прогалина и ведома всякая неприметная тропка, ибо он намерен вести эльдар из Палисора через все бескрайние земли на запад, до самых пределов Великого Моря.

К тем же темным берегам стремится и Улмо, и странен был в те старопрежние дни шум бессветного океана у скалистого взморья, все еще носящего следы буйного гнева Мэлько. Фалман-Оссэ не слишком-то радовался, увидев в Великих Морях Улмо, ибо тот забрал остров, на котором сам Оссэ переправлял в Арвалин богов, спасая их от наводнения, когда Рингиль и Хэлькар растаяли под горевшими светильнями. Случилось то много веков назад, в дни, когда нов был мир для богов, и с той поры остров незаметно плавал по Тенистым Морям. Никто не ступал на него кроме Оссэ, что подымался на его берега, путешествуя по морским глубинам. Но, наткнувшись на потаенный остров Оссэ, Улмо впряг в него косяк огромнейших рыб, среди коих был Уин — старей-

ший и самый могучий из китов. Повелел им Улмо напрячь все свои силы, и рыбы быстро повлекли остров к берегам Великих Земель, к самому поморью Хисиломэ, что к северу от Железных Гор и где после первого восхода Солнца легли наиглубочайшие тени.

Там останавливается Улмо и вот, в лесу, что спускался в те мирные дни к самому прибою, видит он проблески света и слышит шорох шагов тэлэри, во главе которых у стремени Оромэ шествует Инвэ. Хоть и велики умение и могущество Оромэ, тяжел оказался их поход, труден и темен — путь сквозь Хисиломэ, землю тени. И в самом деле, много после того, как в блаженстве Валинора поблекла память о той земле, эльфы все еще пели о ней печальные песни и рассказывали истории о многих из их народа, что, как говорили и говорят эльфы, потерялись в тех древних лесах и все еще блуждают в них, полные скорби. Оставались они в тех краях и много после того, как Мэлько запер людей в Хисиломэ, и до сей поры танцуют они там, а люди разошлись искать места посветлее. Люди именовали Хисиломэ **А**рьядором, а Утраченных Эльфов прозвали они Народом Тени и боялись их. Тем не менее, большая часть великого множества тэлэри явилась на взморье,

откуда поднялись они на остров, что привел Улмо. Улмо посоветовал им не ждать оставшихся, и хотя поначалу тэлэри не уступали, проливая слезы при одной этой мысли, но наконец согласились, и их с наивозможной быстротой повлекли по Тенистым Морям и широкому заливу Арвалина к берегам Валинора. Издали краса дерев, сиявших в горном проходе, покорила сердца тэлэри, однако ж они стояли, глядя назад, за воды, через которые их перевезли, ибо не ведали, где остальные роды эльдар, и не желали даже прелести Валинора без своих сородичей.

Оставив их на берегу молчать и дивиться, Улмо увлекает великий остров — повозку назад, к утесам Хисиломэ, а на острове, согретом дальним блеском Лаурэлин, осветившем тот берег, что был обращен на запад, когда остров причалил в Заливе Фаэри, начали расти юные дерева нежнее прежних, а на склонах острова виднеется зелень трав.

Тогда в гневе Оссэ вздымает над волнами свою главу, мня себя оскорбленным, ведь не только не искали его помощи, дабы перевезти эльфов, но еще и забрали, не спросив позволения, его собственный остров. Быстро следует он за Улмо, однако остается далеко позади, ибо Улмо вложил

в Уина и прочих китов мощь валар. На скалах уже стоят в кручине нолдоли, мысля, что бросили их во мраке, а Финвэ Нолэмэ, который привел их сюда по пятам последних тэлэри, обходит нолдоли, ободряя их. Их путешествие также исполнено было тягот, ибо огромен мир, и половину его они миновали по пути из весьма отдаленного Палисора, а в те дни не сияло солнце и не светил месяц, и не было тропинок, проложенных эльфами, ниже людьми. Оромэ тоже ехал далеко впереди, возглавляя во время пути тэлэри, а ныне он уже повернул обратно. В лесах, раскинувшихся далеко позади, блуждали солосимпи, и лишь слабый звук рога Оромэ доносился до слуха оставшихся на берегу, откуда сей вала отправился искать солосимпи по темным долинам Хисиломэ.

Посему, прибыв туда, Улмо мыслит быстро отвезти нолдоли на берега Валинора и снова вернуться за остальными, когда Оромэ приведет их на взморье. Так он и поступает, а Фалман, издали наблюдающий за вторым путешествием, весь в пене от ярости, но велика радость тэлэри и нолдоли на побережье, где отдаленное зарево Линдэлоксэ подобно летнему закату. Там оставлю я их на время и поведаю о странных событиях, приключившихся с солосимпи из-за гнева Оссэ и

о первых жилищах на Тол Эрэссэа.

Страх одолел солосимпи в той древней тьме. Завлеченный дивной музыкой фэй Вэндэлин, пропал, как полнее о том повествуется в иных сказаниях, их вождь Тинвэ Линто — долго искали его солосимпи, но безуспешно, и никогда более снова не являлся он средь них[прим.4]. Посему, когда услышали они, как звенит в лесах рог Оромэ, велика была их радость, и, собравшись на звук рога, достигли они скал и услышали ропот бессолнечного моря. Долгое время ожидали они там, ибо Оссэ вызвал бури и простер тени, что помешали великой рыбе Улмо, и тому пришлось добираться окольным путем. Но наконец и солосимпи поднялись на тот остров, и их повлекли к Валинору; а вместо Тинвэ выбрали они своим вождем **Э**ллу, что с тех пор именовался Владыкой Солосимпи[прим.5].

И вот, и половины пути не успели они миновать и не достигли еще плавающих вдалеке Сумеречных Островов, как в западных водах Великого Моря, еще до туманных Тенистых Морей, преграждают им дорогу Оссэ и Онэн. И удерживает Оссэ остров своей могучей дланью, так что всей великой силы Уина едва хватает, чтобы его сдвинуть, — ведь в плаваньи и во всех деяниях,

что происходят в воде и требуют телесной мощи, не сравниться с Оссэ никому из валар, даже самому Улмо, который тогда отлучился далеко вперед, ведя великое судно сквозь насланные Оссэ туманы и направляя его музыкой своих раковин. И покуда он не вернулся, Оссэ с помощью Онэн остановил остров и привязал его к самому морскому дну словно канатами огромными водорослями и полипами, что к тем темным дням достигли неимоверной толщины, обвиваясь долгими веками вокруг колонн подводного дома Оссэ. Вдобавок, пока Улмо понуждает китов напрячь все свои силы и сам помогает им своей божественной мощью, Оссэ нагромождает скалы и тяжелые камни, которые древний гнев Мэлько разбросал по морскому дну, и складывает их под островом наподобие столпа.

Тщетно трубит Улмо, а Уин, хлеща плавниками своего необъятного хвоста, возмущает море, ибо туда приносит Оссэ все те создания, что живут в глубине морей и сами строят себе дом и жилище — твердую оболочку. Их помещает Оссэ в основание острова: были то кораллы всякого рода, морские уточки и подобные камню губки. Тем не менее, долго еще длилась та борьба, покуда наконец Улмо не воротился в Валинор в гневе и

унынии. Там известил он остальных валар, что покамест невозможно привезти сюда солосимпи, ибо остров застрял в наиболее отдаленных от суши водах мира.

Там стоит остров и по сию пору — поистине, тебе он известен, ибо зовется Одиноким Островом — и никакой суши не видно, даже если отплыть на много лиг от его утесов, ведь Сумеречные Острова, что на глади Тенистых Морей, сокрыты за туманами запада, а Волшебные Острова остались на востоке.

Посему велят боги эльфам построить обиталище, и в том споспешествует им Аулэ. Улмо же направляется обратно к Одинокому Острову, но чудо! тот стоит ныне на каменном столпе, вздымающемся со дна моря, а Оссэ носится кругом него весь в пене, по горло в море дел, намертво прикрепляя к дну океана рассеянные по его владениям острова. Оттого первым обиталищем солосимпи стал Одинокий Остров, и отсюда же проистекает глубокое различие речи и обычаев этого народа и двух других. Ибо знай, что хотя мало времени занимает рассказ о великих деяниях минувшего, вершились они не без усилий и не в мгновение ока, и многие поколения людей выросли бы и умерли меж тем, как привязаны

были Острова и построены Корабли.

Дважды на сей остров, пристанище солосимпи, пал отблеск чудесных Древ Валинора, оттого выросли там душистые растения и травы, и сделался он изобильнее и прекраснее всего прочего мира, что не зрел великого света. Передают солосимпи, что росли там уже березы и тростники, а западные склоны укрывались дерном. Остров изобиловал пещерами, а у подножия черных и пурпурных утесов простирался белый песок побережья — здесь-то и поселились солосимпи в те дальние дни.

Воссел Улмо на мысе и молвил солосимпи слова утешения и глубочайшей мудрости; делился он с ними знаниями о море, а они внимали; научил он их музыке, и сделали они себе флейты из раковин. По причине стараний Оссэ никакому берегу не сравниться с белыми взморьями и укромными бухточками Тол Эрэссэа — столько диковинных раковин усеяло их. Солосимпи жили по большей части в пещерах, украшая их этими морскими сокровищами, и долгие дни звук их тоскующих флейт-раковин разносили ветры.

Тронули солосимпи сердце Фалмана-Оссэ, и он отпустил бы их, если бы не исполнился радости и гордыни, что прелесть солосимпи водворилась

посреди его царства, дабы вечно их музыка услаждала его слух, да и Уинэн[прим.6], оарни и все иные духи волн тоже очарованы были солосимпи.

Танцевали солосимпи у кромки прибоя, и любовь к морю и скалистым побережьям поселилась в их сердцах, хотя и устремляли они в тоске свои взоры к счастливым берегам, куда давным-давно отправились тэлэри и нолдоли.

В сердцах же тэлэри и нолдоли поселилась надежда, а скорбь со временем приугасла, когда узнали они, что их сородичи живут не в худой земле, а под опекой и покровительством Улмо. Посему вняли они пожеланиям богов и обратились к возведению своего обиталища. Поделился с ними Аулэ многими знаниями и умениями; то же сделал и Манвэ. Манвэ более возлюбил тэлэри, и с помощью наставлений Манвэ и Омара тэлэри глубже проникли в искусство сочинения песен и стихов, нежели иные эльфы. В нолдоли же души не чаял Аулэ и преподал им свою науку, покуда сердца их не сделались беспокойны от жажды большего знания — но достигли они великой мудрости и великого мастерства.

Узнай же, что есть место, где понижается кольцо гор, защищающих Валинор, и сквозь этот перевал сияние Древ струится с равнины и золо-

тит темные воды залива Арвалин[прим.7], и здесь же глубоко врезается в сушу широкое взморье, покрытое тончайшим песком, золотым в блеске Лаурэлин и белым в свете Сильпиона, ибо там в древние времена буйства морей проник в Валинор тенистый узкий залив, что теперь всего лишь неширокая полоска воды с белой каймой. Над концом этого протяженного залива высится одинокий холм, что смотрит на более высокие горы. Ныне крутые склоны фьорда украсились чудесными лесами, но холм укрыт лишь дерном, и на вершине его растут колокольчики, что тихо звенят под нежным дыханием Сулимо.

На том месте и замыслили поселиться сии дивные эльфы, а боги назвали этот холм «Кор» по причине его округлости и гладкости. Туда принес Аулэ всю пыль волшебных металлов, созданных и накопленных его трудами, и рассыпал ее у основания холма — а пыль та большей частью была золотая — так что от подножия Кора протянулась вдаль, туда, где цвели Древа, полоса златого песка. На вершине холма эльфы возвели обители светящейся белизны — из мрамора и дивно сверкающего камня[прим.8], добытого в Горах Валинора, из золота, серебра и ярко — белого вещества великой крепости, которое они

сотворили, растворяя раковины в росе Сильпиона. Белые улицы окаймляли темные дерева, и усаженные ими плавно извивающиеся аллеи и крутые пролеты изящных лестниц вели от равнины Валинора к вершине Кора. И все эти сияющие дома взбирались по склону один выше другого до самого обиталища Инвэ, что вздымалось над всеми остальными и чья стройная серебряная башня шпилем устремлялась в небо. В башню поместили белый светильник, чьи пронизывающие лучи освещали тенистый залив, и каждое окно в городе, что на холме Кор, смотрело на море.

Были там и фонтаны великой красы и изящества, кровли и башенки из яркого стекла и янтаря, сотворенного Палуриэн и Улмо, а белые стены и террасы густо поросли деревами, на которых ярко горели золотые плоды.

При возведении Кора боги даровали Инвэ и Нолэмэ по отпрыску каждого из чудесных Древ, и те выросли в невысокие стройные эльфийские деревца, чье цветение никогда не прекращалось. Из этих дерев дивнейшие росли у чертогов Ингвэ, и тэлэри пели вокруг них счастливые песни. Остальные эльфы пели, подымаясь и спускаясь по мраморным лестницам, а щемящие голоса нолдоли раздавались во дворах и покоях. Солосимпи

же обитали далеко в море, и их флейты-раковины рождали музыку ветра.

Ныне Оссэ весьма привязался к солосимпи, прибрежным флейтистам, и если Улмо нет поблизости, Оссэ восседает на морском рифе, а с ним — многие из оарни, и внимает он голосам солосимпи и любуется их легкими танцами на морском бреге, но в Валмар не осмеливался Оссэ являться более, ибо велика сила Улмо в советах валар и..... гнев сего могучего валы из-за остановленных островов.

Поистине, быть войне, не удержи его боги, ибо они жаждали мира и не потерпели бы того, чтобы Улмо собрал народ валар, напал на Оссэ и сорвал острова с их новых корней. Посему порой Оссэ приплывает на пенных гребнях в залив Арвалин[прим.9] и, взирая на красу холмов, жаждет света и радости, что на равнине, но еще больше тоскует он по пению птиц и быстрому трепетанию их крылий в прозрачном воздухе, ибо наскучили ему серебряные и темные рыбы в глубине вод, чудные и молчаливые.

Но вот однажды из садов Йаванны явились, летя высоко, птицы: одни из них были черные, другие — белые, а иные — и черные и белые; непривычным к темноте, им негде было сесть,

и Оссэ улестил их: птицы опустились на его могучие плечи, и он научил их плавать и даровал великую силу их крылам, ибо силой своих плеч превышал он любое [?другое] существо и был величайшим из пловцов; и он смазал жиром рыб птичье оперение, дабы оно не намокало, а кормил он птиц мелкой рыбешкой.

После повернул Оссэ обратно, к своим морям, и эти птицы плыли подле него или летели невысоко над ним с криком и галдением; и поселил Оссэ птиц на Сумеречных Островах и даже на скалах Тол Эрэссэа, и там научились они нырять и ловить рыбу, а голоса их сделались хриплыми, ибо суровые их обиталища далеки от приветливых областей Валинора, или же стенающими из-за подражания музыке солосимпи и вздохам моря. И вот, весь огромный народ чаек, моевок и буревестников явился в королевство солосимпи; и были там тупики, гаги, бакланы, олуши и морские голубки, так что утесы полнятся гомоном и запахом рыбы, а на уступах скал, на отмелях и рифах среди вод собираются огромные птичьи базары. Но самыми величавыми из всех этих птиц были лебеди, которым Оссэ дозволил жить на Тол Эрэссэа: [?летать] вдоль его берегов и плавать по его рекам; и поселил Оссэ на острове

лебедей в дар и на радость солосимпи. Но когда услышал Улмо об этих деяниях, был он недоволен опустошением, произведенным среди рыб, коими наполнил он воды с помощью Палуриэн.

Весьма обрадовались солосимпи [?своим] птицам, невиданным ими ранее созданиям, обрадовались они и лебедям. И вот они уже путешествуют по озерам Тол Эрэссэа на плотах из упавших стволов, и некоторые впрягают в них лебедей, стремительно скользя по водам. Но более отважные осмеливаются плавать по морю, и влекут их чайки: узрев сие, возвеселился Улмо. Ибо знай, что тэлэри и нолдоли принесли Манвэ немало жалоб на отделение солосимпи, и боги пожелали, дабы тех доставили в Валинор; однако не мог Улмо измыслить для этого никакого способа, кроме как просить о помощи Оссэ и оарни, однако не пожелал унизиться до этого. Но ныне спешит он домой, к Аулэ, и оба они безотлагательно отправляются на Тол Эрэссэа, и с ними Оромэ — и там впервые за пределами Валинора срублены дерева. Тогда Аулэ из распиленных сосен и дубов мастерит великие суда, схожие с телами лебедей, и обшивает их корой серебряных берез или..... собранными перьями птиц Оссэ, покрытыми жиром, прибивая все это гвоздями, [?прочно]

приклепывая и крепя серебром. И носы кораблей вырезает Аулэ в виде подъятой шеи лебедя, а туловища их делает полыми и лишенными лап. И запряжены в них при помощи тонких, но весьма прочных веревок чайки и буревестники, послушные рукам солосимпи, ибо к ним обратил Оссэ сердца птиц.

И вот на пляжах западных берегов Тол Эрэссэа и у Фалассэ Нумэа (Западный Прибой) собрался сей народ эльфов, туда же приведено несметное число тех лебединых кораблей, и стоит над этим местом неумолчный крик чаек. Солосимпи же являются в великом множестве и заполняют полые тела сих новых созданий искусства Аулэ, и все больше их родичей приходят к берегам на звук бессчетных свирелей и флейт.

Наконец, все погружены, и чайки мощно стремятся в сумеречное небо, Аулэ же и Оромэ плывут на первом судне — оно больше прочих, влекомо семью сотнями чаек и сверкает серебряными и белыми перьями, а у лебяжьей головы, украсившей его, клюв золотой, а глаза из гагата и янтаря. Однако Улмо едет позади в своей запряженной рыбами колеснице и громко трубит в знак посрамления Оссэ и избавления Прибрежных Эльфов.

Оссэ, видя, что повинны в его поражении птицы, весьма удручен, но из-за присутствия троих из богов и своей любви к солосимпи, которая к тому времени весьма возросла, не стал мешать белому флоту, что преодолел серые лиги океана и прошел сквозь негромкий плеск и туманы Тенистых Морей к темным водам залива Арвалин.

Ведай же, что Одинокий Остров стоит на границе Великого Моря. Великое Море, или Западные Воды, простирается от западных берегов Великих Земель, и много на нем земель и островов, за пределами коих достигнешь ты Волшебных Островов, за которыми пребывает Тол Эрэссэа. Но за Тол Эрэссэа стеной стоит туман, под густым сумраком коего лежат Тенистые Моря, где плывут Сумеречные Острова и куда лишь в самые ясные дни проникал еле приметный отблеск далекого сияния Сильпиона. На самом западе сих островов высится Жемчужная Башня: она построена позже и воспета во многих песнях. Сумеречные же Острова — ближайшие из Внешних Земель, к коим, помимо этих островов, относят Арвалин и Валинор, а Тол Эрэссэа не принадлежит, как считается, ни к Внешним Землям, ни к Великим, где впоследствии бродили люди. Дальний берег Тенистых Морей — Арвалин, или Эрумани, что

сильно к югу, но севернее те моря плещут у самых побережий Эльдамара, и в этом месте Тенистые Моря шире для путешествующего на запад. За Арвалином высятся громадные Горы Валинора, что огромным кольцом отклоняются на запад, но на севере Арвалина Тенистые Моря образуют просторный залив у самого черного подножья гор, так что здесь горы подымаются из воды, а не из земли, и там, в глубине залива, высится Таникквэтиль, чей вид величественен. Высочайшая из гор, облачена она в чистейшие снега и смотрит на Арвалин на юге, взирая на север через сей просторный Залив Фаэри и за Тенистые Моря, так что с ее вершины видны были в поздние времена все паруса в озаренных Солнцем водах Великих Морей (когда боги сотворили сие светило) и все скопления народа в западных гаванях Земель Людей — хотя расстояние до них измеряется в бессчетных лигах.

Но вот приближается к тем краям сей чудный флот, и жадно взирают очи. Высится там Таникквэтиль, и пик этот с одной стороны темно — пурпурный от мрака Арвалина и Тенистых Морей, а с другой — сияет великолепием по причине света Древ Валинора. Там, где омывали моря те древние берега, задолго до того, как разбивался

о них прибой, Древо Лаурэлин освещало морские волны днем, а Сильпион — ночью. И тени мира мгновенно исчезали, и волны смеялись. Сквозь перевал в тех прибрежных горах проникал отблеск Валинора, и там высился холм Кор, к которому ведет от залива белый песок — но подножье Кора подымается из зеленой воды, а за ним полоса золотого песку убегает дальше, чем видит глаз. Поистине, кто кроме Улмо слышал или видел то, что за Валинором? Но точно, что там простираются темные воды Внешних Морей, что не знают ни прилива, ни отлива и весьма прохладны. Столь разрежены они, что никакое судно не может плыть по их лону, и немногие рыбы живут в их глубине.

Но ныне на холме Кор царит радостное оживление, а все тэлэри и нолдоли выходят из ворот, ожидая появления белого флота у своих берегов. И корабли уже минуют тень и теперь очутились в ярком свете, озаряющем излучину залива. Вот корабли вытащены на берег, и солосимпи танцуют и играют на раковинах, чьи звуки смешиваются с пением тэлэри и негромкой музыкой нолдоли.

Далеко позади лежит в тишине Тол Эрэссэа, чьи леса и берега безмолвствуют, ибо почти все стаи морских птиц улетели вслед за эльдар и стенали

ныне у берегов Эльдамара: но Оссэ остался там в отчаянии, и долго пустуют его серебряные чертоги в Валмаре, ибо немало времени миновало, прежде чем приблизился Оссэ к ним и пересек границу тени, до которой долетал лишь отдаленный плач морских птиц.

Но пожив недолго в Коре, поселились солосимпи в странных обиталищах меж прибрежных утесов. Являлся им Улмо и восседал среди них, как прежде на Тол Эрэссэа. И было то для него время величайшей радости и покоя, и передал Улмо солосимпи всю свою мудрость и любовь к музыке, каковую те жадно впитывали. Творили они музыку, свивая ее из нитей-звуков, нашептанных водой в пещерах или гребнями волн, обласканных нежными ветрами. И с тем сплетали солосимпи стенание чаек и эхо, вторившее их благозвучным голосам возле собственных их жилищ. Тэлэри же и Инвир сбирали [?жатву] стихов и песен, чаще всего являясь меж богов и танцуя в горних чертогах Манвэ на радость Варде Звездной, или же наполняя улицы и дворы Валмара своими необычными и чарующими торжествами и пирами. Для Оромэ и Нэссы танцевали они на зеленых лужайках, поляны Валинора видели тэлэри меж залитых золотом дерев, и Палуриэн

радовалась, взирая на них. Часто присоединялись к ним нолдоли, извлекая из своих многочисленных арф и виол музыку, что была весьма благозвучна — и возлюбил их Салмар. Но нигде не находили нолдоли большего удовольствия, нежели в чертогах Аулэ и в собственных своих возлюбленных жилищах в Коре, мастеря премногие диковины и сплетая бесчисленные повести. Весь град свой наполнили они картинами, вышитыми завесами и наитончайшей резьбой, и даже Валмар их искусные руки сделали еще чудеснее.

Теперь должно поведать о том, что солосимпи часто путешествовали по ближним морям на своих лебединых кораблях, влекомых птицами или движимых огромными веслами, которые солосимпи сделали схожими с перепончатыми лапами лебедя или утки; и сетью со дна морского подняли они в изобилии тонкие раковины тех волшебных вод и бесчисленное множество чистейшего жемчуга, сиявшего подобно звездам. И великолепию тех жемчужин радовались солосимпи, а остальные эльдар — завидовали, желая, дабы сияние жемчуга украсило град Кор.

Но те из нолдоли, коих более всего наставлял Аулэ, втайне непрерывно трудились, получив от Аулэ в изобилии металлы, камни и мрамор. Еще

с позволения валар было им даровано немало сияния Кулуллина и Тэлимпэ, хранимого в сокрытых сосудах. Звездным светом поделилась с ними Варда, а Манвэ — лазурными прядями *ильвэ*; влагой — прозрачнейшие заводи залива Кора, и кристально — чистыми каплями — искрящиеся фонтаны дворов Валмара. Росу сбирали нолдоли в лесах Оромэ, цветочные лепестки всех оттенков, благоухавшие всеми ароматами, — в садах Йаванны, охотясь за лучами Лаурэлин и Сильпиона среди листвы. Собрав же все эти дивные и сверкающие сокровища, получили они от солосимпи множество белых и розовых раковин, чистейшую пену и, наконец, — несколько жемчужин. Взяв их за образец, измыслили и сотворили нолдоли великими трудами из всех самых прекрасных веществ Земли с помощью знаний Аулэ и волшебства валар первые самоцветы. Кристаллы создали они из родниковой воды, переливающейся в свете Сильпиона; янтарь, хризопразы и топазы загорелись в их руках, сотворили нолдоли и гранаты с рубинами, окрашивая их хрустальную плоть, кою научил их делать Аулэ, соками роз и алых цветов, даровав каждому самоцвету огненное сердце. Изумруды создавали они из воды залива у подножия Кора и

сверкания травы на полянах Валинора; в великом изобилии наделали они сапфиров, [?пронизав] их воздухом Манвэ; а еще были аметисты и лунные камни, бериллы и ониксы, агаты, созданные смешением мрамора разных оттенков, и многие полудрагоценные камни. Возрадовались сердца нолдоли и, не довольствуясь малым, сотворили они бесчисленное множество драгоценных камней, покуда не исчерпали запас чудесных веществ. И невозможно стало долее скрывать великие груды самоцветов, что сверкали при свете подобно искрящемуся цветнику. Тогда, взяв имевшиеся у них жемчужины и почти все свои драгоценные камни, сотворили нолдоли новый самоцвет — молочно-бледный, переливающийся оттенками всех прочих камней, — и сочли его весьма дивным. То были опалы. Однако ж иные из нолдоли продолжали свои труды, и из звездного света, чистейших капель воды, росы Сильпиона и самого разреженного воздуха создали они алмазы и не мыслили, что кто-то сделает камни более дивные.

Тогда восстал Фэанор из нолдоли и отправился к солосимпи испросить великую жемчужину, а сверх того обрел он кувшин, наполненный ярчайшим свечением морской пены во мраке, и с

тем возвратился домой. Собрав все остальные самоцветы и соединив их отблески при свете белых светильников и серебряных свечей, взял Фэанор мерцание жемчуга и нежные оттенки опалов и, [?омыв] их свечением и сияющей росой Сильпиона, уронил туда одну-единственную капельку света Лаурэлин. И, поселив тот волшебный свет в тело из столь совершенного хрусталя, какой он один умел делать и которого не повторил бы и Аулэ — столь велико было утонченное проворство перстов Фэанора, — создал он драгоценный камень, что в глубочайшем мраке испускал собственное.....[прим.10] сияние. И поместив камень в темноту, весьма долгое время просидел Фэанор, любуясь его красой. Затем сотворил он еще два камня, исчерпав свои припасы. И привел он взглянуть на свою работу остальных, что поверглись в глубочайшее изумление. И нарек он те драгоценные камни Сильмарилли, или, как ныне называем мы их на языке нолдоли — Силубрильтин[прим.11]. Посему, хотя всегда полагали солосимпи, что никаким самоцветам нолдоли, даже величественно мерцающим алмазам, не превзойти их нежные жемчуга, все, кто зрел Сильмарили Фэанора, уверяли, что они — прекраснейшие из драгоценных камней, что

когда-либо светились или [?сверкали].

Ныне от света тех самоцветных сокровищ чудесно искрится Кор, щедростью нолдоли обогатилась прелесть народа эльдалиэ, и утолены боги красой их. [?На диво] много сапфиров дано Манвэ, чье одеяние усыпано ими, Оромэ носит пояс с изумрудами, а Йаванне любезны все самоцветы, радость же Аулэ — в алмазах и аметистах. Одному Мэлько ничего не дали, ибо не искупил он еще многочисленных своих преступлений. И алкал он их безмерно, но ничего не сказал, притворившись, что ценит самоцветы ниже металлов.

Ныне достиг весь род эльдалиэ величайшего блаженства, а царственная слава богов и самый дом их исполнились величайшего блеска, что видел мир: Древа озаряли Валинор, и Валинор отражал их свет тысячей радужных искр; но лежали в оцепенении Великие Земли, темные и покинутые. Оссэ же сидел за пределами Валинора и смотрел, как бледный свет Сильпиона сверкает на кристаллах и алмазах, которые в изобилии рассыпали гномы по взморьям, а прозрачные осколки, что остались от трудов нолдоли, сверкают на обращенной к морю стороне Кора. Водоемы средь темных скал наполнены драгоценными камнями, и солосимпи, чьи одеяния расшиты

жемчугом, танцуют вокруг них — и то было дивнейшее из всех взморий, а музыка вод у тех серебряных берегов чаровала превыше иных звуков.

Таковы были скалы Эльдамара, что видела я давным-давно, ибо предком моих предков был **И**нвэ[прим.12], старейший из всех эльфов, что и ныне жил бы в величии, не погибни он во время похода в мир, но **И**нгиль, сын его, давно возвернулся в Валинор и пребывает с Манвэ. Также в родстве я с танцующими на взморьях, и поведала я тебе то, о коем ведаю, что оно — правда; а волшебство и прелесть Залива Фаэри такова, что никто из видевших его тогда не может повествовать о нем без того, чтобы не перехватило у него дух и не прервался голос.

Так Королева Мэриль завершила долгое свое сказание, но Эриол хранил молчание, взирая на удлинившиеся лучи закатного солнца, протянувшиеся меж яблоневых стволов, и грезя о Фаэри. Наконец, молвила Мэриль:

— Ступай ныне домой, ибо день близится к концу, а сие сказание отяготило бременем желаний и мое сердце, и твое. Но наберись терпения, покуда не взыщешь дружбы печального народа Островных Эльфов.

Но изрек Эриол:

— Однако ж не ведаю я, и сердцу моему не под силу измыслить, как истаяла вся сия краса и что принудило эльфов оставить Эльдамар.

Ответствовала на то Мэриль:

— Нет, и так излишне удлинила я свое сказание из любви к тем дням, а меж созданием самоцветов и возвращением на Тол Эрэссэа свершилось немало великих событий. Но то многие ведают не хуже меня, и Линдо или Румиль из Мар Ванва Тьялиэва расскажут тебе о том искуснее, нежели я.

Тогда вернулись Эриол и королева к окруженному цветами дому, который Эриол покинул, прежде чем западную сторону башни **И**нгиля укрыли серые сумерки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В рукописи стоит *Вайрэ*, но это, скорее всего, ошибка.

2. Появление здесь и далее в тексте (как и в *Сказании о Солнце и Луне*) названия *Тэлимпэ* странно: в сказании *Пришествие Валар и Создание Валинора* при первом появлении это название было изменено с «*Тэлимпэ (Силиндрин)*» на «*Силиндрин*», и далее везде сразу писалось «*Силиндрин*» (с. 79)

3. В рукописи здесь и еще раз ниже стоит *Линвэ*;

см. *Тинвэ Линто* в «Изменениях в именах и названиях» после данных примечаний.

4. Это предложение, начиная с «завлеченный…», было добавлено позже, хотя, судя по всему, не намного после написания текста.

5. Это предложение, начиная со слов «а вместо Тинвэ», было добавлено в то же время, что упомянутое в прим.3.

6. Здесь впервые появляется, не будучи исправлена из *Онэн*, форма *Уинэн*.

7. В тексте было написано *Арвалин*, а не исправлено из *Хаббанан* или *Хармалин*, как раньше.

8. Первый раз отец записывал эти тексты карандашом, поверх которого впоследствии писал чернилами, стирая карандаш. Из остатков написанного карандашом видно, что автор отступал от карандашного черновика по мере продвижения вперед. Но дойдя до слов «дивно сверкающего», он бросил переписывать текст чернилами, и с этого места мы имеем только первоначальную рукопись, написанную карандашом. Местами ее чрезвычайно трудно прочесть, потому что записывалась она в спешке, а по прошествии времени карандаш поблек и стерся. Разбирая рукопись, я несколько раз потерпел неудачу: квадратными скобками с вопросительными знаками я отмечаю

сомнительные места, а ряд точек приблизительно показывают длину неразборчивых слов.

Необходимо подчеркнуть, что с этого места и до конца текста мы имеем дело с *первым наброском*, записанным весьма поспешно.

9. Здесь и далее *Арвалин* изменено из *Хаббанан*; см. прим. 7. Очевидно, что название *Арвалин* появилось незадолго до или в процессе переписывания текста чернилами — продвигаясь вперед, мы попадаем, однако, на более раннюю ступень работы.

10. Это слово можно прочесть как «волшебное».

[[E11]. Форме *Силубрильтин* предшествовали иные формы (начинающиеся с *Сигм-*), которые достоверно не читаются. Из слов Мэриль получается, что на Тол Эрэссэа использовалось название, данное на языке гномов, но непонятно, почему так.

12. Вместо «предком моих предков» первоначально значилось «моим предком».

Изменения в именах и названиях в Пришествии Эльфов и Возведении Кора

*Т**и**нвэ Л**и**нто* (*Tinwë Linto*) < *Л**и**нвэ Т**и**нто* (*Linwë Tinto*) (данная форма этого имени появляется в

добавленном абзаце предыдущего сказания, см. с. 106, прим. 1). В двух последующих случаях имя *Л**и**нвэ* (см. выше, прим. 3) было оставлено без изменений: его, очевидно, проглядели. В двух добавленных абзацах, где появляется это имя (см. выше, прим. 4 и 5), оно дано как *Т**и**нвэ (Л**и**нто)*.

*Инв**и**тиэль (Inwithiel)* < *Гим-г**и**тиль (Gim-githil)* (то же самое изменение этого имени см. в *Доме Утраченной Игры*, с. 22).

*Т**и**нвэлинт* (*Tinwelint*) < *Тинт**о**глин* (*Tintoglin*).

*В**э**ндэлин (Wendelin)* < *Т**и**ндриэль (Tindriel)* (ср. абзац-вставку в предыдущем сказании, с. 106, прим. 1).

***А**рвалин (Arvalin)* < *Х**а**ббанан (Habbanan)* во всем тексте, за исключением одного раза, где с самого начало стояло ***А**рвалин*; см. выше, прим. 7 и 9.

*Линдэл**о**ксэ (Lindeloksë)* < *Линдэлотэ (Lindelótë)* (то же самое изменение, что и в *Пришествии Валар и Создании Валинора*, см. с. 79).

*Эрум**а**ни (Erumani)* < *Х**а**рвалин (Harwalin)*.

Комментарии к *Пришествию Эльфов* и *Возведению Кора*

На с. 111 я уже указывал на огромные изменения повествовательной структуры начала этого сказания: здесь эльфы просыпаются *во время*

заключения Мэлько в Валиноре, в то время как в более позднем повествовании именно Пробуждение Эльфов заставило валар пойти войной на Мэлько, что и привело к его заключению в Мандос. Таким образом, весьма важный факт пленения эльфов Мэлькором возле Куивиэнэн (*Сильмариллион*, с. 49–50) здесь неизбежно и полностью отсутствует. Освобождение Мэлько из Мандоса происходит гораздо раньше, до прихода эльфийских «послов» в Валинор, так что Мэлько участвует в дискуссии касательно призыва эльфов.

Как видно, история о встрече Оромэ с недавно пробудившимися эльфами существовала с самого начала (хотя, как явствует, в ней участвует и Йаванна Палуриэн), но исключительная красота и сила этого эпизода еще не так велики из-за того, что о пробуждении эльфов Манвэ узнает самостоятельно, и великие валар не особо нуждаются в принесенных Оромэ новостях. Наименование *эльдар* использовалось в Валиноре до Пробуждения, и история о том, как Оромэ дал эльфам это имя («Звездный Народ»), еще не появилась — как будет понятно из Приложения, слово *эльдар* имело тогда совершенно иную этимологию. Позднейшее разделение на *эльдар* — которые

последовали вслед за Оромэ на запад к океану, и на *авари*, Непожелавших, — которые не вняли призыву валар, еще отсутствует, и в данном сказании нет и намека на то, что кто-то из эльфов, слышавших призыв, отказался ему следовать; хотя были, согласно иному (более позднему) сказанию, эльфы, которые никогда не покидали Палисор (см. с. 231, 234).

Здесь не Оромэ, а Норнорэ, Глашатай Богов, приводит трех эльфов в Валинор и впоследствии возвращает их к Водам Пробуждения (примечательно, что даже в этой — самой ранней — версии, более, чем поздние, увлекающейся «объяснениями», нет ни слова о том, как они добрались из дальней области Земли в Валинор, в то время как Великий Поход был связан с огромными трудностями). История о том, как Манвэ расспрашивал трех эльфов об их появлении, и о том, что они утратили память обо всем, предшествовавшем их пробуждению, не пережила *Утраченных Сказаний*. Другое важное изменение — горячая поддержка Улмо, оказанная им партии, выступавшей за призвание эльфов в Валинор: в *Сильмариллионе* (с. 52) Улмо был главой тех, кто «полагал, что квэнди надлежит оставить, дабы они, как и прежде, бродили свободными по

Средиземью».

Далее я излагаю раннюю историю имен глав эльдар.

***Э**лу Т**и**нгол* (кв. ***Э**львэ С**и**нголло*) сначала звался *Линвэ Тинто* (или просто *Линвэ*), что впоследствии было изменено на *Тинвэ Линто (Тинвэ)*. Его имя на языке гномов было сначала *Тинтоглин*, потом — *Тинвэлинт*. Он был вождем солосимпи (позднее — тэлэри) во время Великого Похода, но завлеченный (в Хисиломэ) «фэй» (*Тиндриэль*>) *Вэндэлин* (позднее — *Мэлиан*), которая явилась из садов Лориэна, он стал владыкой эльфов Хисиломэ, а их дочерью была *Тинувиэль*. Вместо него главой солосимпи стал, к вящей путанице, ***Э**ллу* (впоследствии ***О**лвэ*, брат Эльвэ).

Владыкой нолдоли был *Финвэ Нолэмэ* (также *Нолэмэ Финвэ*, а еще чаще — просто *Нолэмэ*); имя *Финвэ* сохранилось да самого конца. На языке гномов его имя — *Голфинвэг*. Его сын, *Турондо*, по-гномски — *Тургон* (впоследствии Тургон стал внуком Финвэ, сыном Финголфина, сына Финвэ).

Владыкой тэлэри (впоследствии — ваньяр) был (*Инг*>) *Инвэ*, в этом сказании названный *Исиль Инвэ*, на языке гномов — (*Гим-гитиль*>) *Инвитиэль*. Его сын, построивший великую башню Кортириона, звался (*Ингильмо*>) *Ингиль*. «Коро-

левский клан» тэлэри — Инвир. Таким образом, мы имеем следующее:

Утраченные Сказания (окончательные формы имен)		*Сильмариллион*
Исиль Инвэ (гном. Инвитиэль), владыка тэлэри	.....	Ингвэ, владыка ваньяр
(его сын Ингиль)		
Финвэ Нолэмэ (гном. Голфинвэг), владыка нолдоли	.....	Финвэ, владыка нолдор
(его сын Турондо, на языке гномов — Тургон)	.....	(его внук Тургон)
Тинвэ Линто (гном. Тинвэлинт), владыка солосимпи, потом владыка эльфов Хисиломэ	.....	Эльвэ Синголло (на синдарине — Элу Тингол), владыка тэлэри, потом — владыка Серых Эльфов Бэлэрианда
Вэндэлин	.....	Мэлиан
(их дочь Тинувиэль)	.....	(их дочь Лутиэн Тинувиэль)
Эллу, владыка солосимпи после исчезновения Тинвэ Линто	....	Олвэ, владыка тэлэри после исчезновения его брата Эльвэ Синголло

★

В *Сильмариллионе* (с. 48) рассказывается о том, как Варда второй раз, перед приходом эльфов, творила звезды:

> «Тогда покинула Варда совет и, взглянув с высот Таниквэтиль, узрела тьму Средиземья под бесчисленными звезда-

ми, слабыми и далекими. Тогда начала она великий труд, величайший из всего, что творили валар со времени их прихода в Арду. Взяла она серебряные росы из сосудов Тэльпэриона, и из них сотворила к приходу Перворожденных новые звезды, ярче прежних…»

Уже в самой ранней версии мы видим, что звезды творятся в два приема, и что второе звездотворение Варды знаменует приход эльфов, хотя здесь эльфы уже пробудились; и что новые звезды были сделаны из жидкого света, падавшего с Лунного Древа, Сильпиона. В процитированном выше абзаце из *Сильмариллиона* далее рассказывается о том, что, творя звезды вторично, Варда «высоко на севере поместила вращаться — как вызов Мэлькору — корону семи ярких звезд, Валакирку, Серп Валар и знак судьбы»; но здесь это отрицается, и о происхождении Большой Медведицы сказано, что это созвездие создала не Варда и что это искры, вылетевшие из кузницы Аулэ. В упомянутой на с. 23 небольшой записной книжке, полной разрозненных набросков и торопливо записанных идей, появляется совершенно иная вариация данного мифа:

«Серебряный Серп
Семь бабочек

Аула ковал серебряный серп. Мэлько прервал его работу, лживо наговаривая на владычицу Палуриэн. Аулэ так разгневался, что ударил по серпу и сломал его. Вспыхнули семь искр, которые взлетели в небо. Варда подхватила их и поместила на небеса в знак чести Палуриэн. Там их серп и поныне кружится вокруг оси».

Я полагаю бесспорным, что эта заметка старше сказания.

Звезда Морвиньон, «пылающая над западным краем мира», — это Арктур; см. Приложение [broken link: #UtraI_appendix]. Нигде не объясняется, почему Морвиньон-Арктур в данной мифологической концепции мыслится всегда находящимся на западе.

Вернемся к Великому Походу и путешествию через океан.

История Тол Эрэссэа как острова, на котором Оссэ перевез богов в западные земли после падения Светилен (см. с. 70), впоследствии исчезла вместе с рассказом о перевозе богов, и Оссэ уже не имел на него какого-то исключительного права. Мысль

о том, что эльдар пришли на берега Великих Земель тремя большими отдельными группами (в порядке тэлэри — нолдоли — солосимпи, как и позже: ваньяр — нолдор — тэлэри), восходит к самому началу; но здесь первый и второй род пересекают океан по отдельности, в то время как впоследствии они переправляются вместе.

По *Сильмариллиону* (с. 58) минули «многие годы», прежде чем Улмо возвратился к последнему из трех родов, к тэлэри: прошло столько времени, что они полюбили берега Средиземья, а Оссэ сумел уговорить некоторых из них остаться (это К**и**рдан Корабел и эльфы Ф**а**ласа, жившие в гаванях Брит**о**мбар и **Э**гларэст). В этой ранней версии они еще не появляются, хотя наличествует зародыш всей этой истории — долгое ожидание опоздавшими возвращения Улмо. В опубликованной версии отсутствует причина гнева Оссэ — то, что эльфов перевезли на плавающем острове, — и поэтому он привязывает острова к морскому дну по другим причинам: Оссэ делает это по просьбе Улмо (там же, с. 59), который противился призыву эльдар в Валинор. Но то, что остановка Тол Эрэссэа — акт неповиновения Оссэ, осталось надолго. Неясно, что за «рассеянные по его владениям острова» (с. 121) прикрепляет Оссэ к морскому дну;

но поскольку на рисунке, изображающем мир в форме корабля, Одинокий Остров, Волшебные и Сумеречные Острова все нарисованы одинаково — они «вздымаются подобно горным вершинам из тинистых глубин» (см. с. ~84–86~), то, вероятно, именно их закрепил Оссэ (хотя и Румиль, и Мэриль говорят о Сумеречных Островах, что те «плывут» в Тенистых Морях, с. 68 и 125).

В старой истории ясно сказано, что Тол Эрэссэа остановился посреди океана и что «никакой суши не видно, даже если отплыть на много лиг от его утесов». Там он оправдывал свое название в гораздо большей степени, чем тогда, когда местопребыванием Одинокого Острова стала Бухта Эльдамара. Но сказанное о Тол Эрэссэа в последней главе *Сильмариллиона* (претерпевшей сравнительно немного изменений) — «Одинокий Остров, что обращен на восток и на запад» — несомненно восходит к старым историям; происхождение этой фразы видится в сказании Эльфвине из Англии: «Одинокий Остров обращен и на восток — к Волшебному Архипелагу и к лежащим за ним землям людей, и на запад — к Теням, далеко за которыми виднеется Внешняя Земля, королевство богов». Глубокое различие речи солосимпи и речи остальных народов, упо-

мянутое в этом сказании (с. 121), сохранилось и в *Сильмариллионе*, хотя сама идея возникла тогда, когда Тол Эрэссэа стоял гораздо дальше от Валинора.

Как часто прослеживается в эволюции данных мифов, ранняя идея сохраняется в полностью измененном контексте: здесь рост трав и деревьев на западных склонах плавающего острова начинается после того, как он два раза приставал в Бухте Фаэри — во время высадки тэлэри и нолдоли — и на него упал свет Древ, и оттуда проистекает его красота и плодородие в те времена, когда он был остановлен вдали от Валинора, посреди океана; впоследствии то же самое имеет своей причиной свет Древ, проходящий через Калакирья и падающий на Тол Эрэссэа, стоящий в Бухте Эльдамара. Подобным образом, как кажется, обучение Улмо солосимпи музыке и знаниям о море — когда Улмо восседает «на мысе» Тол Эрэссэа, уже привязанного к морскому дну, — превратилось в наставления Оссэ тэлэри «во всяком морском знании и музыке моря», когда тот сидит на скале возле берегов Средиземья (*Сильмариллион*, с. 58).

Весьма заслуживает внимания и рассказ о проходе в Горах Валинора. По *Сильмариллиону* валар

проложили этот проход — Калакирья, или Путь Света — только после прихода эльдар в Аман, ибо «даже среди сияющих цветов в садах Валинора, залитых светом Древ, они [ваньяр и нолдор] все же временами жаждали видеть звезды» (с. 59); в то время как в нашем сказании это «естественная особенность», как бы продолжение длинного, глубоко вдающегося в сушу залива.

Из рассказа о пришествии эльфов на берега Великих Земель (с. 118) ясно, что Хисиломэ — это местность, граничащая с Великим Морем, что соответствует идентификации Хисиломэ как области, помеченной буквой «g» на самой ранней карте (см. с. 81, 112); и весьма примечательно, что мы сталкиваемся здесь с представлением о том, что Мэлько запер людей в Хисиломэ: в конечном итоге, отсюда происходит рассказ о том, как после Нирнаэт Арноэдиад Мэлькор наградил истерлингов за предательство, заточив их в Хитлуме (*Сильмариллион*, с. 195).

В описании холма и города Кора возникают черты, сохраняющиеся в описании Тириона на Туне. Ср. *Сильмариллион*, с. 59:

> «На вершине Туны воздвигнут был град эльфов, белые стены и уступы Тириона;

> и высочайшей из башен того града была Башня Ингвэ, Миндон Эльдалиэва, чей серебряный светильник сиял сквозь морские туманы».

Золотая пыль и пыль «волшебных металлов», которую Аулэ насыпал у подножия Кора, покрыла обувь и одежды Эарэндиля, когда он подымался по «долгим белым лестницам» Тириона (там же, с. 248).

Здесь не сказано, давали ли свет отпрыски Лаурэлин и Сильпиона, которые боги дали Инвэ и Нолэмэ и «чье цветение никогда не прекращалось», но далее в *Утраченных Сказаниях* (на с. 213), после Бегства Нолдоли, Древа Кора упомянуты еще раз: деревца, подаренные Ингвэ, «все еще источали свет», а деревца, подаренные Нолэмэ, были выкопаны и унесены «неведомо куда». В *Сильмариллионе* сказано, что Йаванна сотворила для ваньяр и нолдор «малое древо по образу Тэльпэриона, от коего отличалось оно лишь тем, что не дарило собственного света»; его «посадили во дворах под Миндоном, там росло оно, и много его сеянцев появилось в Эльдамаре». Вот откуда происходит Древо Тол Эрэссэа.

В связи с описанием города эльфов в Валиноре

я даю здесь стихотворение, озаглавленное *Кор* [*Kór*]. Оно было написано 30 апреля 1915 года (через два дня после *Шагов гоблинов* и *Ты и я*, см. с. 27, 32). Существует два его текста: первый — рукопись с подзаголовком «Во граде мертвом и пустом». Второй, машинописный, был, вероятно, первоначально озаглавлен *Кор*, но это название было изменено на *Град богов [The City of the Gods]*, а подзаголовок стерт. Под этим заглавием стихотворение было напечатано в 1923 году в Лидсе[40]. В тексте не производилось никаких изменений, за исключением того, что в предпоследней строке «птиц гласа нет» было уже в рукописи заменено на «ни гласа нет». Кажется вполне вероятным, особенно если иметь в виду первоначальный подзаголовок, что стихотворение описывает Кор после ухода эльфов.

Кор

(Во граде мертвом и пустом)

Венчает вал огромный черный холм,
Вдаль на морскую синь взирает он

---

[40] Примечания: 40

В журнале *Микрокосм* под редакцией Дороти Рэтклифф, том VIII, № 1, весна 1923 г.

Под синью неба; из порфира пол,
На нем сияют жемчугом колонн
Дворцы из мрамора и храмы, что слепят;
И полосы коричневых теней
Поверх ворот и белых стен лежат
Следами от могучих древ ветвей,
Дерев-колонн с вершиной и столпом
Из черного базальта целиком.
Там дни забытые сбирают урожай
Теней безмолвных, не считая лет;
Средь башен мраморных ни гласа нет,
В беззвучном сне горит их белый жар.

(Перевод А. Дубининой)

★

История о появлении морских птиц Оссэ и о том, как солосимпи, к печали Оссэ, наконец явились в Валинор на лебединых кораблях, влекомых чайками, довольно сильно отличается от изложения *Сильмариллиона* (с. 61):

«Долгое время жили они [тэлэри] на

> Тол Эрэссэа; но медленно менялись их сердца, что влеклись к свету, льющемуся из-за моря на Одинокий Остров. Разрывались они меж любовью к музыке волн у их берегов и желанием вновь узреть своих родичей и взглянуть на великолепие Валинора; но под конец возобладала жажда света. Тогда Улмо, подчиняясь воле валар, послал за тэлэри Оссэ, их друга, и тот, хотя и горюя, выучил их искусству кораблестроения. Когда их корабли были построены, Оссэ подарил им на прощание множество сильнокрылых лебедей, что повлекли белые корабли тэлэри через безветренные моря. Так, последними, явились они наконец в Аман и к берегам Эльдамара».

Однако остались — в качестве дара Оссэ эльфам Тол Эрэссэа — лебеди, а корабли тэлэри сохранили форму кораблей, построенных Аулэ для солосимпи: они «были подобны лебедям с золотыми клювами и глазами из золота и гагата» (там же).

Следующий далее абзац (с. 125), содержащий географическое описание, весьма любопытен,

потому что он довольно сильно напоминает (некоторые фразы совершенно одинаковы) описание из сказания *Пришествие Валар и Создание Валинора*, с. 68. Объяснение этого повторения предложено ниже. Эта вторая версия добавляет мало новой информации, основное отличие ее от первой — упоминание о Тол Эрэссэа. Теперь становится понятно, что Тенистые Моря — область Великого Моря к западу от Тол Эрэссэа. В *Сильмариллионе* (с. 102) данная концепция претерпела изменения, вследствие того, что Тол Эрэссэа встал на якорь в ином месте; во время Сокрытия Валинора:

> «сотворены были Зачарованные Острова, а моря вокруг них наполнились тенями и смятением. И были те острова как сеть, брошенная на Тенистые Моря с севера до юга, покуда не достиг Тол Эрэссэа, Одинокого Острова, плывущий на запад».

Рассказ на с. 126 о проходе в Горах Валинора и холме Кор, стоящем в конце неширокого залива, повторяет кое в чем более ранее их описание в том же сказании, на с. 122. Это повторение объясняется, скорее всего, тем, что сказание писалось

в два приема (см. выше, прим. 8); потому что первый из этих абзацев расположен в переписанной чернилами части текста, а второй — в написанной карандашом. Я думаю, что, пересматривая текст, отец просто перенес ближе к началу абзац, касающийся прохода в Горах, холма и залива, и что если бы он переписал сказание до конца, второй абзац бы исчез. Это объяснение может также относиться и к повторению абзаца об островах в Великом Море и берегах Валинора из сказания *Пришествие Валар и создание Валинора*; но в этом случае приходится допустить, что переписывание чернилами первоначально написанного карандашом текста выполнялось, когда второе из сказаний уже сильно продвинулось вперед.

В *Сильмариллионе* весь рассказ о том, как нолдоли творили драгоценные камни, сжался до следующих слов:

> «И случилось так, что каменщики дома Финвэ, добывая в холмах камень — ибо находили они удовольствие, строя высокие башни — первыми нашли самоцветы и добыли их бессчетные множества; и они измыслили инструменты для резьбы и огранки камней, придавая тем различ-

ную форму. Не копили они камни, но раздавали просто так, а их труды обогатили весь Валинор».

Таким образом, восторженное повествование в конце сказания о том, как самоцветы делались из «волшебных» веществ — звездного света, ильвэ, рос и лепестков, хрустального вещества, окрашенного соком цветов, было отброшено, и нолдор превратились в рудокопов, весьма искусных, но всего лишь добывающих то, что можно было добыть в горах Валинора. С другой стороны, в более раннем абзаце *Сильмариллиона* (с. 39) старая идея удержалась: **«Именно нолдор первыми научились создавать самоцветы»**. Понятно, что позднее повествование только выиграло от этого — в более раннем Сильмарили не очень сильно выделяются на фоне общего великолепия остальных самоцветов, изготовленных нолдор.

Сохранилось то, что нолдор щедро раздают свои самоцветы и рассыпают их по берегам (ср. *Сильмариллион*, с. 61: «Много драгоценных камней дали им [тэлэри] нолдор — опалы, алмазы и бледный хрусталь, которыми те усыпали берега и водоемы»); сохранилось и то, что тэлэри добывают из моря жемчуг (там же); сапфиры,

подаренные нолдор Манвэ («Скипетр его усеяли сапфиры, что нолдор сотворили для него», там же, с. 40); и, конечно, Фэанор как создатель Сильмарилей — хотя, как будет видно из следующего сказания, Фэанор еще не является сыном Финвэ (Нолэмэ).

★

В заключение я прилагаю к комментарию еще одно раннее стихотворение, связанное со сказанием. На с. 119 сказано, что люди Хисиломэ боялись Утраченных Эльфов и прозвали их Народом Тени, а их страну — *Арьядор*. В раннем словаре языка гномов это название переведено как «страна или область тени»> (ср. со значением топонимов *Хисиломэ* и *Дор Ломин*, с. 112).

Стихотворение называется *Песня Арьядора* [*A song of Aryador*] и его текст существует в двух версиях. Согласно примечанию к ним, стихотворение было написано в военном лагере возле Личфилда 12 сентября 1915 года. Насколько мне известно, оно ни разу не печаталось. Первая копия, рукописная, озаглавлена также по-древнеанглийски — «Án léoþ Éargedores»; вторая, машинописная, не имеет почти никаких текстуальных отличий от первой.

Песня Арьядора

О долинный Арьядор,
Где по берегам озер
Чуть тревожа склонов тишь,
Шепчет песнь свою камыш,
В час, как сумрак покрывает Арьядор:
«Слышишь мягкий перезвон,
Что залил зеленый склон —
Это козьи бубенцы в траве полей.
Слышишь синих сосен стон —
Оставляет небосклон
Леди Солнце, начиная гон теней.
Скроет холм ее, и вот
Странный сумерек народ
Заполняет землю взгорий и лугов,
И хранит долина зов
Голосов и бубенцов,
Дожидаясь первых звездных огоньков.
За потоками, вдали
Люди снова развели
Костерки в низинах буковых своих,

Но высот великий лес
В угасании небес
Шепчет ветру о прекрасных днях былых, —
В неизведанной стране
Пели воды в тишине,
Плел ночные танцы сумерек народ,
В час, как Солнца путь с небес
Вел в закат сквозь дикий лес,
И лились лучи последние с высот.
Плыли звуки голосов,
Звон бесплотных бубенцов,
Шорох сумрачных шагов по гребню гор…
Пел забытый Арьядор,
Земли взгорий и озер,
Танцы ткал народ теней,
Песнь богов ушедших дней
Укрывала край долинный Арьядор».

(Перевод А. Дубининой)

VI
ВОРОВСТВО МЭЛЬКО И ЗАТМЕНИЕ ВАЛИНОРА

[THE THEFT OF MELKO AND THE DARKENING OF VALINOR]

Заглавие снова взято с обложки тетради, содержащей текст; рассказ, торопливо записанный карандашом (см.примечание 8к предыдущей главе) с исправлениями, внесенными во время работы и позднее, продолжается без перерыва.

Теперь возвратился Эриол в Домик Утраченной Игры, и его любовь ко всему, что он видел вокруг себя, и желание понять становились все сильнее. Непрестанно жаждал он услышать новое об истории эльдар; и каждый вечер вместе с прочими приходил он в Комнату Огня сказаний. И вот однажды, когда он прогостил уже некоторое время у Вайрэ и Линдо, случилось так, что Линдо, сидя в своем глубоком кресле, начал по его просьбе рассказ:

— Внемли же, о Эриол, коль желаешь [ведать], как померкла краса Валинора и как эльфы были принуждены покинуть берега Эльдамара. Быть

может, тебе уже известно, что в дни радости эльдалиэ Мэлько обитал в Валмаре как слуга дома Тулкаса; там лелеял он свою ненависть к богам и жгучую зависть к эльдар, но лишь вожделение к красоте самоцветов, скрытое за притворным безразличием, преодолело, наконец, его терпение, принудив к тонкому и злому расчету.

В те времена одним лишь нолдоли было ведомо искусство создания сих прекрасных творений, и, несмотря на их щедрые дары всем, кого они любили, сокровища, которыми они владели, были за пределами счета и меры, и потому Мэлько обретался средь них когда только мог, ведя хитрые речи. Так долгое время выпрашивал он себе в подарок драгоценные камни, подстерегая, быть может, неосторожных, чтобы выведать об их тайном искусстве; но не преуспев во всем этом, он начал сеять дурные желания и раздоры среди гномов, изрекая им ложь о Совете, на котором эльдар были впервые призваны в Валинор[прим.1].

— Вы — рабы, — говорил он, — либо, ежели вам угодно, дети, которым приказано играть в игрушки и не велено ходить далеко либо знать слишком много. Может статься, скажете вы: «Добрые времена даровали нам валар»; но попробуйте только выйти за поставленные ими пределы, и

вы узнаете жестокость их сердец. Внемлите: они используют ваши умения, а красу вашу берегут как украшение своих владений. Это не любовь, но лишь себялюбивая страсть — проверьте сами. Потребуйте наследие, что предназначил вам Илуватар: весь бескрайний мир, созданный, дабы странствовать в нем, со всеми его неизведанными тайнами и всем, что воплотится в творения столь великие, каковые невозможны в этих тесных садах, заключенных между горами и окруженных непреодолимым морем.

Многие, несмотря на истинное знание, которым Нолэмэ делился с ними, внимали Мэлько и, хотя и неохотно, приклоняли свой слух к этим его словам, сделавшись беспокойны, а Мэлько все подливал масла в огонь, распаляя тлеющие страсти. От него постигли они много такого, что знать никому не во благо, кроме великих валар, ибо, будучи понята лишь наполовину, эта потаенная и глубокая мудрость губит веселье; сверх того, многое из сказанного Мэлько было искусной ложью или полуправдой, и нолдоли перестали петь, а их виолы не звучали боле на холме Кор, ибо сердца их состарились, по мере того как ученость их возрастала, страсти распалялись, а книги мудрости умножались как листья в лесу. Ибо знай, что в те

дни Аулэ с помощью гномов изобрел алфавиты и письмена, и множество диковинных повестей было изображено знаками — рисунками на стенах Кора, а на камне были начертаны или вырезаны руны великой красоты. Давным-давно Эарэндэль прочел там многие удивительные предания, немало из которых, думается, до сих пор можно увидеть, если не обратились они во прах. Остальные эльфы не слишком-то задумывались о подобном и временами печалились и страшились из-за умалившегося счастья своих сородичей. Все это было великой радостью для Мэлько, который трудился, терпеливо выжидая благоприятного случая, хотя и не приближаясь к успеху, ибо, невзирая на все его старания, сияние Древ, красота самоцветов и воспоминания о темном пути из Палисора удерживали нолдоли — и Нолэмэ неизменно говорил против Мэлько, умеряя непокой и недовольство своего народа.

Наконец, столь сильно встревожился он, что держал совет с Фэанором и даже с Инвэ и Эллу Мэлэмно (который был главой солосимпи), и согласился с их словами, что надлежит поведать о темных происках Мэлько самому Манвэ.

Прознав об этом, Мэлько страшно разгневался на гномов и, явившись первым пред Манвэ, низко

склонился и донес, что гномы-де осмелились при нем роптать против власти Манвэ, утверждая, что в мастерстве и красоте они, коим Илуватар судил владеть всей землей, намного превосходят валар, на которых им приходится трудиться безвозмездно. Тяжело стало у Манвэ на сердце от этих слов, ибо давно он опасался, как бы великое дружество валар и эльдар не разрушилось по воле случая, памятуя, что эльфы — дети мира и должны однажды вернуться на лоно земли. Однако кто скажет, что все эти деяния, даже кажущееся бессмысленным злодейство Мэлько, не были участью, предрешенной древней судьбой? Но холодно обошелся Владыка Богов с наушником, и, как раз когда он расспрашивал Мэлько, явилось посольство Нолэмэ, которое, получив дозволение Манвэ, поведало ему правду. По причине присутствия Мэлько вышло так, что говорили они об этом деле не столь искусно, как могли бы, и, быть может, само сердце Манвэ было уязвлено ядовитыми словесами Мэлько, ибо отрава его злобы поистине сильна и коварна.

Однако и Мэлько, и нолдоли были отосланы с укоризной. Мэлько было приказано воротиться в Мандос и жить там в покаянии, не смея являться в Валмаре несколько лун, пока не минует вели-

кий праздник, что ныне приближался; но Манвэ, страшась, что зараза недовольства перекинется на другие племена, велел Аулэ отвести нолдоли в другие места и построить им новый город, дабы они могли жить там.

Велика была скорбь на холме Кор, когда пришли туда эти вести, и хотя все были возмущены предательством Мэлько, ожесточились они также и на богов, и ропот стал громче, чем прежде.

Речка, называемая *Хи**и**ри*, сбегала с холмов, расположенных к северу от прохода к побережью, в котором был построен Кор, и текла по равнине неизвестно куда. Может быть, она вливалась во Внешнее Море, ибо в гористой местности к северу от корней Сильпиона, в долине, окруженной скалами, она уходила под землю; и там решили нолдоли поселиться или, скорее, переждать, пока минует гнев Манвэ, ибо покамест не смогли они примириться с мыслью покинуть Кор навечно.

В скальном кольце вырубили они пещеры и в них сложили свои сокровища: самоцветы, золото, серебро и чудесные творения; но умолкли их голоса в древних домах Кора, где остались лишь их картины и книги мудрости, и только на улицах Кора и всех дорогах Валмара все еще лучились [?самоцветы] и резные мраморы, по-

вествовавшие о днях счастья гномов, что ныне было на ущербе.

Теперь Мэлько отослан в Мандос и вдали от Валмара замышляет мятеж против богов и гномов и месть им. Пробыв почти три века под сводами Мандоса, Мэлько завел себе нескольких друзей среди тамошних мрачных духов и склонил их ко злу, пообещав отдать им во [?владение] обширные области и земли, если они придут на помощь, когда он воззовет к ним в час нужды; и он собирает их к себе в темные ущелья гор, окружающих Мандос. Оттоль рассылает он соглядатаев, что незаметны подобно мимолетным теням, когда Сильпион в цвету, и узнает о делах нолдоли и обо всем, что происходит на равнине. Вскоре после того и в самом деле случилось устроенное валар и эльдар великое торжество, то самое, о котором упоминал Манвэ, велев Мэлько избавить на это время Валмар от своего присутствия; ибо знай, что они веселились целый день раз в семь лет, справляя приход эльдар в Валинор, и каждый третий год устраивали меньшее празднество — в память о прибытии белых кораблей солосимпи к берегам Эльдамара. Но раз в двадцать и один год, когда совпадали оба торжества, устраивался праздник еще более великолепный,

длившийся семь дней, по какой причине такие годы именовались «Годы Двойного Веселья» [41]; и эти праздники все Корэльдар, где бы они ни были в широком мире, всегда отмечают. И как раз приближаются дни Двойного Веселья, и все боги и эльфы приготовляются встретить их как можно более великолепно. Долгие вереницы эльфов в великой пышности с танцами и пением шествовали от Кора к вратам Валмара. Для этого торжества была проложена дорога от западных ворот Кора до самых башенок высокосводчатых северных врат Валмара, обращенных к Древам. Была она вымощена белым мрамором, и множество тихих ручьев, стекая с гор, пересекало ее. То и дело взбиралась она на мостики, искусно огороженные изящными, светящимися подобно жемчугу перилами. Мосты эти невысоко вздымались над водой, посему дивной красы лилии, что росли на лоне неторопливо струившихся по равнине потоков, раскрывали свои широкие цветки по краям дороги, и ирисы выстроились вдоль нее; ибо по хитро проведенным руслам чистейшая вода текла вниз от ручья к ручью, сопровождая путника прохладным журчанием.

---

[41] Примечания: 41
В этом месте примечание на полях: *Самириэн.*

Местами с одной или другой стороны высились могучие деревья, а порой дорога выбегала на поляну к фонтанам, взметнувшимся благодаря волшебству высоко в воздух, для отдохновения всякого, кто следовал этим путем.

Вслед за облаченным в белое народом Инвир шествовали тэлэри, и звон их согласных арф мелодично трепетал в воздухе; а за ними ступали нолдоли, снова, по милости Манвэ, соединившись со своим родом — дабы подобающе встретить празднество. Но в музыке, которую рождали их виолы и прочие инструменты, прибавилось щемящей нежности. Последним шел народ берегов, и их созвучные свирели и голоса влекли за собой память о приливах, шепоте волн и стенающем крике прибрежных птиц — здесь, на равнине, столь далекой от моря.

Затем все они остановились пред вратами Валмара и по слову и знаку Инвэ в один голос грянули Песнь Света. Ее сочинил и научил их петь Лирилло[прим.2], и она повествовала о стремлении эльфов к свету, об их странствии сквозь чреватый опасностью мрак, через который вело их желание увидеть Два Древа; также пелось в ней о том, как в величайшей радости лицезрели они богов и с новой силой возжаждали войти в Валмар и сту-

пить в благие владения валар. Тогда отворились врата Валмара, и Норнорэ призвал их войти, и все великолепное собрание прошло внутрь. Там встретила их Варда, стоя в окружении сонмов манир и сурули, и все боги приветствовали гостей, и во всех чудесных чертогах начался пир.

По обычаю на третий день облачались они во все белое и голубое и восходили к высотам Таниквэтиль, где Манвэ говорил с ними, как считал подобающим, о Музыке Айнур и славе Илуватара, о том, что грядет, и том, что минуло. И в этот день Валмар и Кор пустели и затихали, а крыша мира и склоны Таниквэтиль расцветали искрящимися одеяниями богов и эльдар, а горы полнились эхом их речей. Но позже, в последний день веселья, боги приходили в Кор и, воссев на склонах его светлого холма, с любовью взирали на чудный град, а потом, благословив его во имя Илуватара, покидали Кор перед тем, как расцветал Сильпион, — и так кончались дни Двойного Веселья.

Но в сей роковой год Мэлько кощунственно осмелился избрать в своем сердце самый день речей Манвэ на Таниквэтиль для исполнения своего замысла, потому что тогда и Кор, и Валмар, и заключенная в кольцо скал долина Сирнумэн пребывали без охраны — ибо кого в те далекие

времена остерегался вала или эльф?

На третий день этого торжества, именовавшегося Самириэн, он вместе со своими темными приспешниками крадучись миновал неосвещенные залы обиталища Макара (ибо даже этот неистовый вала отправился в Валмар, дабы почтить праздник, и все боги явились туда, не считая одних только Фуи и Вэфантура; даже Оссэ был там, на седмицу оставив свою вражду и ревность к Улмо). Здесь новая мысль посетила сердце Мэлько, и тайком он сам берет оружие и вооружает своих подручных мечами безжалостными и весьма острыми, и это было кстати для них: ибо теперь все они пробираются в долину Сирнумэн, где ныне жилище нолдоли.

Но поскольку в сердца гномов проникли наущения Мэлько, то сделались они осторожны и подозрительны вопреки обыкновению эльдар тех дней. К сокровищам были приставлены сильные стражи, которые не пошли на праздник, хотя это нарушало обычаи и установления богов. И вот, внезапно разразилась жестокая схватка в сердце Валинора, и стражи были убиты в то самое время, покамест на Таниквэтиль царили величайшие мир и радость — посему никто не слыхал их криков. Теперь Мэлько знал, что от-

ныне вечно пребудет война между ним и всем остальным народом Валинора, ибо он умертвил нолдоли — гостей валар — перед дверьми их домов. Собственной своей рукой поразил он Бруитвира, отца Фэанора[прим.3], и, ворвавшись в каменное жилище, которое тот защищал, Мэлько завладел чудеснейшими драгоценными камнями — самими Сильмарилями, запертыми в шкатулке слоновой кости. Теперь похитил он все самоцветные сокровища, и, нагрузив себя и своих спутников до предела, он изыскивает способ ускользнуть.

Знай же, что недалеко от того места у Оромэ были огромные конюшни и поля, на которых паслись добрые кони — там, где начинались дремучие леса. Туда прокрадывается Мэлько и захватывает табун черных коней, подчинив их себе при помощи ужаса. Все его соучастники скачут прочь, уничтожив менее драгоценные творения, которые, как сочли они, невозможно унести. Описав широкую дугу и мчась со скоростью урагана — как могут скакать только божественные кони Оромэ, оседланные Детьми Богов, — они оказались далеко к западу от Валмара, в нехоженных пределах, где слабел свет Древ. Задолго до того, как все спустились с Таниквэтиль или как закон-

чилось празднество и как нолдоли вернулись к своим домам и нашли их разоренными, Мэлько и его [?воры] достигли дальнего юга и, обнаружив перевал в горах, перебрались на равнины Эрумана. Долго пришлось Аулэ и Тулкасу оплакивать свою беззаботность: давным-давно оставили они этот проход, возведя горы, преграждавшие злу путь на равнину, ибо этим путем привыкли они возвращаться в Валинор, добывая камень в пределах Арвалина[прим.4]. Говорится, что этот объезд, трудный и опасный, не входил сначала в замыслы Мэлько, ибо скорее бы он отправился на север через пролегавшие вблизи Мандоса перевалы, но его предостерегли от этого, ибо Мандос и Фуи так и не покинули своих владений, а все расселины и ущелья северных гор населены их народом, и, несмотря на всю свою мрачность, Мандос никогда не восставал против Манвэ и не сочувствовал злодеяниям.

Как было ведомо в старину, далеко на севере Великое Море сильно сужалось, и без кораблей Мэлько со своими подручными мог бы без труда переправиться в мир. Правда, на севере царил лютый холод, но Мэлько он не был страшен. Но этого не произошло, и печальная повесть следует назначенным ей путем, а иначе и по сей день

светили бы Два Древа, и эльфы все еще пели бы в Валиноре.

Наконец, завершились празднества, и боги отправились обратно в Валмар, шествуя по белой дороге, ведущей из Кора. Огни мерцают в граде эльфов, и там все спокойно, нолдоли же печально бредут по равнинам в Сирнумэн. Сильпион мерцает в этот час, и прежде чем ослабело его сияние, первый плач по мертвым, что слышал Валинор, раздается из горной долины, ибо Фэанор оплакивает смерть Бруитвира; и не один он из гномов узрел, что духи их убитых унеслись к Вэ. Тогда гонцы поспешно скачут в Валмар, неся весть о случившемся, и там они застают Манвэ, ибо он еще не успел покинуть города и отправиться в свои чертоги на Таниквэтиль.

— Увы, о Манвэ Сулимо, — воскликнули они, — зло проникло через горы Валинора и пало на Сирнумэн, что на Равнине. Там лежит мертвым Бруитвир, родитель Фэанора[прим.5], и многие нолдоли вместе с ним, а все наши сокровища: самоцветы и чудесные творения — долголетние самозабвенные труды наших рук и сердец — похищены. Где они, о Манвэ, чьи очи зрят все сущее? Кто совершил это зло, ибо нолдоли взывают об отмщении, о [?справедливейший]!

Тогда ответствовал им Манвэ:

— Внемлите мне, о дети народа нолдоли! О вас печалится мое сердце, ибо яд Мэлько уже преобразил вас, и алчность поселилась в ваших сердцах. Когда бы не возомнили вы, что ваши камни и изделия[прим.6] более драгоценны, нежели общий праздник или же установления Манвэ, владыки вашего, сего бы не случилось, Бруитвир го-Майдрос и иные несчастные были бы живы, а ваши сокровища понесли бы не больший урон. Но предрекает моя мудрость: из-за смерти Бруитвира и его сотоварищей величайшее зло падет на богов, эльфов и людей, что грядут. Если бы не боги, что привели вас к свету и наделили вас всем потребным для работы, научая вас в дни былого вашего неведения, ничто из тех чудесных творений, что ныне любите вы столь сильно, никогда бы не было создано; а единожды сотворенное может быть воссоздано вновь, ибо могущество валар неизменно. Но всей славы Валинора и всей красы и прелести Кора дороже мир, счастье и мудрость, каковые вернуть гораздо труднее, единожды их утратив. Оставьте же роптать на валар, говорить против них или равнять себя в сердцах ваших с их величием; ступайте же ныне в раскаянии, твердо памятуя, что это Мэлько при-

чинил вам сии невзгоды и что это ваше тайное общение с ним навлекло на вас все эти утраты и горести. Не доверяйте более ни ему, ни иному, кто нашептывает вам тайно слова недовольства, ибо плоды сего — унижение и тревога.

И посланные в замешательстве и испуге вернулись в Сирнумэн, будучи повергнуты в крайнее уныние; но на сердце у Манвэ было тяжелее, чем у них, ибо, хотя все обратилось к худшему, он предвидел, что самое плохое еще впереди. И так вершилась судьба богов — ибо нолдоли слова Манвэ показались холодными и бессердечными, и не заметили они ни его скорби, ни его сочувствия. А Манвэ думал, что они странно изменились и сделались алчными, и жаждут лишь утешения подобно детям, лишившимся чудесных игрушек.

Вот Мэлько видит вокруг себя пустоши Арвалина и не ведает, как ему спастись, ибо мрак там непрогляден, а он не знает сих земель, простирающихся до крайнего юга. Тогда посылает он вестника, требующего неприкосновенности по праву глашатая (хотя это был слуга Мандоса, отступник, совращенный Мэлько), через перевал в Валинор, и тот, стоя перед вратами Валмара[прим.7], требует, чтобы боги говорили с ним.

Когда же его вопросили, откуда он явился, тот ответствовал, что от айну Мэлько. И Тулкас забросал бы его каменьями со стены и убил бы, если бы не остальные, что не дозволили до времени дурного обращения с пришедшим и, несмотря на гнев и отвращение, допустили его на огромную золотую площадь перед палатами Аулэ. Сей же час в Кор и Сирнумэн послали за эльфами, ибо было решено, что сие их тоже касается близко. Когда все было готово, вестник занял место возле обелиска из чистого золота, на котором Аулэ начертал рассказ о том, как воссияло Золотое Древо (возле палат Лориэна был серебряный обелиск с рассказом о другом Древе), и неожиданно Манвэ произнес «Говори!», и его голос был как раскат гневного грома, так что все зазвенело, но посланец, не смешавшись, изрек следующее:

— Владыка Мэлько, повелитель всего мира от крайнего востока до внешних склонов валинорских гор, своим сородичам айнур. Ведайте, что в возмещение за многоразличные ужасные оскорбления и за долгий срок несправедливого заточения, каковые он, невзирая на высокие его кровь и положение, претерпел от рук ваших, забрал он, как то подобает ему, малую толику сокровищ нолдоли, ваших рабов. Вельми опеча-

лен он, что убил нескольких из них, дабы они не содеяли ему вреда по злобе сердец своих. Но те святотатственные поползновения вычеркнет он из своей памяти и также все былые обиды, что вы, боги, причинили ему, забудет он настолько, дабы вновь явить свое присутствие в месте, называемом Валмар, буде прислушаетесь вы к его условиям и выполните их. Ибо знайте, что нолдоли должно прислуживать ему и украшать ему жилище; сверх того, по праву требует он…

Но в это самое мгновение, когда вестник еще больше возвысил голос, раздувшись от собственных дерзостных слов, столь сильный гнев охватил валар, что Тулкас с несколькими домочадцами бросились на него и, схватив, принудили к молчанию, а над площадью совета поднялся гул. На самом же деле Мэлько и не думал выгадать что-либо при помощи сего оскорбительного посольства, кроме замешательства валар и выигрыша во времени.

Тогда Манвэ велел отпустить вестника, но боги поднялись, восклицая в один голос:

— Это не глашатай, но мятежник, вор и убийца!

— Он осквернил святость Валинора! — возгласил Тулкас, — Он бросил нам в лицо оскорб-

ление!

Во всем этом эльфы были единодушны. Хотя и не было у них надежды вернуть драгоценности, кроме как схватив Мэлько — что было делом почти невозможным, но не стали бы они ни о чем договариваться с ним и относились к Мэлько и его приспешникам как к разбойникам. (Это и имел в виду Манвэ, изрекая, что смерть Бруитвира будет причиной величайшего зла, ибо именно это убийство столь сильно разгорячило и богов, и эльфов.)[прим.8]

С этой целью обратились они к Варде и Аулэ, и Варда говорила за них перед Манвэ, Аулэ же был еще более настойчив, ибо и его сердце страдало из-за похищения стольких редкостей дивной работы и мастерства. Но Тулкас Полдорэа не нуждался в ходатайстве, пылая гневом. Слова сих могучих заступников тронули совет, и Манвэ, наконец, вынес решение возвестить Мэлько о том, что его предложение и он сам отвергнуты и что он со своими сообщниками отрешен навечно от Валинора. Сии слова хотел Манвэ сообщить посланцу, веля убираться с ними к своему хозяину, но народ вали и эльфы не снесли этого и под водительством Тулкаса привели отступника на самую вершину Таниквэтиль и там, объявив,

что тот не глашатай, и призвав гору и звезды в свидетели сего, сбросили его на камни Арвалиэна, так что он погиб, а Мандос заключил его в глубочайшие из своих пещер.

Тогда Манвэ, видя в сем неповиновении и неистовом деянии семя ожесточения, отбросил свой скипетр и возрыдал; но остальные говорили с Соронтуром, Королем Орлов Таниквэтиль, и послали с ним к Мэлько слова Манвэ: «Убирайся навеки, о проклятый, и не смей более вести переговоры ни с богами, ни с эльфами. И пусть ни ты, ни те, кто прислуживает тебе, не ступят более на землю Валинора, пока стоит мир». И Соронтур разыскал Мэлько и передал ему сказанное, поведав [?также] о гибели его посланника. Мэлько хотел убить Соронтура, обезумев от гнева из-за смерти своего вестника. И поистине, это деяние не было в согласии со строгим правосудием богов, хотя обитателей Валмара в значительной мере вынудили к этому; но впоследствии Мэлько злобно обвинял в этом богов, исказив происшедшее в рассказ об ужасной несправедливости. Тогда-то и зародилась вражда и ненависть между Соронтуром и сим злодеем, особенно разгоревшиеся в ту пору, когда Соронтур и его народ прилетели в Железные Горы и поселились там, наблюдая за

всем, что делал Мэлько.

И вот, Аулэ приходит к Манвэ и молвит ему слова ободрения, говоря, что Валмар еще прочен, а Горы высоки и надежно защищают от зла.

— Внемли! Если опять Мэлько вздумает устроить беспорядок в мире — разве не случалось ему прежде быть в оковах? И сие может произойти вновь. Ведай также, что скоро я и Тулкас завалим проход, что ведет к Эрумани и морям, дабы Мэлько никогда не мог снова попасть сюда этим путем.

Еще Манвэ и Аулэ решают поставить стражей в тех горах, покамест не станет известно о делах Мэлько и о том, где он обитает.

После Аулэ заводит с Манвэ речь о нолдоли и просит за них, молвив, что встревоженный Манвэ обошелся с ними сурово, ибо зло исходит поистине от одного лишь Мэлько, в то время как эльдар — не слуги и не рабы, но создания дивной красоты и благости и на вечные времена — гости богов. Тогда Манвэ дозволяет им ныне, буде пожелают они, возвратиться в Кор и, если есть на то их воля, вновь приняться за изготовление самоцветов и прочего, и все, что нужно им прекрасного и драгоценного для этой работы, будет дано им с еще большей щедростью, нежели ранее.

Но Фэанор, услыхав об этом, рек:

— Так, но кто вернет нашим сердцам радость, без которой невозможны творенья прекрасные и волшебные? Ведь Бруитвир мертв, и мое сердце тоже.

Тем не менее, многие возвратились в Кор, и возродилось некое подобие прежней радости, хотя по причине умалившегося счастья их сердец не могли они создать самоцветов былого сияния и великолепия. Но Фэанор, скорбя, остался в Сирнумэн с немногими и, хотя трудился денно и нощно, никак не мог он сотворить камни, подобные Сильмарилям, украденным Мэлько; и с той поры ни одному умельцу не удалось сделать этого. Наконец, оставив свои старания, предпочитал он проводить время возле могилы Бруитвира, названной Курганом Первой Скорби[42], и это подходящее имя, ибо все несчастья, что обрушились позже, произошли из-за смерти то — го, кто был похоронен здесь. Там углубился Фэанор в мрачные раздумья, пока разум его не затмился из-за тоски, царившей в его сердце, и тогда он встал и отправился в Кор. И там обратился он к гномам, жившим своими обидами и печалями,

---

[42] Примечания: 42

На полях написано название на языке гномов: «*Кум а Гумлайт* или *Кум а Тэграпайтос*».

умалившимися богатствами и славой, и призвал их покинуть свою темницу и отправиться в мир.

— Валар уподобились трусам; но сердца эльдар не ослабели, и мы еще узрим принадлежащее нам, и если не сможем взять свое хитростью, то отымем силой. Да будет война между Детьми Илуватара и айну Мэлько! Что, если погибнем мы в нашем странствии? Мрачные чертоги Вэ ненамного хуже этой блестящей тюрьмы…[прим.9]

И он убедил некоторых предстать вместе с ним перед Манвэ и потребовать, дабы нолдоли было дозволено покинуть Валинор с миром и чтобы валар доставили их без помех на берега, откуда их встарь перевезли.

Манвэ был удручен их просьбой и воспретил гномам произносить подобное в Коре, если они по — прежнему хотят жить там вместе с другими эльфами; но потом, отринув суровость, он много поведал им о мире, его устройстве и об опасностях, уже сущих в нем, и еще более грозных, что могут появиться вскоре по возвращении Мэлько.

— Мое сердце чувствует, а мудрость — предрекает, — молвил он, — что немного времени осталось до того, как иные Дети Илуватара, отцы отцов людей, вступят в мир — и знайте: в Музыке Айнур, что не изменится, было явлено, что в кон-

це концов мир перейдет на долгие времена под власть людей. Но будет то к счастью или к печали, Илуватар не открыл. И не хочу я, дабы раздор, страх или гнев царили между несхожими Детьми Илуватара, и желал бы я, чтобы много веков в мире не было созданий, могущих враждовать с пришедшими людьми и навредить им, пока их племена не окрепли, пока народы, живущие на земле, еще дети.

К этому он прибавил множество сведений о людях, их природе и о том, что произойдет с ними, и нолдоли были поражены, ибо чрезвычайно редко случалось им слышать от валар о людях; и потому мало размышляли они об этом, полагая, что создания сии слабы, слепы, неуклюжи, смерть преследует их и что никоим образом не могут они равняться со славою эльдалиэ. И теперь, хотя Манвэ излил свое сердце в надежде, что нолдоли увидят, что действует он не без цели и не без причины, успокоятся и уверятся в его любви, те, скорее, были изумлены, открыв, что айнур столь серьезно относятся к людям, и слова Манвэ достигли лишь противного его желанию. Ибо, страдая, Фэанор исказил их, обратив в злобное подобие истины, и, снова представ перед народом Кора, он произнес такую речь:

— Вот, теперь мы извещены, отчего привезли нас сюда как груз прекрасных рабов! Отныне, наконец, нам ведомо, по какой причине стерегут нас здесь, лишив завещанного, и почему не правим мы бескрайними землями — на случай, если не уступим их народу, еще не рожденному. И этому жалкому племени, настигаемому ранней смертью, роду копошащихся во мраке, криворуких, непривычных к песне и музыке, что будут уныло ковырять землю своими грубыми орудиями и кто — как говорит Манвэ Сулимо — от Илуватара, отдает сей повелитель айнур целый мир со всеми его чудесами и тайнами, расточая им наше наследие! И к чему эта речь об опасностях мира? Всего лишь уловка, чтобы обмануть нас, словесная личина! О вы, чада нолдоли, что более не желают оставаться домашними рабами богов, хотя бы и ласково с вами обращались, восстаньте, взываю к вам, покиньте Валинор, ибо час настал и мир ожидает!

Поистине, великого изумления достойно тонкое коварство Мэлько — ибо кто скажет, что в сих исступленных речах не было ни капли горькой правды, или не поразится, взирая, как самые слова Мэлько исходят из уст Фэанора, его врага, который не ведал и не помнил, где источник этих

мыслей; но, может статься, [?перво] причина всех этих печалей существовала прежде самого Мэлько, и так должно было случиться, а тайна ревности эльфов и людей — загадка без ответа, из тех горестей, что лежат в туманных корнях мира.

Но как бы то ни было, неистовые слова Фэанора тотчас привлекли к нему множество приверженцев, ибо, казалось, пелена окутала сердца гномов — и сие случилось, может статься, не без ведома Илуватара. А Мэлько, услышь он это, радовался бы, глядя, как его злоба дает плоды сверх ожидания. Но теперь, однако, сей злодей блуждает по темным равнинам Эрумана, и на юге — дальше, чем кому-либо доводилось заходить, — отыскал он край глубочайшего мрака и счел его подходящим местом, чтобы на время припрятать там украденные сокровища.

Там ищет он и находит мрачную пещеру в холмах, сокрытую паутиной тьмы, где черный воздух тяжело и удушающе липнет к лицу и рукам входящего. Весьма глубоко уводили эти извилистые пути. Старинные книги гласят, что под землей они сообщались с морем: здесь позже пленены были на время Солнце и Луна[прим.10]. Здесь обитал изначальный дух М**о**ру, о которой даже валар не

ведают, откуда или когда она явилась, и которую народы Земли нарекли множеством имен. Может статься, явилась она порождением туманов и тьмы на границах Тенистых Морей в кромешной мгле, что царила после того, как разлились Светильни, и до того, как воссияли Древа, но более вероятно, что она была всегда. И поныне она обитает в тех зловещих местах в обличье мерзкого паука, прядя из мрака цепкую паутину, что ловит в свои тенета звезды, луны и все блестящее, что странствует по воздуху. Поистине, из-за нее так мало струящегося сияния Двух Древ изливалось в мир, ибо жадно она поглощала свет, который питал ее, но производила она лишь ту тьму, что есть отрицание всякого света. **У**нгвэ Ли**а**нти, Великая Паучиха-Опутывательница — так звали ее эльдар, именуя ее также Вирил**о**мэ Мракоткущая, от чего до сих пор гномы говорят о ней как об Унг**о**лионт-Паучихе или Гв**э**рлум Черной.

Между Мэлько и Унгвэ Лианти завязалась дружба с самого начала — как только повстречала она Мэлько и его приятелей, бродивших по ее пещерам; но и сияния самоцветных сокровищ возжелала Мракоткущая сразу, как только узрела их.

Теперь Мэлько, ограбив нолдоли и принеся

скорбь и смятение в царство валар из-за того, что убыло сокровищ, замыслил нечто более мрачное и серьезное, дабы упрочить свою власть; посему, видя вожделение в глазах Унгвэ, он предлагает ей все те драгоценности, за исключением только трех Сильмарилей, если она поможет ему свершить задуманное. С готовностью обещает она сие, и так чудеснейшие камни, прекраснее коих мир не видел, перешли во владение гнусной Вириломэ и, опутанные паутиной тьмы, были спрятаны глубоко в пещерах восточных склонов тех великих гор, что ограничивают Эруман с юга.

Мысля, что сейчас самое время нанести удар, покамест Валинор все еще в волнении, и не ожидая, пока Аулэ с Тулкасом заложат проход в холмах, Мэлько и Вириломэ до расцвета Сильпиона прокрались в Валинор и затаились в долине у подножья холмов; но все это время Мракоткущая плетет свою самую бессветную паутину и злокозненные тени. Их пускает она по воздуху, так что вместо дивного серебряного сияния Сильпиона по всей западной равнине Валинора стелется смутная зыбкая темень, в которой трепещут слабые отсветы. Тогда набрасывает она черный покров невидимости на Мэлько и на

себя и, крадучись, они пробираются на равнину, пока боги пребывают в изумлении, а эльфы Кора — в страхе; тем не менее, не подозревают они еще, что сие дело рук Мэлько, видя в этом скорее работу Оссэ, чьи шторма временами нагоняли с Тенистых Морей хмарь и мглу, туманившие светлый воздух Валинора — хотя за это на Оссэ гневались и Улмо, и Манвэ.

Тогда послал Манвэ свежий западный ветерок, которым привык он отгонять в таких случаях морские испарения обратно к восточным водам, но это легкое дуновение не причинило никакого вреда тяжким и цепким сплетениям ночи, которые широко распростерла Вириломэ. Так Мэлько и Ночная Паучиха незаметно достигли подножья Лаурэлин, и Мэлько, собрав всю свою божественную мощь, вонзил меч в прекрасный ствол, и хлынувшее оттуда пламенное сияние непременно сожгло бы его самого, как и меч, если бы Мракоткущая не бросилась бы, изнывая от жажды, пить этот свет, приникнув губами к ране и высасывая из древа жизнь и силу.

Вина злой судьбы в том, что содеянное заметили не тотчас, ибо наступило время обычного глубокого покоя Лаурэлин; и вот, никогда древу больше не пробудиться к блеску, источая красоту

и радость на лики богов. Столь много света выпила Гвэрлум, что внезапная гордыня взыграла в ее сердце, и она, не вняв предупреждениям Мэлько, уселась поближе к подножью Сильпиона и испустила пагубные ночные испарения, что потекли, подобно черным рекам, к самым вратам Валмара. Тогда Мэлько берется за оставшийся у него из оружия нож, желая поранить ствол Сильпиона, насколько позволит время. Но некий гном, по имени Д**а**урин (Т**о**рин), что шел от Сирнумэн, исполненный дурных предчувствий, узрев это, бросается к Мэлько с громким криком. Столь бурным был натиск сего неукротимого гнома, что, прежде чем Мэлько опомнился, тот обрушился на Вириломэ, что в паучьем обличьи неуклюже разлеглась на земле. Тонкий клинок Даурина вышел из кузницы Аулэ и был закален в *мируворе*, иначе никогда бы не причинил он вреда сему скрытному [?существу], но вот он отрубает одну из ее длинных ног, и лезвие клинка запятнано черной кровью, ядом для всех [?созданий], чья жизнь — свет. Тогда Вириломэ, корчась, набрасывает на него свою нить, и он не может освободиться, а Мэлько безжалостно закалывает его. Вырвав сияющий тонкий клинок из слабеющей руки, Мэлько вонзает его глубоко в ствол Сильпиона,

и черный яд Гвэрлум губит сок и самую жизнь дерева, чей свет внезапно гаснет до тусклого отблеска, теряющегося в непроглядном мраке.

Тогда Мэлько и Вириломэ обращаются в бегство, притом не медля, ибо шедшие за Даурином, видя его судьбу, в ужасе бросились к Кору и Валмару как обезумевшие, спотыкаясь в темноте, да и валар уже скачут по равнине, спеша как только возможно, хотя и поздно уже защищать Древа, что, как теперь ведомо, в опасности.

На сей раз нолдоли подтверждают их опасения, поведав, что поистине Мэлько — виновник бедствия, и одного лишь жаждут они — схватить его и его приспешников, покамест те не ускользнули за горы.

Во главе этой великой погони мчится Тулкас, не спотыкаясь в сумраке, и сам Оромэ не поспевает за ним, ибо даже его божественный конь не может скакать в сгустившейся темноте со стремительностью разъяренного Полдорэа. Улмо слышит крики в своем доме в Вай, а Оссэ [?подымает] голову над Тенистыми Морями, и, не узрев света, струящегося по долине Кора, он выбирается на берег Эльдамара и торопится примкнуть к айнур в их погоне. Теперь единственное светлое место, оставшееся в Валмаре, — это сад,

где золотой источник бьет из Кулуллина, и Вана, Нэсса, Урвэн и многие девы и владычицы валар пребывали в слезах, но Палуриэн опоясывает своего супруга, что застыл в нетерпении, а Варда скачет от Таниквэтиль рядом со своим владыкой, держа перед ним как факел пылающую звезду.

Тэлимэктар, сын Тулкаса, вместе с великими, и его лицо и оружие сверкают серебром во мраке, но все боги и весь их народ рассыпались в разные стороны, и у некоторых в руках [?поспешно зажженные] факелы, так что по всей равнине блуждают тусклые огоньки и голоса перекликаются в темноте.

Пока Мэлько мчится прочь, погоня проносится мимо Древ, и вали едва живы от боли при виде сего поругания; Мэлько же и несколько его приспешников, некогда — из детей Мандоса, расстаются с Унгвэ, которая под покровом ночи убирается на юг, через горы в свое жилище — погоня же так и не настигает ее. Остальные устремляются к северу с чрезвычайной быстротой, ибо спутникам Мэлько известны тамошние горы, и они надеются вывести [?его]. В месте, где наконец-то поредела завеса тьмы, их заметил один из разрозненных отрядов вали, где был Тулкас, который с громким криком бросается за

ними. Поистине, случиться на равнине сражению меж Тулкасом и Мэлько, не будь расстояние столь велико: как только приблизился Тулкас к Мэлько на полет копья, полоса тумана вновь скрыла беглецов, и издевательский хохот Мэлько доносился, казалось, то с одной стороны, то с другой, раздаваясь то из-за самого плеча Тулкаса, то далеко впереди, так что Тулкас неистово мечется туда и сюда, а Мэлько ускользает прочь.

Тогда Макар и Мэассэ вместе со своей свитой поскакали на север с наивозможной поспешностью, дабы поднять Мандос и поставить стражей на горных тропах, но то ли Макар опоздал, то ли Мэлько перехитрил его — ибо проницательностью Макар не отличался, — но даже увидеть сего айну не случилось им, хотя наверняка ушел он этим путем и впоследствии сотворил много зла в мире. Но никто из тех, кому я внимал, не рассказывали об его полном опасностей возвращении в ледяные царства севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. с. 117.

2. В списке дополнительных имен валар, упомянутом на с. 93, именем *Лирилло* назван Салмар-Нолдорин.

3. «Отец Фэанора» — последний вариант после продолжительных колебаний между «сын Фэанора» и «брат Фэанора».

4. О том, как для сооружения гор Валинора добывался камень в Арвалине (Эрумане), см. с. 70.

5. «Родитель Фэанора» исправлено из «сын Фэанора» — см. прим. 3.

6. После слова «изделия» стояло следующее предложение, впоследствии зачеркнутое: «которые боги, пожелай они этого, сотворили бы за час» — предложение примечательно само по себе, а также по причине его вычеркивания.

7. Часть рукописи, начиная со слов «перед вратами Валмара» и кончая «не смешавшись, изрек следующее», написана вокруг небольшой карты мира, помещенной и описанной на с. 81.

8. В этом месте повествования рукопись состоит из отдельных абзацев с указаниями их порядка; точное место предложения не совсем ясно, но наиболее вероятно, что оно должно стоять здесь.

9. Многоточие в оригинале.

10. «Позже» — исправлено из «встарь». На полях напротив этого предложения стоит вопросительный знак.

Изменения в именах и названиях в *Воровстве Мэлько* и *Затмении Валинора*

***Э**ллу Мэлэмно* (*Ellu Melemno*) < *Мэлэмно (Melemno)*. (В Главе 5, с. 120, в добавленном предложении вождь солосимпи назван ***Э**ллу*.)

*Сирн**у**мэн* (*Sirnúmen*) < *Нумэ**с**сир (Numessir)* (первые два раза; далее везде *Сирн**у**мэн*).

***Э**руман* < *Хармалин* (с. 145, 152) < *Хаббанан* (с. 151).

***А**рвалин* < *Харв**а**лиэн* < *Хаббанан* (с. 145), < *Харв**а**лиэн* < *Хармалин* (с. 147); *Арв**а**лиэн* впервые на с. 148.

*Бр**у**итвир* (*Bruithwir*) стоит вместо более раннего имени, по- видимому, *М**а**рон (Maron)*.

*Бр**у**итвир го-М**а**йдрос (Bruithwir go-Maidros)* < *Бр**у**итвир го-Фэанор (Bruithwir go-Fëanor)*. -го здесь патронимический аффикс, со значением «сын такого-то». См. выше прим. 3 и 5.

*М**о**ру (Móru)*. Это имя может также быть прочитано здесь — как и в других местах — как *Морн (Morn)* (см. Приложение [broken link: #UtraI_appendix]). Заменило здесь другое имя, вероятно, *М**о**рди (Mordi)*.

*Унг**о**лионт (Ungoliont)* < *Г**у**нглионт (Gungliont)*.

*Д**а**урин (Dautin)* (*Т**о**рин (Tórin)*). Первоначально

впервые возникает как Фэанор, заменено сначала на «(?) *Д**а**урлас (Daurlas)…….родич Фэанора*», а потом на «*некий гном, по имени Д**а**урин (Т**о**рин)*». Далее везде *Фэанор* исправлено на *Д**а**урин*.

Комментарии к *Воровству Мэлько* и *Затмению Валинора*

История о том, как Мэлько совратил нолдоли, была впоследствии рассказана совершенно иначе: появилась тема раздора между сыновьями Финвэ Фэанором и Финголфином (*Сильмариллион*, с. 69), отсутствующая в настоящей повести, где Фэанор — сын Бруитвира, а не Финвэ Нолэмэ. Первостепенный мотив позднейшей истории — страсть Мэлькора к Сильмарилям (там же, с. 67) — представлен здесь лишь как вожделение ко всем самоцветам нолдоли вообще: в самом деле, важной чертой первоначальной мифологии является то, что хотя Сильмарили присутствуют, их важность относительно невелика. Принципиальное сходство с поздним вариантом заключается в том, что Мэлько нацеливает свою атаку на нолдоли и что он использует аргументы, до некоторой степени весьма сходные: эльфов, которым по праву принадлежат бескрайние царства на востоке, валар заключили в Валиноре. При этом

в словах Мэлько примечательным образом отсутствуют упоминания о приходе людей: этот мотив вводится в рассказ далее и совершенно иначе — самим Манвэ (с. 150). Более того, преимущественное общение нолдоли с Мэлько имеет своей причиной его вожделение к их самоцветам, а в *Сильмариллионе* (с. 66) нолдор сами обратились за его наставлениями, пока остальные эльфы держались поодаль.

Далее повествования полностью расходятся: в *Сильмариллионе* тайные козни Мэлькора обнаружены в ходе расследования ссоры принцев нолдор, в то время как здесь все раскрывается гораздо проще — из-за беспокойства Финвэ Нолэмэ за свой народ. Поздний вариант, конечно, превосходит ранний: там валар разыскивают Мэлькора как явного врага, поскольку его интриги разоблачены (хотя он и сбежал), а в данном повествовании, несмотря на все доказательства, что он нисколько не исправился, ему просто сказано отправиться в Мандос и поразмыслить. Существует уже зародыш истории *Сильмариллиона* об изгнании Фэанора в Ф ормэнос, куда его сопровождает Финвэ, хотя здесь целому народу нолдоли велено уйти из Кора в скалистую долину на севере, где уходит под землю речка Хири. Этот

приказ выглядит скорее мерой предосторожности, нежели наказанием, наложенным на них Манвэ.

В связи с местом изгнания нолдор, названным здесь Сирнумэн («Западный Поток»), можно заметить, что в отдельном примечании, найденном в небольшой записной книжке, упомянутой на с. 23, сказано следующее: «Река, протекавшая во втором горном жилище гномов в Валиноре, называлась *кэлусинди*, а ее источник — *капалиндa*».

Чрезвычайно интересен абзац на с. 142, где о Манвэ сказано, что он знал, «**что эльфы — дети мира и должны однажды вернуться на лоно земли**». Как я ранее заметил (с. 82), между «миром» и Великими Землями часто ставится знак равенства, что неоднократно проявляется в настоящем рассказе, но мне не совсем ясно, имелось ли это в виду в данном месте. С моей точки зрения, эта фраза означает, что во времена «Великого Конца» эльдар, будучи связаны с Землей, не смогут уйти с валар и духами, что существовали «до мира» (с. 66), туда, откуда те явились (ср. окончание первоначального варианта *Музыки Айнур*, с. 60).

Что касается рассказа о похищении драгоценных камней, то настоящее повествование так

же сильно отличается от позднейшей истории, в которой нападение на нолдор Формэноса, похищение Сильмарилей и убийство Финвэ происходили *после* встречи на юге Мэлькора с Унголиант и уничтожения Двух Древ: Унголиант была вместе с ним в Формэносе. Так же отсутствует в ранней версии всякое упоминание о посещении Мэлькором Формэноса (*Сильмариллион*, с. 71–72), после которого он прошел через Калакирья и отправился по берегу на север, позднее вернувшись тайно в Аватар (Арвалин, Эруман), чтобы разыскать Унголиант.

С другой стороны, великий праздник уже предоставляет Мэлько возможность похитить Сильмарили из жилищ нолдоли, хотя в данном случае это праздник в честь определенных событий (см. *Сильмариллион*, с. 74–75), что делает обязательным присутствие на нем тэлэри (ср. *Сильмариллион*: «Лишь тэлэри за горами все еще пели на морских берегах, ибо времена года мало трогали их…»).

О темных приспешниках Мэлько из Мандоса (про иных из которых сказано, что они были «некогда из детей Мандоса», с. 154) позднее ничего не говорится, как и о похищении коней Оромэ. И в то время как здесь сказано, что Мэлько хотел

покинуть Валинор через перевалы северных гор, но передумал (за этим следуют размышления о том, какова была бы судьба Валинора, уйди он на север), то в позднем повествовании его уход на север — всего лишь обманная уловка. Но интересно, что первый вариант содержит зародыш второго: все время прослеживается идея о движении сначала на север, а потом — на юг, хотя и в разных местах повествования и с иной мотивировкой.

Любопытно также появление мысли о том, что близкий родич Фэанора — продолжительные колебания между братом и сыном останавливаются на отце — был убит Мэлькором в жилище нолдоли Сирнумэн — предшественнике Формэноса.

В этом абзаце есть несколько географический указаний. Два Древа росли к северу от Валмара (с. 143), как и показано на карте (см. с. ~81–82~); также, согласно тексту и карте, Великие и Внешние Земли близко подходят к друг другу на крайнем севере (с. 146). Чрезвычайно примечательно, что пустое место в горах Валинора, которое я пометил на карте буквой «е», оказывается «перевалом в горах», через который Мэлько и его свита перебрались из Валинора в Арвалин-Эруман, проходом, который оставили Тулкас и Аулэ

во времена создания гор, чтобы возвращаться в Валинор (с. 145).

От следущей части рассказа почти ничто не перешло в более поздние варианты. Поучение Манвэ исчезло (но кое-что из его содержания воскресает потом в другом месте повествования (*Сильмариллион*, с. 68): «Нолдор начали роптать [против валар], и многие исполнились гордыни, забыв, сколько из того, что они имели и знали, получили они в дар от валар»). Интересно, что Манвэ, именуя отца Фэанора, использует патроним *го-Майдрос*: хотя впоследствии *Майдросом* зовут старшего сына, а не деда героя, это имя с самого начала оказывается связанным с родней Фэанора. Нет никаких позднейших следов ни странной истории бывшего слуги Мандоса, который принес валар оскорбительное послание Мэлько и которого сбросил с Таниквэтиль неукротимый Тулкас, выказав прямое неповиновение Манвэ; ни истории о том, как боги послали Соронтура в качестве вестника к Мэлько (осталось необъясненным, откуда Соронтур знал, где искать Мэлько). Здесь сказано, что впоследствии «Соронтур и его народ прилетели в Железные Горы и там поселились, наблюдая за всем, что делал Мэлько». Как уже указано в комментариях

(с. ~111–112~) к *Оковам Мэлько*, Железные Горы, расположенные, как сказано, к югу от Хисиломэ (с. 101, 118), соотносятся с более поздними Горами Тени (*Эрэд Вэтрин*). С другой стороны, согласно *Сказанию о Солнце и Луне* (с. 176), Мэлько, сбежав из Валинора, строит «новое обиталище в тех северных землях, где вздымаются Железные Горы, весьма высокие и ужасные на вид», а в первоначальном *Сказании о Турамбаре*[43] сказано, что Ангбанд лежал под северными отрогами Железных Гор, которые так названы из-за «Железных Преисподних» под ними. Из утверждения, что Соронтур из своего жилища на Железных Горах наблюдал «за всем, что делал Мэлько», также следует очевидным образом, что Ангбанд находился под Железными Горами. Сама же история о том, что Соронтур (Торондор) гнездился на Тангородриме, прежде чем переселиться в Гондолин, надолго сохранилась в традиции «Сильмариллиона» (см. *Неоконченные Сказания*, с. 43 и примечание 25). Таким образом, очевидно, что топоним «Железные Горы» на протяжении *Утраченных Сказаний* прилагается к разным объектам, если не предположить, что эти горы

[43] Примечания: 43

Полное название этой повести — «*Сказание о Турамбаре и Фоалокэ*», где *Фоалокэ* — дракон.

образовывали непрерывную цепь, южная часть которой (в будущем — Горы Тени) ограждает Хисиломэ с юга, а северная часть, расположенная над Ангбандом, дает имя всему хребту. Доказательства этой мысли будут даны позднее.

В первоначальной истории о пребывании в Сирнумэн нолдоли дано разрешение (хотя и по ходатайству Аулэ) вернуться в Кор, но горюющий Фэанор остается там с немногими; таким образом, это соответствует ситуации позднего повествования: нолдор в Тирионе, а Фэанор — в Формэносе, хотя отсутствует мотив изгнания Фэанора и его противозаконного возвращения в город эльфов. Важное различие заключается в том, что по *Сильмариллиону* (с. 61–62) ваньяр уже давно покинули Тирион и жили на Таниквэтиль и по всему Валинору: об этом в раннем рассказе нет ни слова; и, конечно, раннее повествование отличается от позднего главным образом тем, что, когда Фэанор подымает знамя мятежа, Древа все еще освещают Валинор.

Судя по повествованию, после утраты сокровищ, пока нолдоли принимаются за работу с умалившейся радостью, а Фэанор тщетно пытается заново сотворить Сильмарили, проходит довольно много времени: этот элемент исчез в

более позднем сюжете, гораздо более сжатом, где Фэанор (отказавшись отдать Сильмарили валар для исцеления Древ и не ведая, что Мэлько уже похитил их) знает заранее, что не сможет воссоздать камни точно так же, как Йаванна не сможет воссоздать Древа.

Посольство Фэанора и других гномов к Манвэ с требованием, чтобы боги перевезли их обратно в Великие Земли, было исключено из повествования, а вместе с ним — поучения Манвэ касательно прихода людей и его ясно выраженное нежелание, чтобы эльдар вернулись «в мир», пока люди еще дети. Ничего такого не возникает в *Сильмариллионе* в качестве мыслей Манвэ (также нет там и указаний на то, что знание Манвэ было настолько велико); в самом деле, если в раннем повествовании именно данное Манвэ описание людей и факт, что он учитывал интересы людей, приводят к тому, что Фэанор разражается речью против Манвэ, утвердившись в своем мнении относительно истинных мотивов привоза эльфов в Валинор, то в *Сильмариллионе* (с. 68) эти мысли предстают как ложь Мэлькора (я уже замечал выше, что в рассказе Мэлько ничего не говорит нолдоли о приходе людей).

Из слов Манвэ мы узнаем нечто ранее неиз-

вестное о Музыке Айнур: в конце концов мир перейдет на долгие времена под власть людей. В ранней версии есть несколько размышлений «в сторону» о предрешенности всего: так, «ревность людей и эльфов» рассматривается как непременная часть разворачивающейся истории мира, и еще выше замечено (с. 142): «Но кто скажет, что все эти деяния, даже кажущееся бессмысленным злодейство Мэлько, не были участью, предрешенной древней судьбой?»

Но несмотря на все эти радикальные изменения, воззвание Фэанора сохранило свои характерные черты; речь к нолдоли Кора напоминает своим ритмом речь к нолдор Тириона, освещенного светом факелов (*Сильмариллион*, с. 82–83).

Как видно, в повествовании о Мэлько и Унголионт все существенные элементы присутствовали *ab initio*[44]: колебания относительно ее происхождения, ее жилище в необитаемых пределах на юге Внешних Земель, то, что она поглощает свет, производя паутину тьмы; ее союз с Мэлько, его плата — самоцветы, украденные у нолдоли (хотя это было впоследствии иначе истолковано), история о том, как Мэлько пронзил Древа, а

[44] Примечания: 44
ab initio (лат.) с начала (прим. перев.).

Унголионт выпила из них свет; а также великая погоня, устроенная валар, которая терпит неудачу из-за темноты и тумана, позволивших Мэлько бежать из Валинора северным путем.

Тем не менее, между первой и последующими версиями этого сюжета почти столько же различий. В *Сильмариллионе* (с. 73) Мэлькор отправляется в Аватар, зная, что Унголиант живет там, а в данном повествовании она находит его, пока он бродит в тех местах, изыскивая возможность бежать. Также здесь ее происхождение неизвестно, и хотя можно сказать, что эта деталь сохранилась в *Сильмариллионе* («Эльдар не знают, откуда она явилась», там же), там объяснение все-таки дано: «Иные говорят», что она была «прежде мира», соблазненная Мэлькором, который был ее владыкой, хотя она и отреклась от него. Идея «изначального духа Мору» (с. 151) проясняется в статье раннего словаря языка гномов, где имя *Муру* толкуется как «название Изначальной Тьмы, олицетворяемой Гвэрлум, или Гунглионт[45]».

Старому варианту явственно недостает выразительности *Сильмариллиона* в описании спуска

[45] Примечания: 45
В рассказе (на с. 156) ими Гунглионт было заменено на Унголионт.

Мэлькора и Унголиант с горы Хьярмэнтир на равнины Валинора, где в это время валар и эльфы справляют великий праздник: в ранней версии он давно минул. В *Сильмариллионе* нападение на Древа происходит во время смешения света (с. 75), в то время как здесь в полном цвету Сильпион; подробности уничтожения Древ переданы совершенно иначе из-за присутствия гнома Даурина, впоследствии бесследно исчезнувшего. Так, в старой версии не говорится прямо, что Унголионт выпила свет Сильпиона, а сказано, что Древо умерло из-за ее яда на клинке Даурина, который Мэлько вонзил в ствол; в *Сильмариллионе* Унголиант также досуха выпивает «Источники Варды». Загадочно, что гном, убитый Мэлько, был сначала назван Фэанором. Возможно, отцу вдруг ненадолго улыбнулась идея, что Фэанор не примет участия в истории нолдоли в Великих землях; но в набросках последующих сказаний (с. ~238–239~) Фэанор умирает в Митриме. В данном абзаце впервые возникает мирувор, по раннему словарю квэнья — «нектар, напиток валар»; ср. с *Дорога вдаль идет*, с. 61, где отец пишет, что это было имя, данное валар напитку, который они пили на празднествах, и сравнивает его с нектаром богов Олимпа (в английском переводе

*Нам**а**риэ* слову *мирув**о**рэ* соответствует слово «нектар», там же, с. 58).

Одно из важнейших отличий данного повествования — возвращение Унголионт в ее логово на юге, так что вся история о «Ссоре Воров» (*Сильмариллион*, с. 80–81), о балрогах, пришедших на помощь Мэлькору, и бегстве Унголиант в Нан Дунгортэб в *Утраченных Сказаниях* отсутствует; передача ей самоцветов нолдоли в ранней версии отнесена к моменту первой встречи Унголионт с Мэлько — а по *Сильмариллиону* камней у него тогда еще не было, потому что нападение на Формэнос еще не состоялось.

VII
БЕГСТВО НОЛДОЛИ

[THE FLIGHT OF THE NOLDOLI]

Рассказ Линдо не прерывается, он так же спешно написан карандашом (примерно на этом месте он переходит в другую такую же тетрадь явно без какого-либо разрыва композиции), но я счел разумным начать здесь новую главу, или новое «Сказание», вновь взяв название с обложки тетради.

Однако не оставили боги надежды, но многократно встречались они под погубленным древом Лаурэлин и оттуда расходились вновь по всей земле Валинора в неустанных поисках, яро желая отмстить за раны, нанесенные дивному королевству их; и по зову богов помогают им в той погоне и эльдар, не единственно лишь на равнине, но также и в горах, вверх по склонам и вниз, ибо нет выхода из Валинора на запад, где простираются холодные воды Внешних Морей.

Но не молчит Фэанор, стоя на площади подле дома Инвэ на вершине Кора, и кричит он, чтоб собрались все нолдоли вкруг него и внимали. И многие тысячи их сходятся услышать слова его,

неся тонкие факелы, так что вскоре место сие залито мрачным огненным светом, какой прежде никогда не озарял этих белых стен. Когда же собрались они и видит Фэанор, что большинство здесь — нолдор[прим.1], призывает он их воспользоваться тьмой, смятением и слабостью богов, дабы сбросить ярмо — ибо так в безумии своем называл он дни блаженства Валинора — и уйти, унося с собою то, что могут и посчитают нужным:

— Если сердца ваши слишком слабы, чтобы вам следовать за мною, узрите же, как я, Фэанор, уйду один в просторный волшебный мир искать самоцветы, что принадлежат мне, и, быть может, множество великих и нежданных приключений падет на мою долю, что достойно чада Илуватара более, нежели слуги богов[прим.2].

Воспряли тогда желавшие немедля следовать за ним, и хоть мудрый Нолэмэ ведет речь против подобной поспешности, они не желают слушать его, и все возрастает неистовство их. Вновь просит Нолэмэ, чтоб хотя бы отправили посольство к Манвэ, дабы попрощаться, как подобает, и, быть может, снискать благосклонность его к походу и получить его советы, но Фэанор убеждает их отринуть даже столь невеликую мудрость, потребную для сего, говоря, что сделать так значило

бы получить лишь отказ, и что Манвэ запретит им уходить и не отпустит их.

— Что для нас теперь Валинор, — молвят они, — когда столь умалился свет его, если обретем мы с большей радостью беспредельный мир.

И вооружаются они, как только могут, — ибо в те дни ни эльфы, ни боги не думали много об оружии — и взяли с собою премного драгоценных камней и одеяний; но все книги знаний оставили они, и, истинно, немного было в тех книгах, чего мудрецы их не могли воссоздать по памяти. Нолэмэ же, видя, что не вняли совету его, не пожелал разлучиться с народом своим и пошел с ними, и помогал во всех приготовлениях. После того спустились нолдоли с холма Кор, освещенного пламенем факелов, и, поспешив вдоль ущелья, по берегам залива Тенистого Моря, что вторгался здесь между холмов, достигли обращенных к морю поселений солосимпи.

Следующий небольшой раздел текста был впоследствии вычеркнут, поперек него были написаны слова «Вставить Битву в Копас Алквалунтэн», а вместо него было вставлено дополнение. Фрагмент, от которого отец отказался, выглядит следующим образом:

Большинство народа сего отправилось с богами в погоню, но некоторых из оставшихся призвали

нолдоли пойти с ними, как призывали уже иных из тэлэри, однако из Инвир никто их словам не внял. Поскольку дев и жен среди нолдоли почти столько же, сколько мужей и отроков, хотя много малых детей оставили они в Коре и Сирнумэне, не знали нолдоли, что предпринять, и в крайней нужде той, обезумев от горестей, в затмении разума, свершили они то, в чем горше всего раскаивались после — ибо из-за тех деяний немилость тяжкая пала на весь народ их, и даже сердца сородичей обернулись на время против них.

Придя в Копас, где была тихая гавань, любимая солосимпи, захватили нолдоли все корабли этого народа и подняли на борт всех своих женщин и детей, и несколько еще [?иных], среди коих были те из солосимпи, что присоединились к нолдоли, будучи искусны в мореплавании. Бесконечно долго шли они вдоль берега, что становился чем дальше на север — все более диким и неприветливым, и корабли следовали за ними, не удаляясь в море, и так, говорили мне, покинули нолдоли Валинор. Но подробности мне неведомы, и, быть может, есть сказания, не известные никому из рода гномов, в коих лучше повествуется о горьких событиях того времени. Более того, слышал я, что говорят…

Дополнение, заменяющее этот фрагмент, было записано аккуратно и весьма разборчиво чернилами на отдельных листах через промежуток времени, величину которого я определить не могу.

Братоубийство

(Битва при Копас Алквалунтэн)

Большинство их народа отправилось с богами в погоню, но многие собрались на побережье возле жилищ своих, и уныние царило средь них, но все же немало солосимпи работало там, где стояли их корабли, а главнейшим из сих мест было то, что называли они Коп**а**с, или, более полно, Коп**а**с Алквал**у**нтэ, Гавань Лебединых Кораблей[46]. Была тогда Лебединая Гавань подобна чаше спокойной воды, и лишь на востоке, по направлению к морю, кольцо скал становилось немного ниже, и там пробилось в гавань море, образовав огромную каменную арку. Столь велика была она, что два корабля, кроме лишь самых больших, могли разминуться в ней, буде один станет выходить, а другой — искать пути в тихие синие воды гавани,

---

[46] Примечания: 46

На полях написано «*Ielfethýþ*». Это древнеанглийское слово, перевод Эриолом эльфийского названия на родной язык: первый элемент означает «лебедь» (*ielfetu*), а второй (более позднее «*hithe*») — «гавань, место причаливания».

и даже верхушки мачт их ничуть не задели бы камня. Прежде немного доходило туда света Древ из-за стены, потому всегда освещалась гавань кольцом золотых светильников, а разноцветные фонари обозначали причалы и пристани разных домов; но сквозь арку виднелись вдали бледные воды Тенистых Морей, чуть тронутые сиянием Древ. Красива весьма была гавань сия для взора, когда белые флоты, сверкая, возвращались домой, и потревоженные воды превращали свет светильников в зыбкие отблески, сплетая невиданные узоры из множества мерцающих лучей. Но ныне неподвижно стояли все суда, и мрак глубокий опустился на гавань, ибо померкли Древа.

Из солосимпи никто не внял неистовым словам нолдоли, кроме лишь нескольких, коих сосчитать можно было по пальцам двух рук; и потому в печали двинулся народ нолдоли вдоль берегов Эльдамара к северу, покуда не достигли они утесов, вершины которых глядели на Лебединую Гавань, — там давно уже высекли солосимпи в камне витые лестницы, что вели к кромке воды. Путь отсюда на север становился весьма тяжек и суров, а было средь нолдоли дев и жен почти столько же, сколько мужей и отроков, хоть многих малых детей оставили они в Коре и в Сир-

нумэне, пролив немало слез; посему, не зная, что предпринять, и в крайней нужде той, обезумев от горестей, в затмении разума, свершили они то, в чем после горше всего раскаивались — ибо из-за этих деяний тяжкая немилость богов пала на весь народ их, и даже сердца эльдалиэ обернулись на время против них.

Зри же, мыслит Фэанор: нет у их воинства никакой надежды быстро пробраться вдоль берега, кроме как на кораблях.

— А буде, — сказал он, — прибрежные эльфы не отдадут нам корабли, должны мы взять их.

Потому, спустившись в гавань, попытались они взойти на стоявшие там корабли, но солосимпи воспретили им, однако не устояли они против великого множества гномов, и оттого родилась вражда меж эльдар и эльдар. Так, подняли нолдоли всех женщин своих и детей, и великое воинство впридачу на борт, и, отвязав корабли, начали грести великим множеством весел в море. Гнев великий возгорелся в сердцах Прибрежных Флейтистов, когда увидели они похищение кораблей, созданных их искусством и долгими трудами — а иные из тех судов, как то рассказано, встарь построили на Тол Эрэссэа боги, и были то древнейшие из кораблей, ладьи

чудесные и волшебные. И нежданно раздался средь них глас:

— Никогда не покинуть ворам Гавань на наших кораблях!

И все солосимпи, что были там, быстро взбежали на стену скал, на арку, под коей пройти должен был флот, и, стоя там, кричали гномам, чтобы те вернулись; но гномы не обратили на них внимания и не изменили курса, и солосимпи стали грозить им камнями и напрягли свои эльфийские луки.

Видя то и полагая, что уже разгорелась битва, подошли те из гномов, кому не удалось отплыть и на чью долю выпал пеший путь вдоль берега; поспешили они зайти сзади солосимпи и, внезапно напав на них возле врат Гавани, убивали их безжалостно или сбрасывали в море; и так впервые гибли эльдар от оружия своих сородичей, и было сие деянием страха. Премного было число солосимпи, что пали, и немало пало гномов, ибо тяжкий бой пришлось им вести, чтобы пробиться обратно с узких троп по вершинам утесов, потому что многие эльфы прибрежного народа, услышав шум битвы, собрались позади них.

Но, наконец, все свершилось, все корабли вышли в открытое море, нолдоли последовали

далее, но разбиты маленькие светильники, и темна стала Гавань и очень тиха, если не считать лишь слабого звука плача. Подобны сему были все деяния Мэлько в этом мире.

Теперь же говорит сказание, что, пока плакали солосимпи и боги продолжали обыскивать равнину Валинора или сидели в унынии под погубленными Древами, прошло немало времени, что было временем мрака, в течение коего страдал народ гномов от тягот величайших, и все, чего есть в мире недоброго, одолевало их. Ибо одни шли бесконечно долго вдоль берега, покуда не померк и не забылся оставшийся далеко позади Эльдамар, и чем дальше к северу, тем все более дикими и непроходимыми становились места; но корабли держались поблизости, не отходя далеко в море, и шедшие по берегу нередко видели их сквозь сумрак, ибо корабли медленно плыли в тех тяжких водах.

Обо всех скорбях, что сопровождали нолдоли на том пути, не знаю я всего, и никто того не рассказывал, ибо дурная была бы то повесть, и хотя могут гномы поведать о тех днях подробнее, нежели я, все же весьма не любят они останавливаться на горьких событиях того времени и не часто тревожат память о них. Но все же слышал

я, что говорится…

Здесь заканчивается вставленный фрагмент, и мы возвращаемся к исходному тексту, набросанному карандашом:

…будто никогда бы не совершили они ужасного перехода через Квэркар**и**нга[прим.3], будь они уже подвержены усталости, недугам и множеству немощей, что после, вдали от Валинора, стали их уделом. Но благословенная пища богов и их питье еще не иссякли в жилах нолдоли, и были они наполовину божественны — но не имели они *лимпэ*, дабы унести с собою, ибо лишь много после того было сие питье дано фэери, во времена Похода Освобождения; и бедствия мира, что отравил присутствием своим Мэлько, вскоре пали на них.

— Однако, если простишь ты мне, что прерываю рассказ твой, — рек Эриол, — что значат слова твои — «ужасный переход через Квэркаринга»?

— Знай же, — молвил Линдо, — что побережья Эльдамара и взморья, что тянутся дальше, на север, после широкой гавани Копас поворачивают на восток, так что после бессчетных миль, дальше даже на север, чем Железные Горы, возле пределов Ледяных Царств Великое Море из-за того, что берега Великих Земель выгнулись к

западу, сузилось до неширокого пролива. Пересекать воды эти весьма опасно, ибо полно там лихих течений и водоворотов ужасной мощи, и плавают там ледяные острова, сталкиваясь друг с другом и раскалываясь со страшным грохотом и давя и больших рыб, и суда, если они осмелятся заплыть сюда. Однако в те дни узкий перешеек, после разрушенный богами, тянулся от западной земли почти до самого восточного берега, но был он, однако, нагромождением снега и льда [?высившегося словно колонны] и изобиловал расщелинами и утесами, а потому — почти непроходим;

то был Хэлькар**а**ксэ, или Ледяной Клык[прим.4], — все, что осталось от древних и страшных льдов, ползших через край сей до того, как закован был Мэлько и север оттаял, а здесь льды удержались из-за того, что море сужалось и пролив [?загромождали] ледяные острова, плывшие с севера, куда отступила зима. Полоска же воды меж краем Ледяного Клыка и Великими Землями называлась Квэркаринга, или Студеная Пучина[прим.5].

Воистину, знай Мэлько об отчаянной попытке гномов пересечь сей пролив, он, должно быть, погубил бы их всех в этом дурном месте или сделал бы еще, что пожелал, но многие месяцы прошли

с тех пор, когда сам он бежал — как случилось — тем же самым путем, и был теперь уже далеко. Верно ли говорю я, о Румиль, обо всем этом?

— Поведал ты правдивый рассказ, но не помянул о том, — молвил Румиль, — что прежде, чем достигли они Хэлькараксэ, прошло их воинство мимо места, где обыкновенно причаливает Морниэ, ибо туда спускается из лежащего глубоко в горах Мандоса крутая и извилистая тропа, по которой пройти должны души, кои Фуи посылает в Арвалин[прим.6]. Там узрел их служитель Вэфантура и, спросив, что может значить странствие сие, просил их возвратиться, но они ответили презрительно, и посему он, стоя на высокой скале, громко заговорил, обращаясь к ним, и голос его долетел даже до кораблей, плывших по волнам; и предсказал он им множество злоключений, что позднее случились с ними, остерегая их от Мэлько, и напоследок рек: «Велико падение Гондолина», и никто его не понял, ибо Туронд, сына Нолэмэ[прим.7], не было еще на свете. Но мудрецы запомнили изреченное им, ибо Мандос и весь народ его имеют силу пророчества, и слова те долго берегли нолдоли в памяти как Пророчество Амноса, ибо так в то время называлось место, где были они произнесены, а ныне то Хансто-

в**а**нэн[прим.8], или Причал Морниэ.

После того медленно двинулись нолдоли далее, и когда показался впереди ужасный перешеек Хэлькараксэ, иные были за то, чтобы перевезти все воинство, часть за частью, на кораблях через море, предпочитая попытать удачу в опасных водах, нежели искать проход через неверные трещины и расселины во льдах. Сие они попытались сделать, и огромный корабль был потерян вместе со всеми бывшими на борту из-за страшного водоворота в заливе возле того места, где Хэлькараксэ брал свое начало от западного материка; а водоворот тот порой кружится как огромная воронка и издает громкий стенающий рев, слышать который ужасно, и все, что ни приблизится к этому водовороту, поглощается его чудовищными глубинами и сокрушается обломками льда и камнями; а название этого водоворота — Вируин. Посему пребывают нолдоли в великой печали и замешательстве, ибо даже если б могли они найти путь через ужасы Хэлькараксэ, даже так не достичь им внутренних земель, ибо проливом кончается перешеек, что хоть и узок, но рев несущейся по нему воды слышен издалека, и долетают до нолдоли раскаты откалывающегося от мыса льда, и треск и грохот ледяных островов,

что протискиваются с севера через ужасный пролив сей.

Несомненно, плавучие ледяные острова явились здесь из-за того, что Мэлько возвратился на север, ибо ранее отступила зима на самый крайний север и юг, так что почти не осталось ей места в мире в те тихие дни, что зовутся веком Оков Мэлько; но все же именно эти деяния Мэлько и оказались в конечном итоге спасением для нолдоли, ибо ныне вынуждены они забрать женщин и моряков воинства своего с кораблей. Вытаскивают они корабли на унылый берег, открытый ветру, и разбивают жалкий лагерь.

В песнях зовется поселение то[прим.9] Шатрами Ропота, ибо раздавался там плач, и, раскаясь, многие жестоко корят Фэанора, что было справедливо воистину, однако немногие покинули воинство, ибо полагали, что не будут им рады в Валиноре — так оно и оказалось для вернувшихся, хотя и не говорится об этом в сказании.

Ныне же, когда горе их стало черней всего и едва ли кто ждет, что вернется когда-нибудь радость, вот, смотри же — разворачивает зима знамена свои и медленно движется на юг, закованная в лед, неся копья мороза и бичи града. Столь силен холод, что плавучий лед уплотня-

ется, собираясь в заторах, и вздымается подобно горам меж окончанием Хэлькаракса[прим.10] и восточной землей, и наконец становится лед столь прочен, что течение не может его сдвинуть. Тогда, оставив похищенные корабли, покидают нолдоли свой печальный лагерь и пытаются преодолеть ужасы Квэркаринга. Кто поведает о бедствиях их на этом пути или о том, сколько их было потеряно, об упавших в расселины во льду, где бурлила в глубине незримая вода, или о сбившихся с пути и блуждавших, пока холод не одолел их — ибо столь многочисленны и мучительны были беды, постигшие их в Великих Землях, что это зло стало казаться им не столь ужасным, хотя, воистину, никогда не было нолдоли приятно внимать преданиям, что повествуют об уходе из Валинора, будь они обитателями Гондолина или рабами. Но даже и таким бедам не уничтожить род гномов, а о потерянных все еще говорят, что до сей поры бродят они в печали меж ледяных гор, не ведая о том, что стало с народом их, иные пытались возвратиться в Валинор, и ныне они у Мандоса, а иные, идя следом, через долгое время вновь нашли несчастное свое племя. Как бы то ни было, отряд, изможденный и уменьшившийся числом, достиг, наконец, скалистого берега во-

сточных земель и встал там, глядя назад, через лед Хэлькараксэ и Квэркаринга на вершины гор, высившихся за морем, ибо там, вдали, из южных туманов вздымались во славе высоты Валинора, навеки отгораживая их от родни их и от родины.

Так пришли нолдоли в мир.

И с этими словами Румиля подошло к концу сказание о затмении Валинора.

— Велика была во зле мощь Мэлько, — сказал Эриол, — если воистину сумел он разрушить коварством своим счастье и славу богов и эльфов, затмив свет сердец их так же, как свет их жилища, и погубив всю любовь их! Верно, сие должно быть худшим из деяний, что когда-либо вершил он.

— Воистину, зло большее никогда не творилось в Валиноре, — молвил Линдо, — но длань Мэлько в мире вершила и худшее, и семена зла с тех дней взошли и дали поросль великую и ужасную.

— Нет, — сказал Эриол, — все же не может сердце мое скорбеть об ином, кроме как о разрушении тех прекрасных Древ и тьме мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В рукописи определенно использована форма *нолдор*. Необходимо напомнить, что по старой

версии тэлэри (т. е., в более поздней, ваньяр) не покидали Кор, см. с. 159.

2. Вверху страницы рукописи отец сделал пометку, явственно относящуюся к словам Фэанора: «Усилить желание вернуть Сильмарили». Другое примечание относится к той части рассказа, которая начинается здесь, и гласит, что «необходим пересмотр данной части: [?желание?жажда] обладать драгоценными камнями — особенно священными Сильмарилями — нужно подчеркнуть. Также необходимо вставить важную битву в Копас Алквалунтэ, где гномы убивали солосимпи». Это примечание было впоследствии вычеркнуто и помечено словом «сделано», но в действительности исполнено было только последнее указание — имеется в виду дополнение о Братоубийстве, данное на с. ~164–166~.

3. Возле этого места отец написал на полях: «*Хэлькараксэ* Ледяной клык *Квэркаринга* вода»; см. прим. 5.

4. *Хэлькараксэ, или Ледяной Клык*: написано поверх *Квэркаринга*: см. прим. 5.

5. Этот фрагмент, со слов «**Знай же, — сказал Линдо…»,** заменяет более старую версию, которую я не привожу, поскольку она не содержит почти ничего, чего не было бы в заменившем ее

фрагменте; последнее предложение этого фрагмента — еще более позднее дополнение. Следует заметить, тем не менее, что в первой версии перешеек называется *Квэркаринга* (как сначала было и в заменившем ее фрагменте, см. прим. 4), с пометкой, что «это название было также дано и проливу за ним».

Первоначально все выглядело следующим образом: *Квэркаринга* — название, в первую очередь, перешейка, перешедшее также и на пролив (видимо, на этом этапе слово *квэрка* не означало «пучина, бездна»). После отец решил, что *Квэркаринга* было названием пролива, и назвал перешеек *Хэлькараксэ*; отсюда — заметка на полях, приведенная в примечании 3. На этом этапе он добавил последнее предложение нового фрагмента «Полоска же воды меж краем Ледяного Клыка и Великими Землями назь і-валась Квэркаринга, или Студеная Пучина» и заменил в данном абзаце (прим. 4) слово *Квэркаринга* на *Хэлькараксэ, или Ледяной Клык*, проведя это изменение и через весь остальной рассказ (на с. 169: *Квэркаринга* > *Хэлькараксэ и Квэркаринга*).

6. Относительно тропы из Мандоса, черной ладьи Морниэ и ее плавания вдоль берега в Арвалин см. с. 77, а также с. 90 и далее.

7. Турондо, или Тургон, сын Нолэмэ, ранее упоминался на с. 115.

8. Прочтение слова *Ханстованэн* несколько неоднозначно, а за ним следует другое название — «или…….. *Морниэн*». См. ниже, в разделе «Изменения в именах и названиях».

9. После слов «поселение то» оставлено место, чтобы вставить эльфийское название.

10. Здесь в рукописи слово *Квэркаринга* оставлено без изменений, но в тексте явно имеется в виду западный мыс (Ледяной Клык), так что я читаю *Хэлькаракса* (см. прим. 5).

Изменения в именах и названиях в *Бегстве Нолдоли*

*Хэлькар**а**ксэ* (*Helkaraksë*) < *Квэркар**и**нга* (*Qerkaringa*) (детали и объяснение этой замены см. выше, в прим. 5).

***А**рвалин (Arvalin)* < *Х**а**ббанан (Habbanan)*.

***А**мнос (Amnos)* < ***Э**мнон (Emnon)* < *Морни**э**нто (Morniento)*.

*Ханстов**а**нэн (Hanstovánen)*. Название «причала Морниэ» было сначала записано как *Морни**э**лта (Mornielta)* (я не уверен в прочтении последней буквы), потом — как *В**а**нэ (Vane)* или *В**о**нэ (Vone)* *Х**а**нсто (Hansto)*; это потом не было вычеркну-

то, но форма в тексте (которую можно также прочитать как *Ханстав**а**нэн (Hanstavánen))* представляется последней. За словом *Ханстованэн* следует «или…..*М**о**рниэн (Mornien)*».

Комментарии к *Бегству Нолдоли*

В этом «сказании» (в действительности — завершении длинного сказания «Воровство Мэлько и Затмение Валинора», начатого Линдо и законченного Румилем) мы находим самый старый рассказ об уходе гномов из Валинора. Здесь боги продолжают тщетную погоню и поиски долгое время спустя после того, как Мэлько сбежал, и, кроме того, им помогают эльдар (включая солосимпи, которые, будь они тэлэри *Сильмариллиона*, едва ли покинули бы свои берега и корабли). Возвращение Фэанора в Кор и его речи при свете факелов перед нолдоли (и, согласно этому рассказу, перед другими эльфами) существовали, как представляется, с самого начала; но его сыновья еще не появились, как и кто-либо еще из нолдорских принцев, происходящих от Финвэ, кроме Турондо (Тургона), о котором специально говорится (с. 167), что его «не было еще на свете». Нет Клятвы Фэанора, и более поздняя история о разделении на партии среди нолдор появляется

только в виде попытки Нолэмэ (Финвэ) успокоить народ — Нолэмэ, таким образом, играет роль, которую впоследствии станет играть Финарфин (*Сильмариллион*, с. 83). В *Сильмариллионе* после Братоубийства в Алквалондэ и Пророчества Севера Финарфин и многие из его народа возвратились в Валинор и были прощены валар (с. 88); но здесь те, кто ушел назад, не были там приняты, или же «они у Мандоса» (с. 168).

В отвергнутом фрагменте, данном на с. 163, который был замещен рассказом о битве в Копас Алквалунтэн, ссылка на «то, в чем после горше всего раскаивались», должно быть, подразумевает просто похищение кораблей солосимпи, поскольку здесь нет предположения о чем-то худшем (во фрагменте, которым этот был заменен, почти те же самые слова сказаны о Братоубийстве). Появление идеи о том, что нолдоли виновны в чем-то худшем, нежели похищение кораблей в Копас, прослеживается в маленькой записной книжке (см. с. 23), которой отец пользовался, чтобы записывать мысли и предположения: многие из этих записей не более чем отдельные предложения или даже отдельные имена, служащие напоминанием о работе, которую надо еще проделать, историях, которые надо рассказать, или измене-

ниях, которые надо внести. Эта заметка выглядит следующим образом:

> «Гнев богов и эльфов весьма велик — даже пусть некоторые нолдоли убьют некоторых солосимпи в Копас — и пусть Улмо просит за них (? Если Улмо так любит солосимпи)».

Пометка вычеркнута и помечена словом «сделано», а упоминание о том, что Улмо просил за нолдоли, есть в *Сокрытии Валинора* (с. 209).

В описании Копас «огромная каменная арка» сохранилась в *Сильмариллионе* (с. 61) в виде «каменной арки, созданной морем» в гораздо более коротком описании Алквалондэ; и мы видим здесь объяснение того, почему Гавань «освещалась множеством светильников» (там же) — потому что туда попадало мало света Двух Древ из-за окружавших гавань скал (хотя то, что в Алквалондэ *Сильмариллиона* темно, следует из утверждения, что гавань «лежала на границах Эльдамара, к северу от Калакирья, там, где свет звезд был ярок и ясен»).

Детали произошедшего в Гавани сильно изменились в позднем повествовании, но все же сходство весьма велико; и хотя шторм, поднятый

Уинэн (там же, с. 87), отсутствует в исходной версии, сохранилось то, что некоторые нолдоли следуют на север по берегу, а другие — на кораблях.

Интересны указания относительно географии северных земель. Отсутствует великая пустошь (позднее — Араман) между северными Горами Валинора и морем, о чем сказано ранее (с. 83) и что подтверждается в данном случае рассказом о крутой горной тропе из Мандоса вниз к причалу черной ладьи

Морниэ (с. 77, 167). Название *Хэлькараксэ*, «Ледяной Клык», впервые появляющееся в поправках к этому тексту как наименование перешейка или мыса, отходящего от западного материка, было впоследствии перенесено на то, что называется здесь *Квэркаринга*, пролив, заполненный плавучими льдинами, которые раскалываются и сталкиваются друг с другом; но это произошло, когда *Хэлькараксэ*, «Битый Лед», получило совершенно иную географическую значимость в гораздо более сложной картине мира, которую отец разработал в течение следующей «фазы» развития мифологии.

В *Сильмариллионе* (с. 87) высказано предположение, что Пророчество Севера произносил

сам Мандос, «а не меньший герольд Манвэ», и его значимость, а по сути — его центральное положение в мифологии — гораздо более велико; здесь нет мысли о «суде» или «проклятьи», но только о предсказании. Это предсказание включает неясные слова «велико падение Гондолина». В сказании *Падение Гондолина* (в предложении, вставленном, возможно, гораздо позднее написания текста) Тургон, стоя на лестнице своего дворца среди разрушений, происходящих в его городе, промолвил те же слова, «и народ содрогнулся, ибо таковы были слова Амнона, пророка древности». Здесь *Амнон* (а не *Амнос*, как в данном тексте, что само по себе является заменой имени *Эмнон*) — не место, а персона (служитель Вэфантура, который произнес пророчество?). В маленькой записной книжке, упомянутой выше, появляется следующая краткая запись:

> «Пророчество Амнона. Велико падение Гондолина. Внемли же:
>
> Тургон не падет, покуда не увянет лилия долины».

В некоторых других заметках к *Утраченным Сказаниям* это выглядит следующим образом:

«Пророчество Амнона. "Велико падение Гондолина" и "Когда увянет лилия долины, погибнет Тургон"».

В этих заметках *Амнон* может быть как местом, так и персоной. «Лилия долины» — это сам Гондолин, одно из Семи Имен которого было *Лосэнгриол*, позднее — *Лотэнгриол*, что переводится как «цветок дола или лилия долины».

В старом рассказе есть интересное утверждение (с. 166), что нолдоли никогда не пересекли бы льды, будь они уже подвержены «усталости, недугам и множеству немощей, что после, вдали от Валинора, стали их уделом», но «благословенная пища богов и их питье не иссякли в жилах их, и были они наполовину божественны». Эхо этого слышится в словах *Сильмариллиона* (с. 90) о том, что нолдор «недавно вышли из Благословенного Королевства и не устали еще от тягот Земли». С другой стороны, в Пророчестве Севера (там же, с. 88) специально сказано, что «хоть **Э**ру установил для вас бессмертие в Эа, *и никакая болезнь не может коснуться вас*, все же можете вы быть убиты и убиты будете», и т. д.

О вероломстве **Фэ**анорингов, уплывших на кораблях и оставивших войско Финголфина на

берегах Арамана, в этой старой истории нет, разумеется, и следа; но обвинения в адрес Фэанора уже присутствуют («Шатры Ропота», с. 168). Примечательной особенностью самой ранней версии мифологии является то, что хотя большая часть повествовательной структуры была прочна и сохранилась, более поздняя «генеалогическая» структура еще едва только появляется. Тургон мыслится сыном (Финвэ) Нолэмэ, но нет предположения о том, что Фэанор был близкой родней владыке нолдоли, а другие принцы — Финголфин, Финарфин, Фингон, Фэлагунд — не появляются в каком бы то ни было виде или под каким бы то ни было именем.

VIII
СКАЗАНИЕ О СОЛНЦЕ И ЛУНЕ

[THE TALE OF THE SUN AND MOON]

Сказанию о Солнце и Луне предшествует «Интерлюдия» (как она названа в рукописи), где в качестве гостя Мар Ванва Тьялиэва появляется некто Г**и**льфанон из Т**а**вробэля. Существует также отвергнутая ранняя версия этого промежуточного эпизода.

Большая часть*Сказания*написана чернилами по стертому оригиналу в карандаше, но ближе к концу (см.прим. 19) оригинальный текст написан чернилами — его карандашный черновик сохранился в другой тетради.

*Сказание о Солнце и Луне*очень длинное, и некоторые места я даю в кратком пересказе, не опуская каких бы то ни было интересных моментов (в примечании отца указано, что это сказание «нуждается в основательном пересмотре, сокращении и [?переработке]»).

Гильфанон а-Давробэль

Нет нужды думать, что пока Эриол внимал премногим сказаниям о стольких невзгодах эльфов, умалилась его жажда отведать лижпэ, ибо сего не случилось. И когда бы ни собирались у Огня Сказаний, жадно вопрошал он, горя желанием

ведать всю историю их рода вплоть до нынешних времен, — когда на этом острове все эльфы снова стали жить вместе.

Зная ныне о великолепии их древнего дома и о величии богов, часто размышлял он о начале дней солнечного света и лунного сияния, о делах эльфов во внешнем мире и о том, что было у них с людьми, покуда Мэлько не подстроил их отдаления; посему однажды вечером молвил Эриол, сидя пред Огнем Сказаний:

— Отколе взялись Солнце и Луна, о Линдо? Ибо до сей поры слышал я лишь о Двух Древах и об их горестном увядании, но о приходе людей либо деяниях эльфов вне Валинора никто не поведал мне.

Тем вечером за трапезой у них и при их рассказах присутствовал гость, чье имя было Гильфанон и которого все также звали Гильфанон а-Давробэль[прим.1], ибо он жил в той части острова, где близ рек[прим.2] высится Башня Тавробэля. Там по — прежнему обитали как единый народ гномы, именуя местности на своем собственном языке. Сей край обыкновенно называл Гильфанон прекраснейшим из мест всего острова,

а гномов — его лучшим народом, хотя до прихода нолдоли на остров долго жил он отдельно

от них, странствуя с илькоринами по Хисиломэ и Артанору[прим.3]. В те же дни содеялся он, как немногие эльфы, спутником и великим другом Детей Людей. К их легендам и тому, что хранила их память, прибавил он, искушенный в далекие дни Кора во многих науках и языках, собственные познания. Сверх того, был он, умудренный опытом случившегося в давнопрошедшие времена, одним из старейших среди фэери[прим.4] и самым старым на сем острове; Мэриль же носила сан Владычицы Острова по причине ее происхождения.

Тогда молвил Линдо, ответствуя Эриолу:

— Вот Гильфанон, который может тебе немало о том поведать, и было бы хорошо, коли ты отправился бы с ним пожить некоторое время в Тавробэле. Но не гляди так, — засмеялся он, видя лицо Эриола. — Ибо мы еще не гоним тебя, но воистину мудро бы поступил тот взыскующий *лимпэ*, кто домогался бы первым делом гостеприимства Гильфанона. В его старинном жилище — Доме Сотни Дымоходов, что стоит подле тавробэльского моста[прим.5], — можно услышать многое и о минувшем, и о том, что грядет.

— Мнится мне, — обратился Гильфанон к Эриолу, — что Линдо умыслил спровадить двух гостей

за раз; сие, однако, покамест ему не удастся, ибо я намерен пробыть в Кортирионе еще седмицу, более того — пировать тем временем за его отменным столом и возлежать также у Огня Сказаний. А после, быть может, мы с тобой пожелаем отправиться в путь, и тогда ты узришь всю прелесть острова фэери — но пусть ныне Линдо начнет рассказ и поведает нам еще о великолепии богов и их трудов, ведь сие никогда его не утомляет!

Теми словами был Линдо весьма удоволен, ибо и вправду любил он рассказывать эти предания и часто изыскивал случай поведать их сызнова, и молвил он:

— Тогда поведу я речь о Солнце, Луне и Звездах, и пусть внимает Эриол к своему удовольствию, — и Эриол весьма обрадовался, а Гильфанон прибавил:

— Говори же, о мой Линдо, но не удлиняй свое сказание до бесконечности.

Тогда заговорил Линдо[прим.6] — а из всех повествователей наибольшим удовольствием было внимать именно ему — и молвил[47]:

— Поведаю я вам сказание о временах первого исхода гномов, когда лишь недавно покинули

---

[47] Примечания: 47
На полях написано: «Начало О Солнце и Луне».

они Валинор. Сия прискорбная весть дошла до богов и оставшихся эльфов, но вначале никто тому не верил. Новость эту, однако ж, повторяли снова и снова множество вестников. Иные из них были тэлэри, что слышали речь Фэанора на площади Кора и видели, как нолдоли покинули город со всем тем, что смогли унести; другие были из солосимпи, и они доставили страшную весть о похищении лебединых кораблей, об ужасном братоубийстве в Гавани и о крови, что окропила белые берега Алквалунтэ.

Последними в спешке явились от Мандоса те, что зрели опечаленное сонмище близ берегов Амнора. Так боги узнали, что гномы отбыли прочь, и Варда и все эльфы плакали, ибо ныне, казалось, поистине сгустился мрак и погибло нечто большее, нежели зримый свет чудных Древ.

Хотя и удивительно сие, но сердце Аулэ, который любил нолдоли паче иных эльфов и научил их всему, что ведали они, наделив несметными сокровищами, ныне отвратилось от нолдоли, ибо мнил он их неблагодарными за то, что не простились они с ним, а их злодеяния среди солосимпи опечалили Аулэ до глубины души.

— Никогда боле, — молвил он, — не поминайте при мне имени нолдоли, — и хотя как и прежде

дарил он своей любовью тех немногих верных гномов, что не покинули его чертогов, но с той поры называл их «эльдар».

Тэлэри же и солосимпи вначале проливали слезы, но когда всем стало ведомо о резне в Гавани, слезы их высохли, а в их сердцах поселились ужас и мука, и они также редко вели речь о нолдоли, разве что в печали или шепотом, затворив двери. А те немногие из гномов, что остались, именовались Аулэн**о**ссэ, народом Аулэ, или вошли в другие роды, и не стало ныне для народа гномов ни места, ни имени в Валиноре.

Надо сказать, что по прошествии немалого времени подумалось Манвэ, что тщетной была погоня богов и что Мэлько, верно, уже бежал из Валинора. Посему послал он Соронтура в мир, и тот долго не возвращался, а пока Тулкас и многие другие все еще продолжали поиски, Манвэ стоял у затмившихся Древ, и вельми тяжело было у него на сердце, покуда он погружен в раздумья глубокие и мрачные: в то время лишь слабо брезжил ему свет надежды. Внезапно над тем местом раздается шум крыльев, ибо Соронтур, Король Орлов, вновь стремится на могучих крилах сквозь мрак, и вот, опустившись на ветви угасшего Сильпиона, он молвит о том, что Мэлько ныне вырвался в

мир, и тьма злых духов стеклась к нему.

— Но мнится мне, — рек Соронтур, — что никогда боле не отворится ему Утумна, и уже устраивает он себе новое обиталище в тех северных землях, где вздымаются Железные Горы, весьма высокие и ужасные на вид. Но вот еще новости для слуха твоего, о Манвэ, Владыка Воздуха, ибо когда над черными морями и недобрыми землями направил я полет свой к дому, явилось моему изумленному взору величайшее диво: множество порожних белых кораблей, носимых ветром, иные из которых пылали ярким пламенем.

И вот, дивясь, разглядел я огромное скопление народа на берегах Великих Земель, и все они взирали на запад, хотя иные все еще блуждали во льдах — ибо знай, что сие было в тех краях, где громоздятся утесы Хэлькараксэ и где катились встарь губительные воды Квэркаринги, что ныне забиты льдом. Мнится мне, что расслышал я стенания и слова скорби, изреченные на языке эльдар: таковую новость принес я тебе, дабы ты разобрался во всем этом.

Так известился Манвэ о том, что нолдоли ушли навсегда, их корабли сожжены или оставлены, и что Мэлько тоже явился в мир, а погоня оказалась напрасной. И, видно, в память о тех деяниях есть

у эльфов и людей присловье, что корабли сжигают, отказавшись от надежды изменить свое решение или же принять совет. Тогда возвысил Манвэ свой неизмеримый глас, созывая богов, и все они услышали и собрались с бескрайних просторов Валинора.

Первым явился Тулкас, усталый и покрытый пылью, ибо никто столько не бегал по равнине, сколько он. Семь раз пересек он ее и трижды взбирался на стену гор, побывал на бесчисленных склонах, пажитях, лугах и во всех лесах, сжигаемый желанием наказать осквернителя Валинора. Пришел Лориэн и, приклонившись к засохшему стволу Сильпиона, оплакал разорение своих тихих садов, затоптанных погоней; явилась также Мэассэ и с нею Макар, чья рука была в крови, ибо он наткнулся на двух соумышленников Мэлько, спасавшихся бегством, и обоих убил, так что в сии худые времена у него одного имелся повод для радости. Был там и Оссэ: его зеленая борода растрепалась, а глаза затуманились. Опершись на свой посох, он тяжело дышал, томимый сильной жаждой, ибо как бы ни был он могуч и неутомим в море, сии напрасные труды на земной тверди напрочь лишили его сил.

Салмар и Омар, чьи музыкальные инструмен-

ты не издавали ни звука, стояли поблизости, и на сердце у них было тяжело, хотя и не так, как у Аулэ, любившего и землю, и все, что можно сотворить либо получить от нее добрым трудом, ибо из всех богов именно ему милее всего были Валмар и Кор, все их сокровища и улыбка чудесных равнин, лежавших вокруг: из-за их разорения сердце его обливалось кровью. С ним была и Йаванна, королева Земли: она вместе с богами тоже участвовала в поисках и выбилась из сил; но Вана и Нэсса все проливали слезы подобно девам возле источников золотого Кулуллина.

Один лишь Улмо не пришел к Древам, но спустился к взморью Эльдамара и там стоял, глядя сквозь мрак далеко в море. Временами взывал он своим наимощнейшим гласом, как если бы стремился возвернуть беглецов к богам, и играл на своих волшебных раковинах таинственные мелодии, исполненные томления. Ему одному, да лишь[прим.7] Варде, владычице звезд, уход гномов причинил печаль горшую, нежели самая гибель Древ. Доселе Улмо весьма сильно любил солосимпи и, услышав об учиненной гномами резне, был поистине глубоко опечален, но гнев не ожесточил его сердца, ибо предвидел Улмо больше, нежели остальные боги и даже великий

Манвэ, и, может статься, знал он, что произойдет из-за ухода нолдоли: о жестоких страданиях, что постигнут сих несчастных в мире, и о муках, коими они искупят кровь, пролитую в Копас. И желал он, дабы того не было.

После того, как все собрались вместе, обратился к ним Манвэ и поведал принесенные Соронтуром вести и о том, что их погоня не достигла цели. Но на сей раз боги из-за мрака пребывали в смятении и недолго держали совет, вскоре отправившись по домам и в прочие места, где прежде царила радость, а ныне водворилась печаль, и сидели там, погруженные в молчание и горестные думы. Но иные то и дело выходили на равнину взглянуть на увядшие Древа, словно ожидая, что однажды их засохшие ветви распустятся новым светом: но сего не случилось, и тени и мрак завладели Валинором, эльфы безутешно проливали слезы, а нолдоли претерпевали лютые мучения в северных землях.

Минуло немало времени, покуда истомленные и скорбящие боги не постигли, что свет покинул Валинор навеки и что никогда уже Древам не зацвести в назначенный срок. Остался лишь свет звезд да зарево над все еще струящимся источником Кулуллина и бледное сияние, окружавшее

глубокий Тэлимпэ[прим.8], сосуд сна. Но даже они затуманились и поблекли, ибо Древа не наполняли их боле росой.

Посему подымается Вана и находит Лориэна, и за ними следуют Урвэнди, Сильмо[прим.9] и многие из вали и эльфов. И они набирают золотой и серебряный свет в огромные сосуды и в печали грядут к погибшим Древам. Там поет Лориэн подле ствола Сильпиона печальнейшие песни чародейства и волшебства и повелевает увлажнить его корни сиянием Тэлимпэ, и сие совершено щедро, хотя лишь малый запас сияния оставался ныне в обителях богов. Так же поступает Вана и запевает древние золотые песни счастливейших дней, веля своим девам начать веселые танцы, те самые, что привыкли они водить на траве розовых садов близ Кулуллина, и покуда длился их танец, она орошала корни Лаурэлин потоками из своих золотых кувшинов.

Но мало было пользы от их пения и волшебства, и хотя корни Древ, казалось, впитывают все, что изливается на них, все же не видно ни трепетания обновленной жизни, ни слабейшего проблеска света; усохший лист не наливается сверканием, а цветок не возносит своего поникшего стебля. Поистине, в неистовстве своей скорби расточили

бы они все остатнее сияние, что берегли боги, если бы по счастью не явились туда в этот час Манвэ и Аулэ, привлеченные во мраке их пением, и не остановили их, молвив:

— Внемли, о Вана, и ты, о Лориэн — к чему сия опрометчивость? Почему не спросили вы первым делом совета у своих собратьев? Разве не ведаете вы: то, что в неразумии проливаете вы на землю, соделалось более драгоценным, нежели все, что ни есть в мире; исчезни оно — и, верно, вся мудрость богов не сможет вернуть его нам.

Тогда ответствовала Вана:

— Прости, о Манвэ Сулимо, и пусть скорбь моя и слезы послужат мне оправданием. Но прежде всегда сия влага освежала сердце Лаурэлин, и в ответ она рождала свет изобильнее, нежели мы давали. Также мнилось мне, что боги лишь угрюмо восседают у себя в чертогах и из-за тяжкой скорби не ищут лекарства от своих бед. И вот Лориэн и я пустили в ход наши заклинания, но ничего они не достигли, — и Вана зарыдала.

Ныне помыслили многие, что Лориэн и Вана вместе не преуспели исцелить раны Лаурэлин и Сильпиона, ибо слово владычицы Земли, матери волшебства, не было примешано к их заклятиям. Тогда многие молвили:

— Давайте отыщем Палуриэн, ибо от ее волшебства, быть может, вернется к Древам некая часть прежнего величия — и ежели снова засияет свет, то Аулэ и его умельцы уврачуют раны нашего дивного царства, и вновь воцарится счастие меж Эрумани и Морем[прим.10], — но о тьме и бедах за горами немногие мыслили или тревожились.

Тогда воззвали они к Йаванне, и она пришла и вопросила, чего желают они. Услышав же, зарыдала она и, обратившись к ним, рекла:

— Ведайте же, о валар, и вы, сыны и дщери эльдар, Дети Илуватара, первенцы лесов земных, что никогда боле не зацветут сии Два Древа и подобные им не родятся несчетные века мира. Многое содеется и преидет, боги состарятся, а эльфы истают, прежде чем узрите вы, как воссияют вновь Древа или запылает Волшебное Солнце, — и боги не ведали ни тогда, ни после, о чем она вещает, говоря о Волшебном Солнце.

Тулкас же, выслушав, сказал:

— Откуда сии слова, о Кэми Палуриэн, ибо нет у тебя обыкновения пророчествовать, а уж о зле и подавно?

Были там и другие, что говорили:

— Нет, никогда прежде Кэми, владычица Земли, не скупилась на совет и всегда владела она

заклятиями удивительной силы, — и они молили, дабы прибегла она к своему могуществу. Но ответствовала Йаванна:

— Сие предопределение и Музыка Айнур. Чудеса, подобные Древам злата и сребра, даже боги могут свершить только единожды, да и то лишь на заре мира; и никакие мои заклятия не помогут тому, о чем просите вы.

Тогда вопросила Вана:

— Теперь что скажешь ты, Аулэ, зиждитель нового, рекомый за величие трудов твоих *и-Т**а**лка М**а**рда* — «Кузнец Мира»: как обрести нам свет, насущный нашей радости? Ибо, что Валинор без света или ты сам, буде утратишь свои умения, что, как видится мне, постигло ныне твою супругу?

— Увы, — молвил Аулэ, — не кузнечным ремеслом созидается свет, о В**а**на-Л**а**йси, и даже из богов ни единому сие не под силу, ежели сок чудных Древ высохнет навеки.

Палуриэн же, ответствуя, рекла так:

— Внемлите, о Туивана и все вы: помимо вали и эльфов мыслите вы всегда и только о Валиноре, предав забвению мир внешний. Мое же сердце вещает, что уже настало время богам снова сразиться за мир и изгнать оттоле силы Мэлько, покуда не стало их могущество неодолимым.

Но Вана не поняла слов Палуриэн, радея лишь о своем златом Древе, и осталась недовольна; но Манвэ и Варда, а с ними — Аулэ и Йаванна, удалились и втайне совещались, обмениваясь советами мудрыми и дальновидными, и наконец измыслили нечто, сулящее надежду. Тогда снова созвал Манвэ народ Валинора; и все они собрались в окруженной розами обители Ваны, где били источники Кулуллина, ибо внешняя равнина погрузилась в холод и мглу. Туда пришли даже вожди эльфов и воссели у ног богов, чего не случалось доселе; когда же все были в сборе, воспрял Аулэ и рек:

— Внемлите все! Намерен говорить с вами Манвэ Сулимо Валатуру[48], и с ним единодушны владычица Земли и Королева Звезд, да и мои советы не были оставлены без внимания.

Тогда воцарилось великое молчание, дабы Манвэ мог говорить, и рек он:

— О народ мой! Настало для нас время тьмы, но мыслю я, что сие не без воли Илуватара. Ибо боги почти позабыли о мире внешнем, что ожидает лучших дней, и о людях, младших сынах Илуватара, что вскоре должны появиться. Ныне

---

[48] Примечания: 48
На полях: «также *Валахиру*».

увяли Древа, что наполняли нашу землю красой и веселием — сердца наши, так что не знали к ним доступа иные желания. Внемлите же: посему надлежит нам измыслить средство, дабы свет осиял и мир внешний, и Валинор.

Затем повел он речь касательно сияния, коим владели они; ибо серебряного света осталось весьма немного помимо того, что имелось в Тэлимпэ и в сосудах кузницы Аулэ. Чуть-чуть сияния любовно собрали в мелкие скляницы эльдар, когда струилось оно из пробитого ствола и уходило в землю, но сие была лишь малая толика.

Запас белого света оказался невелик по множеству причин: Варда щедро расходовала его, возжигая на небесах яркие звезды к приходу эльдар и в иные времена. Паче того, Древо Сильпион приносило росу-свет не столь обильно, как то было в обыкновении у Лаурэлин; но поскольку от росы Сильпиона не исходил жар и не отличалась она своевольством огня, то боги и эльфы всегда нуждались в ней для всякого волшебства, употребляя ее для всего, что творили, и в этом нолдоли всех опережали.

Золотой свет даже боги не смогли целиком приноровить к своим нуждам и только сбирали его либо в великий Кулуллин к вящей прибы-

ли его источников, либо в иные великолепные сосуды и даже озера возле своих палат — ради великого его блистания и благотворной силы. Говорят также, что первые творцы самоцветов и наиславнейший из них — Фэанор — единственные из эльдар ведали секрет работы с золотым светом, но к знанию сему прибегали весьма нечасто, и вместе с ними сгинуло оно с Земли. Но неисчерпаемого источника золотого сияния тоже не стало, ибо Лаурэлин не роняла боле своей сладкой росы. Исходя из сего и составил Манвэ свой замысел, по образу того, как древле Варда сеяла звезды. Ибо каждой звезде даровала она сердце серебряного пламени, помещенное в сосуд из хрусталя либо бледного стекла или сотворенный из немыслимых веществ нежнейших тонов: иные из этих сосудов были подобны ладьям и благодаря заключенному в них свету подымались в Ильвэ, хотя и не могли они воспарить в темные и разреженные пределы Вайтья, что все окружает собой. Крылатые духи неимоверной чистоты и прелести — легчайшие из сияющих хоров манир и сурули, что обитают в чертогах Манвэ на Таниквэтиль или путешествуют со всеми ветрами мира — восседали в тех звездных ладьях, направляя их причудливыми путями

высоко над Землей, и Варда нарекла их именами, но лишь малая часть их ведома.

Иные сосуды, схожие с полупрозрачными светильниками, мерцали над миром в Ильвэ или на самой границе слоя Вильна и воздуха, коим мы дышим, и они трепетали и мигали из-за дуновения верховых ветров, но пребывали там, где висели, и не двигались с места. Некоторые из них были столь велики и прекрасны, что боги и эльфы ценили их превыше всех своих сокровищ — вот откуда творцы драгоценных камней почерпнули свое вдохновение. Столь же сильно любим был и светивший на западе Морвиньон, чье имя означает «сумеречный отблеск», а о том, как поместили его на небеса, рассказывают много историй; и Ниэллуин, сиречь Лазурная Пчела, что по сию пору виден людям осенью и зимой, пылая подле ног Тэлимэктара, сына Тулкаса, предание о коем еще не поведано.

— И хотя краса звезд, — молвил Линдо, — увлекла меня далеко, но все же не сомневаюсь я, что в том великом слове, красноречивейшем из всего, что когда- либо возглашал Манвэ богам, упомянул он о звездах с еще большей нежностью, нежели я. Ибо ведайте, что сим желал он привлечь сердца богов, дабы те обдумали его замысел, и, молвив о

звездах, так завершил он свою речь:

— И сие будет, — рек Манвэ, — третья попытка богов принести свет во тьму, ибо и Светильни севера и юга, и Древа равнины погубил Мэлько. Лишь в воздухе не властен Мэлько чинить зло, и посему таков мой совет: построим же судно, наполненное до краев золотым светом и сбереженной росой Лаурэлин, так что поплывет оно, подобно великой ладье, высоко над темными царствами Земли. И пролягут его далекие пути по воздуху, и изольет оно свой свет на весь мир меж Валин**о**рэ и восточными брегами.

И Манвэ предумыслил, дабы сияющая ладья странствовала меж востоком и западом, ибо Мэлько владел севером, а Унгв**э**лиант — югом, в то время, как на западе простирался Валинор и благословленные королевства, а на востоке — обширные темные земли, что алкали света.

— Сказано, — изрек Линдо, — что хотя иные из богов в силу своей природы могли, буде пожелают, с великой стремительностью путешествовать чрез Вильна и нижние слои воздуха, но никто среди валар: ни сам Мэлько, ни иные, кроме лишь Манвэ, Варды и их народа, — не могли преодолеть те пределы: ибо рек Илуватар, когда отпустил он богов в мир по их желанию, что навечно пре-

будут они в мире, единожды войдя в него, и не покинут его до самого Великого Конца, сплетясь с нитями судьбы его и содеявшись его частью. И лишь одному Манвэ, ведая чистоту и величие его сердца, даровал Илуватар власть посещать запредельные высоты и дышать великой ясной Светлостию, что простирается столь высоко над землей, что ни тончайшая пыль, ни слабейшие запахи, ни отдаленное эхо песен и скорбей мира не проникают туда; но далеко внизу, под звездами бледно сияет земля, а тени, отбрасываемые Солнцем и Луной, движущимися к Валинору и прочь от него, трепещут на ее лике. Туда часто приходит Манвэ Сулимо и, поднявшись высоко над звездами, взирает на мир с любовью, и весьма близок он сердцу Илуватара.

Но сие всегда причиняло и поныне причиняет великую досаду Мэлько, ибо никоим способом не может он покинуть лоно земли, и, верно, вы еще узнаете, сколь сильно возросла его зависть, когда отправились в странствие сияющие суда. Но ныне надлежит сказать, что столь волнительными оказались слова Манвэ и столь великой — их мудрость, что[прим.11]большая часть богов сочла его цель благой, и молвили они:

— Пусть ныне Аулэ и весь его народ примутся

за создание сей светоносной ладьи, — и немногие говорили иначе, хотя сказано, что Лориэн остался недоволен, убоявшись, что исчезнут тенистые и тихие убежища, да и Вана мало о чем могла мыслить, ибо велико было ее суетное желание увидеть, как снова воссияют Древа.

Тогда изрек Аулэ:

— Возложили вы на меня задачу величайшей трудности, но сделаю я все, что в моих силах.

И просил он о помощи Варду, что создала звезды, и они вдвоем отправились прочь, надолго затерявшись во мраке.

Далее повествуется о том, как Аулэ и Варда не смогли изобрести вещество, которое было бы одновременно «достаточно легким, дабы парить в воздухе, и достаточно прочным, чтобы нести сияние Кулуллина»; и когда об этом стало известно, Вана и Лориэн просили, чтобы Манвэ, чей замысел потерпел неудачу, повелел Йаванне попытаться исцелить Древа.

Тогда, наконец, повелел Манвэ, дабы Йаванна прибегла к своей силе, она же противилась, но ропот народа принудил ее, и попросила она о сиянии белом и золотом; но Манвэ и Аулэ уделили ей всего лишь два малых фиала, молвив, что если бы сие излияние имело силу исцелить Древа, то они бы уже цвели, ибо Вана и Лориэн

щедро оросили их корни. Тогда Йаванна, полная скорби, восстала на равнине — трепещущая и бледная ликом, ибо великих усилий стоило ей ратоборство с судьбой. Золотой фиал держала она в правой руке, а серебряный — в левой, и, встав меж Древами, вознесла их ввысь, и тогда алое и белое пламя, подобное цветку, взметнулось из них, земля содрогнулась и пошла трещинами, а из нее поднялись подле ног Йаванны цветы и травы: белые и синие слева, алые же и золотые — справа, так что боги застыли в молчании и изумлении. Тогда, шагнув, опустошила она каждый фиал на его Древо и запела песни невянущего роста и песнь воскрешения после смерти и увядания; и внезапно песнь оборвалась. Застыла она меж Древами, и воцарилась нерушимая тишь, затем раздался страшный шум, и никто не ведал, что случилось, но Палуриэн без чувств поникла на землю; многие бросились к ней и подняли ее, она же трепетала в испуге:

— Тщетна, о дети богов, — возрыдала она, — вся моя мощь. Внемлите, по вашему желанию излила я силу мою на Землю подобно воде, и как воду приняла ее у меня Земля — ушла она, и ничего боле не могу я совершить.

А Древа стояли по — прежнему сухие и мерт-

вые, и все проливали слезы, взирая на Йаванну. Но молвил тогда Манвэ:

— Оставьте оплакивать сей невосполнимый ущерб, о дети богов, ибо много чудесных деяний еще совершится, ведь красота не исчезла с земли, и не все замыслы богов обратились в ничто.

Но все разошлись, тем не менее, исполненные скорби, лишь Вана осталась рыдать, обняв ствол Лаурэлин.

Ныне почти угасла надежда, и на Валинор пал мрак чернее прежнего. Вана же все плакала: свои золотые волосы обвила она вокруг ствола Лаурэлин, и слезы ее тихо струились на корни. И вот, когда роса ее нежной любви коснулась Древа, нежданный проблеск озарил тьму. На глазах изумленной Ваны оттуда, куда упала первая ее слеза, поднялся усыпанный золотыми почками побег Лаурэлин, что источал свет, подобный солнечному лучу, пробившемуся из-за туч.

Тогда поспешила Вана на равнину и возвысила, как могла, свой певучий голос, так что достиг он, едва различимый, врат Валмара, но все валар услышали его. Тогда рек Омар:

— Се стенания Ваны.

Салмар же промолвил:

— Но чу! Глас ее звучит скорее радостью.

И все, что стояли поблизости, прислушались, и донеслось до них *и-кал'антулиэн*, сиречь «свет возвратился».

Поднялся тогда громкий шум на улицах Валмара, весь народ хлынул на равнину, и когда узрели они под Древом Вану и юный златой побег, нежданно изо всех уст грянула песнь великой хвалы и ликования. И произнес Тулкас:

— Заклятия Йаванны верней ее пророчеств!

Но Йаванна, взирая на лик Ваны, молвила:

— Увы, неверно сие, ибо меньше помогли мои заклятия, нежели нежность и любовь Ваны, а роса ее слез оказалась целительней сбереженного сияния; но что до моего предсказания, то смотри, о Тулкас, и узришь, сбудется ли оно.

Все устремляли очи на Лаурэлин, и вот, почки побега лопнули, выпустив листья чистейшего злата, несхожие с прежними, и пока смотрели они, ветвь украсилась золотыми бутонами, что сразу начали распускаться. Но как только полностью раскрылись цветы, налетел вдруг порыв ветра, сорвал их с тонких стеблей и развеял над толпой подобно искрам, и все мнили в том зло. Многие эльфы ловили сверкающие лепестки по всей равнине, собирая их в корзинки, но те, что не были сплетены из золота либо иного металла,

не удержали огненных цветов и сгорели, и так лепестки пропали снова.

Один цветок был, однако, больше других, жарче сиял и ярче отливал золотом, и ветер лишь колебал его, но не сорвал; он все рос и рос, и от его лучезарного тепла появилась завязь. Когда же лепестки облетели и были бережно собраны, на ветви Лаурэлин висел плод великой красы, но все листья ветви увядали и, наконец, засохли и боле не сияли. Пока опадали они на землю, плод дивно возрос, ибо вся влага и сияние гибнущего Древа притекли в него. И соки того плода уподобились трепещущим языкам янтарно-рдяного пламени, а зерна — сверкающему золоту, оболочка же его блистала безупречной прозрачностью и гладкостью стекла, сплавленного с золотом, и сквозь нее можно было видеть, как внутри переливаются соки будто пляшет огонь в горниле. Столь усилились его свет и великолепие и возросла благодетельная тяжесть, что под его бременем ветвь поникла, и повис он пред их глазами словно огненный шар.

Тогда Йаванна молвила Аулэ:

— Поддержи сию ветвь, о мой владыка, дабы не переломилась она и чудесный плод не разбился о землю; и будет то величайшим горем, ибо ведай-

те все: сие последний огонь жизни, что теплится в Лаурэлин.

Но еще когда только начал наливаться сей плод, Аулэ застыл, словно пораженный внезапно пришедшей на ум мыслью, и молвил он в ответ:

— Поистине, столь долго мы с Вардой искали в опустевших жилищах и садах то, с чем могли бы работать! Ныне вижу, что Илуватар даровал мне чаемое.

Затем, позвав Тулкаса на помощь, он обломил стебель, на котором висел плод, и все, кто видел это, затаили дыхание, ошеломленные его бессердечностью.

Громко взроптали они, а иные воскликнули:

— Горе тому, кто вновь губит наше Древо!

Вана же была в страшном гневе. Но никто не осмелился приблизиться, ибо даже Аулэ и Тулкас вдвоем с трудом удерживали на своих божественных раменах сей великий пламенный шар и шатались под этой ношей. Услышав ропот, Аулэ остановился и молвил:

— Оставьте, о наделенные малой мудростью, и наберитесь терпения.

Но с этими словами неловко ступил он и споткнулся, и даже Тулкас не смог один удержать сей плод, что упал и, ударившись о каменистую

землю, разбился надвое. В то же мгновение вырвалось из него столь ослепительное сияние, с коим не сравнилась бы даже прежняя Лаурэлин в полном цвету, и поразило привыкшие к темноте глаза вали, и те рухнули на землю потрясенные. Отсюда ударил в небеса столп света, так что звезды поблекли, и алый отблеск пал на отдаленную Таниквэтиль. Из них всех один лишь Аулэ не был одержим скорбью. Молвил он:

— Из этого создам я светоносную ладью, что превзойдет даже мечту Манвэ.

И тогда Варда, и многие другие, и даже Вана поняли его замысел и возрадовались. Сплели они из золота огромную корзину и, устлав ее огненными лепестками цветка, положили туда обе половинки полуденного плода, и, подняв корзину, все вместе понесли ее прочь с пением, исполненные великой надежды. Придя к палатам Аулэ, поставили ее наземь, и тогда началось великое сотворение Солнца; то был самый искусно-чудесный из всех трудов Аулэ Талкам а рда, чьи творения не исчислить. Из безупречной оболочки сделал он корпус судна, прозрачный и сияющий, но прочно закаленный, ибо заклятия Аулэ преодолели хрупкость оболочки, не повредив никоим образом ее утонченному изяществу.

Ныне самое жаркое сияние, излитое в него, не расплескалось бы и не потускнело, равно как не причинило никакого вреда судну, которое, однако, поплыло бы по воздуху легче всякой птицы. Аулэ весьма радовался; сию ладью смастерил он вельми широкой, вложив одну половинку оболочки в другую, так что крепость ее стала нерушимой.

Далее следует рассказ о том, как Вана, сожалея о своем ропоте, коротко обрезала свои золотые волосы и отдала их богам. Из них соткали паруса и сплели веревки «**крепче любых, что когда-либо приходилось видеть морякам, но тонкие, как паутинка**». Мачты и рангоут корабля были отлиты из золота.

Затем, дабы изготовить Небесную Ладью к плаванью, собрали негаснущие лепестки последнего цветка Лаурэлин и укрепили их наподобие звезды на носу судна, украсили лентами из мерцающего света его борта, и, изловив вспышку молнии, водрузили ее на мачту как вымпел. Все судно до краев наполнило огненное сияние золотого Кулуллина, куда добавили капли сока полуденного плода, излучавшие столь сильный жар, что земное лоно едва сдерживало ладью, которая дергала веревки, как пленная птица, стремящаяся к полету.

После того дали боги имя сей ладье и нарекли ее С**а**ри, сиречь Солнце, а эльфы — Ур, сиречь огонь[прим.12]; но неисчислимы имена ее в легендах и песнях. Светильней Ваны величают ее боги в память о слезах Ваны и шелковистых косах, что даровала она; гномы называют ее Г**а**лмир Златоблеск[прим.13], Гл**о**рвэнт Золотая Ладья, Бр**а**глорин Сверкающее Судно и многими иными именами; а данные людьми прозвания никто не считал.

Теперь надлежит сказать, что пока строили ладью, возле того места, где росли Два Древа, остальной народ без устали трудился над огромным бассейном. Пол они настелили из золота, а стены сладили из блистающей бронзы, и аркада золотых столпов, увенчанных огнями, окружала его, оставляя лишь обращенный на восток просвет. Йаванна же наложила на него заклятия несказанной силы, и в него вылили большую часть сока полуденного плода, так что сделался он огненной купальней. И наречена она Таньяс**а**лпэ, Огненная Чаша, и Ф**а**скала-н**у**мэн, Купель Заходящего Солнца, ибо когда впоследствии **У**рвэнди вернулась с востока и первый закат осиял Валинор, окунули сюда ладью, и сияние ее обновилось перед дневным странствием, пока Луна владела Высокими Небесами.

Возведение сей чудесной купальни оказалось не столь простым делом, как то мнится: столь неуловимо было то сияние, что, расплескавшись, не изливалось и не оседало оно на землю, но воспаряло и плыло над слоем Вильна по причине великой своей летучести и легкости. Но теперь не могло оно покинуть пылавшего посередь равнины Фаскалана, откуда струился на Валинор свет, хотя из-за глубины сей купальни не изливался он далеко, и тени окружали ее.

Тогда, видя великолепие судна, что силилось взлететь, изрек Манвэ:

— Кто будет кормчим сей ладьи и направит полет ее над царствами земными? ибо мыслю я, что даже священные тела валар не смогут долго выдерживать омовения в сем могучем свете.

Замыслив великое в сердце своем, молвила Урвэнди, что не страшится, и спросила разрешения содеяться владычицей Солнца и приуготовиться к сему служению, как вложил то в ее сердце Илуватар. Тогда повелела она, дабы последовали за ней ее девы, из тех, что встарь орошали светом корни Лаурэлин, и совлекли они свои одеяния и вступили в Фаскалан, как купальщицы в море. И погрузились они в золотую пену, и боги, перестав видеть их, убоялись. Но через время снова подня-

лись девы на бронзовый брег, но не такими, как прежде, ибо тела их ныне ярко сияли и, казалось, горели внутренним пламенем, и свет вспыхивал от каждого их движения, так что никакие облачения не могли более укрывать сии сверкающие тела. Подобны воздуху сделались они, ступая легко, как солнечный свет, льющийся на землю. В молчании поднялись они на ладью, что натянула прочные канаты, и весь народ Валинора с трудом удержал ее.

Наконец, по велению Манвэ взбираются они по долгим склонам Таниквэтиль и тянут за собой и-Калавэнтэ, Ладью Света, и нетрудная то задача. Становятся они на обширном пространстве пред великими дверьми Манвэ, судно же на западном склоне горы дрожит и рвется из оков. И столь велико уже его сияние, что солнечные лучи струятся из-за уступов Таниквэтиль, небо озарено новым светом, а воды внешних Тенистых Морей тронуты огнем, прежде невиданным. Сказано, что в тот час все создания, бродившие в мире, застыли в молчании и изумлении, когда обратился Манвэ к Урвэнди и молвил ей таковые слова:

— Ныне плыви, наичудеснейшая из дев, омытая огнем, и направляй над миром ладью божественного света, дабы радость проникла в малейшую

трещинку, и все, что спит в земном лоне, пробудилось[прим.14].

Но Урвэнди не отвечала, устремив нетерпеливый взор на восток, и Манвэ повелел отпустить веревки, что сдерживали судно, так что Ладья Утра воспарила над Таниквэтиль и лоно воздуха приняло ее.

Подымаясь, все ярче и чище пламенела она, пока Валинор не исполнился сиянием, пока не омылись светом долы Эрумани и Тенистые Моря. Солнечные лучи излились на темные равнины Арвалина, однако ж не проникли они туда, где плетет свои тенета Унгвэли**а**нтэ и где стелются дымные испарения, слишком плотные, чтобы сквозь них просочилось хоть какое-то сияние.

Все, взглянув вверх, узрели, что небеса оделись лазурью и ныне вельми ярки и прекрасны, но звезды скрывались по мере того, как великая заря восходила над миром. Легкий ветерок задул с холодных земель, словно приветствуя судно, и наполнил его сверкающие ветрила. Белые пары восклубились над туманными морями, что простирались под ладьей, так что ее нос, казалось, взрезает белую воздушную пену. Но судно не покачнулось, ибо манир, что летели пообок, возносили его на золотых канатах, и великая

ладья Солнца подымалась все выше и выше, пока даже для взора Манвэ не превратилась она в окутанный дымкой сияния огненный диск, что неторопливо и величественно уплывал от запада.

Пока следовал он своим путем, свет, затопивший Валинор, смягчился, тени чертогов богов удлинились, протянувшись к водам Внешних Морей, а огромная тень Таниквэтиль, павшая на запад, становилась все длиннее и гуще. И настал полдень в Валиноре.

Тут, смеясь, прервал его Гильфанон:

— Однако ж, добрый хозяин, немало удлиняешь и ты свое сказание, ибо, мнится мне, любишь ты задержаться на трудах и деяниях великих богов. Но буде не положишь ты предела словам своим, наш скиталец рискует не дожить до рассказов о том, что случилось в мире, когда, наконец, боги даровали ему свет, каковой столь долго удерживали, а эти повести, мыслю, приятное разнообразие для слуха.

Но Эриол, живо внимавший благозвучному голосу Линдо, молвил:

— Совсем недавно, — эльдар, вероятно, срок этот покажется не дольше дня, — явился я сюда, но не питаю я боле любви к имени скитальца

и, о чем бы ни вел речь Линдо, не удлинить ему своего рассказа так, дабы то пришлось мне не по душе, и все, чего желает мое сердце — это внимать сей повести.

Линдо же ответствовал:

— Поистине, не обо всем я еще поведал, Эриол, но еще больше достойно твоего внимания то, о чем может рассказать Гильфанон, — ведь поистине ни я, ни кто другой здесь не слышал всего о тех событиях. Тогда завершу я, сколь можно быстро, сие сказание и доведу его до конца, но через три ночи снова настанет время рассказов, и пусть будет праздник и играет музыка, и все дети Домика Утраченной Игры соберутся здесь у ног Гильфанона, дабы услышать о страданиях нолдоли и пришествии людей.

Сими словами и Гильфанон, и Эриол остались весьма довольны, и рады были все прочие, Линдо же продолжил свою повесть:

— Знайте, что на такую высоту поднялась Ладья Солнца и, восходя, горела все ярче и жарче, что через малое время ее великолепие возросло сильнее, нежели то мыслили боги, пока судно оставалось с ними. Всюду проникал его великий свет, и залил он все долины и сумрачные леса, голые склоны и горные ручьи, и боги дивились.

Велико было чудесное волшебство Солнца в дни блистающей Урвэнди, но не столь нежно и дивно светило оно, как Древо Лаурэлин в прежние дни. И оттого снова пробудился в Валиноре шепот недовольства среди Детей Богов, ибо гневались Мандос и Фуи, пеняя Аулэ и Варде, что тем лишь бы вносить путаницу в миропорядок и превращать землю в край, где не осталось тихой мирной тени. Лориэн же, сидя в роще, укрытой тенью Таниквэтиль, плакал, глядя на свои сады, что простирались перед ним, все еще разоренные великой погоней богов, ибо он никак не мог собраться с духом, дабы поправить их. Соловьи умолкли, ибо знойное марево дрожало над деревьями, маки же Лориэна увяли, а вечерние цветы поникли и не источали аромата. Сильмо же в печали стоял у Тэлимпэ, что еле светился, будто его наполняла стоячая вода, а не сияющая роса Сильпиона — столь силен оказался великий свет дня. Тогда воспрял Лориэн и обратился к Манвэ:

— Призови обратно свой блистающий корабль, о Владыка Неба, ибо глаза наши болят от его огня, а краса и тихий сон изгнаны прочь. Уж лучше темнота и воспоминания о давнем, нежели это, ибо несхоже сие с минувшей прелестью Лаурэлин, и Сильпиона нет боле.

Остальные боги тоже были не совсем довольны, зная в сердцах своих, что сотворили нечто гораздо более великое, чем мнилось им сначала, и что никогда уже не узрит Валинор тех веков, что миновали. И Вана молвила, что источник Кулуллина потускнел и что ее сады вянут от жары, а розы утратили свои краски и благоухание — ибо тогда Солнце плыло ближе к земле, нежели ныне.

Тогда Манвэ укорил их за непостоянство и недовольство, но они не унимались; вдруг заговорил Улмо, явившийся из внешнего Вай:

— Владыка Манвэ! Ни их советы, ни твои не должно презреть. Неужто не поняли вы, о валар, чему обязаны были встарь своей великой красой Древа? Разнообразию, неторопливой перемене в чудесных творениях, когда уходящее незаметно сменялось тем, что должно было возникнуть.

Но внезапно молвил Лориэн:

— О Валатуру, Владыка Вай изрекает слова мудрее, чем когда-либо раньше, и наполняют они меня великим чаянием.

И тогда покинул он их и отправился на равнину. К тому времени минуло три дня, равные трем цветениям Лаурэлин, как отчалила Ладья Утра. И еще четыре дня восседал Лориэн у ствола Силь-

пиона, и робкие тени окружили его, ибо Солнце было далеко на востоке, направляясь туда, куда его клонило: Манвэ еще не урядил его путь, и Урвэнди разрешили странствовать, куда ее влечет. Но тем Лориэн не удоволился, и хотя тени гор протянулись через равнину, с моря поднялся туман, и вновь бесшумно опустились на Валинор смутные сумерки, он долго сидел, размышляя над тем, почему заклятия Йаванны подействовали лишь на Лаурэлин.

Тогда Лориэн запел Сильпиону о том, что валар одолело «изобилие золота и жара или же тени, исполненные смерти и злобного мрака», и он прикоснулся к ране на стволе Древа.

И вот, как только коснулся он той жестокой раны, появился слабый свет, словно сияющий сок все еще струился внутри ствола. И над склоненной головой Лориэна нижняя ветвь Древа внезапно покрылась почками, которые раскрылись, выпустив темно — зеленые листья, длинные и овальные, но само Древо, оставшись сухим и мертвым, не изменилось боле. И минуло семижды семь дней с того времени, как полуденный плод родился на Лаурэлин, и многие из эльдар, духов и богов явились туда, внимая песне Лориэна. Но он не смотрел на них, не сводя взор

с Древа.

Юные листья Древа покрылись серебряной влагой, их белую изнанку исчертили бледно сиявшие прожилки. И цветочные почки тоже распустились было на ветви, но темный морской туман склубился вокруг Древа, дохнул жестокий хлад, как никогда дотоле в Валиноре, и цветы поблекли и опали, и никто не вспомнил о них. Остался на конце ветви один-единственный цветок, что распускался, сияя собственном светом, и не повредили ему ни туман, ни мороз. Чудилось, будто расцветая, вобрал он в себя сии испарения и нечувствительно претворил в серебро своих лепестков. И вот возрос нежно — бледный, дивно сверкающий цветок, и даже чистейшие снега Таниквэтиль, искрящиеся в лучах Сильпиона, не могли превзойти его. Сердцевина же белого пламени чудесным образом возрастала и убывала. Тогда воскликнул Лориэн от радости сердца своего:

— Узрите Розу Сильпиона!

И роза эта распускалась, пока не сделалась как плод Лаурэлин, но чуть больше. Источал сей цветок о десяти тысячах хрустальных лепестков росу, благоухавшую подобно меду, и роса та была свет. Лориэн никому не дозволил приблизиться,

и о том вечно сожалеть ему: ибо даже когда ветвь, на которой родилась Роза, отдала всю свою влагу и увяла, не позволил он бережно сорвать цветок, будучи покорен его прелестью и страстно желая, дабы вырос он больше, чем плод полудня и великолепием затмил Солнце.

Тогда надломилась увядшая ветвь, и низверглась Роза Сильпиона, так что часть росы-света стряхнулась, а иные хрустальные лепестки измялись, потускнев, и Лориэн громко воскликнул и попытался бережно поднять цветок, но тот был слишком велик. Тогда послали боги в чертоги Аулэ, где было исполинское серебряное блюдо, словно предназначенное для стола великанов. И поместили на него последний цвет Сильпиона, великолепие, благоухание и бледное волшебство которого остались, вопреки порче, весьма велики.

Потом, когда справился Лориэн со своей печалью и скорбью, поделился он мыслью, которую пробудили в его сердце слова Улмо: дабы боги построили в пару к солнечной ладье еще один корабль.

— И будет он сотворен из Розы Сильпиона, — молвил Лориэн, — и в память об угасании и расцвете Древ двенадцать часов будет плавать по

небу, покинув Валинор, Ладья Солнца, и столько же будет бледный корабль Сильпиона парить в небесах и принесет отдых усталым глазам и утомленным сердцам.

И вот каково было сотворение Луны: Аулэ, не желая умалить прелесть Розы Сильпиона, призвал к себе своих домочадцев из числа эльдар, что встарь звались нолдоли[прим.15] и общались с творцами самоцветов. Те открыли ему клады кристаллов и чудесного стекла, укрытые Фэанором и его сыновьями[прим.16] в тайниках Сирнумэн, и с помощью сих эльфов и Варды, королевы звезд, что поделилась светом хрупких своих ладей, дабы придать незамутненную прозрачность их творению, создал он вещество, могущее быть тонким, как лепесток розы, ясное, как прозрачнейшее эльфийское стекло, и весьма гладкое, которое искусный Аулэ, однако, умел гнуть и придавать ему форму. И нарек его Аулэ именем ***ви**рин*. Из *вирина* построил он чудесное судно, и хотя часто говорят о Корабле Луны, едва ли похоже сие судно на ладьи, что плавали когда-либо по морю или воздуху. Боле походило оно на остров из чистого стекла, пусть и не великий. Белоснежные цветы обрамляли его малые озера, и цветы сии светились, впитывая влагу, ибо вода

тех озер была сиянием Тэлимпэ. Посреди мерцающего острова пребывала чаша из сотворенного Аулэ прозрачного вещества, куда поместили волшебную Розу, и от ее переливающегося сияния стеклянное судно дивно вспыхнуло искрами. Подобия мачт, сделанных, может статься, изо льда, возвышались над судном, и тонкими нитями были привязаны к ним ветрила, сотканные Уинэн из белых туманов и пены. Иные паруса украшали сверкающие чешуйки серебряных рыб или крохотные звездочки — огоньки — искры на снегу, отражавшем блеск Ниэллуина.

Таков был Корабль Луны, хрустальный остров Розы. Боги нарекли его Р**а**на, сиречь Луна, а фэери — Силь, сиречь Роза[прим.17], и иными ласковыми именами. Ильсал**у**нтэ, Серебряная Лодка, названо оно, гномы же именовали его Мин**э**тлос, сиречь серебристый остров, и Крит**о**скэлэг — стеклянный диск.

Тогда просил Сильмо о позволении отправиться на том корабле по океанам небесной тверди, но не мог он сего, ибо не принадлежал к чадам воздуха и не сыскал пути очистить себя от земного, как сделала Урвэнди[прим.18], — но малого бы достиг, рискни он вступить в Фаскалан, ибо тогда Рана не вынесла бы его жара. Посему повелел

Манвэ Илинсору из сурули, что любил снега, звездный свет и помогал Варде во многих ее трудах, править сей странно-мерцающей ладьей, и с ним отправились множество духов воздуха, облаченных в одеяния серебряные и белые или же одежды бледнейшего золота.

Но некий пожилой сребровласый эльф незаметно взобрался на Луну и затаился в Розе, и с той поры обитает он там и лелеет сей цветок. Построил он на Луне белую башенку, куда часто подымается, дабы обозреть небеса или землю, и зовут его Уолэ Кувион — тот, что никогда не спит. Иные называют его Человеком-с-Луны, но то скорее Илинсор, охотник за звездами.

Ныне должно поведать, что замысел Лориэна был изменен, ибо белое сияние Сильпиона не столь летуче и воздушно, как пламя Лаурэлин, а *вирин* тяжелее оболочки блистающего плода полудня. И когда боги наполнили белый корабль светом и отпустили его в небо — то не поднялся он выше их голов. Сверх того, сия живая Роза продолжала источать мед, подобный свету, что сочится на стеклянный остров, блистая росой лунных лучей, но сия влага скорее отягощает судно, нежели вздымает его ввысь — в отличие от огней Ладьи Солнца. Посему временами при-

ходится Илинсору возвращаться, и струящееся сияние Розы хранится в Валиноре на темный день: ведь надо сказать, что приходят вновь и вновь дни, когда белый цветок на острове увядает и едва светит, и тогда должно освежить его и омыть собственной серебряной росой, как было то в обыкновении у Сильпиона.

По сей причине с великим тщанием построили у темных южных стен Валмара водоем, выложив его серебром и белым мрамором. Затеняли его густые тисы, посаженные вокруг затейливейшим узором. Там сберегал Лориэн бледный свет-росу той дивной Розы и нарек сей водоем Озеро Иртинса.

И так случается, что десять и четыре ночи можно зреть, как плывет по воздуху барка Раны, и столько же времени нет ее на небесах. Но и в те дивные ночи, когда странствует Рана, меняет оный корабль свой вид и в сем несхож с великолепием Сари, ибо в то время как сия блистательная ладья путешествует над Ильвэ и звездами и, слепя сверканием небеса, прокладывает свой путь превыше всего, мало беспокоясь о ветрах или потоках воздуха, то барка Илинсора тяжелее и меньше в ней волшебства и могущества — потому не воспарить ей выше небес, но плыть в

нижних слоях Ильвэ, проходя белой нитью среди звезд. Оттого верховые ветра время от времени тревожат и теребят ее туманные покровы, часто разрывая их в клочья, и боги обновляют их. Иногда также пробегает рябь по лепесткам Розы, и ее белые огни колеблются, подобно оплывающей на ветру серебряной свече. Тогда Рана вздымается и опускается в воздухе, и нередко можно приметить, как порой обозначается точеный изгиб светлого киля и возносится ввысь то нос, то корма. Но временами вновь покойно плывет корабль к западу, и сквозь прозрачную чистоту его оболочки видна Роза Сильпиона, а по словам иных — и фигура престарелого Уолэ Кувиона.

Поистине, предивен тогда Корабль Луны, и по Земле струятся отсветы и глубокие стремительные тени, а сияющие сны парят над миром на прохладных крылах, но к радости Лориэна примешана скорбь, ибо остались на его цветке следы падения и пребудут там вечно; и всем ясно видны они.

— Но[прим.19] забежал я вперед, — молвил Линдо. — Ибо только поведал я о том, как построен серебряный корабль и как Илинсор впервые вступил на его борт — и вот боги вздымают сие судно по крутым склонам древней Таниквэтиль,

распевая песни народа Лориэна, коих столь долго не слышал Валинор. На это ушло у них больше времени, нежели на подъем Ладьи Утра, и все усердно налегали на веревки, пока не явился Оромэ и не впряг табун диких белых коней — и тогда возносится судно на самый верх горы.

И вот, издали видно, как золотая солнечная ладья пролагает свой путь с востока, и валар дивятся на сверкающие пики далеких гор, на острова, что горят зеленью среди морей, прежде темных. Тогда воскликнул Оссэ:

— Взгляни, о Манвэ, ведь море сине — почти как Ильвэ, что столь любишь ты!

Ответствовал Манвэ:

— Но не Ильвэ завидуем мы, ибо море не только синее, но и серое, и зеленое, и пурпурное, да еще и дивно расцвечено пенной белизной. Ни нефриту, ни аметисту, ни порфиру, усыпанному алмазами и жемчугом, не сравниться с водами великих и малых морей, залитых Солнцем.

Молвив сие, послал Манвэ сына своего Фионвэ, что мог мчаться быстрее всех по небосклону, передать Урвэнди, дабы барка Солнца воротилась на время в Валинор, ибо хотят боги говорить с нею. И Фионвэ поспешил с величайшей готовностью, ибо давно разгорелась в нем страстная

любовь к сей светлой деве, и нынешняя ее краса, краса омытой огнем сиятельной владычицы Солнца, воспламенила его пылом богов. И было так, что, хотя и без охоты, привела Урвэнди свою ладью к Валинору, Оромэ зацепил ее золотой петлей, и судно медленно опустили на Землю. И вот, леса Таниквэтиль вновь засияли в смешении злата и сребра, что напомнило всем о былом смешении света Древ. Но Ильсалунтэ бледнел рядом с ладьей Солнца, пока, казалось, вовсе не померк. Так пришел к концу первый день в мире, что был весьма долог и полон многими чудесными деяниями, о которых может поведать Гильфанон. Пока опускали Ладью Солнца, пока догорала заря над горами и гасло мерцание морей, боги взирали, как вечер сгущается над миром. Тогда предначальная тьма вновь выползла из своих укромных логовищ, но взор Варды ласкали негасимым светом звезды.

Сари опустили далеко на равнине, и, когда она села, Ильсалунтэ вознесли над самой вершиной, дабы его белое свечение осияло бескрайний мир, и так началась первая ночь. Поистине, нет ныне тьмы в пределах мира, но лишь ночь, и ночь есть не тьма, а нечто иное из-за света Розы Сильпиона.

До краев наполняет Аулэ белым сиянием судно того цветка, и множество белокрылых сурули, плавно воспаряя, медленно подымают его и водворяют среди звездных сонмов. И там неторопливо плывет оно, бледно — великолепное, а Илинсор со товарищи, воссев по краям, мерцающими веслами смело движут его по небосводу. И Манвэ подул и наполнил его ветрила, пока его не унесло далеко прочь, и удары незримых весел по ночным ветрам ослабели и отдалились.

Так впервые взошла над Таниквэтиль Луна, и Лориэн возрадовался, но Илинсор ревновал к первенству Солнца и повелел звездным мореходам уходить с его пути, а собранным в созвездия светильникам — уступать ему дорогу, но многие не пожелали, и часто он плывет, преследуя их, а малые кораблики Варды бегут перед охотником небесной тверди, не пойманы.

— И сие, мнится мне, — молвил Линдо, — все, что могу я поведать о создании тех чудесных кораблей и начале их странствий по воздуху[прим.20].

— Но нет, конечно, это не так, — воспротивился Эриол, — ибо в начале рассказа, как помнится мне, обещал ты поведать о нынешних путях Солнца и Луны и о том, как взошли они на востоке, и

уж я — то, с позволения всех присутствующих, не собираюсь освобождать тебя от данного тобою слова.

Тогда промолвил Линдо, смеясь:

— Не припомню такого обещания, и если дал я его, то поистине в спешке, ибо то, о чем просишь ты, вовсе нелегко поведать, и многое касательно деяний тех дней Валинора скрыто от всех, кроме только валар. Ныне, однако, желаю я слушать, и, может статься, ты, о Вайрэ, примешь на себя тяжесть рассказа?

Услышав сии слова, все возрадовались, а дети захлопали в ладоши, ибо душевно любили они, когда повествовала Вайрэ. Вайрэ же промолвила:

— Внемлите, поведаю я старинные предания, и первое из них — *Сокрытие Валинора*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В рукописи здесь *Гильфан а-Давробэль*, но в ранней отвергнутой версии абзаца дается *Гильфанон а-Давробэль*, откуда можно заключить, что *Гильфан* было написано ненамеренно.

2. См. с. ~24–25~ о соответствии Тавробэлю деревни Грейт- Хэйвуд, Стаффордшир. У Грейт-Хэйвуд река Соу вливается в Трент.

3. В отвергнутой версии «интерлюдии» история

Гильфанона рассказана иначе:

«Был он **и**лькорин и многие века тому назад жил в Хисиломэ», «он приплыл на Тол Эрэссэа после великого похода [т. е., «похода Инвэ в мир», великого путешествия из Кора, см. с. 26], ибо сделался он побратимом нолдоли». Это первое появление этнонима *илькорин*, которым называются эльфы, которые «не из Кора» (ср. с более поздним *ума**а**ньяр*, эльфы, что «не из Амана»). *Артанор* — это раннее название Дориата.

4. Гном Гильфанон назван здесь старейшим из фэери; см. с. 51.

5. Мне ничего не известно о «Доме Сотни Дымоходов» возле Тавробэльского моста, но я никогда не был в Грейт-Хэвуд, и, может быть, там был (или все еще есть) дом, породивший это название.

6. Отвергнутый вариант «интерлюдии» имел совершенно иной конец:

> «Тогда ответствовал Линдо Эриолу:
>
> — Знай же, что Гильфанон может многое поведать тебе об этом, но прежде всего надлежит тебе услышать о том, что свершилось в Валиноре, когда Мэлько убил Древа, а гномы ушли во тьму. Сие долгое повествование весьма достойно

внимания.

Ибо Линдо любил рассказывать сии предания и часто изыскивал случай сызнова поведать их; но Гильфанон изрек:

— Говори же, мой Линдо, но мнится мне, что предание не будет закончено ни в эту ночь, ни во многие последующие, когда я уже давно прибуду в Тавробэль.

— Не стану я, — молвил Линдо, — затягивать мой рассказ, и уже завтра сможешь ты поведать свой.

При этих словах вздохнул Гильфанон, но Линдо заговорил…»

7. «lest it be»: это странное выражения четко видно в рукописи; его использование, как кажется, нигде не зарегистрировано, но значение должно быть «unless it be» («если только не»), т. е. «ему одному, да лишь Варде…»

8. О том, что «Лунная чаша» все-таки *Тэлимпэ*, а не *Силиндрин*, см. с. 79 и прим. 2 на с. 129.

9. См. с. 73, 88. В предыдущих случаях имя писалось не *Урвэнди*, а *Урвэн*.

10. «меж Эрумани и Морем»: имеется в виду Внешнее Море, Вай, которое ограничивает Валинор с запада.

11. Этот фрагмент, начиная с «Ибо ведайте, что сим желал он» (с. 182) и до этого места, был добавлен на отдельном листе бумаги вместо гораздо более короткого абзаца, в котором Манвэ кратко объяснял свой план и где ничего не говорилось о возможностях валар. Но я думаю, что замена была написана ненамного позже остального текста.

12. Сначала здесь было написано: «Тогда дали боги ладье имя и назвали ее Ур, сиречь Солнце» и т. д.

13. Сначала здесь было написано: «и гномы назвали ее Аур Солнце, Галмир Златоблеск» и т. д.

14. В отдельном примечании сказано о пробуждении менее опасных созданий, когда взошло (над Великими Землями) Солнце, и говорится, что «все птицы пели, приветствуя первую зарю».

15. Аулэноссэ: см. с. 176.

16. Это первое упоминание о сыновьях Фэанора.

17. Ранее было написано «серебряная роза».

18. *Урвэнди*: в рукописи *Урванди*, но я думаю, что это получилось ненамеренно.

19. С этого места текст *Сказания о Солнце и Луне* продолжается уже не по стертому оригиналу в карандаше. Сам же оригинал дальнейшего

повествования находится в другой тетради. Различий мало почти до самого конца Сказания о Солнце и Луне, и в основном это изменения отдельных слов и выражений. Но оригинал поясняет, почему при первом появлении в тексте сказания, на с. 188, имя *Гильфанон* переправлено из имени *Айлиос* (см. ниже, «Изменения в именах и названиях»). Во всяком случае можно считать, что это была ошибка, возвращение к раннему имени, и это доказывается тем, что в первой версии вместо фразы «многими чудесными деяниями, о которых может поведать Гильфанон» (с. 194) наличествует «многими чудесными деяниями, о которых может поведать Айлиос».

20. С этого момента вторая версия начинает сильно отличаться от первой, в которой мы имеем следующее:

> «— И это, мнится мне, — молвил Линдо, — все, что могу я поведать о сих чуднейших творениях богов.
>
> Но Айлиос возразил:
>
> — Немного стоит тебе сплести повесть, буде она о Валиноре. А прежде обещал ты нам… сказание о том, как взошли на востоке Солнце и Луна, и долго стру-

илась твоя речь, однако ж вздумал ты [?дразнить] нас, не сказав ни слова из обещанного.

Поистине, несмотря на резкость Айлиоса, ему рассказ Линдо понравился не меньше, чем прочим, и он жаждал узнать еще.

— Нетрудно поведать об этом, — ответствовал Линдо…»

Далее идет первоначальная версия содержания следующей главы (см. с. 220, прим. 2).

Айлиос уверяет, что обещание, данное Линдо, не было выполнено — и то же самое делает Эриол во второй версии, хотя и с большей вежливостью. Первоначальная версия начала рассказа отсутствует, и, вероятно, в ней Линдо давал такое обещание. Но во второй версии он ничего такого не говорит (вопрос Эриола был «Отколе взялись Солнце и Луна?») и в конце рассказа Линдо отрицает, что давал подобное обещание, в чем его уверяет Эриол.

Изменения в именах и названиях в *Сказании о Солнце и Луне*

Амнор (Amnor) < ***Амнос (Amnos)*** (*Амнос* — это

форма из *Бегства Нолдоли*, < ***Э**мнон (Emnon)*; но форма *Амнон* тоже имела место, см. с. 172).

Об изменениях в абзаце об именах Солнца см. прим. 12 и 13.

*Г**и**льфанон (Gilfanon)* < ***А**йлиос (Ailios)* (с. 188, только при первом появлении, см. прим. 19).

*Мин**э**тлос (Minetlos)* < Майнлос (Mainlos).

***У**олэ К**у**вион (Uolë Kúvion)* < *У**о**лэ Мик**у**ми (Uolë Mikúmi)*, только при втором появлении имени на с. 193; первый раз *Уолэ Микуми* оставлено без изменений, но я даю ***У**олэ К**у**вион* во всем тексте.

Ладья Утра < *Калав**э**нтэ (Kalaventë)* (с. 190; и-Калав**э**нтэ (i-Kalaventë) «Ладья Света» не исправлено на с. 188 текста).

огни Ладьи Солнца < *огни Калав**э**нтэ (Kalaventë)* (с. 193).

*С**а**ри (Sari)* < *Калав**э**нэ (Kalavenë)* (с. 193, 195. *Калав**э**нэ* — форма первоначальной версии, см. прим. 19).

Комментарии к *Сказанию о Солнце и Луне*

В начале этого сказания подчеркивается, несомненно, гораздо сильнее, чем в позднейших повествованиях, ужас от деяний нолдоли (примечательно, что здесь на них ожесточился Аулэ, о чем впоследствии ничего не сказано), а также

то, что из Валинора они изгнаны окончательно и бесповоротно. Но мысль о том, что некоторые гномы не покинули Валинора (см. об Аулэноссэ на с. 176), сохранилась; см. *Сильмариллион*, с. 84:

> «Из всех нолдор Валинора, что весьма возросли числом, лишь не более десятой части отказалось пуститься в путь: одни из-за любви, что испытывали они к валар (и к Аулэ не меньше, чем к прочим), другие из любви к Тириону и собственным творениям; и никто — боясь опасностей пути».

Полету Соронтура и новостям, которые он принес, не суждено было сохраниться. Сильное впечатление производит его рассказ о пустых дрейфующих кораблях, «иные из которых пылали ярким пламенем»: отсюда происходит сожжение Фэанором кораблей тэлэри в Лосгаре (Сильмариллион, с. 90) — где, однако, причины этого поступка более очевидны. Здесь ясно выражено, что второе жилище Мэлько в великих Землях — вовсе не Утумна, равно как и то, что жилище это находилось в Железных Горах (см. с. 149, 158). Название *Ангаманди* — «Железные Преисподни» — уже появлялось в *Утраченных Сказаниях* в

чрезвычайно странном рассказе о посмертной судьбе людей (с. 77). В последующих вариантах говорится, что Ангбанд построен на месте Утумно, но еще позже они снова отделились друг от друга, и по *Сильмариллиону* Ангбанд существовал еще до пленения Мэлькора (с. 47). В комментируемом повествовании не объясняется, почему «никогда боле не отворится ему Утумна» (с. 176), хотя это произошло, без сомнения, потому, что Тулкас и Улмо разрушили ее врата и нагромоздили над ней груды камня (с. 104).

Следующая часть (с. 177 и далее) позволяет пролить свет на ранние представления отца о могуществе великих валар и его пределах. Так, показано, что Йаванна и Манвэ (которому эту мысль внушила Йаванна?) видят, что валар поступили дурно или, по крайней мере, не смогли выполнить все замыслы Илуватара («**…мыслю я, что сие [времь тьмы] не без воли Илуватара**»): здесь ясно выражено представление об «эгоистичных», поглощенных собой богах, которые заняты лишь своими садами и творениями, предоставив «мир» самому себе. И понимание этого — одна из основных причин создания Солнца и Луны, которые должны освещать не только «благословленные королевства» (это выражение

впервые появляется именно здесь, см. с. 182), но и темные земли. От всего этого в *Сильмариллионе* (с. 99) осталось лишь упоминание:

> «То сделали валар, вспомнив в сумерках о тьме в землях Арды; и ныне решили они принести свет в Средиземье, дабы сей свет помешал Мэлькору творить злодеяния».

В раннем повествовании весьма интересно также «теологическое» рассуждение о том, что, вступив в Мир, валар будут связаны с ним (с. 182), ср. *Сильмариллион*, с. 20:

> «Но поставил им Илуватар условие, или потребовала того их любовь, дабы сила их отныне была связана и ограничена Миром и пребывала там вечно, пока мир не исполнится, и чтобы стали они жизнью мира, а он — их жизнью».

В нашем рассказе это условие явственно выражено как физическое ограничение: кроме Манвэ, Варды и сопутствовавших им духов, странствовать над Вильной не может никто из валар, хотя они и могут двигаться с огромной скоростью в

более низких слоях воздуха.

Из абзаца на с. 178, где сказано, что Улмо, несмотря на свою любовь к солосимпи и скорбь из-за резни, не гневался на нолдоли, ибо он «предвидел больше, нежели остальные боги и даже великий Манвэ», видно, что забота Улмо о судьбе изгнанных эльдар — играющая такую важную, хотя и загадочную роль в развитии повествования — присутствовала с самого начала; равно как и мысль Йаванны, выраженная в *Сильмариллионе* (с. 78):

> «Даже для тех, чье могущество уступает лишь мощи Илуватара, есть нечто, что могут они создать однажды и только однажды. Свет Древ вызвала я к жизни, и в Эа я никогда боле не сотворю подобного».

Упоминание Йаванны о появлении Волшебного Солнца (за что вечером поднимают тосты в *Домике Утраченной Игры*, с. 17 и 65) намеренно выглядит здесь таинственным.

Позднейшие упоминания о том, как Лориэн и Вана тратили свет, без пользы изливая его на корни Древ, отсутствуют.

Что касается упоминаемых Линдо звезд (с. ~181–182~), то Морвиньон уже появлялся ранее, на с.~

114~, где рассказывалось, что Варда обронила его, когда «с великой поспешностью возвращалась в Валинор», и что он горит «над западным краем мира»; о Морвиньоне (согласно словарю языка гномов и словарю квэнья это Арктур) в нашем сказании снова говорится, что он сияет, как ни странно, лишь на западном небе. Здесь также сказано, что, в то время как манир и сурули направляли некоторые звезды «причудливыми путями», другие звезды — включая Морвиньон и Ниэллуин — «пребывали там, где висели, и не двигались с места». Возможно ли это истолковать так, что в древних мифах эльфов рассказывается о времени, когда видимое постоянное движение всех небесных тел с востока на запад еще не началось? В мифологической космологии моего отца это движение так и не находит объяснения.

Ниэллуин («Лазурная Пчела») — это Сириус (в *Сильмариллионе — Хэллуин*), и эта звезда связана с легендой о Тэлимэктаре, сыне Тулкаса, хотя история о его превращении в созвездие Орион так и осталась нерассказанной (см. о *Тэлумэхтаре*-«Орионе» во *Властелине Колец*, Приложение Д, 1). Ниэллуин — это Ингиль, сын Ингвэ, который последовал за Тэлимэктаром «подобно огромной пчеле, несущей сияющий мед» (см. в Приложе-

нии статьи *Ингиль* и $telimektar*Тэлимэктар*).

Тому, что Солнце и Луна движутся с востока на запад (а не как-то иначе), здесь дается рациональное объяснение: они избегают юга из-за того, что там обитает Унгвэлиант. Этим, как кажется, Унгвэлиант придается большое значение, и отсюда следует, что у нее были обширные земли, подчиненные ее власти поглощать свет. Из сказания *Воровство Мэлько* и *Затмение Валинора* неясно, где находилось ее жилище. Сказано (с. 151), что Мэлько блуждал «по темным равнинам Эрумана, и на юге — дальше, чем кому-либо доводилось заходить, — он отыскал край глубочайшего мрака», где и обнаружил пещеру Унгвэлиант, и эта пещера под землей сообщалась с морем; и после уничтожения Древ Унгвэлиант «убирается на юг, через горы в свое жилище» (с. 154). По неопределенным линиям на маленькой карте (с. 81) невозможно судить, каковы были в то время очертания южных земель и морей.

По сравнению с завершающей частью нашего сказания, касающейся последнего плода Лаурэлин и последнего цветка Сильпиона, того, как из них сотворили Солнце и Луну и как их отправили в странствие (с. ~183–195~), Глава XI *Сильмариллиона* (составленная из двух версий, не слишком

отличающихся друг от друга) чрезвычайно коротка. Несмотря на многие несовпадения, позднейшие версии выглядят местами почти как краткий пересказ раннего повествования, но часто трудно понять, обязаны ли мы сокращением ощущению отца (в котором он отдавал себе отчет, см. с. 174), что описания затянуты и занимают слишком большое место в общей структуре, или описания были укорочены из-за того, что в них содержались некоторые детали, впоследствии отвергнутые, или же для того, чтобы уменьшить крайнюю «вещественность» образов. Здесь ощущается даже некоторое упоение веществами, наделенными волшебными свойствами: золотом, серебром, хрусталем, стеклом и, более всего, — светом, мыслимым как текучее вещество, как роса или мед, как влага, в которой можно купаться и которую можно набирать в сосуды; этот момент почти полностью исчез из *Сильмариллиона* (и хотя, конечно, представление о свете как о жидкости — которая капает или льется, которую можно хранить и которую выпивает Унголиант — осталось существенным в концепции Древ, это представление в поздних версиях становится не столь осязаемым, а действия богов описаны не столь «физически»).

Как результат полноты и насыщенности рассказа происхождение Солнца и Луны из последнего плода и последнего цветка Древ выглядит менее таинственным, нежели в великолепном сжатом повествовании *Сильмариллиона*; но здесь также неоднократно подчеркивается огромность «Полуденного Плода» и упоминается об усилении жара и сияния Ладьи Солнца после того, как она отправилась в плаванье, так что не сразу приходит мысль о том, что если Солнце, ярко освещающее всю Землю, — всего лишь плод Лаурэлин, то в Валиноре в дни Древ должно было быть невыносимо жарко и светло. В раннем рассказе последние порождения умирающих Древ до крайности необычны и «огромны», плод Лаурэлин кажется чем-то сверхъестественным, чуть ли не зловещим; Солнце поразительно ярко и жарко даже для валар, которых охватывает благоговейный страх и тревога при мысли о том, что они создали (боги знали, что «сотворили нечто гораздо более великое, чем мнилось им сначала», с. 190); а гнев и недовольство некоторых валар пылающим солнечным светом усиливают ощущение того, что с последним плодом Лаурэлин высвободились внушающие страх ранее неведомые силы. Недовольство это сохранилось

в *Сильмариллионе* (с. 100) в упоминании о «мольбах Лориэна и Эстэ, молвивших, что сон и покой изгнаны с Земли, а звезды сокрылись»; но в раннем сказании губительная мощь юного Солнца ощутимо передана выразительными образами знойного марева, дрожащего над деревьями в садах Лориэна, умолкших соловьев, увядших маков и поникших вечерних цветов.

В старой истории дается мифологическое объяснение фаз Луны (но не лунных затмений) и пятен на ее поверхности — в рассказе о том, как сломалась увядшая ветвь Сильпиона и Цветок Луны упал на Землю, — что находится в противоречии с данным в *Сильмариллионе* объяснением. В нашем повествовании плод Лаурэлин также упал на землю, когда Аулэ споткнулся, а Тулкас в одиночку не смог выдержать его вес: смысл этого эпизода не совсем ясен, но, как представляется, если бы Полуденный Плод не разбился, Аулэ бы не понял, как он устроен, и не смог бы измыслить Ладью Солнца.

В какой бы степени огромные различия между двумя версиями ни были результатом позднейшей сжатости изложения, существует значительное число противоречивых фактов, из которых я указываю только наиболее существенные, в до-

бавление к тому, что уже было сказано о пятнах на Луне. Так, по *Сильмариллиону* Луна появилась первой «и была старшей из новых светил, подобно тому, как Тэльпэрион был старшим из Древ» (там же) — а в старом повествовании верно обратное, касательно как Древ, так и светил. Далее, в *Сильмариллионе* пути светил определяет Варда, изменяя их по просьбе Лориэна и Эстэ, в то время как здесь само недовольство Лориэна солнечным светом имеет своим следствием последнее цветение Сильпиона и создание Луны.

Роли валар также весьма различны на всем протяжении повествований; здесь большая важность придается поступкам Ваны и Лориэна, чьей привязанности к Солнцу и Луне, таким образом, дается более глубокое и ясное истолкование, чем впоследствии, — то же самое касается и Древ (см. с. 71); согласно *Сильмариллиону* Древа орошала слезами Ниэнна (с. 98). В *Сильмариллионе* Солнце и Луна двигаются ближе к Арде, чем «древние звезды» (с. 99), а здесь они двигаются на совершенно иных уровнях небесной тверди.

Но в рассказе о Луне есть отрывок, из которого становится ясна деталь позднейшего сжатого изложения. Это изысканное описание «острова из чистого стекла», «мерцающего острова» с неболь-

шими озерами, наполненными светом Тэлимпэ и обрамленными сияющими цветами, и с чашей из *вирина*, куда поместили Цветок Луны; лишь отсюда становится ясно, почему в *Сильмариллионе* упоминается о том, что Тилион управлял «лунным островом». Пожилой эльф Уолэ Кувион (которого «иные называют Человеком-с-Луны») забрел, как кажется, в этот рассказ из более ранней концепции; его присутствие в любом случае представляет собой проблему, потому что нам только перед тем было сказано (с. 192), что Сильмо не мог плавать на Корабле Луны, ибо он не был из детей воздуха и «не сыскал пути очистить себя от земного». Отдельный заголовок «Уолэ и Эринти» в маленькой записной книжке, наряду с другими тетрадями и записными книжками служившей для фиксации идей к ненаписанным рассказам (см. с. 171), предполагает, без сомнения, наличие истории об Уолэ; ср. Сказание о Кворионом — об Урвэнди и Фионвэ, брате Эринти (с. 215). Но всякие следы этих сказаний отсутствуют, и, вероятно, они не были записаны. Другая заметка в записной книжке называет Уолэ Микуми (раннее имя Уолэ Кувиона, см. с. 198) «Королем Луны»; третья упоминает о стихотворении «Человек-с-Луны», которое должен был спеть Эриол, «молвивший,

что споет им песнь о легенде, сложенной людьми об Уолэ Микуми». В марте 1915 года отец написал стихотворение о Человеке-с-Луны, но если это то самое стихотворение, которое он намеревался включить в рассказ, то оно бы сильно поразило обитателей Мар Ванва Тьялиэва и ему пришлось бы убрать оттуда упоминания о местностях в Англии, которые еще не должны были существовать. Хотя также весьма вероятно, что он имел в виду нечто иное, я счел возможным дать это не лишенное интереса стихотворение в его раннем варианте (см. с. 204).

По мере развития и изменения мифологии создание Солнца и Луны стало чрезвычайно сложным моментом; и в опубликованном *Сильмариллионе* эта глава не очень хорошо согласуется со всем остальным и не может быть приведена в полное с ним соответствие. К концу своей жизни отец намеревался разобрать многое из построенного, пытаясь решить проблему, которую он без сомнения считал фундаментальной.

Примечания к порядку Сказаний

Разработка *Утраченных Сказаний* к этому моменту чрезвычайно осложнилась. После заключительных слов *Бегства Нолдоли*: «с этими

словами подошло к концу сказание о затмении Валинора» (с. 169) отец написал: «Далее см. в Других тетрадях», но на самом деле он впоследствии добавил туда короткий диалог Линдо и Эриола («Велика была во зле мощь Мэлько…»), который и дан в конце *Бегства Нолдоли*.

Нумерация страниц в тетрадях показывает, что следующим должно было идти *Сказание о Тинувиэль*, записанное в другой тетради. Этот длинный текст (он будет дан во втором томе), старейшая из существующих версий истории о Бэрэне и Лутиэн, начинается с длинного *Связующего Звена*; и, что странно, это *Связующее Звено* начинается с упомянутого диалога Линдо и Эриола (отличия касаются отдельных слов) — вероятно, здесь по первоначальному замыслу и должен бы находиться этот диалог, но он был вычеркнут оттуда.

Ранее (с. 45) я упоминал о письме отца, написанном в 1964 году, где он говорит, что написал *Музыку Айнур*, работая в Оксфорде над Словарем — этот пост он получил в ноябре 1918 г. и оставил весной 1920 г. В том же письме говорится, что он писал «"Падение Гондолина" во время отпуска по болезни из армии в 1917 г.», а «первоначальный вариант «Сказания о Лутиэн Тинувиэль и Бэрэне» позже в том же году». Но все в рукописях указы-

вает, что сказания, которые идут после *Музыки Айнур* до настоящего момента, писались последовательно и непрерывно, начиная от *Музыки*, пока мой отец оставался в Оксфорде.

На первый взгляд, мы сталкиваемся со свидетельствами, безнадежно противоречащими друг другу: *Связующее Звено* явственно отсылает к *Затмению Валинора*, сказанию, написанному после того, как отец получил должность в Оксфорде в конце 1918 года, но одновременно это вступление к *Сказанию о Тинувиэль*, которое, по его словам, было написано в 1917 году. Но *Сказание о Тинувиэль* (и предшествующее ему Связующее Звено) — это текст, написанный чернилами по стертому оригиналу в карандаше. Я полагаю несомненным тот факт, что *это сказание было переписано* чернилами довольно поздно. Оно было присоединено к *Бегству Нолдоли* разговором Линдо и Эриола (абзац-связка неотъемлемо соединен со следующим за ним *Сказанием о Тинувиэль*, а не был добавлен позднее). Должно быть, на этой стадии отец почувствовал, что *Сказания* не обязательно должны идти по порядку (потому что действие *Сказания о Тинувиэль* происходит, конечно, после создания Солнца и Луны).

За переписанным *Сказанием о Тинувиэль* без

разрыва следовал первый вариант «интерлюдии», представляющий Гильфанона из Тавробэля в качестве гостя и ведущий к *Сказанию о Солнце и Луне*. Но впоследствии отец передумал и, вычеркнув диалог Линдо и Эриола из начала *Связующего Звена* к *Сказанию о Тинувиэль* (потому что данное сказание перестало следовать за *Бегством Нолдоли*), переписал этот диалог в другую тетрадь, в конец *Бегства*. В это же время он переписал «интерлюдию» Гильфанона и, увеличив, также поместил ее в конец *Бегства Нолдоли*. Таким образом:

Бегство нолдоли	Бегство нолдоли
Разговор Линдо и Эриола	Разговор Линдо и Эриола
Сказание о Тинувиэль	«Интерлюдия» Гильфанона
«Интерлюдия» Гильфанона	(переписанная)
Сказание о Солнце и Луне и	Сказание о Солнце и Луне и Сокры-
Сокрытии Валинора	тии Валинора

То, что переписанное *Сказание о Тинувиэль* является одним из самых поздних элементов в составе *Утраченных Сказаний*, ясно из того факта, что в следующей за ним и написанной одновременно с ним ранней версии интерлюдии фигурирует Гильфанон, заменивший в поздних вариантах *Сказаний о Солнце и Луне* и в *Сокрытии Валинора* Айлиоса, который был гостем в Мар Ванва Тьялиэва согласно ранним вариантам

Сказания о Солнце и Луне, *Сокрытия Валинора* и рассказчиком *Сказания о Науглафринге*.

Стихотворение о Человеке-с-Луны существует во многих вариантах и было опубликовано в Лидсе в 1923 году[49]; много позже, сильно переработанное, оно было включено в *Приключения Тома Бомбадила* (1962), Я даю его здесь в форме, близкой к самой ранней опубликованной версии, но с несколькими (в основном мелкими) изменениями, сделанными впоследствии. Версия 1923 года лишь незначительно отличалась от более ранних вариантов, где заглавие было «Почему Человек-с-Луны спустился так быстро: восточноанглийская фантазия» [Why the Man in the Moon came down too soon: an East Anglian phantasy]; первый законченный вариант именовался «Сказка: Почему Человек-с-Луны спустился так быстро» [A Faërie: Why the Man in the Moon came down too soon] с подзаголовком на древнеанглийском языке «*Se Móncyning*» [Король Луны].

---

[49] Примечания: 49

«*A Northern Venture*, стихи членов Английской Школьной Ассоциации Лидского Университета» (Лидс, Сван Пресс, 1923). Я не знаком с данной публикацией и использую данные *Биографии* Х. Карпентера (с. 269).

Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро

Человек-с-Луны, серебром полны
Нити его бороды,
Пояс был золотой, бледно над головой
Свет качался венцом золотым. 4
Хрустальным ключом в белом шаре своем
Дверь из кости он отомкнул,
И, одетый в шелк, неслышно вошел,
На пол теневой шагнул. 8
Тонких лестниц путем паутинным потом
Он, мерцая, вниз заспешил,
Мчался он без помех, весел был его смех,
Как к земле он свободно скользил. 12
Он устал от своих жемчугов голубых
И от бледной башни своей.
Что сияла одна, высока и бледна.
Средь серебряных лунных полей. 16

И на риск он спешил за рубин и берилл,
За сапфир и яркий смарагд,
Жаждал блеска их он — для новых корон,
Чтоб украсить свой бледный наряд.
На бездействие он долго был обречен —
Лишь взирая на мир золотой,
Или слыша вдали шум веселой земли,
Долетающий снизу порой.
Полнолуния днем, окружен серебром,
Он томился и жаждал Огня —
Не прозрачных огней бледных лунных камней,
А горячих костров ярче дня,
Красно-огненных грез, темно-пурпурных роз,
Рыжих пляшущих языков;
Жаждал сини морей и рассветных огней,
Пламенеющих средь облаков;
Хризопразов листвы и долинной травы
Возле Яр и над Нэн-рекой,
И страдал издали по веселью земли

И по огненной крови людской;
Он и песен хотел, и чтоб хохот звенел,
И вина, и горячей еды,
Когда ел пирожки из снежной муки
Под стакан бледной лунной воды.
Поскользнулся он, в мысли погружен
Об остром рагу и вине,
На ступень не попал и кометой упал
Вниз, на землю, сверкнув в вышине,
Словно вспышка звезды, что из тьмы высоты
Льют сверкающую капель,
С узкой лестницы вниз угодил в пену брызг,
В океана Алмайн купель.
Начал он размышлять, что теперь предпринять,
Пока он не истаял совсем,
Но из Ярмута судно заметило чудо,
Моряки, удивленные тем,
Забросили сеть и достали на свет
Мерцание мокрых камней,

Белизну и опал, и с сиянья стекал
Соленой воды ручей.
Вместе с рыбой его, как желал он того,
В Норидж они отвезли,
Чтобы джина попить и халат обсушить
В трактире Норфолкской земли.
Звон Святого Петра хоть поднялся с утра
Колокольни другие будить,
Чтобы повесть о том, кто с Луны прямиком,
Ранним утром везде разгласить, —
Невзирая на то, не поднялся никто
Пригласить к очагу на вино,
И не продал камней, что прекрасней огней —
И золу лишь найти суждено
Ему было у них; вместо песен лихих
Дружный храп был уделом его,
И была нелегка его доля, пока
Он не отдал плаща своего
За тарелку еды в кабачке у воды,

Пояс смог на привет он сменять,

А бесценный алмаз — за кашицу как грязь,

Что должна была изображать [76]

Славный Англии порридж, коим славится Норидж,—

Оказался слишком уж скор

Для гостей необычных, приезжающих лично,

Тот, кто прибыл от лунных гор. [80]

(Перевод А. Дубининой)

Вполне вероятно, что «бледная башня» перекликается с «белой башенкой», которую Уолэ Кувион построил на Луне и куда он «часто подымается, дабы обозреть небеса и землю». Башня Человека-с-Луны сохранилась и в последней версии.

Океан Алмайн — это Северное море (*Алмайн* или *Алмани* — древнеанглийское название Германии), Яр — река в Норфолке, в ее устье стоит Ярмут, а река Нин (или Нэн) впадает в пролив.

IX
СОКРЫТИЕ ВАЛИНОРА

[THE HIDING OF VALINOR]

«Связующее звено» к этому сказанию дано в конце предыдущего (с.195). Рукопись продолжается так же, как конец*Сказания о Солнце и Луне*(см. с.197, прим. 19). Также существует ранний набросок, отсылки к которому см. в примечаниях.

— Внемлите, поведаю я старинные предания, и первое из них — *Сокрытие Валинора*.

— Уже ведаете вы о том, — молвила Вайрэ, — как Солнце и Луна начали свои вольные странствия, и многое можно рассказать о пробуждении Земли под их светом; но ныне услышьте о мыслях и деяниях обитателей Валинора в те великие дни.

Должно сказать, что настолько далеко заплывали те суда света, что не так легко, как думали боги прежде, было им управлять всеми их прибытиями и уходами, и не по душе пришлось Илинсору уступать небеса Урвэнди, и Урвэнди часто выходила в плавание до возвращения Илинсора, будучи нетерпелива и горяча нравом. Потому

суда те часто находились в плавании в одно и то же время, и часто тогда проходили они совсем близко над самым лоном земным, и было сияние их велико и ужасно для взора.

Тогда смутным непокоем снова начал наполняться Валинор, и боги встревожились в сердцах своих, а эльдар говорили друг с другом, и вот каковы были их мысли:

— Вот, весь мир стал светел, как площади богов, ходить по нему легко, как по широким улицам Вансамирин или по террасам Кора; и Валинор более не в безопасности, ибо Мэлько неослабно ненавидит нас, и весь внешний мир в его руках, а его тамошние приверженцы неистовы и многочисленны, — а к таковым в сердцах своих они[прим.1] причисляли даже нолдоли, неумышленно очерняя их в мыслях своих, не забыв также и людей, которых Мэлько оклеветал в древности. Поистине, ликование от последнего цветения Древ и великий и радостный труд — постройка кораблей — заставили отступить страх перед Мэлько, а горечь недавних черных дней и бегства народа гномов утихла — но ныне, когда покой вернулся в Валинор, а земли и сады его были исцелены от ран, гнев и скорбь вновь пробудились в их памяти.

Воистину, если даже боги не забыли безрассудства нолдоли и ожесточились в сердце своем, то эльфы гневались еще сильнее и солосимпи питали злобу к этому народу, не желая более никогда видеть их на дорогах, ведущих к их дому. Верховодили среди них те, чьи родичи погибли в Гавани Лебедей, и главой их был некто Айн**а**йрос, который уцелел в той схватке, но потерял в ней брата; и неустанно стремился он своими словами пробудить еще большую горечь в сердцах эльфов.

Сильно печалило это Манвэ, но видел он, что замысел его все еще не завершен, и что должно валар обратить свою мудрость к тому, чтобы урядить пути Солнца и Луны. Потому созвал он богов и эльфов на совет, дабы их речи помогли улучшить его замысел; и более того, надеялся он добрыми и мудрыми словами утишить их гнев и непокой ранее, чем приведут они ко злу. Ибо ясно видел он в непокое том яд лжи Мэлько, которая живет везде, где ни заронит он ее, и плодоносит изобильнее, нежели любое семя, посеянное на Земле; и уже извещали Манвэ о том, что снова, как и прежде, ропщут эльфы, говоря о своей свободе, и гордость наполнила иных из них неразумием, посему не могут они вынести мысли о

приходе рода людского.

И так, с тяжестью в сердце восседал Манвэ пред Кулуллином и смотрел взыскующе на валар, собравшихся подле, и на эльдар у колен своих; но не открыл он своих мыслей полностью, сказав им лишь, что снова созвал их на совет, дабы определить пути Солнца и Луны и, согласно велениям мудрости, упорядочить их ход. Но тотчас заговорил Айнайрос, перебив его, и молвил, что иные вещи больше занимают ныне их сердца, и высказал он богам мысли эльфов о нолдоли и о том, что не прикрыта земля Валинора от внешнего мира. Тогда поднялась великая смута, и многие из валар и их народа громко поддержали его; а иные из эльдар кричали, что Манвэ и Варда поселили их род в Валиноре, обещая им там нескончаемую радость — ныне же пусть боги позаботятся о том, чтобы счастье их не сошло на нет от того, что Мэлько владеет миром, и они не осмелятся уйти к землям своего пробуждения, даже если бы и пожелали. Более того, многие из валар жаждали былого покоя и хотели лишь мира, не желая ни слухов о Мэлько и его бесчинствах, ни разговоров о беспокойных гномах, которые могут когда- либо вернуться и разрушить их счастье. Потому боги также ратовали за сокрытие этой земли. Не по-

следними среди них

были Вана и Нэсса, хотя многие даже из великих богов держались того же мнения. Тщетно Улмо в прозрении своем молил о жалости и прощении для нолдоли, напрасно Манвэ открывал тайны Музыки Айнур и цель бытия мира; долгим и весьма шумным был тот совет и исполнен горечи и полыхающих слов больше любого другого, бывшего прежде. Посему Манвэ Сулимо наконец ушел оттуда, молвив, что ни стены, ни крепостные валы не оградят их от зла Мэлько, что уже живет средь них, затуманивая весь их разум.

И вышло так, что враги гномов вынесли решение на совете богов, и злом дала о себе знать пролитая в Копас кровь; ибо ныне началось то, чему имя — Сокрытие Валинора; Манвэ, Варда и Улмо Морской не принимали в том участия, но более никто из валар или эльфов не остался в стороне, хотя исполнились непокоя сердца Йаванны и сына ее Оромэ.

Лориэн и Вана предводительствовали богами, Аулэ помогал им своим искусством, а Тулкас — своей силой; и не выступили в то время валар на битву с Мэлько, о чем глубоко сожалели они впоследствии и о чем сожалеют и ныне; ибо из-за этой ошибки великая слава валар не достигла

своей полноты за многие века Земли, и до сих пор мир все ожидает ее[прим.2].

Однако в те дни не ведали боги о подобных вещах, принявшись за новый и великий труд, подобного коему не вершилось средь них с дней самого возведения Валинора. Их деяниями сделались окружные горы еще более непроходимыми с восточной стороны, чем были те когда-либо прежде, и такую земную магию соткала Кэми вокруг их пропастей и неприступных пиков, что изо всех вселяющих страх и ужас земель великого мира стал тот вал богов, обращенный к Эруману, самым опасным и гибельным, и даже Утумна и обиталище Мэлько в Железных Холмах не были исполнены столь непреодолимого страха. И даже на равнинах у восточных их...[прим.3] лежала непроходимая паутина цепкой тьмы, которую Унгвэлиантэ оставила в Валиноре, когда были убиты Древа. Эти тенета убрали боги из светлой своей земли, так что те могли сбить с пути любого, кто следовал той дорогой, и, растекшись, раскинулись они повсюду, укрыв даже Тенистые Моря, и оттого затуманился Залив Фаэри, куда не могло проникнуть сияние Валинора; а мерцание светильников Кора едва достигало усыпанных самоцветами берегов. От севера к югу простира-

лись чары и непреодолимая магия богов, но все еще не были они удовлетворены и молвили:

— Вот, сделаем мы так, что все дороги, ведущие в Валинор, равно явные и тайные, совсем исчезнут из мира или же коварно приведут к обману и ослеплению.

И стало так, и не осталось в море путей, где не встречалось бы гибельных водоворотов или течений всепобеждающей силы, губящих корабли. И духи внезапных бурь, нежданных ветров и непроходимых туманов поселились там по воле Оссэ. Не забыли боги и долгих окольных путей, известных посланцам богов, что тянутся через темные пустоши севера и дальнего юга; и когда этот замысел был исполнен, сказал Лориэн: «Ныне Валинор стоит один, и мы в покое», и Вана снова запела средь садов своих, ибо легко стало у нее на сердце.

Из всех них лишь солосимпи тревожились в сердцах своих, и стояли они на побережье близ древних своих домов, и не слышно было их смеха; взирали они на море, и хотя опасным сделалось оно ныне и темным, все же боялись они, что может оно принести беду в их земли. Тогда иные из них обратились с речью к Аулэ и Тулкасу, стоявшим неподалеку, молвив:

— О великие из народа валар, воистину чудесно потрудились боги, но думается нам, что чего-то пока не хватает; ибо не слышали мы, чтобы был разрушен путь, которым бежали нолдоли, тот ужасный проход меж утесами Хэлькараксэ. Ведь там, где прошли дети эльдар, смогут так же вернуться и сыны Мэлько, несмотря на все ваши чары и наваждения; и нет нашим сердцам покоя из-за незащищенности моря.

Рассмеялся тогда Тулкас, сказав, что ничто не может ныне прийти в Валинор, разве что по самому верхнему слою воздуха, «а над ним Мэлько не властен; не властны и вы, о малые земли сей». Тем не менее, по просьбе Аулэ отправился он с этим вала к безотрадным местам, где страдали гномы, и Аулэ сильным ударом своего кузнечного молота расколол ту стену оскаленного льда, и когда опустилась она в ледяные воды, Тулкас разбил ее на части своими могучими дланями, и моря заревели меж осколками, и земля богов полностью отделилась от королевств земных[прим.4].

Сие совершили они по просьбе Прибрежных Эльфов, но никогда не позволили бы боги завалить скалами — по желанию солосимпи — то место в холмах у подножия Таниквэтиль, что выходит к Заливу Фэери; ибо там простиралось

немало прекрасных лесов и других земель радости Оромэ, да и тэлэри[прим.5] не вынесли бы, если бы Кор был разрушен или прижат слишком близко к сумрачным стенам гор.

Тогда обратились солосимпи к Улмо, но не стал он слушать их, говоря, что не его музыке обязаны они подобной горечью сердца, скорее уж внимали они нашептываниям Мэлько проклятого. И некоторые из них были смущены, уходя от Улмо, но другие пошли и отыскали Оссэ, и тот назло Улмо помог им. И от трудов Оссэ в те дни явились в мир Волшебные Острова, ибо их Оссэ расположил огромной дугой по западным границам великого моря, так что охраняли они Залив Фаэри; и хотя тогда густой сумрак тех дальних вод накрыл все Тенистые Моря, протянувшись к сим островам языками тьмы, сами эти острова были безмерно прекрасны на вид. И корабли, идущие тем путем, непременно видели их; и даже если достигали они последних вод, омывающих эльфийские берега, то столь заманчивы были острова, что немногим доставало сил миновать их; а при любой попытке так поступить внезапная буря против воли мореходов вновь прибивала их к тем побережьям, чья галька сияла подобно серебру и золоту. Тем же, кто ступил на нее, никогда

не уйти оттуда, но, оплетенные сетями волос Ойнэн[прим.6], Владычицы Моря, и погруженные в вечный сон, которым овеял те места Лориэн, лежат они у воды, подобно утопленникам, которых вздымают волны. И спят те несчастные беспробудным сном, и темные воды омывают их тела; но сгнили их корабли, опутанные водорослями, на тех зачарованных песках, и не плыть им более никогда, гонимым ветрами смутного запада[прим.7].

И когда Манвэ, в печали своей глядя с высокой Таниквэтиль, узрел все это, послал он за Лориэном и Оромэ, полагая, что менее других упрямы они сердцем; и когда они пришли, откровенно говорил с ними. Не собирался он уничтожать сделанное богами, ибо не вовсе дурным счел он их труд; но этих двоих уговорил он исполнить некую свою просьбу. И сделали они так: Лориэн соткал путь тонкой магии, что вел извилистыми тайными тропами из восточных земель и глухих лесов мира к самым стенам Кора и, минуя Домик Детей Земли[прим.8], спешил «тропою шепчущих вязов» к самому морю.

Чрез сумрачные моря и узкие проливы встали стройные мосты того пути, вздымающиеся в воздухе и серо мерцающие, будто пряди шелкового

тумана в свете тонкого полумесяца или полосы жемчужных испарений; но кроме валар и эльфов никто их не видел, и взору людей являлись они разве что в сладостных снах юности сердца. Это самый долгий из путей, и мало тех, кто проходит его до конца, — так много прекрасных и удивительных мест великой красоты минует он, прежде чем достичь Эльфинесса; но гладок этот путь для стоп, и никто из идущих по нему вовек не устает.

— Сие, — молвила Вайрэ, — была, да и такова поныне Олорэ Маллэ, Тропа Снов; но совсем иным было творение Оромэ, который, услышав слова Манвэ, поспешил к супруге своей Ване и попросил у нее локон длинных золотых волос. А волосы ясной Ваны теперь стали еще более длинными и сияющими, нежели в день, когда пожертвовала она их Аулэ, и поделилась она с Оромэ своими золотыми прядями. И окунул он тот локон в сияние Кулуллина, а Вана искусно сплела из него вервие неизмеримой длины, с которым спешно отправился Оромэ на гору совета Манвэ.

Там, воззвав громко, дабы вышли Манвэ, Варда и весь народ их, явил он взорам их свое золотое вервие, и не поняли они цели его; но Оромэ попросил их обратить взгляды к той горе, что зо-

вется Калормэ и высится в наиболее отдаленных от Валинора землях, и нет горы выше ее, кроме лишь Таниквэтиль, откуда Калормэ лишь смутно виднеется вдали. И пока боги взирали на нее, Оромэ отступил на шаг и метнул золотое вервие могучим броском, в который вложил он всю силу свою и искусность, так что выгнулось оно через все небо, и петля его захлестнулась вокруг самой вершины Калормэ. Там благодаря магии своего сотворения и искусству руки Оромэ застыло вервие яркой золотой дугой, не прогибаясь и не провисая; а Оромэ закрепил другой его конец за колонну палат Манвэ и, обернувшись к взиравшим на него, изрек:

— Кто пожелает ныне отправиться в Великие Земли, пусть следует за мной, — и с этим ступил он на вервие и поспешил прочь над бездной до самой Калормэ, подобно ветру, пока все остальные в изумлении безмолвствовали на Таниквэтиль. И отвязал Оромэ вервие от пика Калормэ и так же быстро помчался назад, по пути сматывая мост свой, пока вновь не предстал пред Манвэ. Тогда молвил он:

— Внемли, о Сулимо, Владыка Ветров, создал я путь, коим любой из валар, чье сердце чисто, сможет прийти куда он пожелает — в любое место

Великих Земель; ибо туда, куда им будет угодно, перекину я свой тонкий мост, ты же храни этот его конец.

И от этого труда Оромэ пришло в мир великое чудо небес, которое созерцают, дивясь, все люди, некоторые же боятся его, считая предзнаменованием. И различный вид принимает этот мост всякий раз в разных областях Земли, и редко видим он для взгляда людей и эльфов. Волшебнее всего блистает он в ниспадающих лучах Солнца, и когда дожди небесные омывают его, чудесным светом сверкает мост, и золотой огонь в его мокрых прядях разбивается на множество оттенков пурпурного, зеленого и алого, так что люди чаще всего называют его Дождевой Аркой, Радугой, но много и иных имен создали они, а фэери называют его **И**львэран, Небесный Мост.

Но не ступить никому из живущих людей на колеблющиеся пряди Ильвэрана, и немногие из эльдар отважатся на то, а иных дорог в Валинор для эльфов и людей не осталось с тех времен, кроме лишь одной, что темна; также и недлинна она — кратчайшая и быстрейшая изо всех дорог — и весьма тяжка, ибо Мандос создал ее, и Фуи определила для нее место. Квалв**а**нда зовется она, Путь Смерти, и ведет она лишь в чертоги Мандоса

и Фуи. Дорога та двойная, и по одному из путей следуют эльфы, а по другому — души людей, и никогда те пути не сливаются[прим.9].

— Так свершилось, — молвила Вайрэ, — Сокрытие Валинора, и так ускользнула от валар слава еще более великая и нерушимая, нежели та, что всегда им принадлежала и принадлежит поныне. Тем не менее, о тех днях много можно рассказать великих историй, из которых иные я могу вам поведать; и одну назову я *Гавань Солнца*.

И вот, покой снизошел на все сердца благодаря примирению[прим.10] Манвэ и валар, и пока боги пируют в Валмаре, а небеса исполнены безудержного великолепия Ладей Света, эльфы возвращаются наконец, чтобы восстановить прежнюю радость Кора; и стремятся они позабыть все печали и тяготы, павшие на них со времени Освобождения Мэлько. И стал теперь Кор светлейшим и самым утонченно — прекрасным изо всех королевств Валинора, ибо во дворе Инвэ все еще источали нежный свет два эльфийских древа, что были потомками славных Древ, мертвых ныне; боги даровали их Инвэ в первые дни возведения того града. Иные древа были дарованы Нолэмэ, но их выкопали с корнями и унесли неведомо куда, других же подобных им

там никогда не было[прим.11].

Но хотя и положились эльфы на валар в том, что ограждена теперь земля и соткана над ней защита, а дни печали блекли, уходя в прошлое, все же не могли эльфы полностью позабыть о своих несчастьях; и не забыли они о том, пока не был завершен волшебный путь Лориэна, и детям отцов отцов людей впервые было дозволено прийти туда в сладостном сне; тогда новая радость ярко возгорелась в сердцах эльфов; но пока еще того не произошло, и люди едва только пробудились на Земле.

Но Манвэ и Улмо был ведом час людей, и держали они великий совет о том, как их защитить. И много замыслов задумали они и столько же отвергли из-за мысли о Мэлько и скитаниях гномов; но остальной народ Валинора мало тревожился подобным. Тем не менее, Манвэ еще раз решил говорить перед валар, хотя не произнес он ни слова о людях, лишь напомнил богам, что в своих трудах по сокрытию этой земли совсем забыли они о своенравности Солнца и Луны. И боялся Манвэ, как бы не стала Земля невыносимой из-за великого света и жара сих ярких светил, и в том согласилось с ним сердце Йаванны, и большинству валар и эльфов по душе пришелся его

замысел, ибо думали они, что если поднимутся Солнце и Луна на более высокие тропы, положит это конец всем трудам их, а палящие лучи станут литься издалека, и все горы и равнины, где обитают они, будут освещены не столь ярко, так что никто не сможет обнаружить издалека их обиталища.

Потому иные из них молвили:

— Пошлем ныне гонцов, дабы те разведали, каков мир на заокраинном востоке, там, куда не достигает и взор Манвэ с Горы Мира.

Тогда поднялся Оромэ:

— Сие вам могу поведать я, ибо я видел. На востоке за холмистыми землями лежит безмолвное побережье и море, темное и пустынное.

И дивились боги подобным вестям, ибо доселе никто, кроме лишь Оромэ, не желал смотреть на подобное или слышать о нем, не желала того даже Йаванна, владычица Земли. Не скажу я того лишь об Улмо Вайлимо, Владыке Вай, ибо воистину знал он все это с начала мира. Потому этот древний поддержал ныне Оромэ, открывая валар тайны Земли, и молвил он:

— Внемлите, есть один лишь Океан, и это Вай; а то, что Оссэ считает океанами, всего лишь моря, воды, лежащие во впадинах в камне; но Вай

простирается от Стен Бытия до Стен Бытия, куда бы ни шли вы. И так холоден он к северу, что даже его бледные воды заморожены на глубину немыслимую и неизмеримую; а к югу столь наполнен он кромешной тьмой и наваждением из-за Унголионт[прим.12], что никто, кроме лишь меня одного, не сможет найти дороги. В этих просторных водах плавает неохватная Земля, удерживаемая словом Илуватара, ибо больше ничто: ни рыба, ни ладья не сможет плыть там, если не скажу я им великого слова, реченного мне Илуватаром, и не свяжу их заклятием; но даже Валинор — всего лишь часть широкого мира, а плоть Земли — это камень и металл, а моря — это воды в его впадинах; острова же — кроме тех немногих, что все еще плавают, не прикованные — вздымаются подобно горным вершинам из тинистых глубин. Знайте ныне, что немногим ближе, чем самое дальнее восточное побережье, стоит Валинор к великой Стене Бытия, за которую заключил нас Илуватар. Это знаю я верно, ибо, проплывая под миром, часто посещал я те берега, лишенные гаваней; и знайте, о валар, не ведаете вы обо всех чудесах, а там, под темным килем Земли, сокрыто много тайн — даже и там, где стоят мои великие чертоги Улмонан, есть то,

что вам и не снилось.

Но изрек Манвэ:

— Истинно так, о Улмо Вайлимо; но как это может послужить нашей нынешней цели?

И ответил Улмо:

— Внемли, возьму я с собою Аулэ Кузнеца и препровожу его быстро и безопасно под водами Вай на своей подводной колеснице к самым восточным берегам, и там возведем мы с ним гавани для Ладей, и с востока будут они восходить и дарить полноту своего света и сияния людям, коим есть в том нужда, и несчастным нолдоли. Будут ладьи следовать одна за другой по небу и снова возвращаться в Валинор. Здесь они найдут отдых, когда утомятся их сердца странствиями, и побудут они в покое на глади Внешних Морей, и омоется Урвэнди в купальне Фаскалан, Илинсор же сможет испить тихих вод озера Иртинса, прежде чем Ладьи вернутся вновь.

Речь сию измыслили Манвэ и Улмо в согласии, и вняли валар и эльдар их доводам в силу разных причин, как прежде; потому отправился ныне Аулэ вместе с Улмо, и возвели они великие гавани на востоке, у безмолвного моря; и гавань Солнца была просторна и сияла золотом, а гавань Луны, построенная в том же заливе, сверкала белизной,

и врата ее были из серебра и жемчуга, бледно светившиеся, когда опускалось Солнце с небес в Валинор; в этот час сами собой распахиваются серебряные врата пред выплывающей Луной; но никто из эльдар не видел того, кроме лишь Уолэ Кувиона, а он о том не рассказывал.

Сначала полагали валар проводить Солнце и Луну под миром, каждое судно в свой срок, освятив их заклинанием Улмо, чтобы не повредили им воды Вай; но под конец стало ясно им, что даже и так Сари[прим.13] не может благополучно пройти под миром, ибо слишком хрупка и порывиста она; и много драгоценного сияния расплескалось во время тех попыток в глубочайшие воды и осталось мерцать тайными искрами в неведомых океанских пещерах. И многие из эльфов и народа фэй ныряли и искали те искры на заокраинном востоке, как поется о том в песне Спящей в Жемчужной башне[прим.14].

Воистину, несчастье постигло в то самое время яркую Урвэнди, ибо блуждала она по темным гротам и бесконечным переходам королевства Улмо, пока не отыскал ее Фионвэ и не привел обратно в Валинор — но вся эта повесть зовется Сказание о Кворионами, и не будет она здесь рассказана[прим.15].

И оттого случилось, что боги отважились на неслыханное деяние, величайшее из всех иных трудов их; ибо построили они с помощью Улмо флот волшебных ладей и плотов — а иначе, без помощи Улмо, ни одно судно не смогло бы плавать по водам Вай — и отправились на них к Стене Бытия и возвели там Двери Ночи (Мори**т**арнон или Т**а**рн Ф**у**и, как называют их эльдар на своих языках). Там и высятся они до сих пор, совершенно черны и огромны, на фоне темно-синей стены. Столпы их из крепчайшего базальта, так же, как и дверная перемычка, а высечены на них огромные драконы черного камня, и темный дым медленно клубится из их пастей. Врата те несокрушимы, и никто не знает, как создавались они и как были установлены, ибо не был допущен никто из эльдар на ужасное то строительство, и сие есть последняя тайна богов; и даже натиску всего мира не сокрушить тех дверей, но открываются они только волшебным словом. Слово это знают лишь Урвэнди и Манвэ, открывший ей его; ибо за Дверьми Ночи простирается внешняя тьма, и прошедший сквозь них может уйти прочь от мира и смерти и услышать то, что не предназначено для слуха жителей Земли; и не должно этого быть.

На востоке же иное сотворили боги; и возвели они там великую арку, и сказано, что была она вся из сияющего золота, врата же имела из серебра; но мало кто даже и из богов видел эту арку из-за клубящихся мерцающих испарений, что часто окутывают врата. Также и Врата Утра открываются пред одной Урвэнди; и слово, которое произносит она, есть то же, что отверзает Двери Ночи, только сказанное наоборот.

Так происходит и поныне: едва Корабль Луны покидает жемчужные врата своей гавани на востоке, приводит Улмо судно Солнца пред Двери Ночи. И говорит Урвэнди волшебное слово, отверзая их вовне пред собой, и порыв тьмы несется из них, но гибнет от ее слепящего света. И выплывает судно Солнца в безграничную тьму и, обогнув мир, снова находит восток. Там, исполненная утренней легкости, проходит Сари сквозь врата, и трубят Урвэнди и девы ее в золотые рога, и разливается рассвет пред глазами людскими[прим.16].

Часто бывает, что маленький звездный кораблик Варды, утонувший, как случается с ними нередко, во Внешних Морях, бывает затянут вслед за Солнцем в Двери Ночи; и иные из тех корабликов следуют за солнечной ладьей через беззвездное пространство обратно к Восточной

Стене, другие же пропадают навеки, а есть еще и те, что мерцают за Дверьми Ночи, ожидая, когда Солнце вновь отворит их[прим.17]. Тогда звезды эти проскальзывают обратно и вновь устремляются на небеса, или летят через его просторы; и зрелище это — Фонтаны Звезд — весьма прекрасно.

И вот, Луна не осмеливается выйти в беспредельную пустоту внешней тьмы, ибо свет и величие сего судна менее, нежели у Солнца, и путь его пролегает под миром, и много что может произойти на том пути; потому часто случается кораблю Луны оказаться менее точным, чем Солнце, и куда более непостоянным. Иногда и вовсе не является он вслед за Сари, а иногда опаздывает и проходит совсем короткий путь, или даже решается выйти в небеса, пока Урвэнди все еще там. Тогда грустно улыбаются боги и говорят: «Вот и еще одно смешение света»[прим.18].

Долго управлялись корабли подобным образом, и нескоро вновь стали бояться боги за Солнце и Луну, ибо тогда пришли к ним некие вести, о коих, возможно, будет поведано впоследствии; и из-за страха того случилось нечто новое и странное. О сем удивительном событии я могу поведать вам, прежде чем завершу свой рассказ; и имя ему — *Плетение Дней, Месяцев и Лет*.

Ибо знайте, что когда сидели великие боги на совете, размышляя, как бы им взять в руки движение светил небесных и править ими, как возничий правит бегом своих коней, зрите — трое старцев предстали пред ними и приветствовали Манвэ.

И спросил их Манвэ, кто они есть, «ибо ведомо мне, — изрек он, — что не принадлежите вы к счастливому народу, живущему в Валмаре или в садах богов»; и дивились валар, как смогли те явиться в их земли без чьей-либо помощи. И странны были те трое, ибо казались они безмерно старыми, но сила их не угасла. И тот, что стоял слева, был необычайно низким и маленьким, второй был среднего роста и сложения, третий же — очень высок; и короткими были волосы и борода у первого, у другого же — ни длинны, ни коротки, а борода третьего мела землю у ног его, когда он шел. И тот, что был ниже других, ответил Манвэ и сказал ему:

— Братья мы, и люди редкостного тонкого мастерства.

И второй продолжил:

— Внемли, зовут нас Д**а**нуин, Р**а**нуин и Ф**а**ну-

ин[50], и я — Рануин, а Дануин говорил до меня.

Тогда заговорил и Фануин:

— В затруднении вы — так воспользуйтесь нашим искусством; но кто мы такие, откуда пришли и куда уйдем — это откроем мы вам, только если ты примешь помощь нашу, и только после того, как сделаем мы, что задумали.

Тогда иные из богов отвечали им «нет», опасаясь обмана (исходящего, быть может, от Мэлько); другие же согласились внять их просьбе; и сие в конце концов и было решено из-за великой неясности со временем. Тогда просили те трое, Дануин, Рануин и Фануин, об отдельном чертоге для себя; и было дано им место в доме Аулэ. И там пряли и ткали они втайне, и по прошествии дважды двунадесяти часов явился Дануин к Манвэ и сказал: «Узрите рукоделие мое!»; и никто не понял его намерений, ибо пусты были руки его. Но когда вернулась Солнечная Ладья, подошел Дануин к ее корме и, возложив руку на нее, просил Улмо вести ее, как обычно, через воды к Дверям Ночи.

И когда отошел Улмо от дальнего побережья Валинора, шагнул Дануин назад, и зрите — не

---

[50] Примечания: 50

На полях написано *Dõgor Mõnaþ & Missére* — древнеанглийские слова, означающие «День, Месяц и Год».

смог Улмо вести дальше Ладью Солнца, даже приложив к тому всю свою силу. Тогда испугались Манвэ и Улмо, и все иные, кто видел это; но Дануин отпустил Солнце и ушел от них, и никто не мог найти его. А через двадцать и еще восемь ночей явился Рануин и тоже возгласил: «Узрите рукоделие мое!» И снова никто не увидел ничего в протянутых руках его, как до того было и с Дануином. Так, дождался Рануин часа, когда привел Илинсор Розу Сильпиона в Валинор; и, подойдя, возложил руки на хрустальный выступ того острова, и после этого никто не мог сдвинуть судно Илинсора с места против воли Рануина; но не произнес и он ни слова и ушел от богов. Тогда была отпущена Рана, но Рануина никто не мог отыскать.

И долго размышляли боги, что бы могло это предвещать; но более ничего не происходило, пока тринадцать раз не возросла и не истаяла Рана. Тогда явился Фануин, и попросил он богов задержать Илинсора, дабы по возвращении Сари оба корабля одновременно пребывали в Валиноре. И когда было сделано так, просил он помощи богов, «ибо, — сказал он, — сделал я нечто веса непомерного, что хотел бы показать вам, но сил моих не хватит принести сие». И тогда семь

сильнейших из чертогов Тулкаса пошли в то место, где работал Фануин, но не увидели там ничего; Фануин же попросил их наклониться, и показалось им, будто коснулись их руки великого каната, и пошатнулись они, взваливая его себе на плечи, однако видеть его они не могли.

Тогда, подойдя поочередно к Сари и к Ране, двигал Фануин руками так, будто бы привязывал огромное вервие к каждому из этих судов; и когда все было сделано, сказал он Манвэ:

— Внемли, о Сулимо, Владыка Богов, завершена работа, и ладьи света повязаны несокрушимыми путами времени, которых никогда не порвать ни тебе, ни им самим; также и не освободиться им от этих пут, вечных, хотя и невидимых всем созданиям Илуватара; ибо, тем не менее, сии путы есть крепчайшая вещь в мире.

Зрите, тут внезапно Дануин и Рануин встали рядом с ним, и Дануин, подойдя к Манвэ, вложил ему в руку тонкий шнур, но Манвэ не увидел его.

— С помощью этого, — сказал Дануин, — сможешь ты, о Манвэ Сулимо, управлять приходами и отплытиями Солнца, и никогда не сможет она выйти в путь без мановения твоей руки, и таково действие этого вервия, что восходы и закаты Солнца будут сочтены самой постоянной и неиз-

менной вещью на Земле.

После этого Рануин сказал и поступил схоже, и зрите — почувствовал Манвэ в своей длани крепкое невидимое вервие.

— С помощью этого, — рек Рануин, — сможешь ты править своенравной Луной, насколько это только возможно, и таково свойство «вервия Рануина», что даже переменчивая и непостоянная Луна станет мерилом времени для эльфов и людей.

Последним Фануин вручил Манвэ конец своего огромного каната, и Манвэ коснулся его, и привязали тот канат к великой скале на Таниквэтиль, и с тех пор зовется эта скала Гонлат. И рек Фануин:

— Отныне держит этот крепчайший канат Луну и Солнце на привязи и с его помощью сможешь ты управлять их ходом и сплетать их судьбы; ибо вервие Фануина есть Вервие Лет, и Урвэнди, следуя через Двери Ночи, будет обвивать это вервие, оплетенное тонкой нитью вервия дней, вокруг Земли, пока не придет Великий Конец — и так весь мир и обитатели его, равно боги, эльфы и люди, и все твари, что ходят по земле, и всё, что имеет в ней корни, — все будут связаны путами Времени.

Тогда боги испугались, видя, что случилось,

и зная, что отныне даже они в пределах времени будут подвержены медленному старению, а яркие дни их — угасанию, пока не призовет их обратно Илуватар в день Великого Конца. Но молвил Фануин:

— Нет, сие только Музыка Айнур: ибо узнайте, что мы — Дануин, Рануин и Фануин, День, Месяц и Год, суть дети **А**луина, Времени, старейшего из айнур, и он есть подданный Илуватара, пребывающий вовне; оттуда явились мы, туда и уходим ныне.

И тут исчезли эти трое из Валинора; но от них произошли недвижные колеи Солнца и Луны, отсюда же пришла подвластность всего сущего времени и перемене.

Что же до самих Ладей Света, ведайте, о Гильфанон и все, кто внимает мне, — я закончу историю Линдо и Вайрэ о создании Солнца и Луны великим пророчеством, произнесенным меж богами, когда впервые открылись Двери Ночи. Ибо предречено, что прежде, чем наступит Великий Конец, Мэлько хитростью своей поссорит Луну и Солнце, и Илинсор отправится за Урвэнди чрез Врата; когда же скроются они, Врата Востока и Запада будут разрушены, и Урвэнди и Илинсор не вернутся. И будет так, что Фионвэ Урион, сын Манвэ,

из любви к Урвэнди станет проклятием Мэлько и повергнет весь мир, дабы повергнуть своего врага; и так все сущее в мире рассеется[прим.19].

Сим завершила Вайрэ великое сказание, и безмолвие воцарилось в зале.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Они»: исходное прочтение «солосимпи».

2. Отвергнутый набросок сказания до этого места весьма краток и выглядит следующим образом (от замечания Айлиоса, с. 197, прим. 20):

> «Нетрудно поведать об этом, — сказал Линдо, — ибо ропот, о котором я говорил, к тому времени сделался громче, и наконец было то высказано на совете, созванном, дабы установить пути Солнца и Луны; и снова всколыхнулось древнее недовольство, разгоревшееся некогда из-за подстрекательства Мэлько, говорившего о свободе эльфов — тот самый раздор, который привел к Изгнанию нолдоли. Но мало кто теперь жалел гномов, и те из эльфов, кого манил осиянный новым светом мир, не осмеливались

оставить Валинор из-за мощи Мэлько; потому наконец враги гномов вынесли решение на совете богов, несмотря на все речи и уговоры Улмо и вопреки милосердию Манвэ; и отсюда произошло то, что в сказаниях зовется [Затворение>] Сокрытие Валинора. И боги не выступили в то время на войну с Мэлько, и величайшую возможность достичь вечной славы и чести упустили они, [как и было предречено в Музыке Илуватара, но мало ими понято — и кто знает, придет ли когда-нибудь еще через них спасение мира и освобождение людей и эльфов? Есть те, кто говорит, что не бывать тому и что надежда живет только в далекой земле людей, но как такое может быть, мне неведомо.]»

Заключительный абзац в рукописи заключен в скобки и помечен вопросительным знаком.

3. Слово похоже на «восток». Слова «у восточных их…» были добавлены к тексту, и может быть, что мой отец намеревался изменить «восток» на «восточные пределы» или что-нибудь подобное.

4. Слово «Земля» здесь, как это ни странно, явно

употребляется в значении «мир», для обозначения Великих Земель в отличие от Внешних Земель запада.

5. Тэлэри (т. е. позднейшие ваньяр) в раннем варианте истории не уходили из Кора (см. с. 159).

6. Изначально ***О**вэн*, затем — ***О**нэн*, имя супруги Оссэ уже появлялось в своей конечной форме *Уинэн* (с. 121, 192); но здесь *Ойнэн* написано четко, и явно по намерению автора.

7. В черновике рассказ о Сокрытии Валинора очень короток и сразу переходит к Тропе Снов. Тенета тьмы, лежащие на восточных склонах гор, еще не те, которые «оставила в Валиноре» Унгвэлиантэ, они только сравниваются с «самыми цепкими из тех, что когда-либо плела Унгвэлиантэ». По поводу Хэлькараксэ и Волшебных Островов в заметке на полях сказано, что их нужно включить в повествование.

8. Здесь слово «Земля» снова употребляется в значении Великих Земель (см. примечание 4). В черновике здесь «Дети Мира».

9. В то время как в двух текстах нет никаких различий в описании Олорэ Маллэ,

в первом нет никаких упоминаний о радужной дороге Оромэ. Отдельное примечание, явственно записанное до этого сказания, гласит: «Когда боги

закрывают Валинор. . Лориэн оставляет путь через горы, названный Олорэ Маллэ, Манвэ же — Радугу, по которой он странствует, оглядывая мир. Видима она только после дождя, потому что тогда она намокает».

10. «Примирение»: раннее прочтение «уступка». Примечательно, что Манвэ выступает скорее в роли *primus inter pares*[51], чем правителя над другими валар.

11. О деревах Кора см. с. 123, 135.

12. См. с. 200.

13. *Сари* здесь (и впоследствии) написано сразу, а не переделано из *Калавэнэ*, имени, встречающегося в черновиках *Солнца и Луны* и *Сокрытия Валинора* (см. с. 198). В черновике в этом месте написано «Ладья Солнца», переделанное из «корабли», так как сначала мой отец писал, что ни один из кораблей не мог благополучно пройти под Землей.

14. Спящая в Жемчужной Башне упоминается в *Домике Утраченной Игры*, с.15. С большой долей вероятности песня о спящей — это стихотворение *Счастливые морестранники*, написанное в 1915 г. и опубликованное в 1923 г. (см. Хэмфри Карпен-

---

[51] Примечания: 51
primus inter pares (лат.) первый среди равных (*прим. перев*).

тер, *Биография*, Приложение B, с. 269); оно будет дано в двух вариантах вместе с материалами, относящимися к *Сказанию об Эарэндэле* во второй части *Утраченных Сказаний*. Стихотворение упоминает о ладьях, минующих Жемчужную Башню, нагруженных **«искрами восточного огня, /что ловцы добыли в водах неведомого Солнца»**.

15. В черновике здесь говорится: «но это Сказание о Кворионом, и я не посмею его здесь рассказывать, ибо друг Айлиос наблюдает за мною» (см. с. 197, примечания 19 и 20).

16. В тексте черновика изначально было: «и судно Солнца выплывает во тьму, и, пройдя за миром, вновь находит восток, но нет там двери, а Стена Бытия ниже; и исполненная утренней легкости Калавэнэ проходит над ней, и рассвет разливается над восточными холмами и является взорам людским». Часть этого текста, от слов «но нет там двери», была взята в скобки, и вставлен абзац о великой арке, возведенной на востоке, и Вратах Утра. В следующем предложении в черновике значится «обратно через восточную Стену», что было заменено во втором варианте текста на «обратно к восточной Стене». Об имени *Калавэнэ* см. с. 198.

17. Т. е., пока Ладья Солнца не выплывет через

Двери Ночи во внешнюю тьму; когда выходит Ладья Солнца, падучие звезды возвращаются обратно на небо.

18. Вторая версия этой части рассказа Вайрэ, «Гавань Солнца», следует начальному черновику (по исправлении) довольно точно, без каких-либо изменений; но часть истории, представленная здесь под названием «Плетение дней, месяцев и лет», в черновике полностью отсутствует.

19. Этот заключительный абзац кое в чем отличается от изначальной версии. В нем опять, вместо Гильфанона, появляется Айлиос, «великое пророчество» было произнесено среди богов, «когда они впервые замыслили возвести Двери Ночи»; и когда Илинсор последует за Урвэнди через Врата, «Мэлько разрушит Врата и поднимет восточную Стену за предел [?небес], и Урвэнди и Илинсор пропадут».

Изменения в именах и названиях в *Сокрытии Валинора*

*Вансамир**и**н (Vansamirin)* < *Дорога Сам**и**риэна (Samirien's road)* (*Сам**и**риэн* появляется как название Празднества Двойной Радости, с. ~143–144~).

Кор (Kôr)< *Корт**и**рион (Kortirion)* (с. 207). Позже,

хотя слово *Кор* не было вычеркнуто, мой отец приписал над ним *Тун (Tûn)* со знаком вопроса, и то же самое со словом *Кор* на с. 210. Это первый случай употребления этого названия в *Утраченных Сказаниях*, потом, без сомнения, от него произошло слово *Т**у**на (Tûna)* (холм, на котором был построен Т**и**рион).

*Айн**а**йрос (Ainairos)* < *Ойв**а**рин (Oivárin)*.

*Морит**а**рнон, Т**а**рн Ф**у**и (Moritarnon, Tarn Fui)*: в первоначальном черновике этой истории было «*М**о**ритар (Móritar)* или *Т**а**рна Ф**у**и (Tarna Fui)*».

*С**а**ри (Sari)*: в черновике — *Калав**э**нэ (Kalavénë)* (см. с. 198 и примечание 13 выше).

При первом появлении имен трех Сыновей Времени последовательность имен была такова:

*Д**а**нуин (Danuin)* < *Д**а**нос (Danos)* < неразборчивая форма *Дан… (Dan…)*

*Р**а**нуин (Ranuin)* < *Р**а**нос (Ranos)* < *Р**а**нот (Ranoth)* < *Рон (Rón)*

*Ф**а**нуин (Fanuin)* < Л**а***тос (Lathos)* < Л**а***твэг (Lathweg)*

В оставшейся части абзаца: *Д**а**нуин* < *Д**а**на (Dana)*; *Р**а**нуин* < *Р**а**нот (Ranoth)*; *Ф**а**нуин* < Л**а***твэг (Lathweg)*.

***А**луин (Aluin)* < *Л**у**мин (Lumin)*.

Комментарии к *Сокрытию Валинора*

Описание Совета валар и эльдар в начале этой истории (сильно изменившееся со времени написания предварительного наброска, см. примечание 2) играет немаловажную роль в развитии и изменении представлений моего отца о валар и о мотивах их действий. В *Сильмариллионе* (с. 102) Сокрытие Валинора имеет своей причиной нападение Мэлькора на кормчего Луны:

> «Но, увидев нападение на Тилиона, валар были в замешательстве, боясь, что злоба и коварство Моргота снова могут обратиться против них. Не желая идти на него войной в Средиземье, тем не менее не забыли они разрушение Алмарэна; и решили они, что не постигнет подобная судьба Валинор».

Немногим раньше в *Сильмариллионе* (с. 99) указаны причины нежелания валар идти войной:

> «Сказано, что как отправились валар воевать с Мэлькором ради квэнди, так теперь воздержались они ради хильдор,

Пришедших Следом, младших Детей Илуватара. Ибо столь тяжелы были раны, нанесенные Средиземью в войне против Утумно, что валар страшились теперь, как бы не нанести еще худших, тогда как хильдор должны были быть смертными и им труднее, чем квэнди, было бы противостоять страху и смятению. Кроме того, не было открыто Манвэ, где будет положено начало роду людскому — на севере, на юге или на востоке. Посему валар послали в мир свет и укрепили земли собственного обитания».

В *Сильмариллионе* нет никаких упоминаний о беспокойном совете и не сказано о разногласиях меж валар, когда Манвэ, Варда и Улмо активно не одобряют этот труд и держатся от него в стороне; также нет упоминаний о негодовании Манвэ или о том, что Улмо просил о милосердии для нолдор. В раннем варианте упомянуто враждебное отношение некоторых эльдар к нолдоли (верховодит в этом некий эльф из Копаса (Алквалондэ) — этот персонаж также полностью исчезает: в позднейшем описании не говорится ни слова о чувствах эльфов Валинора к изгнан-

ным нолдор) — причины Сокрытия Валинора; любопытно также заметить, что здесь это деяние валар происходило в основном из их лености, смешанной со страхом. Нигде более эта ранняя отцовская концепция ленивых богов не проявляется столь явственно. Более того, здесь отец ясно дает понять, что отказ валар от войны с Мэлько является крупной ошибкой, принижающей их, и, как оказывается, непоправимой. В позднейших его работах Сокрытие Валинора остается лишь как великое событие мифологической древности; нет и тени его осуждения.

Перекрытие всех дорог и изоляция Валинора от внешнего мира в ранней истории подчеркнуты куда более ярко, чем впоследствии. Удаление из земли валар паутины Унгвэлиант и употребление, которое нашли для нее боги, в позднейшем варианте исчезает. Примечательно совершенно иное обьяснение того факта, что ущелье в окружных горах, позднее названное Калакирья, не было перекрыто. В *Сильмариллионе* (с. 102) сказано, что проход не был закрыт

> «из-за эльдар, оставшихся верными, и в глубоком ущелье гор, во граде Тирионе на зеленом холме Финарфин ныне пра-

вил оставшимися нолдор. Ибо все эльфы, даже ваньяр и владыка их Ингвэ, должны иногда вдыхать внешний воздух и ветер, дующий через море из земель их рождения; и не стали бы валар полностью отделять тэлэри от их родичей».

Появляющаяся в раннем тексте причина, по которой солосимпи (> тэлэри) хотели этого (достаточно странная — неужели Прибрежные Флейтисты хотели оставить побережья?), исчезла с устранением их горькой обиды на нолдоли, как и отказ Улмо помочь солосимпи и согласие Оссэ сделать это вопреки воле Улмо. Абзацу, касающемуся Волшебных Островов, созданных Оссэ, обязано происхождением заключение главы XI *Сильмариллиона*:

«и в то время, что в песнях зовется *Нурт**а**лэ Валинорэва*, Сокрытие Валинора, были созданы Зачарованные Острова, и все моря вокруг них были исполнены теней и неясности. И острова эти были подобно сети раскинуты по Морям Тени от севера к югу перед Тол Эрэссэа, Одиноким Островом, для плывущего к западу. Едва ли мог корабль пройти меж ними,

ибо вечно тяжело вздыхали волны над черными скалами, окутанными туманом. И в сумраке том великая усталость нисходила на морестранников, и одолевала их ненависть к морю; но всех, кто ступал когда-либо на эти острова, опутывали чары, и засыпали они до дня Изменения Мира».

Из этого отрывка становится ясно, что Волшебные острова были расположены на востоке Тенистых Морей, хотя «густой сумрак. . протянулся к ним языками тьмы»; в то время как раннее (с. 125) сказано, что за Тол Эрэссэа (который сам расположен за Волшебными островами) «стеной стоит туман, под густым сумраком коего лежат Тенистые Моря». Позднейшие «Зачарованные Острова», несомненно, обязаны своей концепцией Волшебным островам, но в процитированном отрывке из *Сильмариллиона* они находились в Тенистых Морях и окружены сумраком. Поэтому также возможно, что Зачарованные Острова также происходят от Сумеречных Островов (с. 68, 125).

Описание трудов Тулкаса и Аулэ на севере (с. 210) не совсем согласуется с предыдущими тек-

стами, хотя явственных противоречий нет. На с. ~166–167~ прямо говорится, что во время перехода нолдоли между оконечностью «Ледяного клыка» (Хэлькараксэ) и Великими Землями была полоса воды (Квэркаринга, Студеная Пучина). В том же абзаце «Ледяной клык» описывается как «узкий перешеек, после разрушенный богами». Нолдоли смогли пройти к Великим Землям, несмотря на пролив, которым «кончается перешеек» (с. 168), так как в сильный мороз эта узкая полоска воды наполнилась неподвижным льдом. Абзац из настоящего сказания, однако, может означать, что с разрушением Ледяного клыка образовался еще более широкий разлом, так что отныне не осталось возможности как-либо пройти этим путем.

От трех дорог, созданных Лориэном, Оромэ и Мандосом, не осталось ни следа в позднейших работах моего отца. Радуга более никогда не упоминается, также отсутствует и какое-либо объяснение, как люди и эльфы приходят в чертоги Мандоса. Но эту концепцию «дорог» трудно объяснить, не зная, насколько далеко простирается чисто метафорическое содержание идеи.

О дороге Лориэна, Олорэ Маллэ, Тропе Снов,

описанной Вайрэ в *Домике Утраченной Игры*, см. с. 18, 27 и далее. Там Вайрэ говорит, что

Олорэ Маллэ ведет из земель людей, и «по обе стороны ее высокие насыпи и высокие тенистые деревья, в кронах которых словно бы поселился неумолчный шепот», и от этой дороги высокие врата ведут к Домику Детей, что зовется еще Домиком Игры Сна. Он стоит недалеко от Кора, и туда приходят «дети отцов отцов людей»; эльдар, если могут, отводят их в Домик и окружающий его сад, «чтобы не набрели они, заплутав, на холм Кор и не были очарованы величием Валинора». Описания в двух историях в основном сходятся, хотя и трудно понять слова настоящего отрывка о том, что эта дорога шла, «минуя Домик Детей Земли, и *оттуда* "тропою шепчущих вязов" *до самого моря*». Очень примечательно, что еще на этой стадии развития мифологии, когда было уже много написано о времени после прихода Эриола на Тол Эрэссэа, концепция детей людей, приходящих во снах волшебной дорогой к дому в Валиноре, ни в коем случае не отвергалась.

В рассказе о том, как Оромэ творил Радужный Мост, петля, которую он закинул, охватила верхушку великой горы Калормэ («Гора восхождения Солнца») на самом дальнем востоке. Эта гора видна на рисунке «Корабля Мира», с. 84.

История, которую Вайрэ назвала «Гавань Солн-

ца» (с. 213 и далее), дает самую полную картину строения мира, какую только можно найти на ранней стадии мифологии. Валар, в общем-то, кажутся до странности невежественными в этом вопросе — относительно природы мира, результата их собственного творчества, — если они нуждаются в том, чтобы Улмо ознакомил их со столь основополагающими истинами. Возможное объяснение этого невежества можно обнаружить в радикальном различии трактовок Сотворения Мира в раннем и позднем вариантах *Музыки Айнур*. Я уже отмечал ранее (с. 62), что в исходном варианте валар увидели мир уже как существующую действительность, и Илуватар сказал им: «теперь мир развертывается, и история его начинается»; тогда как в следующем варианте это было видение, потом ушедшее от них и получившее бытие только по слову Илуватара: «*Эа*! Да Будет это все!» В *Сильмариллионе* на с. 20 сказано, что

> «когда валар вошли в Эа, были они сначала поражены и пребывали в недоумении, ибо ничего, что зрели они в видении, еще не было, и ничто еще не имело форм и было лишь у истоков бытия…»

и далее (с. ~21–22~) следует описание великих трудов валар по настоящему «построению» мира:

> «Возвели они земли, и Мэлькор разрушил их; углубили они долины, и Мэлькор вздыбил их; подняли они горы, и Мэлькор сровнял их с землей; во впадины заключили они моря, и Мэлькор расплескал их…»

В первом варианте ничего этого не было, и остается впечатление (хотя ничего не ясно наверняка), что валар явились в мир, который был уже «сделан» и им неизвестен («В этом сумраке боги обошли север и юг, увидев немногое; в этих краях нашли они великий холод и одиночество…», с. 69). Хотя замысел мира в достаточной мере был обязан существованием их собственному участию в Музыке, его воплощение произошло через акт творчества Илуватара («Мы будем оберегать эти чистые порождения наших грез, которые твоим могуществом обрели бытие», с. 57); и знания, которыми валар обладали относительно истинных размеров и сущности места их обитания, были соответственно меньше (как мы, вероятно, можем решить), чем это стало предполагаться

впоследствии.

Но это слишком вольное допущение. Скорее всего, невежество валар стоит приписать их удивительной всеобщей отрезанности от внешнего мира за пределом их гор и безразличию к нему, которое очень заметно в этой истории.

Как бы то ни было, Улмо в это время открывает валар, что целый мир — это Океан, Бай, в котором плавает Земля, «удерживаемая словом Илуватара»; а все моря Земли, даже те, что отделяют Валинор от Великих Земель, всего лишь полости на земной поверхности, и они существуют отдельно от Вай, будучи совсем иной природы. Все это мы уже видели (с. 84 и далее); и в одном из предыдущих сказаний (с. 68) говорится кое-что о природе окружающих вод:

> «Я никогда не видел и не слышал о том, что за Валинором, кроме того, что точно лежат там темные воды Внешних Морей, где нет приливов и отливов; весьма холодны и разрежены те воды, так что ни одна лодка не может скользить по их лону и ни одна рыба — плавать в их глубинах, кроме зачарованной рыбы Улмо и его волшебной колесницы».

Так и здесь Улмо говорит, что никакая рыба или ладья не сможет плыть по этим водам, «если не скажу я им волшебного слова, реченного мне Илуватаром, и не свяжу их заклятьем».

У внешнего края Вай стоит Стена Бытия, которая описывается как «темно-синяя» (с. 215). Валинор ближе к Стене Бытия, чем восточное побережье Великих Земель; это должно означать, что Вай на западе более узок, чем на востоке. В Стене Бытия проделали боги два входа, Двери Ночи на западе и Врата Утра на Востоке; а то, что лежит за этими дверьми в Стене, зовется «беззвездная пустота» и «внешняя тьма». Непонятно, как внешний слой воздуха («темные и разреженные пределы Вайтья, что все окружает собой», с. 181) относится к концепции Стены Бытия или Внешней Тьмы. В позднее отвергнутом начальном тексте этого сказания (см. примечание 16 выше) мой отец писал, что на востоке «Стена Бытия ниже», так что когда Солнце возвращается из Внешней Тьмы, оно не входит на восток неба через двери, но «проходит над» Стеной. Потом это было изменено, и появилась идея Двери в Восточной Стене, Врат Утра. Но кажется ясным, что первоначально Стены мыслились как стены земных городов или садов — стены, имеющие верх

и опоясывающие кольцом. В космологическом эссе 1930 года, в «Амбарканте», Стены выглядят совсем иначе:

> «Мир окружают *Илур**а**мбар*, или Стены Мира. Они подобны льду, стеклу и стали, будучи превыше всякого представления Детей Земли холодны, прозрачны и тверды. Их невозможно увидеть, и нельзя выйти за них, разве что через Двери Ночи.
>
> Меж этих Стен заключена Земля: над ней, под ней и со всех сторон простирается Вайя, Охватывающий Океан. Но он более подобен морю под Землей и воздуху над Землей».

Далее см. с. 86.

Сказание о Кворином (с. 215) на самом деле нигде не рассказывается — в первой версии настоящего сказания (см. примечание 15 выше) Вайрэ хотела бы поведать ее, но чувствует на себе пристальный взгляд придирчивого Айлиоса. В раннем словаре квэнийских слов *Квор**и**номи* — «имя Солнца», буквально — «Утонувшее в Море», производное от корня со значением «душить, задыхаться, тонуть», с объяснением: «Солнце,

бежав от Луны, погрузилось в море и блуждало в гротах *оарицси*». Слово *оаритси* отсутствует в словаре, но есть слово *оарис* — «русалка, дева морская». О преследовании Луной Солнца в *Утраченных Сказаниях* ничего не говорится; Илинсор, «охотник небесной тверди», преследовал лишь звезды Варды и «ревновал к первенству Солнца» (с. 195).

Конец рассказа Вайрэ, «Плетение Дней, Месяцев и Лет», как мне кажется, показывает, как мой отец пользовался способом мифотворчества, заведшим его в тупик. Последовательный и однозначный символизм этого метода оставляет его вне основного направления мысли отца, и вскоре отец избавляется от него полностью. Также возникает странный вопрос: в каком смысле валар находились «вне времени» до того, как Дануин, Рануин и Фануин завершили свои труды? В *Музыке Айнур* (с. 55) Илуватар говорит: «теперь мир развертывается, *и история его начинается*»; в конечной версии (*Сильмариллион*, с. 20) сказано, что

> «Великая Музыка была лишь ростом и цветением в Чертогах Безвременья, а Видение — лишь предвидением; но ныне

вступили они в начало Времени…»

(Также в *Сильмариллионе*, с. 39, сказано, что Исчисление Времени началось, когда начали сиять Два Древа Валинора; это указывает на измерение времени по расцвету и угасанию Древ.)

В этой истории труды Дануина, Рануина и Фануина названы причиной «подвластности всего сущего в мире времени и переменам». Но само упоминание истории, последовательности событий, уже

подразумевает наличие времени и перемен; разве можно сказать, что Валинор только сейчас, после упорядочения путей Солнца и Луны, стал подвержен переменам, когда на протяжении *Утраченных Сказаний* там происходит очень много перемен? Более того, боги узнают, «что *отныне* даже они в пределах времени будут подвержены медленному старению, а яркие дни их — угасанию». Но, к примеру, само утверждение, что Омар-Амилло был «самым младшим из великих валар», пришедших в мир (с. 67), подразумевает, что остальные валар, будучи старше его, «подвегались старению». Разумеется, для смертных понятие «возраст» содержит два аспекта, которые обычно тесно связаны: время проходит, и тело

разрушается. Но о «естественном» бессмертии эльдар сказано (с. 59), что они «не поддаются старости — разве что в течение десятков тысяч столетий». Таким образом, они «старятся» (так, Гильфанон назван «одним из старейших среди фэери и самым старым на сем острове», с. 175), но не «стареют» (не становятся дряхлыми). Отчего же тогда боги узнают, что «отныне» они будут подвержены «медленному старению» — что может означать только старение в последнем смысле слова? Вполне может быть, что здесь заключена мысль глубже моего понимания, но пояснить ее я не могу.

В заключение ко всем ранним работам на эту тему нельзя не отметить, что изначально отец отводил значительное место сотворению Солнца и Луны и управлению их движением; здесь астрономический миф является центральным. После его значение стало намного меньше, а в самом конце, возможно, должно было бы исчезнуть полностью.

X
РАССКАЗ ГИЛЬФАНОНА: СТРАДАНИЯ НОЛДОЛИ И ПРИХОД ЛЮДЕЙ

[GILFANON'S TALE: THE TRAVAIL OF THE NOLDOLI AND THE COMING OF MANKIND]

Отвергнутый набросок текста *Сокрытие Валинора* продолжен немного после окончания рассказа Вайрэ так:

> «После того как эта история была поведана, речей в эту ночь не велось, лишь Линдо просил согласия Айлиоса, чтобы торжественный рассказ историй состоялся следующей ночью или как можно скорее. Но Айлиос ответил отказом, ссылаясь на то, что он должен посетить дальнее селение, чтобы привести в порядок дела. И было так, что рассказ историй был назначен на вечер, когда свечи сна будут зажжены в седьмой раз, начиная с сегодняшнего — и был это день Туруха**а**лмэ[прим.1], или День Сбора Дров.

— Се будет гожий день, — рек Линдо, — для утренних забав на снегу и сбора дров в лесах, а песни и возлияния Турухалмэ должным образом расположат нас послушать старинные истории у этого огня».

Как я отмечал ранее (с. 204), первоначальный вариант *Сказания о Солнце и Луне* и *Сокрытия Валинора* был написан до введения Гильфанона из Тавробэля вместо Айлиоса.

Сразу же вслед за этим отвергнутым наброском, на той же странице рукописи, начинается написанное чернилами *Сказание о Турамбаре* (Турине):

«В то время, как Айлиос о многом уже успел поведать, приблизился час возжигания свечей, и так первый день Турухалмэ подошел к концу; но на следующую ночь Айлиоса не было, и по просьбе Линдо некий **Э**льтас начал рассказ…»

О чем должен был рассказывать Айлиос? (я уверен, что это повествование никогда не было написано). Ответ дан в отдельном коротком черновом тексте, который продолжается от разговора в конце *Сокрытия Валинора*, приведенного

выше. В нем говорится, что наконец подошел день Турухалмэ и все обитатели Мар Ванва Тьялиэва отправились в заснеженные леса, чтобы привезти на санях дров. Никогда не случалось Огню Сказаний погаснуть или исчезнуть в серой золе, но в канун Турухалмэ он всегда сам по себе убывал до небольшого огонька, пока не наступал Турухалмэ, когда в Комнату Огня Сказаний вносили огромные древесные стволы, и, благословленный древним волшебством Линдо, огонь снова с шумом вспыхивал в очаге. Вайрэ благословила двери и дверную перемычку зала и вручила Румилю ключ, снова назначая его Привратником, а Сердечку было дано било его гонга. Потом Линдо молвил то, что изрекал он каждый год:

> «— Возвысьте ваши голоса, о Играющие на Флейтах по Брегу, и вы, эльфы Кора, воспойте громко; и все вы, нолдоли и сокрытые фэери мира, танцуйте и пойте; пойте и танцуйте и вы, малые дети людей, дабы Дом Памяти зазвенел вашими голосами…»

Потом звучала песня древних дней, что сложили эльдар, когда они обитали под крылом Манвэ

и которую пели, следуя по великому пути от Кора к граду богов (см. с. ~143–144~).

> Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как Эриол был у Мэриль-и-Туринкви, взыскуя глотка *лимпэ* (см. с. ~96–98~), и желание сие на время покинуло его; но в эту ночь он молвил Линдо:
>
> — Если бы я мог с тобою вместе отведать твоего напитка!
>
> На то ответствовал Линдо, что Эриолу не должно «мыслить о том, чтоб преодолеть пределы, положенные Илуватаром», но также следует ему иметь в виду, что «Мэриль еще не отказала тебе в твоем желании наотрез». И был Эриол опечален, ибо в самой глубине сердца догадывался, что «вкус *лимпэ* и блаженство эльфов не могут быть изведаны им вовеки».

Текст заканчивается тем, что Айлиос готовится рассказывать историю:

> «— Поведаю я как умею о том, что видел и знаю, о самых древних днях мира, когда впервые взошло Солнце, и страдания и многие печали были тогда, ибо Мэлько

властвовал беспрепятственно, а мощь и сила, что исходили из Ангаманди, едва не достигли было пределов великой Земли».

По всей видимости, ничего больше написано не было. Если бы этот текст был закончен, то далее следовало бы начало *Турамбара*, цитированное выше («В то время, как Айлиос о многом уже успел поведать…»); и этот текст был бы центральным в истории Великих Земель, повествовавшей о приходе нолдоли из Валинора, пробуждении людей и Битве Бессчетных Слез.

Упомянутый текст, связывающий *Сокрытие Валинора* с ненаписанной повестью Айлиоса, не был вычеркнут, и мой отец позже написал на нем: «Поместить после Сказания об Эарэндэле и до того, как Эриол отправляется в Тавробэль — после Тавробэля он пьет *лимпэ*». Это приводит в замешательство, поскольку он не мог поместить историю Прихода Людей вслед за историей Эарэндэля; но, может быть, он собирался всего лишь использовать содержание этого короткого текста, описывающего праздник Турухалмэ, без его окончания.

Однако может быть и так, что он задумал новое

обрамление для изложения этих историй, хотя и не довел его до конца, а измененный порядок размещения дальнейшего повествования появился в *Сказании о Солнце и Луне*, где после вмешательства Гильфанона (с. 189) было решено, что через три ночи после той, в которую Линдо и Вайрэ поведали *Сказание о Солнце и Луне* и *Сокрытие Валинора*, должно состояться празднество, когда Гильфанон расскажет «о Страданиях нолдоли и приходе людей».

Рассказ Гильфанона продолжается с последовательно проставленными номерами страниц от второго варианта рассказа Вайрэ о Сокрытии Валинора; но здесь Гильфанон рассказывает его на следующую ночь, а не тремя днями позднее. К сожалению, с Гильфаноном получилось едва ли лучше, чем с Айлиосом, ибо если Айлиос едва успел начать рассказ, то повествование Гильфанона внезапно обрывается всего лишь через несколько страниц. Этот рассказ поспешно записан карандашом, и совершенно ясно, что он заканчивается там, где обрывается запись, потому, что мой отец не дописал его. Здесь мой отец оставил *Утраченные Сказания*, вернее, перестал записывать те из них, что ожидали своей записи; и это продолжало сказываться на протяжении

всей истории написания «Сильмариллиона». Основные истории, следующие за рассказом Гильфанона, о Бэрэне и Тинувиэль, о Турине Турамбаре, Падении Гондолина, Ожерелье Карлов, были написаны и (первые три) переписаны; и последняя из них должна была подвести к «великому сказанию об Эарэндэле». Но оно не было даже начато. Таким образом, *Утраченные Сказания* лишены середины и окончания.

Далее я привожу текст Рассказа Гильфанона как есть.

> Теперь, когда Вайрэ умолкла, рек Гильфанон:
>
> — Не сетуйте, ежели завтра сотку я длинное предание, ибо события, о которых я поведаю, охватывают многие годы, и я долго ждал, дабы рассказать о них.
>
> И Линдо засмеялся, молвив, что он может повести речь по желанию своего сердца обо всем, что ведомо ему.
>
> И на другой день Гильфанон, усевшись на сидение, начал так:
>
> — Ныне многие из древнейших знаний Земли забыты, ибо они были утеряны во тьме, что была до Солнца, и никакая

мудрость не может вернуть их вновь; и, может статься, ново сие для ушей многих присутствующих здесь, что когда тэлэри, нолдоли и солосимпи последовали за Оромэ и позже достигли Валинора, не весь народ эльдалиэ покинул Палисор, и тех, кто остался, многие называют квэнди, фэери, затерянные в мире, а вы, эльфы Кора, именуете их илькорины, эльфы, никогда не зревшие свет Кора. Из них иные отстали по дороге или заплутали в лишенном путей мраке тех дней, испугавшись, ибо лишь недавно пробудились они на Земле, но больше было тех, кто вовсе не уходил из Палисора и долгое время жили они в сосновых борах Палисора или сидели, безмолвно взирая на звезды, что отражались в бледных и недвижных Водах Пробуждения. И минули столь многие века, что самое явление Норнорэ средь них поблекло в их памяти и превратилось в давнюю легенду, и они говорили друг другу, что их собратья ушли на запад к Сияющим Островам. Там, говорили они, пребывают боги, и они называли их Великим Народом Запада и думали, что те

обитают на озаренных огнями островах в море; но многие даже никогда не видели великих волн тех могучих вод.

Эльдар, или квэнди, обладали даром речи, данным им самим Илуватаром, и лишь разделение их судеб изменило их, сделав несхожими; и ничто не изменилось столь мало, как язык Темных эльфов Палисора.[прим.2]

Далее сказание повествует о неком фэй и именует его чародеем Ту, ибо был он более искусен в магии, нежели любой из когда-либо еще живших вне земель Валинора; и, странствуя по миру, он повстречал…[прим.3]эльфов, и он приблизил их к себе и обучил их многим тайнам, и стал он подобен могущественному королю средь них, и их сказания именуют его Владыкой Сумерек, а всех фэери его королевства — хисильди, или народом сумерек. Местность вокруг Койвиэ-нэни, Вод Пробуждения, была холмистой и полна огромных скал, и поток, что питал эти воды, падал туда сквозь глубокую расщелину. . как бледная и тонкая нить, но вода истекала из этого темного озера под

землю через множество бесконечных пещер и уходила еще глубже в недра мира. Там, в бездонных пещерах, находились чертоги чародея Ту, но двери их давно запечатаны, и никто не знает ныне входа туда.

Там. . всегда мерцал бледный серебристо — голубой свет, и помимо [?множества] эльфов там обитало немало странных духов. В те времена среди этих эльфов был некий Нуин, что был весьма мудр и очень любил странствовать вдали от своего жилища, ибо глаза хисильди стали чрезвычайно зоркими, и в те сумрачные дни они могли ходить по едва заметным тропам. Однажды Нуин отправился далеко на восток от Палисора, и некоторые из его народа пошли с ним, потому что Ту никогда не давал им поручений в те края, и о них рассказывали необычайные истории; но теперь[прим.4] любопытство Нуина взяло верх, и, странствуя, пришел он в незнакомое и удивительное место, подобного коему он никогда дотоле не видал. Горная стена возвышалась пред ним, и долгое время искал он дальнейший

путь, пока не нашел темный и тесный проход, что пронизывал огромный утес и, извиваясь, уходил все глубже. Тогда он отважно последовал этим узким путем, пока внезапно стены не расступились пред ним, и узрел он, что нашел вход в огромную чашу долины, окруженную кольцом непроходимых гор, пределы которого он не смог разобрать во мраке.

Вдруг вокруг него разлилось нежнейшее благоухание Земли — и нигде, даже в воздухе Валинора, не витало более дивных ароматов, и он застыл, в великом восхищении вдыхая эти запахи, а с благоуханием [?вечерних] цветов мешался густой аромат, испускаемый в полночный воздух множеством сосен.

Неожиданно далеко внизу в темных лесах, что высились в долине, запел соловей, и другие соловьи тихо откликнулись издалека, и, едва не лишившись чувств от очарования этого сказочного места, понял Нуин, что вступил в пределы Мурмэн**а**лды — «Дола Сна», где под юными звездами всегда царит первозданная безмолвная тьма и никогда не дует ветер.

Тогда Нуин, осторожно ступая, спустился в долину: некое неизведанное доселе изумление овладело им, и вот, под деревьями в теплом сумраке узрел он очертания спящих, иные из которых обнимали друг друга, другие же спокойно спали в одиночестве, и Нуин, едва дыша, стоял и дивился.

Потом, охваченный внезапным страхом, он повернулся и тихо покинул это священное место и, снова миновав проход в горе, поспешил назад к чертогам Ту; и представ пред этим старейшим из чародеев, он поведал ему, что только что явился из Восточных Земель, и мало был обрадован Ту этой вестью. Не радовался он и тогда, когда Нуин окончил свои речи, рассказав обо всем, что видел.

— И мнится мне, — добавил он, — что все, кто спал там, были детьми, хотя ростом равны они самым высоким из эльфов.

Тогда убоялся Ту Манвэ, нет, более того, самого Илуватара, Властителя всего Сущего, и сказал он Нуину:

Здесь обрывается Рассказ *Гильфанона*. Чародей

Ту и Темный эльф Нуин навсегда исчезают из этой мифологии вместе с удивительной историей о том, как Нуин набрел на Отцов Людей, которые еще не пробудились в Доле Мурмэ-налда — хотя, если судить по сущности этой работы и тому вниманию, которое мой отец впоследствии уделял ее различным частям, все-таки невозможно отличить наверняка отвергнутое от «временно отмененного». И хотя, к сожалению, этому рассказу суждено было остаться незаконченным, мы, тем не менее, не остаемся в полном неведении относительно его продолжения.

Ранее я упоминал (с. 107, комментарий 3) о существовании двух «конспектов» или набросков, в которых описывается порядок *Утраченных Сказаний*. Я писал, что один из них является изложением настоящих Сказаний, в то время как другой заметно отличается — это проект перестановки, которая никогда не была предпринята. Несомненно, первый из них, который я буду здесь называть «Б», был составлен, когда *Утраченные Сказания* достигли уровня развития, представленного в этой книге позднейшими текстами и порядком их расположения. Когда этот набросок переходит к содержанию *Рассказа Гильфанона*, он сразу становится значительно подробнее, опять

сводясь к беглым ссылкам, когда дело касается сказаний о Тинувиэль, Турине, Туоре и Ожерелье Карлов. Переходя к сказанию об Эарэндэле, набросок снова становится более подробным. Отсюда ясно, что «Б» является подготовительной формой, соответствующей тому методу, который мой отец постоянно использовал во время написания *Рассказа Гильфанона*, и в самом деле, та часть рассказа, которая является собственно повествованием, прямо следует за наброском, хотя излагает его содержание более подробно.

Также имеется крайне небрежный, хотя и законченный, набросок содержания *Рассказа Гильфанона*, который, несмотря на близость к варианту «В», содержит некоторые детали, отсутствующие в «В», и наоборот; это, несомненно, предшественник «В», и в этой главе он будет называться «А».

Второй набросок, о котором говорилось ранее, неосуществленный план пересмотра всей работы, привносит некоторые особенности, которые не будут здесь обсуждаться; достаточно сказать, что мореплаватель теперь зовется Эльфвине, а не Эриол, и его предыстория изменилась, но общий план *Сказаний* большей частью остался нетронутым (с несколькими примечаниями в

том смысле, что они нуждаются в сокращении или переработке). Этот набросок я буду называть «D». Сколько времени прошло между написанием «B» и «D», сказать невозможно, но я полагаю, что, скорее всего, немного. Представляется возможным, что появление нового плана связано с неожиданным обрывом *Рассказа Гильфанона*. Как в случае с «B», «D» неожиданно становится более подробным после места обрыва.

Наконец, в гораздо более кратком и поверхностном наброске, содержащем, однако, несколько интересных моментов, Эльфвине также заменил Эриола; поскольку этот набросок следует за «B» и предшествует «D», назовем его «C».

Я не буду приводить все эти наброски *in extenso*[52], что излишне ввиду большого числа совпадений между ними; с другой стороны, попытка объединить их в единое целое привела бы к путанице и неточностям. Но в силу близости «A» и «B» вполне могут быть объединены. За ними я располагаю «D» и «C» постольку, поскольку они добавляют кое-какие интересные детали. И так как в том, что касается *Рассказа Гильфанона*, содержание набросков явственно распадается на

---

[52] Примечания: 52
in extenso (лат.) полностью, дословно (*прим. перев.*).

Пробуждение Людей и историю гномов в Великих Землях, я разделяю каждое повествование на две части.

Представляется излишним вводить материал набросков в начало *Рассказа Гильфанона*, который все-таки был написан, но необходимо указать на некоторые различия между этими набросками и рассказом.

«A» и «B» называют чародея-короля Туво, а не Ту; в «C» он никак не именуется, а в «D», как и в рассказе, он назван Ту, «фэй». Зловещие мотивы, связанные с ним, появляются в «A»: «Мэлько во времена его заключения встречается с Туво в чертогах Мандоса. И он учит Туво многому из черной магии». Это было вычеркнуто, и больше ничего на эту тему не говорилось; но и в «A», и в «B» сказано, что именно после побега Мэлько и убийства Древ Туво пришел в мир и «основал чародейское королевство в срединных землях».

Только в «A» об эльфах, оставшихся в Палисоре, сказано, что они из народа тэлэри (позднее — ваньяр). Этот абзац *Рассказа Гильфанона* является первым упоминанием о самом существовании оставшихся эльфов (см. с. 131); и я склоняюсь к мысли, что концепция Темных Эльфов (позднее — авари), которые никогда не уходили от Вод

Пробуждения, возникла в процессе создания *Утраченных Сказаний*. Но имя *квэнди*, впервые появляющееся в ранних повествованиях именно здесь, является в этом месте до некоторой степени неоднозначным. В написанном фрагменте слова «тех, кто остался, многие называют квэнди, фэери, затерянные в мире[прим.5], а вы, эльфы Кора, именуете их илькорины» выглядят как ясное утверждение, что квэнди=Темные Эльфы; но немного позднее Гильфанон говорит об «эльдар, или квэнди», и в наброске «В» сказано, что «многие из первоначального народа, называемого квэнди (имя «эльдар» было дано богами), остались в Палисоре». Из последних утверждений очевидно, что слово *квэнди* мыслилось как обозначение всех эльфов.

Тем не менее, это мнимое противоречие. *Квэнди* в самом деле было первоначальным наименованием всех эльфов, а *эльдар* — имя, данное богами и принятое эльфами Валинора; те же, кто остался, сохранили старое имя квэнди. Ранний словарь языка гномов определенно говорит о том, что наименование эльда было дано «фэери» самими валар и было «в значительной степени принято ими; илькорины по- прежнему хранили старое наименование *квэнди*, и так же назывались вос-

соединившиеся кланы на Тол Эрэссэа».[прим.6]

И в «А», и в «В» добавлено, что «боги не говорили меж собою на языках эльдалиэ, хотя и могли, и что они понимали все языки. Мудрейшие из эльфов изучили тайную речь богов и издавна берегли ее, но после прихода на Тол Эрэссэа никто не помнил ее за исключением Инвир, и теперь это знание исчезло и сохранилось лишь в доме Мэриль». Сравните с пояснением Румиля Эриолу, с. 48: «существует, помимо того, сокровенный язык, которым написано множество стихов эльдар, и книги мудрости, и история древности и начала начал, но на котором не говорят. Язык этот обычно звучит только на высоком совете валар, и мало кто из нынешних эльдар может прочесть его знаки или хотя бы распознать их».

Интересны обращенные к Ту слова Нуина о росте спящих в Доле Мурмэ-налда. В «А» добавлено: «Вначале люди и эльфы были почти равны в росте, фэери были намного больше, а люди — меньше, чем теперь. В то время как сила людей росла, фэери уменьшались, а люди становились выше». В других местах утверждается, что люди и эльфы изначально были сходного роста и что уменьшение эльфов в росте было тесно связано с приходом и владычеством людей. Поэтому слова

Нуина представляют собой загадку, особенно потому, что в «A» они стоят непосредственно перед упоминанием о первоначальном сходстве роста; ибо он несомненно имел в виду, что спящие в Мурмэналде были очень велики по сравнению с эльфами. Что спящие на самом деле были детьми, а не просто походили в чем-то на детей, становится ясно в «D»: «Нуин находит Сонный Дол (Мурмэналда), где покоились во сне бесчисленные дети».

С этого момента повествование продолжается только в набросках.

Пробуждение людей согласно ранним наброскам

И сказал чародей Туво Нуину, что спящие, найденные им, были иными Детьми Илуватара, и что они ожидали света. Он запретил кому-либо из эльфов будить их и даже посещать те места, страшась гнева Илуватара; но несмотря на это Нуин часто приходил туда и наблюдал, сидя на камне. Однажды он споткнулся о спящего, который пошевелился, но не пробудился. Наконец, побежденный любопытством, он разбудил двоих, названных **Э**рмоном и **Э**льмир; они были немы и чрезвычайно напуганы, но он научил их мно-

гому из языка илькоринов, по каковой причине его называют Нуин Отец Речи. Затем наступил Первый Рассвет; и Эрмон и Эльмир единственные из людей зрели, как Солнце впервые восходит на западе и плывет в Восточную Гавань. Тогда люди вышли из Мурмэналды подобно «множеству сонных детей».

(Согласно сказанию *Сокрытие Валинора*, Гавань на Востоке была построена много позже первого отплытия Ладьи Солнца из Валинора; см. с. ~214–215~. Интересно, что первые люди, Эрмон и Эльмир, были разбужены Нуином до первого восхода Солнца, и хотя Туво было известно, что люди «ожидали света», никакой связи между деянием Нуина и восходом Солнца не прослеживается. Но, конечно, невозможно составить мнение о содержании этого повествования из такого краткого изложения. Примечательно также, что в то время как язык эльфов изначально был прямым даром Илуватара (с. 232), люди, появившись в мире, не имели речи и научились ей от эльфа-илькорина. Ср. *Сильмариллион*, с. 141: «Сказано также, что эти люди [народ Бэора] давно были в дружбе с Темными Эльфами к востоку от гор, и от них они научились многому из их речи; и так как все языки квэнди имели единый

источник, язык Бэора и его народа походил на речь эльфов многими словами и оборотами».)

В этот момент в повествовании появляются прислужники Мэлько — ув**а**нимор, его «выкормыши под землей» (уванимор, «кто суть чудовища, великаны и исполины», упоминаются в одном из предыдущих сказаний, с. 75); и Туво защищал людей и эльфов и от них, и от «злых фэй». Вариант «А», сверх того, упоминает об орках.

Слуга Мэлько, названный «**Ф**у**к**иль, или Ф**а**нгли», пришел в мир и, явившись среди людей, совратил их, и они вероломно напали на илькоринов; так произошла Битва Палисора, в которой народ Эрмона бился рядом с Нуином. По «А» «фэй и те из людей, что помогали им, были побеждены», но в «В» говорится, что «победа не досталась ни одной из сторон»; и люди, совращенные Фангли, бежали и впоследствии образовали «дикие и свирепые племена», поклонявшиеся Фангли и Мэлько. Впоследствии (только в «А») Палисор был захвачен «Фангли и его воинствами науглат (или карлов)». (В ранних работах карлы всегда предстают злым народом.)

Из этого наброска видно, что искажение некоторых людей в начале их дней происками Мэлько было характерной чертой самого раннего пери-

ода мифологии; но относительно всей кратко набросанной здесь истории в *Сильмариллионе* мы можем найти, самое большее, намек или предположение (с. 141): «**Тьма лежит за нами, — сказал Бэор, — и мы отвратились от нее и не желаем мы возвращаться к ней даже в мыслях своих**».[прим.7]

Пробуждение людей согласно более позднему наброску

В начале повествования рассказано, что уванимор Мэлько спаслись, когда боги разрушили Твердыню Севера, и блуждали в лесах; Фанкиль, слуга Мэлько, избежав плена, остался жить в мире. (Фанкиль = Фангли / Фукиль в вариантах «A» и «B». В «C» он назван «отпрыском Мэлько». Фанкиль упоминался в «D» ранее, когда во времена Пробуждения Эльфов «Фанкиль и множество темных призраков вырвались в мир»; см. с. 107, примечание 3.)

Нуин «Отец Речи», который снова и снова приходил в Мурмэналду вопреки предупреждениям Ту (о которых здесь не сказано), разбудил Эрмона и Эльмир и научил их речи и многому другому. Эрмон и Эльмир единственные из людей зрели, как Солнце всходило на западе и как, прорастая,

выпускали листья и бутоны семена Палуриэн. Множества людей вышли подобно сонным детям, издавая невнятные крики при виде Солнца; они последовали за ним на запад, когда оно повернуло обратно, и ужасно испугались первой Ночи. Нуин, Эрмон и Эльмир научили их речи.

Люди росли и перенимали знания Темных Эльфов,[прим.8] но Ту ослабел пред ликом Солнца и сокрылся в бездонных пещерах. Люди обитали посреди мира и расселились оттуда во все стороны; и многие века минули с тех пор.

Фанкиль с карлами и гоблинами явился среди людей и сеял отчуждение между ними и эльфами; и многие люди помогали карлам. Один лишь народ Эрмона был на стороне фэери в первой битве гоблинов и эльфов (здесь на месте слова «гоблины» вначале стояло слово «карлы», а до того — «люди»), которая названа Битвой Палисора. Нуин погиб от рук гоблинов из-за вероломства людей. Много родов людей были изгнаны в восточные пустыни и южные леса, откуда является тьма и приходят дикари.

Войска Т**а**рэга-**и**лькорина ушли на северо-запад, вняв слухам о приходе гномов; и многие из затерянных родов присоединились к нему.

История Изгнанных Гномов согласно ранним наброскам

Гномы после перехода через Хэлькараксэ расселились в Хисиломэ. В этой земле они «столкнулись» с древним Народом Тени, в «А» названным «народ фэй», в «В» «*Ув**а**лэар фэй*». (Мы уже встречали Народ Тени из Хисиломэ в сказании *Пришествие эльфов*, с. 119, но там это имя, данное людьми, запертыми Мэлько в Хисиломэ, Утраченным Эльфам, которые остались там, заблудившись во время похода из Палисора. В более поздних набросках будет видно, что этот Народ Тени был неизвестным народом, полностью отличным от эльфов; поэтому ясно, что хотя это наименование сохранялось, его интерпретация менялась.)

Гномы пришли к Водам **А**сгона[53] и разбили там лагерь; затем произошли Сочтение Народа, предреченное рождение Тургона и смерть Фэанора. По поводу последнего события наброски расходятся. В «А» умер Нолэмэ, также называемый Финг**о**лма: «его барка уплыла скрытым путем — тем самым, по которому, как говорят,

[53] Примечания: 53
Позднее — Озеро Митрим.

впоследствии спасся Туор. Он плыл по Асгону на Остров-Скалу, чтобы принести жертву». (Кому он приносил жертву?) В «В» первоначально также погибал «Финголма (Нолэмэ)», но потом это имя было исправлено на «Фэанор»; «его барка уплыла скрытым [путем], то, как говорят, был проход, что нолдоли после расширили и превратили в путь, которым спасся Туор. В поисках своих драгоценных камней он плыл по Асгону на Остров — Скалу, ибо узрел там нечто сверкающее».

Покидая Асгон, гномы прошли через Холмы Горечи и впервые бились с орками в предгорьях Железных Гор. (О Железных Горах как о южной границе Хисиломэ см. с. ~111–112~, ~158–159~. В **Сказании о Тинувиэль** Бэрэн пришел из Хисиломэ, что «по ту сторону Холмов Горечи», и «чрез ужасы Железных Гор», и отсюда становится ясно, что Холмы Горечи и Железные Горы могут быть одним и тем же.)

Следующий лагерь гномы разбили «у Сириона» (впервые упомянутом здесь); и там гномы впервые встретили илькоринов — в «А» добавлено, что эти илькорины по происхождению были из нолдоли и заблудились во время похода из Палисора. Гномы узнали от них о приходе людей и о Битве Палисора; и они поведали илькоринам

вести из Валинора и рассказали, что ищут свои драгоценные камни.

Здесь впервые появляется Майдрос, сын Фэанора (ранее, в сказании *Воровство Мэлько*, так звали деда Фэанора, с. 146, 158). Майдрос, ведомый илькоринами, привел войско в холмы, по «A» — «в поисках камней», по «B» — «чтобы обыскать обиталище Мэлько» (здесь, возможно, следует читать «чтобы искать обиталище Мэлько», как в «C»), но после кровопролитной схватки они были оттеснены от врат Ангаманди; а сам Майдрос был взят живым и подвергнут пыткам — потому что не хотел открыть известные нолдоли секреты искусства создания самоцветов — и отослан к гномам искалеченным. (В «A», где в Водах Асгона погиб не Фэанор, а Нолэмэ, войско против Мэлько возглавлял сам Фэанор, и именно он был захвачен, подвергнут пыткам и искалечен.)

Далее Семь Сыновей Фэанора дали клятву вечно враждовать со всяким, кто завладеет Сильмарилями. (Это первое упоминание Семи Сыновей и Клятвы, хотя о том, что у Фэанора были сыновья, говорится в *Сказании о Солнце и Луне*, с. 192.)

Войска Мэлько подошли к лагерю гномов у Сириона, и те бежали на юг и поселились в Горфалоне, где свели знакомство с людьми, и

хорошими и дурными, но особенно с людьми из народа Эрмона; и было послано посольство к Туво, к Тинвэлинту (т. е. к Тинголу, см. с. 132),

и Эрмону.[прим.9] Было собрано великое войско из гномов, илькоринов и людей, и Финголма (Нолэмэ) повел его в Долину Источников, впоследствии названную Дол Плачущих Вод. Но Мэлько сам пришел в шатры людей и ввел их в обман, и некоторые из них предательски напали с тыла на гномов, которых в то самое время атаковало войско Мэлько; некоторых же Мэлько убедил оставить своих друзей, и вместе с другими, которых он сбил с пути, затуманив им глаза и зачаровав, заманил их в Землю Теней. (Ср. с этим упоминание в сказании *Пришествие Эльфов* о том, как Мэлько запер людей в Хисиломэ, с. 118.)

После этого произошла «страшная Битва Бессчетных Слез». Дети Урина[54] (Сыновья Урина, «А») единственные из людей сражались до конца, и никто из них (кроме двух вестников) не вышел из боя; Тургон с большим воинством, видя, что сражение проиграно, развернулся, прорубил себе путь к отступлению и спас часть женщин и детей. Тургона преследовали, и имеется упоминание о

---

[54] Примечания: 54
Позднее — Хурин.

том, что «илькорин Маблон пожертвовал собою, чтобы спасти войско»; Майдрос и остальные сыновья Фэанора поссорились с Тургоном — потому что они сами хотели главенствовать, «А» — и ушли на юг. Остатки уцелевших и беглецов были окружены и поклялись в верности Мэлько; и он был разгневан, ибо не мог узнать, куда исчез Тургон.

После упоминания о «Рудниках Мэлько» и «Заклятии Бездонного Ужаса» (которое Мэлько накладывал на своих рабов) история завершается «Строительством Гондолина» и «отчуждением людей и эльфов в Хисиломэ, последовавшим из-за Битвы Бессчетных Слез»: Мэлько сеял недоверие и заставлял их следить друг за другом, чтобы они не могли объединиться против него; и он создал лже-фэери, или каукарэльдар, подобных эльфам, и те обманывали и предавали людей.[10]

Так как в этом месте в набросках приводятся лишь заглавия сказаний о Тинувиэль, Турине и т. д., ясно, что *Рассказ Гильфанона* на этом заканчивается.

История Изгнанных Гномов согласно более позднему наброску

Гномы обитали в Земле Теней (т. е. Хисиломэ) и жили в дружбе с Народом Тени. Те же были фэй («С»); никто не знает, откуда явились они: они ни от валар, ни от Мэлько, но полагают, что они пришли из внешней пустоты и первозданной тьмы, когда мир был только создан. Гномы нашли «Воды Митрим (Асгон)», и здесь погиб Фэанор, утонув в них. Гномы впервые придумали оружие и разрабатывали темные холмы. (Это странно, потому что в повествовании о Братоубийстве в Алквалунтэ «впервые гибли эльдар от оружия своих сородичей», с. 165. Долгое время оставалось неясным, когда именно народ эльдар получил оружие.).

В то время гномы первый раз воевали с орками и захватили проход через Холмы Горечи; так они покинули Землю Теней к страху и изумлению Мэлько. Они вступили в Лес Артанор (позднее — Дориат) и Край Великих Равнин (возможно, предшественник более поздней Т алат Дирнэн, Хранимой Равнины Нарготронда); и народ Нол-эмэ сильно увеличился в числе. Они занимались многими искусствами, но более не жили оседло.

Главный лагерь Нолэмэ был у вод Сириона; и гномы изгнали орков в предгорья Железных Гор. Мэлько копил свои силы в тайном гневе.

У Нолэмэ родился сын, Тургон.

Майдрос, «глава сыновей Фэанора», повел войско против Ангбанда, но, оттесненный от его врат огнем, он был схвачен живым и подвергнут пыткам — в соответствии с «С», повторяющим ранний набросок, — потому что он не открыл тайные искусства изготовления самоцветов. (Здесь не говорится, что Майдрос был освобожден и вернулся, но это подразумевается в Клятве Семи Сынов, о которой далее.)

Семь Сынов Фэанора дали ужасную клятву вечной ненависти ко всем: богам, эльфам или людям, кто бы ни пожелал завладеть Сильмарилями; и Дети Фэанора оставили войско Нолэмэ и вернулись в Дор Ломин, где они стали могущественным и неистовым народом.

Народ Тарэга-илькорина (см. с. 237) встретился с гномами на Празднестве Объединения; и люди Эрмона впервые зрели гномов. Тогда воинство Нолэмэ, возросшее за счет присоединения войска Тарэга и сынов Эрмона, приготовилось к битве; и были посланы вестники на север, на юг, на восток и на запад. Один Тинвэлинт не внял призывам,

молвив: «Не ходите в холмы». **У**рин и **Э**гнор[55] шли с бесчисленными отрядами.

Мэлько отвел все свои силы, и Нолэмэ полагал, что тот испугался. Войска Эльфинесса вошли в Холмистые Земли и расположились в Доле Источников (Горфалонг), который впоследствии назывался Долиной Плачущих Вод.

(Набросок «D» отличается в последовательности событий, произошедших до Битвы Бессчетных Слез, от более ранних набросков, включая «C». В ранних набросках гномы бежали из лагеря у Сириона, когда подошли войска Мэлько, и отступили к Горфалону, где собралось великое войско гномов, илькоринов и людей и вступило в Долину Источников. В «D» нет упоминания о каком-либо отступлении войск Нолэмэ: скорее, кажется, они выдвинулись из лагеря у Сириона в Дол Источников (Горфалонг). Но судя по сущности этих набросков, на таком варианте нельзя слишком сильно настаивать. В наброске «C», который оканчивается здесь, говорится, что когда гномы впервые встретили людей в Горфалоне, гномы обучили их ремеслам — и отсюда, несомненно, берет начало история бэлэриандских

---

[55] Примечания: 55
Отец Бэрэна

Друзей Эльфов.)

Некоторые люди, подкупленные Мэлько, ходили по лагерю, притворяясь менестрелями, и раскрыли его Мэлько. На ранней заре во время проливного дождя Мэлько напал на него, и тогда произошла ужасная Битва Бессчетных Слез, о которой не рассказывают всего, ибо ни один гном вовеки не станет говорить о ней. (Здесь на полях мой отец написал: «Был ли здесь сам Мэлько?» В более раннем наброске Мэлько сам ворвался в лагерь своих врагов.)

Во время битвы Нолэмэ был окружен и убит, и орки вырезали его сердце; но Тургон отбил у них и тело и сердце, которое стало его эмблемой.[прим.11] Около половины всех гномов и людей, что бились там, погибли.

Люди бежали, и одни сыновья Урина стояли насмерть, пока не были убиты; но Урин был схвачен. Тургон был ужасен в своей ярости, и его великий отряд только благодаря отваге прорубил себе путь из битвы.

Мэлько послал свое войско балрогов за ними, и Маблон-илькорин погиб, чтобы спасти их от преследования. Тургон бежал на юг вдоль Сириона, собирая женщин и детей, оставшихся в лагерях, и с помощью магии этой реки вышел в потайное

место, и Мэлько потерял их.

Сыновья Фэанора подошли слишком поздно и узрели только поле битвы: они убили оставшихся там грабителей и, хороня Нолэмэ, возвели величайший в мире курган из камней над ним и [?гномами]. Он был назван Холмом Смерти.

Далее следует Рабство Нолдоли. Гномы были полны горечи из-за вероломства людей и легкости, с которой Мэлько обманул их. Набросок заканчивается упоминаниями о «Рудниках Мэлько» и «Заклятии Бездонного Ужаса» и утверждением, что все люди Севера были заперты в Хисиломэ.

Далее набросок «D» обращается к истории Бэрэна и Тинувиэль, с едва намеченной естественной связью с предыдущим рассказом: «Бэрэн, сын Эгнора, бродил за пределами Дор Ломина[56] в Артаноре…» Это должно было стать следующим повествованием, рассказанным у Огня Сказаний (так же в наброске «B»); в «D» *Рассказ Гильфанона* занял четыре ночи.

---

[56] Примечания: 56
т. е. Хисиломэ; см. с. 112.

★

Если попытаться выделить характерные особенности этих набросков, делая ударение скорее на сходных чертах, чем на различиях, то можно легко обнаружить совершенно очевидную близость с повествовательной структурой *Сильмариллиона*:

— нолдоли пересекают Хэлькараксэ и распространяются в Хисиломэ, разбив лагерь у Асгона (Митрим);

— они встречают эльфов-илькоринов (=уманьяр);

— смерть Фэанора;

— первая битва с орками;

— армия гномов идет на Ангбанд;

— Майдрос схвачен, подвергнут пыткам и искалечен;

— сыновья Фэанора уходят от остальных эльфов (только в «D»);

— между эльфами и людьми и войсками Мэлько происходит великая битва, названная Битвой Бессчетных Слез;

— предательство в этой битве людей, совращенных Мэлько;

— но народ Урина (Хурина), оставшись верным,

гибнет в этой битве;

— вождь гномов окружен и убит (только в «D»);

— Тургон и его войско прорубают себе путь и уходят в Гондолин;

— Мэлько разгневан из-за того, что не может узнать, куда ушел Тургон;

— Фэаноринги приходят на эту битву слишком поздно (только в «D»);

— сложен великий курган из камней (только в «D»).

Это существенные черты данной истории, сохранившиеся и в дальнейшем. Но также много и значительных отличий. Самое заметное из них то, что всей наиболее поздней истории многолетней Осады Ангбанда, закончившейся Битвой Внезапного Пламени (Д**а**гор Браг**о**ллах), перехода людей через Горы в Бэлэрианд и прихода их на службу к королям нолдор только предстояло появиться; несомненно, эти наброски производят впечатление, что между приходом нолдоли из Кора и их страшным поражением прошло короткое время. Это впечатление может быть в некоторой мере результатом сжатости этих набросков, и, несомненно, упоминание в последнем из них, «D», о том, что нолдоли занимались

многими искусствами (с. 240), до некоторой степени сглаживает это впечатление — в любом случае, Тургон, рожденный, когда гномы жили в Хисиломэ или (по «D») когда они разбили лагерь у Сириона, уже совсем вырос ко времени Битвы Бессчетных Слез.[прим.12] Но присутствующая в *Сильмариллионе* картина тех веков, что прошли пока Моргот был накрепко заперт в Ангбанде и «под защитой своих армий на севере нолдор возвели свои дома и башни», здесь определенно отсутствует. Позднее мой отец основательно увеличил срок между восходом Солнца и Луны и Битвой Бессчетных Слез. В старой концепции также весьма существенно то, что победа Мэлько была настолько полной и безоговорочной, что многие из нолдоли стали его рабами, и куда бы они ни ушли, они жили, порабощенные его заклятием; лишь в Гондолине были они свободны — так в раннем повествовании Падение Гондолина говорится, что жители Гондолина «были из нолдоли, что единственные избежали власти Мэлько, когда в Битве Бессчетных Слез он истребил и поработил их, соткав над ними заклятья, и заставил их жить в Железных Преисподнях, откуда они могли уходить лишь по его воле и приказу». Кроме того, Гондолин был основан

лишь после Битвы Бессчетных Слез.[прим.13]

О смерти Фэанора в более ранней концепции мало что известно; однако, по крайней мере, ясно, что она никак не связана с историей его смерти в *Сильмариллионе* (с. 107). В этих ранних набросках нолдоли, покидая Хисиломэ, бились в первой битве с орками в предгорьях Железных Гор или в ущелье Холмов Горечи, и вполне ясно, что эти возвышенности соответствуют более поздним Горам Тени, Эрэд Вэтрин (см. с. 158, 238); но в *Сильмариллионе* (с. 106) нолдор впервые столкнулись с орками в Митриме.

Встреча гномов и илькоринов напоминает встречу недавно прибывших нолдор с Серыми Эльфами Митрима (там же, с. 108); но при этом нолдор узнали о могуществе Короля Тингола из Дориата, а не о Битве Палисора.

Если в этих набросках М**а**йдрос, сын Фэанора, возглавил нападение на Ангбанд, завершившееся большим кровопролитием и его собственным пленением, то в *Сильмариллионе* перед Ангбандом явился Финголфин, который, будучи встречен молчанием, благоразумно отошел в Митрим (с. 109). Майдрос (Маэдрос) уже был схвачен во время встречи с послами Моргота, якобы прибывшими для переговоров, и он слышал

трубы Финголфина с места своих мучений на Тангородриме — куда Моргот приковал его до тех пор, как он сам сказал, пока нолдор не откажутся от войны и не уйдут прочь. О разделении нолдор на два народа в раннем повествовании упоминаний нет; и спасение Маэдроса Фингоном, который отрубил ему руку, чтобы спасти, отсутствует в нем в какой бы то ни было форме: скорее он был, хотя и искалеченный, освобожден самим Мэлько, и причин этого не приводилось. Но очень характерно, что искалечивание Майдроса — важный «момент» в этих легендах — само по себе никогда не было исключено, хотя и было помещено в иной сюжет.

Клятва Сынов Фэанора здесь была произнесена после прихода гномов из Валинора и смерти их отца; и в более позднем наброске «D» они после Клятвы покинули войско (Финвэ) Нолэмэ, Властителя Нолдоли, и вернулись в Дор Ломин (Хисиломэ). Эта и иные особенности, что появились только в «D», приближают повествование к его более позднему варианту. Возвращение в Дор Ломин является зачатком ухода Фэанорингов из Митрима в восточные части Бэлэриандa (*Сильмариллион*, с. 112); в Празднестве Объединения видится происхождение Мэрэт Адэртад, Праздне-

ства Воссоединения, устроенном Финголфином для эльфов Бэлэрианда (там же, с. 113), хотя те, кто принимает в них участие, во многом неизбежно разнятся; в опоздании Фэанорингов и их приходе на поле Бессчетных Слез уже после поражения — происхождение запоздавшего прихода войска Маэдроса (там же, с. 190–192); в окружении и смерти (Финвэ) Нолэмэ — происхождение смерти Фингона (там же, с. 193 — когда Финвэ занял в повествовании место отца Фэанора, заменив, таким образом, Бруитвира, убитого Мэлько в Валиноре, его место предводителя войск в Битве Бессчетных Слез было занято Фингоном); и в великом кургане из камней, названном Холмом Смерти, возведенном Сынами Фэанора, — происхождение Х**а**уд-эн-Нд**э**нгин, Холма Мертвецов, сложенного орками на Анфауглите (там же, с. 197). Предвосхищает ли посольство к Туво, Тинвэлинту и Эрмону (которое в «D» становится только отправкой вестников) Союз Маэдроса (там же, с. 188–189) неясно, хотя отказ Тинвэлинта присоединиться к силам Нолэмэ сохранился в отказе Тингола, данном в ответ на предложения Маэдроса (с. 189). Я не могу уверенно истолковать слова Тинвэлинта «Не ходите в холмы», но я предполагаю, что «холмы» являются Железными Горами (в *Сокры-*

тии Валинора, с. 209, они названы «Железными Холмами»), расположенными над Ангбандом, и что он предостерегал от нападения на Мэлько; в старом *Сказании о Турамбаре* Тинвэлинт говорит: «От мудрости сердца моего и от предопределения валар не пошел я с народом своим на Битву Бессчетных Слез».

Сохранившиеся детали этой истории — стойкость народа Урина (Хурина), отступление Тургона — в то время уже существовали в записанной повести о Т у рине.

Географических указаний мало, и карты Великих Земель для самого раннего периода развития легенд не существует; в любом случае, обсуждение этих вопросов стоит отложить до рассказов, которые происходят в тех землях. Дол (или Долина) Источников, впоследствии Долина (или Дол) Плачущих Вод, в варианте «D» определенно отождествляется с Горфалонгом, который в более ранних источниках назван Горфалоном и, кажется, представляет собой нечто иное; но, во всяком случае, ни это место, ни «Холмистые Земли» невозможно связать с какими-либо местностями или наименованиями в позднейшей географии — за исключением (особенно с учетом того, что в «D» говорится о Тургоне, бежавшем «на юг, вниз

по Сириону») возможного предположения, что уже существовало нечто, напоминающее более позднюю Долину Сириона, которая называлась Долом Источников или Плачущих Вод.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выше Туруха**а**лмэ писалось, как Д**у**рухалм (вычеркнуто) и Халмад**у**рвион.

2. Этот параграф помечен вопросительными знаками.

3. Это слово может быть прочтено равно как «dim» (тусклых), так и «dun» (сумрачных, темных).

4. Первоначальное прочтение этого места было следующим: «и некоторые из его народа последовали с ним, несмотря на то, что Ту запретил это своим подданным, страшась гнева Илуватара и Манвэ» (т. е. любопытство Нуина взяло верх, и т. д.).

5. Ранее в *Сказаниях* «Утраченные Эльфы» — это те, кто были потеряны во время великого похода и блуждали по Хисиломэ (см. с. 118).

6. В этом рассказе «фэери» владений Ту (т. е. Темные Эльфы) названы *хисильди*, народ сумерек; в набросках «А» и «В», в дополнение наименованию *хисильди* даны и другие названия: *хумарни*,

калионди, ломэарни.

7. Ср. также слова Са**а**дора, обращенные к Турину в его отрочестве (*Неоконченные Сказания*, с. 61): «Тьма лежит за нами, и мало рассказов дошло от нее. Отцы наших отцов могли поведать нечто, но они ничего не рассказали им. Даже имена их забыты ныне. Горы стоят меж нами и той жизнью, из которой они ушли, бежав, никто из людей не знает от чего».

8. Ср. *Сильмариллион*, с. 104: «Сказано, что задолго до этого они во многих местах встречали Темных Эльфов и те были в дружбе с ними; и люди в своем детстве стали товарищами и учениками этого древнего народа, странников эльфов, которые никогда не ступали на путь, ведущий в Валинор, и для которых валар были лишь слухом и отдаленным именем».

9. Над словом *Эрмон* написано, по всей видимости, древнеанглийское слово ***Эск (Æsc)*** — «ясень». Представляется возможным, что это англизированная форма древнеисландского имени *Аск (Askr)* с тем же значением, в древнескандинавской мифологии — имя первого человека, которого вместе с первой женщиной (Эмбла) сделали боги из двух деревьев, найденных на морском

берегу (*Старшая Эдда*, «Прорицание Вельвы», строфа 17; *Младшая Эдда, Видение Гюльви*, § 8).

10. Здесь текст содержит заключенное в скобки слово «(гонги)». Это может быть наименованием *каукарэльдар* или «лже-фэери», но в словаре гномов слово «гонг» толкуется как «один из племени орков, гоблин».

11. О том, что орки вырезали сердце Нолэмэ, и о том, что Тургон, его сын, отбил его у них, упоминается в ранней заметке, где говорится также, что Тургон заключил его в золото; и эта эмблема Народа Короля в Гондолине, Алое Сердце, упоминается в сказании *Падение Гондолина*.

12. Ср. с. 167: «Турондо, сына Нолэмэ, еще не было на Земле». Имя *Тургон* было гномским вариантом имени *Турондо* (с. 115). Позднее Тургон был вождем нолдор еще в Валиноре.

13. Так как впоследствии эта история была изменена и основание Гондолина было помещено намного раньше, заключительная часть *Сильмариллиона* оказалась лишена согласованности; и это было главным источником трудностей в подготовке опубликованной работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ ИМЕНА И НАЗВАНИЯ В УТРАЧЕННЫХ СКАЗАНИЯХ, ЧАСТЬ I

Существуют две книжки, ровесники *Утраченных Сказаний*, которые содержат первые «словари» эльфийских языков; обе — очень сложные документы.

Первая книжка посвящена языку, который в ней называется *квэнья (Qenya)*, и я буду ссылаться на нее как на «КС» (Квэнийский Словарь). Приличная часть статей первой половины алфавита была написана единовременно, в самом начале работы. Они записаны очень аккуратно, хотя к настоящему времени карандаш выцвел. Среди этих первых статей есть такая группа:

Лэмин (Lemin) «пять»

Лэмпэ (Lempe) «десять»

*Лэминк**а**йнэн (Leminkainen)* «двадцать три»

Выбор «23» наводит на мысль, что это был возраст отца в то время, и, следовательно, книжка была начата в 1915 году. В пользу этого говорят и некоторые замечания в «первом слое» статей

относительно определенных персонажей мифологии — замечания, контрастирующие со всем, что говорится в других местах, и представляющие собой отзвуки раннего этапа, более раннего даже, чем *Утраченные Сказания*.

Книжка, естественно, продолжала использоваться, и многие статьи в ней (практически все, относящиеся ко второй половине алфавита) появились позже статей первого слоя, хотя трудно сказать что-то более определенное, чем то, что все статьи относятся к периоду *Утраченных Сказаний* (или лишь немного старше).

Слова в КС упорядочены по «корням», и замечание в начале гласит:

> «Корни даются прописными буквами и являются не употребительными словами, а лишь пояснением связи между словами, собранными в одну группу».

Зачастую отсутствует ясность относительно формы корней и приписывания слов к тому или иному корню (на что указывают вопросительные знаки), поскольку этимологические идеи отца постоянно менялись. В некоторых случаях кажется очевидным, что данное слово, так сказать, «существовало», однако его этимологию еще

предстоит уточнить — и не наоборот. Сами корни порой нелегко представить, поскольку некоторые согласные имеют диакритические знаки, значение которых не определено. Нижеследующие замечания об именах неизменно оставляют несколько более положительное впечатление, чем сама книжка.

Вторая книжка — это словарь языка гномов, *голд**о**грина*, и я буду ссылаться на нее как на «ГС» (Голдогринский, или гномский, Словарь). Он упорядочен не исторически, по корням (хотя иногда даются и корни), а подобно обычным словарям — по крайней мере, таков был замысел. ГС содержит значительное число слов. На титульном листе книжки стоит: *и-Лам на-Нг**о**лдатон* (*i Lam na Ngoldathon*, то есть «Язык гномов»): *голд**о**грин* и дата: 1917. Надпись под титулом гласит: ***Э**риол Сар**о**трон* (то есть «***Э**риол Странник*»), *иначе именуемый **А**нгол, а среди своего народа — **О**ттор В**э**фре*[57].

Главная сложность в данном случае обусловлена той интенсивностью, с которой отец пользовался этой крохотной книжечкой, исправляя, вычеркивая, добавляя слой за слоем, так что ме-

[57] Примечания: 57

Замечание относительно имен *Ангол* и *Эриолло*, на которое я ссылаюсь на с. 24, записано на внутренней стороне обложки ГС.

стами она стала крайне трудна для понимания. Более того, позднейшие изменения словоформ в одной статье не обязательно воспроизводились в связанных с ней статьях, так что представление об этапах становления быстро развивавшейся лингвистической концепции оказывается весьма противоречивым. Эти книжечки содержали рабочие материалы, но никак не изложение законченных идей (на самом деле довольно ясно, что формирование, в особенности, ГС сопровождало процесс создания *Сказаний*). Наконец, языки изменялись даже после того, как в ГС появился первый «слой». Например, слово «мо» (*mô-* «овца») позднее было заменено на «мот» (*moth*), однако далее в словаре первой оказалась записана форма «уимот» (*uimoth* — «овца волн»).

Совершенно очевидно, что уже на этой стадии языки имеют внутреннюю, предельно усложненную и фонетически запутанную историческую структуру, однако, к сожалению и разочарованию, с той поры, по всей видимости, мало что сохранилось по части фонологического и грамматического описания. Я, например, не нашел ничего, что, хотя бы в самом сжатом виде, освещало фонологические соотношения между этими двумя языками. Для квэнья кое-какое

фонологическое описание существует, но из-за позднейших изменений и замен оно превратилось в такой непостижимый клубок (в то время, как материал сам по себе предельно сложен), что я не смог его использовать.

Попытка использовать материалы более позднего происхождения для выяснения лингвистических идей самого раннего периода была бы — в настоящей книге — не слишком практичной. Однако внимательное рассмотрение двух обсуждаемых словарей отчетливейшим образом показывает, насколько глубоко были взаимосвязаны изменения мифологии и языков, и потому была бы серьезной ошибкой публикация *Утраченных Сказаний* без какой-либо попытки продемонстрировать этимологические связи появляющихся в них имен. Поэтому я привожу столько информации, сколько возможно почерпнуть из этих книжек, однако воздерживаясь от каких-либо гипотез о том, что остается скрытым за ней. Например, ясно, что первичным элементом в этимологических построениях являлись небольшие изменения древних «корней» (особенно вызванные различиями в формировании согласных), что со сменой эпох создавало весьма сложные семантические ситуации. Другой

пример — присутствие старых гласных аблаутов (изменений гласных звуков по длительности или месту-способу образования); однако я счел самым лучшим просто попытаться представить содержание словарей настолько ясно, насколько смогу.

Следует отметить, что отец тут и там вводил своего рода «исторические каламбуры». Так, например, от корня САХА (SAHA — «быть горячим»), помимо *с**а**йва* (*saiwa* — «горячий») или *с**а**ра* (*sara* — «огненный») производится Сах**о**ра (*Sahóra* — «Юг»); от НЭНЭ (NENE — «течь») возникает *нэн* (*nen* — «река»), *н**э**ну* (*nénu* — «кувшинка») и *н**э**нувар* (*nénuvar* — «пруд с лилиями») — ср. ненюфар — водяная лилия от французского *nénufar*. Существует также несколько совпадений с древнеанглийским языком, которые явно не случайны, такие как *хор* (*hôr* — «старый»), ХЭРЭ (HERE — «править»), *рум* (*rûm* — «секретничать, шептаться»).

Далее будет видно, что очень многие элементы более поздних языков, кв**э**нья (Quenya) и с**и**ндарина, известные из опубликованных работ, восходят к тому же самому началу; языки, подобно преданиям, претерпевают постепенную эволюцию, развиваются и совершенствуются.

Однако исторический статус и взаимосвязь двух языков, возникших в это время, затем были коренным образом изменены — см. с. 51.

Систематизация материала оказалась делом трудным. Действительно, вряд ли можно предложить удовлетворительные формулировки без лучшего понимания языковых взаимосвязей и их изменений. Я принял систему, согласно которой группа этимологически связанных слов, как из квэ**э**нья, так и из языка гномов, дается в статье, озаглавленной важным именем, которое содержит одно из них. При появлении в другом месте слова из этой группы дается отсылка к данной статье (например, по поводу *глор-* в *Гл**о**рвэнт*, *Бр**а**глорин* читатель отсылается к статье *Лаурэлин*, где даны этимологические связи квэнийского *лаурэ* — «золото»)[58]. Каждое имя из первого тома *Утраченных Сказаний* включено в словарь — то есть каждое, относительно которого имеется хоть какая-то современная этимологическая информация. Если имени нет в нижеследующем списке, то либо оно совершенно темно для меня, либо,

[58] Примечания: 58

Поздние квэнийские и синдаринские формы упоминаются лишь в исключительных случаях. Относительно таких слов см. словари из *Введения в эльфийский язык* под ред. Дж. Аллана, Bran's Head Books, 1978, а также Приложение к *Сильмариллиону*.

как минимум, не может быть идентифицировано хоть с какой-то долей определенности. Отвергнутые имена включены на тех же правах, однако при тех именах, которыми были заменены (например, *Дор* ***У****свэн* дается в статье *Дор* ***Фа****йдвэн*).

Список дополнительных имен валар, записанный на форзаце в сказании *Пришествие Валар* (см. с. 93), здесь упоминается как «перечень имен валар». Знак < используется только там, где он использован в ГС, как, например, ***а****лфа (alfa)* < ***а****лхва (alchwa)*, означая, что первое слово исторически возникло из второго. Он не используется в Приложении для обозначения тех изменений, которые вносил в сами словари отец.

★

Айнур (Ainur). Среди наиболее ранних статей КС есть ***а****йну (ainu)* «языческий бог» и ***а****йни (aini)* «языческая богиня» вместе с ***а****йэ (áye)* «привет!» и ***А****йнатар (Ainatar)* «Илуватар, Бог» (конечно же, в контексте данной мифологии никто не может назвать айнур «языческими богами»). В ГС есть ***а****йн (Ain)*: «также с различающимися формами мужского и женского родов ***а****йнос (Ainos)* и ***а****йниль (Ainil)*, бог, т. е. один из Великих Валар».

Алалмин***о***рэ (Alalminorë). См. статьи *Алдарон*,

Валинор. В КС *Алалминорэ* переводится «Земля Вязов, местность Инвин**о**рэ, в которой находится Корт**и**рион (Уорикшир)», т. е. *Алалминорэ* = Уорикшир (см. с. 25). В языке гномов есть слова: *лалм* (lalm) или *ларм* (larm), также *л**а**лмир* (lalmir) «вяз».

Алдарон (Aldaron). В КС есть гнездо АЛА (ALA) «разрастаться» с производными ***а**лда (alda)* «дерево», ***а**лдэа (aldëa)* «затенённый деревьями», ***а**лдэон (aldëon)* «аллея» и *ал**а**лмэ (alalmë)* «вяз» (см. статью *Алалминорэ*). В ГС это имя **О**ромэ встречается как ***А**лдор (Aldor)* и ***О**рмалдор (Ormaldor) (Оромэ (Oromë)* в языке гномов — ***О**рма (Orma)*); *алд (ald)* «лес (как материал)», позднее сократилось до *ал (âl)*.

Алквал**у**нтэ (Alqualuntë). В КС ***а**лква (alqa)* «лебедь»; в ГС ***а**лкви (alcwi)* приведено вместе с квэнийским словом того же значения, данным в форме *алквэ (alqe)*. Слово ***а**лкви* позднее было изменено на ***а**лфа (alfa)* < а*лхва (alchwa)*.

В КС *л**у**нтэ (luntë)* «корабль» происходит от корня ЛУТУ (LUTU), так же как и *л**у**то (lúto)* «поток», глаголы *лутта- (lutta-), луту- (lutu-)* «течь, плавать» (ср. Ильсалунтэ). В ГС соответственно *лунта (lunta)* «корабль», *луд — (lud-)* «течь, струиться, плавать».

Алуин (Aluin). См. статью *Л**у**мин (Lumin)*.

Ам**и**лло (Amillo). В КС встречается, но без пояснений; *Ам**и**ллион (Amillion)* — это месяц Ам**и**лло, февраль (одна из самых ранних статей).

Анг**а**йно (Angaino). Вместе с *ангай**а**ссэ (angayassë)* «страдание», *анг**а**йтья (angaitya)* «мука», *Анг**а**йно* приводится в КС независимо от словарного гнезда «железо» (см. *Ангам**а**нди*). Первоначальное значение «великан» превратилось впоследствии в «великую цепь». В ГС у Мэлько есть имя *Анг**а**йнос (Angainos)* с примечанием: «Не путать *Анг**а**йнос* из языка гномов с квэнийским *Анг**а**йно (Angaino)* (у гномов — *Г**а**йну (Gainu)*), великая цепь из *тилькала*». К статье *Г**а**йну* есть позднее примечание: «обычно связывается с *анг (ang)* "железо", но на самом деле = "мучитель"».

Ангам**а**нди (Angamandi). В КС есть а*нга (anga)* «железо» (*а* из слова *тилькал (tilkal)*, с. 100), *анг**а**йна (angaina)* «железный», *Ангар**о**н(ти) (Angaron(ti))* «Железные Горы» и *Ангам**а**нду (Angamandu)* или *Эрэм**а**нду (Eremandu)* «Железные Преисподни» (позднее добавлено: «или *Ангам**а**нди*, множественное число»). В языке гномов — *анг (ang)* «железо» (как в ***А**нгол (Angol)*, см. статью ***Э**риол*), ***а**нгрин (angrin)* «железный», ***А**нгбанд (Angband)*, о котором в ГС говорится

странно: «великая твердыня Мэлько в период от битвы Бессчетных Слез до битвы при Сумеречной Заводи» (когда Тулкас окончательно победил Мелько). См. статью ***Мандос***.

Ангол (Angol). См. статью ***Эриол***.

Арвалин (Arvalin). См. статью ***Эруман***.

Арьядор (Aryador). Говорится (с. 119), что это имя, данное людьми стране Хисиломэ; но, согласно ГС, это слово илькоринского происхождения, означающее «сумрачная страна или место»; в КС *Арэ**а**ндор (Arëandor)*, *Арэ**а**нор (Arëanor)* «название гористой местности, жилища Сумеречного Народа» (см. с. 237). См. статью ***Эруман***.

Асгон (Asgon). В ГС есть ***А**сгон (Asgon)* «название озера в Дор Ломине (Хисиломэ), кв. *Акс**а**нда (Aksanda)*»; в КС есть ***а**кса (aksa)* «водопад», в качестве эквивалента которому приводится ***а**ха (acha)* из языка гномов с тем же значением (словари не проливают свет на позднее название *М**и**трим*).

Аулэ (Aulë). Слово ***а**улэ (aule)* «косматый» приводится в ГС как производное корня ОВО (OWO) (откуда также ***о**а (оа)* «шерсть», ***уэ** (иё)* «руно»), но без каких-либо указаний на связь с именем одного из валар. В языке гномов его имя — ***О**ла (Óla)*, измененное в ***О**ли (Óli)*, пояснения отсутствуют. В перечне имён валар ***А**улэ* называют ещё *Т**а**мар*

(Tamar) или *Там**и**льдо (Tamildo)*. Последние приводятся в КС без перевода в гнезде ТАМА (TAMA) «плавить, ковать» вместе с *т**а**мбэ (tambe)* «медь» (***т*** из слова *т**и**лькал (tilkal)*, с. 100), *т**а**мбина (tambina)* «медный», *т**а**мин (tamin)* «ковать»; у гномов *там (tam)* «медь», *т**а**мбин (tambin)* «медный», *т**а**мбос (tambos)* «котел». Другие имена ***А**улэ* см. в статье *Т**а**лка М**а**рда*.

Аулэн**о**ссэ (Aulenossë). *Носсэ (nosse)* «род, люди» см. в статье *Валинор*.

*А*ур (Aur). Имя Солнца в языке гномов; см. статью *Ур*.

Б**а**лрог (Balrog). ГС трактует слово *Б**а**лрог* как «вид огненных демонов; твари и слуги Мэлько». С артиклем это выглядит как *и'М**а**лрог (i'Malrog)*, множественное число *и'Малр**а**угин (i'Malraugin)*. В разных статьях встречаются *бал (bal)* «страдание» (в исходном варианте первая согласная *мб- (mb-)*), *балк (balc)* «безжалостный», *гр**а**уг (graug)* «демон». Есть ссылка на квэнийские формы *ар**а**укэ (araukë)* и *Малкар**а**укэ (Malkaraukë)*. В КС *Малкар**а**укэ (Malkaraukë)* вместе с такими словами, как, например, *м**а**лканэ (malkanë)* «пытка», приводится в гнезде МАЛА (MALA) (МБАЛА (MBALA)) «(дробить), повреждать, калечить», но его связь с корнем МАЛА (MALA) «давить, стиски-

вать» (см. *Ол**о**рэ М**а**ллэ (Olore Mallë)*) не очевидна. Существуют также *Валкар**а**укэ (Valkaraukë)* и *в**а**лканэ (valkanë)* «пытка», но их взаимоотношения с другими словами, опять-таки, неясны.

Бр**а**глорин (Bráglorin). В тексте (с. 187) толкуется как «сверкающее судно», но в ГС переводится как «Золотая Колесница, название Солнца» с примечанием «также в аналитической форме и Вр**э**да ’Л**о**риол (i-Vreda ’Loriol)»; *бр**а**да (brada)* «телега, повозка». *-гл**о**рин (-glorin)* см. в статье *Л**а**урэлин*.

Бр**о**нвэг (Bronweg). В ГС есть *Бр**о**нвэг (Bronweg)* «(верный), имя знаменитого гнома» с родственными словами *брод (brod)*, *бронн (bronn)* «непоколебимый», *бр**о**нвэт (bronweth)* «верность». В КС *Вор**о**нвэ (Voronwë)* (см. с. 48) «преданный» происходит от корня ВОРО (VORO) вместе с *вор (vor)*, *в**о**ро (voro)* «всегда», *вор**о**нда (voronda)* «преданный», *в**о**рима (vorima)* «вечный» и т. д. Ср. *Ворот**э**мнар*.

Общее окончание — вэг *(-weg)* в ГС не приводится, но ср. *гвэг (gweg)* «человек», множественное число *гвайт (gwaith)*.

Вай (Vai). От корня ВАЙА (VAYA) «охватывать» в КС происходят *Вай (Vai)* «Внешний Океан», *В**а**ймо (Vaimo)* или *В**а**йлимо (Vailimo)* «Улмо как повелитель Вай», *в**а**йма (vaima)* «облачение»,

*в**а**йнэ (vainë)* «ножны», *в**а**йнолэ (vainolë)* «колчан», *в**а**йта- (vaita-)* «заворачивать», *В**а**йтья (Vaitya)* «самый дальний слой воздуха за пределами Мира» и т. д. В языке гномов — *Бай (Bai)*, однокоренные слова *Б**а**йтон (Baithon)* «внешние слои воздуха», *байт (baith)* «покров», *б**а**йда (baidha)* «одевать», *байн (bain)* «одетый (кв. *в**а**йна (vaina)*)».

В**а**йлимо (Vailimo). См. *Вай*. У гномов он — *Б**э**льмот (Belmoth)* (<*Б**а**йлмот (Bailmoth)*); существует также поэтическое *Б**а**йрос (Bairos)*. Ульмо у гномов именуется также и *Х**о**рвэг а Вай (i Chorweg a Vai)*, т. е. «древний из Вай» (*хо́р (hor)* «старый, древний (только о все еще существующих предметах)», *х**о**рта- (hortha-)* «стареть», *х**о**рот (horoth)* «старость», *Хос (Hôs)* «старость», имя Фуиль). *-вэг (-weg)* см. статью *Бр**о**нвэг*.

В**а**йтья (Vaitya). См. статью *Вай*.

В**а**лар (Valar). В КС «*в**а**лар (Valar)* или *в**а**ли (Vali)*» выводятся от корня ВАЛА (VALA), единственное число мужского рода *в**а**лон (Valon)* или *в**а**лмо (Valmo)*, женского — *в**а**лис (Valis)* или *в**а**лдэ (Valdë)*. Другие слова — *в**а**лин (valin)*, *в**а**лимо (valimo)* «счастливый», *валд- (vald-)* «блаженство, счастье».

Слова языка гномов запутаны и курьезны. В

первом варианте рукописи существовал *бан (Ban)* «бог, один из великих валар», множественное число *б**а**нин (Banin)*, и «*Дор'В**а**нион (Dor' Vanion) = Дор Б**а**ниан (Dor Banion) = Гв**а**лиэн (Gwalien)* (или *В**а**линор (Valinor)*)». Все это было перечеркнуто. В другом месте ГС приводится корень ГВАЛ (GWAL) «удача, счастье»: *гв**а**ла (Gwala)* «один из богов, их родни или детей, поэтому часто используется для обозначения существ более низких разрядов, по контрасту с *бан (Ban)*»; *гв**а**лон (Gwalon)* и *гв**а**лти (Gwalthi)* соответствуют квэнийским *в**а**лон (Valon)*, *в**а**лси (Valsi)*; *гвалт (gwalt)* «удача — любой счастливый случай или мысль: «удача валар», *и валт нэ В**а**нион (i walt ne Vanion)* (кв. *в**а**лто (valto)*)»; и другие абстрактные слова, как *гв**а**лвэт (gwalweth)* «удача, счастье». Как видно, нет никаких указаний на более позднюю интерпретацию *в**а**лар (Valar)*. См. далее статью *<u>В**а**на</u>*.

Валат**у**ру (Valatúru). См. статьи *В**а**лар*, *<u>Мэриль-и-Тур**и**нкви</u>*.

Валах**и**ру (Valahíru). (Добавлено на полях напротив *Валатуру (Valatúru)*, с. <u>180</u>). Отсутствует в словарях, возможно связано с корнем ХЭРЭ (HERE) «править, иметь власть» из КС: *хэру- (heru-)* «управлять», *хэру (heru)* «повелитель», *хэри (heri)* «госпожа», *хэрэ (hérë)* «власть».

В**а**линор (Valinor). В КС приводятся две формы: *В**а**линор (Valinor)* и *Вал**и**норэ (Valinórë)* (последняя также встречается в тексте на с. 182), обе они толкуются как «Асгард» (т. е. город богов из скандинавской мифологии). Названия из языка гномов *(Гв**а**лиэн (Gwalien)* и т. д.) см. в статье *Валар (Valar)*.

В КС *н**о**рэ (nórë)* помещено в гнездо НО (NÕ) «становиться, рождаться» и переводится как «родина, народ, семья, страна, к которым принадлежишь», кроме того — *нор (-nor)* «форма, которую имеет этот корень, будучи частью сложного слова». Другие слова: *н**о**ста- (nosta-)* «родить», *н**о**ста (nosta)* «рождение, день рождения», *н**о**сталэ (nostalë)* «вид, сорт», *н**о**ссэ (nossë)* «род, народ (как в *Аулэн**о**ссэ (Aulenossë)*)». В языке гномов — *дор (dôr)* (см. статью $darfaidven$*Дор Ф**а**йдвэн*).

В**а**лмар (Valmar). См. статьи *В**а**лар*, ***Э**льдамар*.

В**а**на (Vána). Производное квэнийского корня ВАНА (VANA) вместе с *в**а**нэ (vanë)* «дивный», *ван**э**ссэ (vanessë)* «прелесть», *в**а**нима (vanima)* «правильный, правый, честный», *ув**а**нимо (úvanimo)* «чудовище» (***у**- (ú-)* = не) и т. д. Также здесь приводятся *в**а**нар (Vanar)* и *в**а**ни (Vani)* = *в**а**лар (Valar)*, *в**а**ли (Vali)* с пометкой «ср. *бан- (Ban-)* на языке гномов». См. статью *В**а**лар*.

У гномов имя В**а**ны — *Гван (Gwán)* или *Гв**а**ни (Gwani)* (изменено позднее в *Гванн (Gwann)* или *Гв**а**ннуин (Gwannuin)*); *гвант (gwant)*, *гв**а**ндра (gwandra)* «прекрасный», *гв**а**нти (gwanthi)* «прелесть».

В**а**на-Л**а**йси (Vána-Laisi). См. статьи *В**а**на*, *Т**а**ри-Л**а**йси*.

Вансам**и**рин (Vansamírin). В тексте это наименование заменило *дорогу Сам**и**риэн (Samirien's road)* (с. 222). См. статьи *Квалв**а**нда*, *Сам**и**риэн*.

В**а**рда (Varda). В КС это имя приводится вместе с *вард- (vard-)* «править, управлять», *в**а**рдар (vardar)* «король», *в**а**рни (varni)* «королева». Гномы называли Варду *Бр**и**диль (Bridhil)* (и *Т**и**мбридиль (Timbridhil)*, см. статью *Тинвэт**а**ри*), родственное квэнийскому *вард — (vard-)*.

В**и**льна (Vilna). В КС у корня ВИЛИ (VILI) (значение не приводится) есть производные *В**и**льна (Vilna)* (замененное впоследствии на *В**и**лья (Vilya)*) «(нижний) слой воздуха», *В**и**льмар (Vilmar)* «жилище Манвэ — верхний слой воздуха (но не ***и**лу (ilu)*)», *в**и**лин (vilin)* «воздушный, продуваемый ветром», *в**и**лэ (vilë)* «легкий ветерок». Слова «но не ***и**лу*» относятся к трактовке ***и**лу(ilu)* в значении ***и**львэ (ilwe)* «срединный слой воздуха между звездами (см. статью Ильвэ)». Жилище Манвэ

— *В**и**льмар* — больше нигде никак не названо.

Гномы называли самые нижние слои воздуха *Гв**и**льфа (Gwilfa)* или *Фа (Fa)*; о последнем сказано, что этимология его неизвестна. Квэнийский аналог приводится в ГС: *Фа (Fa)* или *Фав**и**льна (Favilna)*, в КС эти слова помещены в гнездо ФАГА (FAGA) без перевода, просто как эквивалент *В**и**льна (Vilna)*. Другие слова языка гномов: *гвил- (gwil-)* «плавать, плыть, лететь», *гв**и**лит (gwilith)* «ветерок», *гв**и**льбрин (gwilbrin)* «бабочка». В КС им соответствуют слова, помещённые в гнездо ГВИЛИ (GWILI), *в**и**ли — (wili-)* «плавать, плыть, лететь», *в**и**лин (wilin)* «птица», *в**и**льварин (wilwarin)* «бабочка». В ГС приводится еще одно имя Манвэга, Повелителя Ветров, — *Ф**а**мфир (Famfir)*.

В**и**нгилот (Wingilot). В гнезде ГВИНГИ/ГВИГИ (GWINGI/GWIGI) в КС помещены *в**и**нгэ (wingë)* «пена, морские брызги», *в**и**нгилот (wingilot)* «пеноцвет, корабль Эар**э**ндэля» и *в**и**нгильд- (wingild-)* «нимфа» (ср. статью *Винг**и**льди*). Элемент — *лот (lot)* см. в статье *Л**и**ндэлос*.

В ГС есть статья: «*Гв**и**нгалос (Gwingalos)* или *Гв**и**нгли (Gwingli)* = *Лотв**и**нга (Lothwinga)* или Пеноцвет — название корабля Эар**э**ндэля (Ио-р**и**нгли)»; также *л**о**твинг (lothwing)* «пеноцвет», *гвинг (gwing)* «гребень волны, пена» и *гв**и**нгиль*

(gwingil) «дева пены» (русалка, одна из спутниц ***У**инэн*).

Вингильди (Wingildi). См. статью *В**и**нгилот*.

Вирил**о**мэ (Wirilómë). См. статью *Гвэ**р**лум*.

В**и**руин (Wiruin). См. статью *Гвэ**р**лум*.

Вор**о**нвэ (Voronwë). См. статью *Бр**о**нвэг*.

Воротэмнар (Vorotemnar). *В**о**ро (voro)* «всегда» см. в статье *Бр**о**нвэг*. *Тэмнар (temnar)* должно происходить от корня ТЭМЭ (TEME) «связь», производные которого в КС не приведены.

Вэ (Vê). В КС приводится *Вэ (Vê)* «имя Фантура» в гнезде ВЭХЭ (VEHE), но без значения и производных. В ГС этому имени соответствует *Гвэ (Gwê)*, замененное на *Гви (Gwi)* «название зала Бандота, кв. *Вэ (Vê)*». См. статьи *М**а**ндос*, *Вэф**а**нтур*.

В**э**ндэлин (Wendelin). Отсутствует в КС, но в ГС есть *Гв**э**ндэлинг (Gwendeling)* (изменённое позже в *Гвэдилинг (Gwedhiling)*) — имя, на языке гномов соответствующее квэнийскому *В**э**ндэлин (Wendelin)* «Королева Лесных Эльфов, мать *Тинувиэль*» (единственное появление имени *Тинувиэль (Tinúviel)* в словарях). Имя должно быть связано с квэнийским *вэн (wen)* «дева, девушка» и формами языка гномов, помещенными в статье ***У**рвэн*.

В**э**нэ К**э**мэн (Vene Kemen). См. статьи *Гл**о**рвэнт*, *К**э**ми*.

*Вэф**а**нтур* (Vefántur). В ГС сам вала назван *Б**а**ндот Гвэ (Bandoth Gwê)* (заменено на *Б**а**ннот Гви (Bannoth Gwi)*), *Гвэф**а**нтур (Gwefantur)* (заменено на *Гвиф**а**нтор (Gwifanthor)*) и *Гвив**а**ннот (Gwivannoth)*.

Г**а**лмир (Galmir). Переводится в тексте (с. 187) как «златоблеск» (имя Солнца). Это производное от *гал- (gal-)* «светиться» из языка гномов, аналог которого в квэнья — КАЛА (KALA) «лучиться золотом», имеющий огромное количество производных, помещённых в КС: *к**а**ла- (kala-)* «сиять», *к**а**лэ (kálë)* «утро», *к**а**лма (kalma)* «дневной свет», *Кал**а**йнис (Kalainis)* «май» (см. статью *Эр**и**нти*), *к**а**лва (kalwa)* «прекрасный» и т. д. Ср. *Кал**о**рмэ (Kalormë), Калав**э**нтэ (Kalavente)* и *и-кал'ант**у**лиэн (i kal'antúlien)* «Свет возвратился» (с. 184).

Гар Л**о**ссион (Gar Lossion). Переводится в тексте (с. 16) как «Земля Цветов» (так гномы называли Алалмин**о**рэ). *Гар (Gar)* см. в статье *Дор Ф**а**йдвэн*. В ГС приводится *лост (lost)* «цветение» и *лос (lôs)* «цветок», однако отмечается, что, возможно, они не связаны, а *лос (lôs)*, скорее, связано с *ласс (lass)* «лист», также используемом в значении «лепесток». (В КС есть *л**а**ссэ (lassë)* «лист», *лассэл**а**нта (lasselanta)* «пора листопада, осень».) См. статью *Линдэлос*.

Гв**э**рлум (Gwerlum). Дается в ГС с переводом «Мракоткущая»; *гвэр- (gwer-)* «крутить, поворачивать, изгибать», но также используется в значении корня *гвид- (gwidh-)* «плести, ткать». В КС есть корень ГВЭРЭ (GWERE) «кружиться, вращаться, крутиться», но имя гигантской Паучихи — *Вирил**о**мэ (Wirilómë)* — помещено в гнездо ГВИДИ (GWIÐI), откуда также *в**и**ндэлэ (windelë)* «ткацкий станок», *в**и**нда (winda)* «ткань», *в**и**стэ (wistë)* «холстина». Название огромного водоворота *В**и**руин (Wiruin)* (с. 167) отсутствует в словарях, но должно принадлежать ятой же группе слов. Элементы— *л**о**мэ (lómë), — лум (-lum)* см. в статье *Хисиломэ*.

Гл**о**рвэнт (Glorvent). Элемент *Глор- (Glor-)* см. в статье *Лаурэлин*. В ГС было *Гл**о**рбэн(д) (Glorben(d))* «золотой корабль», замененное впоследствии на *Гл**о**рвэнт (Glorvent)* «золотая лодка»; *бэнн (benn)* «форма, покрой, фасон», *бзнк (benc), бэнт (bent)* «маленькая лодка». В КС есть корень ВЭНЭ (VENE) «придавать форму, вырезать, выдалбливать» с производными *вэниэ (venië)*, *вэнвэ (venwë)* «форма, покрой» и *вэнэ (venë)* «маленькая лодка, сосуд, блюдо». Ср. с названием рисунка «Корабль Земли» — *И Вэнэ Кэмэн (I Vene Kemen)* (см. с. 85) и именем Солнца *и-Калавэнтэ (Калавэнэ) (i Kalaventë*

(Kalavénë)).

Голфинвэг (Golfinweg). См. статьи Нолэмэ, Финвэ.

Гонт (Gong). В ГС не дается никакой информации, кроме цитированной на с. 245, в примечании 10; однако тут же приведены слова с *ситагонг (sithagong)* «стрекоза» (*сита (sitha)* «полет», *Ситалот (Sithaloth)* или *Ситалокта (Sithaloctha)* («пчелиный рой»), Плеяды).

Гондолин (Gondolin). В КС не приводится этого наименования, но в гнезде ОНО (ONO) «твердый» есть *ондо (ondo)* «камень». В ГС говорится, что *Гондолин* = квэнийское *Ондолин (Ondolin)* (измененному в *Ондолинда (Ondolinda)*) «поющий камень». Также есть статья *гонд (gond)* «огромный камень, скала»; впоследствии была изменена в *гонн (gonn)*, и было добавлено примечание *Гондолин = Гонн Долин (Gonn Dolin)* вместе со статьей *долин (dolin)* «песня». См. статью *Линдэлос*.

Гонлат (Gonlath). Название высокой скалы на Таниквэтиль, к которой был привязан канат Фануина (с. 219); вторым элементом, соответственно, должен быть *лат (lath)* «год» из языка гномов, встречающийся также в отвергнутых именах Фануина *Латос (Lathos)* и *Латвэг (Lathweg)* (с. 222). *Гон- (Gon-)* см. статью *Гондолин*.

Д**а**нуин (Danuin). В ГС есть *д**а**на (dana)* «день (24 часа)» со ссылкой на квэнийское *с**а**на (sana)* (в КС отсутствует); *Д**а**на (Dana)* было ранним вариантом *Д**а**нуин (Danuin)* (с. 222). Сходный элемент встречается в *Ломэнд**а**нар (Lomendánar)* «Дни Сумерек».

Дор Л**о**мин (Dor Lómin). См. статьи *В**а**линор*, *Хисил**о**мэ*.

Дор Ф**а**йдвэн (Dor Faidwen). У гномов *дор (dôr)* (<*ндор- (ndor-)*) «(заселенная) земля, страна, население страны»; см. статью *В**а**линор*.

Дор Файдвэн (Dor Faidwen) переводится в тексте как «Земля Избавления» (с. 13); в ГС есть *файдвэн (faidwen)* «свобода» и множество родственных слов, как *файр (fair)* «свободный», *файт (faith)* «воля» и т. д. В КС в гнезде ФАЙА (FAYA) встречаются *файрэ (fairë)* «свободный», *файриэ (fairië)* «свобода», *файну- (fainu-)* «избавление».

Дор Файдвэн было окончательным, после многих изменений, вариантом названия *Тол Эрэссэа* в языке гномов (с. 21), однако о ранних формах что-либо сказать трудно. *Гар (Gar)* в *Гар Эглос (Gar Eglos)* — слово из языка гномов, означающее «местность, район». *Дор Ус(г)вэн (Dor Us(g)wen)*: в ГС приводится основа *ус- (us-)* «покидать, отбывать» (также ***у**твэн (uthwen)* «выход»), а в КС в

гнезде УСУ (USU) «бегство» есть ***у**свэ (uswë)* «исход, бегство» и ***у**син (usin)* «он убегает».

Ил***и**нсор* (Ilinsor). В поздней статье ГС приводится *Гл**и**нтос (Glinthos)* = квэнийское *Ил**и**нсор*, Лунный Кормчий. Первый элемент, по- видимому, *глинт (glint)* «кристалл». В КС *Ил**и**нсор* не встречается.

Ил**у**ватар (Ilúvatar). Не возникает сомнений в том, что исходным значением Илуватар было «Небесный Отец» (в КС есть ***а**тар (atar)* «отец»); см. статью ***И**львэ*.

Ильвэ (Ilwë). В КС слово ***и**лу (ilu)* переводится «эфир, слой разреженного воздуха между звездами», тогда как в ГС говорится, что в языке гномов имя Илуватара Илон (Hon) = Илу (Ilu) в квэнья. В КС ***и**львэ (ilwë)* первоначально было переведено «небо, небеса», но впоследствии добавлено «средний голубой слой воздуха между звездами». Этому соответствует в языке гномов ***и**львинт (ilwint)*; в ГС объясняется, что исконная форма ***и**льви (ilwi)* или ***и**львин (ilwin)* была искажена в ***и**львинт (ilwint)*, по ассоциации с *гвинт (gwint)* «лицо», как если бы оно значило «лицо Бога». Другие слова языка гномов — ***И**льбар (Ilbar)*, ***И**льбарот (Ilbaroth)* «небеса, самая дальняя от мира область»; ***И**ладор (Iador)*, ***И**латон (Ilathon)*

= *Ил**у**ватар (Ilúvatar)*; ***и**льбрант (ilbrant)* «радуга» (см. статью $ilveran**Ильвэран**).

Ильвэран (Ilweran). В КС даны ***И**львэран, Ильвэр**а**нта (Ilweranta)* «радуга» (другое название радуги в квэнья — *Илукв**и**нга (Iluqinga)*, в которой *кв**и**нга (qinga)* означает «дуга», *кв**и**нги- (qingi-)* «звук струны; струнный; арфа»). В языке гномов, соответственно, ***И**льбрант (Ilbrant)* или ***И**льврант (Ilvrant)*, которые, как говорится в ГС, ошибочно ассоциируются с *брант (brant)* «лук (для стрельбы)»; вторая часть слова, скорее, связана с *р**а**нта (rantha)* «арка, мост», как показывает кв. *Ильвэр**а**н(та) (Ilweran(ta))*.

Ильвэрин (Ilverin). Эльфийское имя Сердечка, сына Бр**о**нвэга. Отвергнутое имя — *Эльвэн**и**льдо (Elwenildo)* (с. 52) содержит ***э**львэн (elwen)* «сердце» из КС. В ГС приводится слово *ильф (ilf)* «сердце (в особенности, когда речь заходит о чувствах)», и другие имена (***И**льфин(г) (Ilfin(g)), Ильф**и**ниол (Ilfiniol), **И**льфрит (Ilfrith)*), соответствующие квэнийскому ***И**львэрин (Ilwerin)*.

Илькорин (Ilkorin). Отрицательная приставка *иль- (il-)* дана в обоих словарях; в ГС говорится, что *иль-* «указывает на противопоставление, полную противоположность, т. е. больше, чем простое отрицание». См. статью *Кор*.

Ильсал**у**нтэ (Ilsaluntë). (Имя Луны). ***И**льса (ilsa)* приводится в КС как «волшебное название серебра, как *л**а**урэ (laurë)* — золота»; это то самое *и (i)*, что в слове *т**и**лькал (tilkal)*, с. 100. *Л**у**нтэ (luntë)* «корабль» см. в статье Алквал**у**нтэ. В языке гномов это имя — *Г**и**льталонт (Gilthalont)*; *г**и**льта (giltha)* «белый металл», строго говоря, то же самое, что и *к**э**лэб (celeb)* «серебро» (кв. *т**э**льпэ (telpë)*), но теперь включающее и *гайс (gais)* «сталь», и *л**а**дог (ladog)* «олово», и т. д., как противопоставление *к**у**лу (culu)* «золото». Говорится, что *к**у**лу* — поэтическое название золота, но «используется также в легендах как родовое имя для всех красных и желтых металлов, подобно тому как *г**и**льта* означает белые и серые». См. статью *Тэл**и**мпэ*.

Ильтэр**э**нди (Ilterendi). В тексте оковы зовутся *Ильтэр**э**нди*, «ибо их невозможно распилить или расколоть» (с. 101), но производные корня ТЭРЭ (TERE) означают «бурение» (*т**э**рэва (tereva)* «пронзающий», *т**э**рэт (teret)* «сверло, бурав»).

Инвир (Inwir). См. статью ***И**нвэ*. В ГС «благородный род среди т**и**льтин» (т**э**лэри) зовется ***И**мрим (Imrim)*, единственное число *Им (Im)* (см. статью *Инв**и**тиэль*).

Инв**и**тиэль (Inwithiel). В текстах Инвитиэль,

имя короля **И**нвэ на языке гномов, — измененное *(Гим)Г**и**тиль ((Gim)Githil)* (с. 22, 131). В ГС эти имена (*Инв**и**тиэль, Г**и**тиль*) приводятся в дополнение к его именам ***И**нвэг (Inweg)* или *Им (Im)*. См. статью ***И**силь*.

Инвэ (Inwë). В КС это имя «древнего короля фэери, который вел их в мир» — производное корня ИНИ (INI) «маленький», откуда также прилагательное ***и**нья (inya)* и имена *Инв**и**лис (Inwilis), Инвин**о**рэ (Inwinórë)* «Фаэри» и «Англия» (последнее вычеркнуто). Говорилось, что Тол Эрэссэа назывался *Инвин**о**рэ* в честь ***И**нвэ*, однако впоследствии это было заменено утверждением, что остров был назван *Ингильн**о**рэ (Ingilnórë)* в честь его сына **И**нгиля. Эти статьи относятся к самой ранней концепции (см. статьи *Алалмин**о**рэ*, ***Э**льдамар*). Другие имена **И**нвэ см. в статьях *Инв**и**тиэль*, ***И**силь*.

Ингиль (Ingil). В ГС имена сына **И**нвэ на языке гномов — *Г**и**львэт (Gilweth)* и *Гит**и**льма (Githilma)*; *Гиль (Gil)* — название звезды Сириус, и говорится, что оно стало именем Гильвэта после того, как тот достиг небес и «в образе гигантской пчелы, несущей огненный мед, последовал за Даймордом [Телим**э**ктар, Орион]»; см. статьи *Ниэ**э**ллуин*, *Тэлимэ**э**ктар*. Никаких толкований этим именам

не дается, но слово *Г**и**ль(вэт) (Gil(weth))*, несомненно, связано с *гиль- (gil-)* «мерцать», *гильм (gilm)* «лунный свет», *г**и**льта (giltha)* «белый металл» (см. статью *Ильсал**у**нтэ*). *Гит**и**льма* см. в статье ***И**силь*.

И Н**о**ри Л**а**ндар (I Nori bandar). На рисунке «Корабль Земли», по-видимому, означает «Великие Земли», (с. ~84–85~). *Н**о**ри (nori)* см. статью *Валинор*. Ничего близкого к *л**а**ндар (landar)* в КС не встречается; ГС содержит слово *ланд (ланн) (land (lann))* «широкий».

Исиль (Isil). В сказании *Пришествие Эльфов* (с. 115) **И**нвэ зовется ***И**силь **И**нвэ* (Isil Inwë), и в ГС слово языка гномов, соответствующее ***И**силь*, — это *Г**и**тиль (Githil)* (имени его сына *Гит**и**льма (Githilma)* соответствует квэнийское *Ис**и**льмо (Isilmo)*). В КС есть корень ИСИ (ISI) (***и**ска (iska)* «бледный», *ис (is)* «слабый снегопад»), эквивалентом которого в языке гномов служит *ит- (ith-)* или *гит- (gith-)*; в ГС есть слово *ит (ith)* «мелкий снег».

Йав**а**нна (Yavanna). В КС это имя помещено в гнездо ЙАВА (YAVA) вместе с *й**а**вин (yavin)* «плодоносит», *й**а**ва (yáva)* «плод», *й**а**ван (yávan)* «урожай, осень». В языка гномов — ***И**фон (Ifon)*, ***И**вон (Ivon)* «особенно в сочетаниях ***И**вон Бэл**а**у-

рин (Ivon Belaurin), ***И**вон К**и**мир (Ivon Cimir)*, ***И**вон и-Влад**о**рвэн (Ivon i-Vladorwen)*»; см. статьи *Кэми*, *Пал**у**риэн*.

Калав**э**нтэ (Kalaventë). См. статьи *Г**а**лмир*, *Гл**о**рвэнт*.

Кал**о**рмэ (Kalormë). Встречается в КС среди производных корня КАЛА (KALA) (см. статью *Г**а**лмир*) со значением «гребень холма, над которым встает Солнце»; ***о**рмэ (ormë)* = «вершина, гребень» из гнезда ОРО (ORO) с основным значением, по-видимому, «подъем»: *ор (or)* «на», ***о**ро (oro)* «холм», ***о**ро-(oro-)* «подниматься», ***о**рто- (orto-)* «поднимать», *ор**о**нта (oronta)* «круча», *ор**о**ста (orosta)* «восхождение» и т. д. Слова языка гномов: *ор (or)* «на, наверху», ***о**род (orod)*, *орт (ort)* «гора», *орм (orm)* «вершина холма», ***о**рос (oros)*, ***о**рост — (orost-)* «восхождение». Ср. ***О**ромэ*, *Ор**о**сси*, *Т**а**вробэль*.

Капал**и**нда. (Kapalinda). (Исток реки, которая текла в том месте, куда нолдоли отослали из Кора, с. 157.) В КС есть *капал**и**нда (kapalinda)* «источник» среди производных корня КАПА (КАРА) «ключ, источник»; значение *л**и**нда (linda)* непонятно.

Каукар**э**льдар (Kaukareldar). В гнезде КАВА (KAWA) «склониться» в КС есть производные *к**а**ука (kauka)* «кривой, изогнутый, горбатый», *к**а**уко*

(kauko) «горб», *к**а**вин (kawin)* «я склоняюсь», *к**а**урэ (kaurë)* «боязнь», *к**а**урэа (kaurëa)* «робкий».

Квалв**а**нда (Oualvanda). «Путь Смерти» (с. 213). См. статью *Кв**а**лмэ-Тари*. Вторая часть слова образована от корня ВАХА (VAHA), от которого также *ва (va)* — «идти» в прошедшем времени, *ванд- (vand-)* «дорога, тропа», *вандл (vandl)* «посох», *в**а**нва (vanwa)* «пройденный, оставшийся позади, прошедший, утраченный» (как в *Мар В**а**нва Тьялиэва (Mar Vanwa Tyaliéva)*). Ср. *Вансам**и**рин*.

Кв**а**лмэ-Т**а**ри (Oualmë-Tári). Корнем является КВАЛА (QALA) «умирать», отсюда *кв**а**лмэ (qalmë)* «смерть», *кв**а**лин (qalin)* «мёртвый» и другие слова с тем же значением. *Т**а**ри (Tári)* происходит от ТАХА (ТАНА): *та (ta)* «высокий», *т**а**ра (tára)* «величавый», *т**а**ри (tári)* «королева» и т. д.; в языке гномов — *да (dá)* «высокий», *д**а**ра (dara)* «величавый», *д**а**рот (daroth)* «вершина, пик». Ср. *Таниквэтиль*.

Кворин**о**ми (Quorinómi). См. с. 227. Корнем является КВОРО/КВОСО (QORO/ QOSO), откуда *кв**о**ро- (qoro-)* «душить, задыхаться», *кв**о**рин (qorin)* «утонувший, задушенный» и т. д.

Квэркар**и**нга (Qerkaringa). Первая часть непонятна, — *р**и**нга (-ringa)* см. в статье $ringil*Р**и**нгиль*.

К**о**йвиэ-н**э**ни (Koivië-néni). «Воды Пробуждения». В КС в гнезде КОЙО (KOYO) «ожить» помещены производные *кой (koi)*, *к**о**йрэ (koirë)* «жизнь», *к**о**йтэ (koitë)* «живое существо», *к**о**йна (koina)*, *к**о**йрэа (koirëa)* «живой», *к**о**йва (koiva)* «будить», *койвиэ (koivië)* «пробуждение». В ГС есть *к**у**иль (cuil)* «жизнь», *к**у**ит (cuith)* «жизнь, живое существо» и т. д.; *квив- (cwiv-)* «бодрствовать», *кв**и**вра- (cwivra-)* «пробуждать», *ку**и**врос (cuivros)* «пробуждение»: *Н**э**нин а Гв**и**врос (Nenin a Gwivros)* «Воды Пробуждения». *Н**э**нин, — н**э**ни (-néni)* см. в статье Н**э**ни Эр**у**мэар.

К**о**пас (Ко́pas). В КС есть ко па (k ora) «убежище» — единственное слово гнезда КОПО (KOPO) «хранение, охрана». В ГС есть *г**о**бос (gobos)* «гавань», со ссылкой на кв. *к**о**па (ко́ра)*, *к**о**пас (ко́pas)*; также *гоб (gob)* «подмышка», *г**о**бли (gobli)* «лощина».

Кор (Kôr). В КС это имя приводится в гнезде КОРО (KORO) «почитать?» с примечанием «древний город, построенный на скалах Эльдамара, откуда фэери отправились в мир». Там же помещены *к**о**рда (korda)* «замок», *к**о**рдон (kordon)* «идол». В качестве аналога из языка гномов здесь приводится *Кор (Côr)*, но в ГС *Кор (Côr)* («холм фэери и город на нем неподалеку от берегов Залива Фаэри») заменено на *Гвар (Gwár)*, *Г**о**рос (Goros)* «=

кв. **Кор (Kôr)**, город на круглом холме». Эта интерпретация наименования *Кор (Kôr)* несомненно вытесняет ту, что дана в КС и принадлежит к самому раннему слою статей. См. далее в статье *Корин*.

К**о**рин (korin). См. статью *Кор*. В КС есть второй корень КОРО (KORO) (отличный от того, что дал слово *Кор (Kôr)*) со значением «быть круглым, вращаться» и производными *к**о**рима (korima)* «круг», *к**о**рнэ (kornë)* «каравай», *к**о**рин (korin)* «круглая ограда, в частности на вершине холма». Тогда же, когда *Кор (Côr)* был заменен на *Гвар (Gwár)*, *Г**о**рос (Goros)*, в ГС появилось слово *г**о**рин (гварин)* (*gorin (gwarin)*) «круг деревьев = кв. *к**о**рин (korin)*», и все эти формы произошли от одного корня (*гвас- (gwas-)* или *гор- (gor-)* < *г**у**ор (guor)* = кв. *кор- (kor-)*), который, по всей видимости, означает «округлость»; так, в сказании Пришествие Эльфов «боги назвали этот холм Кор по причине его округлости и гладкости» (с. 122).

К**о**ромас (Koromas). В ранней отдельной статье КС *К**о**рмас (Kormas)* (форма, впоследствии замененная в тексте на *К**о**ромас*, с. 22) толкуется следующим образом: «новая столица ф**э**ери, после их отступления из враждебного мира на Тол Эр**э**ссэа, теперь Инвин**о**рэ. Она была названа

так в память о Коре, и из-за ее великой башни называлась *Корт**и**рион (Kortirion)*». *-мас (-mas)* см. в статье ***Э**льдамар*.

Корт**и**рион (Kortirion). Слово *т**и**рион (tirion)* «громадная башня, город на холме» приводится в КС в гнезде ТИРИ (TIRI) «выдаваться» вместе с *т**и**нда (tinda)* «острие», *т**и**рин (tirin)* «высокая башня», *т**и**риос (tirios)* «город со стенами и башнями». Имеется также другой корень, ТИРИ (TIRI), отличающийся природой средней согласной, со значением «сторожить, охранять, хранить; взглянуть, наблюдать» откуда *т**и**рис (tiris)* «наблюдение, стража» и т. д. В ГС есть *тир- (tir-)* «высматривать, ждать», *т**и**рин (tirin)* (поэтическая форма *т**и**рион (tirion)*) «наблюдательная башня, башенка», *Тиримбр**и**тла (Tirimbrithla)* «Жемчужная Башня» (см. статью *Сильмарилли*).

К**о**сомот (Kosomot). Сын Мэлько (см. с. 93). Это имя приводится в КС, хотя и с другим вторым элементом — *Косом**о**ко (Kosomoko)*, в гнезде МОКО (МОКО) «ненависть» (*м**о**кир (mokir)* «я ненавижу»); говорится, что в языке гномов ему соответствует *Г**о**тмог (Gothmog)*. Первая часть происходит от КОСО (KOSO) «бороться», в языке гномов *гот (goth)* «война, борьба» со множеством производных слов.

Кул**у**ллин (Kulullin). Этого имени нет ни среди производных КУЛУ (KULU) «золото» в КС, ни в словах языка гномов (в основном — в именах Солнца), содержащих элемент *к**у**лу (culu)* в ГС. Значение *к**у**лу (culu)* в языке гномов см. статью *Ильсал**у**нтэ*.

Кум а Г**у**млайт (Cûm a Gumlaith). «Курган Первой Скорби», могила Бруитвира, с. 149. В ГС *кум (cûm)* «холм, в частности могильный» (также *кум-(cum-)* «лежать», *к**у**мли (cumli)* «ложе»); *г**у**млайт (gumlaith)* «душевная усталость, горе» (*блайт (blaith)* «дух»).

Кум а Тэгран**а**йтос (Cûm a Thegranaitos). См. предыдущую статью. В ГС *т**э**гра (thegra)* «первый, передний», *т**э**гор (thegor)* «хозяин»; *н**а**йта-(naitha-)* «стенать, плакать, оплакивать», *н**а**йтол (naithol)* «несчастный».

Кэлус**и**нди (Kelusindi). (Река, которая текла в месте, куда нолдоли отослали из Кора, с. 157; в тексте называется *Сирн**у**мэн (Sirnúmen)*.) В КС в гнезде КЭЛЭ (KELE), КЭЛУ (KELU) «течение, просачивание, струйка» приводится множество производных, включая *кэлус**и**нди (kelusindi)* «река», *к**э**лу (kelu)*, *к**э**лумэ (kelumë)* «стремнина», *к**э**ктэлэ (kektelë)* «фонтан» (также есть форма ***э**ктэлэ (ektelë)*) и т. д. *-с**и**нди (-sindi)* см. в статье

Сирион.

К**э**ми (Kémi). В КС приводятся *к**э**ми (kemi)* «земля, почва, страна» и *к**э**мэн(kemen)* «почва», происходящие от корня КЭМЭ (КЕМЕ). В языке гномов есть имя *К**и**мир (Címir)* = кв. *К**э**ми (Kémi)* «Мать-Земля». Также в языке гномов существует слово *гр**о**сгэн (grosgen)* «почва», в котором, как отмечается, — *гэн (-gen)* = кв. *к**э**ми (kemi)*.

Л**а**йси (Laisi). См. статью *Т**а**ри-Л**а**йси*.

Л**а**урэлин (Laurelin). В КС есть слово *л**а**урэ (laurë)* «золото (почти то же самое, что и *к**у**лу (kulu)*)», *ла**у**рина (laurina)* «золотой». *Л**а**урэ (laurë)* соответствует последнему *л (l)* в слове *т**и**лькал (tilkal)* (с. 100, где говорится, что это «волшебное» название золота, так же, как ***и**льса (ilsa)* — серебра). Слова языка гномов: *глор (glôr)* «золото», *глорин (glôrin)*, *глориол (glôriol)* «золотой», но в ГС нет названий Золотого Древа. Ср. *Бр**а**глорин*, *Гл**о**рвэнт*.

Л**и**мпэ (limpë). *Л**и**мпэ* «напиток фэери» приводится в КС в гнезде ЛИПИ (LIPI) вместе с *л**и**птэ-(lipte-)* «капать», *л**и**птэ (liptë)* «капелька», *л**и**пиль (lipil)* «склянка». В ГС аналогами являются *лимп (limp)* или *л**и**мпэлис (limpelis)* «напиток ф**э**ери», *либ- (lib-)* «капать», *либ (lib)* «капля», *л**и**бли (libli)* «склянка».

Линдэл**о**ксэ (Lindeloksë). В одном месте текста

встречается как замена *Линдэл**о**ктэ (Lindeloktë)* и, в свою очередь, исправлено на *Л**и**ндэлос (Lindelos)* (с. 22), в остальных случаях является заменой *Линдэл**о**тэ (Lindelotë)* и оставлено в таком виде (с. 79, 131). См. статью *Л**и**ндэлос*.

Л**и**ндэлос (Lindelos). *Л**и**ндэ- (Linde-)* одно из многих производных корня ЛИРИ (LIRI) «петь», так же как и *лин (lin)* «мелодия», *л**и**ндэлэ (lindelë)* «песня, музыка», *линд**э**лэа (lindelëa)* «мелодичный», *л**и**рит (lirit)* «стихотворение», *лир**и**лла (lirilla)* «напев, песня» (ср. *тир**и**пти лир**и**лла* (tiripti lirilla) Румиля, с. 47) и *Лир**и**лло (Lirillo)* — имя одного из валар. В ГС есть *лир- (lir-)* «петь» и *глир (glir)* «песня, стихотворение». *Л**и**ндэлос (Lindelos)* не приводится в КС, хотя там есть вычеркнутое из текста *Линдэл**о**ктэ (Lindeloktë)* (с. 22), оно переводится как «поющая гроздь, растение "золотой дождь"».

*Л**о**ктэ* (loktë) «цветы (в пучке или грозди)» происходит от корня ЛОХО (LOHO) вместе с *л**о**кта- (lokta-)* «пускать росток, выпускать цветы или листья». Говорится, что это расширенная форма корня ОЛО (OLO) «верхушка», откуда ***о**лэ (olë)* «три», ***о**лма (olma)* «девять», ***о**лэмэ (ólemë)* «локоть». Другой распространенной формой этого корня является ЛО’О (LO’O), от которо-

го происходит *л**о**тэ (lótë)* «цветок» (*-лот (-lot)* «обычная форма в сложных словах») и множество других слов; ср. *Линдэл**о**тэ (Lindelótë)*, еще одно отвергнутое имя Золотого Древа (с. 79, 131), *В**и**нгилот (Wingilot)*. Слова языка гномов см. в статье *Гар Л**о**ссион*. В ГС не приводится какого-либо имени Золотого Древа, но фактически это *Гл**и**нгол (Glingol)* (которое сначала появлялось в тексте, см. с. 22). В ГС есть *глин (glin)* «звук, голос, манера говорить» (также *лин (lin)* «звук»), с примечанием, что— *глин (-glin), — грин (-grin)* — это суффикс в названиях языков, например, *голд**о**грин (Goldogrin)* — язык гномов.

Лир**и**лло (Lirillo). (Имя С**а**лмара-Н**о**лдорина, с. 144.) См. статью *Линдэлос*.

Ломэ**а**рни (Lómëarni). (Название Темных Эльфов, с. 244 примечание 6.) См. статью *Хисил**о**мэ*.

Ломэнд**а**нар (Lomendánar). «Дни Сумерек» (с. 69). См. *Хисиломэ*, *Дануин*.

Л**о**риэн (Lórien). Происходит от корня ЛОРО (LORO) «дрема» вместе с *лор- (lor-)* «дремать», *л**о**рда (lorda)* «дремлющий, навевающий дрему»; также ***о**лор (olor)*, *ол**о**рэ (olórë)* «сновидение», *ол**о**рэа (olórëa)* «полный сновидений» (более позднюю редакцию слов этого гнезда, включая *Ол**о**рин (Olorin)* (Гандалв), см. в *Неоконченных Сказаниях*,

с. 396). В ГС приводятся *лур (lûr)* «дрема», *Л**у**риэль (Lúriel)*, измененное в *Л**у**рин (Lúrin)* = квэнийское *Л**о**риэн (Lórien)*, а также *олм (olm)*, ***о**лот (oloth)*, ***о**лор (olor)* «сновидение, видение, греза», ***о**лта (oltha)* «появляться как привидение». Ср. ***Э**риол, Олоф**а**нтур, Ол**о**рэ М**а**ллэ*.

Л**у**виэр (Luvier). На рисунке «Корабль Земли» я перевел это слово как «Облака» (с. 85), на основании слов КС, происходящих от корня ЛУБУ (LUVU): *л**у**ву- (luvu-)* «темнеть, нависать», *л**у**мбо (lumbo)* «темные грозовые облака», *л**у**рэ (lúrë)* «пасмурная погода», *л**у**рэа (Iúrëa)* «хмурый, мрачный». В ГС есть *лум (lum)* «облако», *л**у**мбри (lumbri)* «плохая погода», *л**у**мбрин (lumbrin)*, *л**у**мба (lumba)* «тучи», *лур- (lur-)* «нависать, заволакивать — об облаках».

Л**у**мин (Lúmin). (Отвергнутое имя **А**луина «Времени», с. 222.) В ГС есть *лум (lûm)* «время», *л**у**ин (luin)* «прошедший, прошлый», *лу (lu)* «случай, время», *л**у**та (lûtha)* «проходить (о времени), происходить». ***А**луин (Aluin)*, по- видимому, также относится сюда.

М**а**кар (Makar). Приводится в КС («бог битвы») в гнезде МАКА (МАКА) вместе с *мак- (mak-)* «убивать», *м**а**киль (makil)* «меч». В языке гномов его имя *М**а**грон (Magron)* или *М**а**горн (Magorn)*, од-

нокоренные слова *м**а**кта-(mactha-)* «убивать», *м**а**ха (macha)* «резня, сражение», *м**а**гли (magli)* «большой меч». См. статью Мэассэ.

В перечне имен валар Макар назван также *Рам**а**ндор (Ramandor)*. Первоначально это имя Короля Орлов в *Падении Гондолина*, замененное впоследствии на *Соронтур*. В КС в гнезде РАМА (RAMA) (*р**а**ма- (rama-)* «кричать», *р**а**мбэ (rambë)* «крик», *ран (ran)* «шум») *Рам**а**ндор* переводится как «Громогласный = М**а**кар».

М**а**нвэ (Manwë). См. статью *М**а**нир (Mánir)*. В языке гномов именуется *Ман (Man)* и *М**а**нвэг (Manweg)* (*-вэг (-weg)* см. в статье *Бр**о**нвэг* (Bronweg)).

М**а**ндос (Mandos). Это название определяется в КС как «чертоги Вэ и Ф**у**и (преисподняя)», и проводится сравнение с — *м**а**нду (-mandu)* из *Ангам**а**нду (Angamandu)* «Железные Преисподни». В ГС есть следующая статья: «*Б**а**ндот (Bandoth)* [позднее изменено в *Б**а**ннот (Bannoth)*] (ср. А*нгбанд (Angband)*) = М**а**ндос (1) место, где ожидают души мертвых; (2) бог, который судит мертвых эльфов и гномов; (3) неверно использовать лишь для обозначения его чертога, чье правильное название *Гвэ (Gwê)* [изменено в *Гви (Gwí)*] или И*нгви (Ingwi)*». Об этом различии между областью

М**а**ндос, где обитали боги смерти, и чертогами *Вэ (Vê)* и *Ф**у**и (Fui)* см. с. 76, ~89–90~.

М**а**нир (Mánir). Отсутствует в КС, но в ГС есть «*м**о**на (mónа)* или *м**о**ни (móni)*: духи воздуха, дети М**а**нвэга». Помимо того, связи намечаются в следующей статье: «*м**а**нос (manos)* (множественное число *ман**о**ссин (manossin)*): дух, который ушел к валар или в Эрум**а**ни (**Э**дофон (Edhofon)). Ср. *м**о**на (mónа)*, кв. *м**а**нэ (mánë)*». См. статью ***Э**рум**а**н* и с. 91 и далее. Другие слова: *м**а**ни (mani)* «добрый (только о людях и характере), святой» (в КС *м**а**нэ (manë)* «добродетельный»), *м**а**ндра (mandra)* «благородный» и *М**а**нвэг (Manweg)* (кв. *М**а**нвэ (Manwë)*).

Мар В**а**нва Тьялиэва (Mar Vanva Tvaliéva). *Мар (Mar)* см. в статье ***Э**льдамар*, а *В**а**нва (Vanwa)* см. в статье *Квалв**а**нда*. *Тьяли**э** (Tyalië)* «игра, забава» — отдельная статья в КС в гнезде ТЬЯЛА (TYALA).

Мин**э**тлос (Minethlos). В ГС *мин (min)* «один, одиночный», *м**и**ндон (mindon)* «башня, точнее, отдельная башенка или пик», *м**и**нэт (mineth)* «остров», *Минэтлос (Minethlos)* «Серебристый Остров (Луна)» — такой же перевод дается и в тексте, с. 192. В КС в гнезде МИ (MI) есть *мир (mir)* «один», *м**и**нквэ (minqë)* «одиннадцать», а в гнезде МИНИ (MINI) — *м**и**ндон (mindon)* «башенка».

Второй частью *Минэтлос* должно быть *лос (los)* «цветок» (см. статью *Гар Лоссион*).

М**и**рувор (Miruvor). В КС *мирув**о**рэ (miruvórë)* «нектар, напиток валар» (см. с. 161), *м**и**ру (miru)* «вино»; в ГС *м**и**рофор (mirofor)* (или *г**у**рмир (gurmir)*) «напиток Богов», *мир (mir)*, *м**и**рос (miros)* «вино».

Морв**и**ньон (Morwinyon). Название звезды Арктур переводится в тексте «сумеречный отблеск», а КС, приводя его в гнезде МОРО (MORO) (см. статью *Морниэ*), трактует как «отблеск в темноте». В КС есть корень ГВИНИ (GWINI) с производным *в**и**нтиль (wintil)* «сверкание».

Гномы называют ее *Морв**и**нти (Morwinthi)*, что, по-видимому, связано с *гвим (gwim)*, *гвинк (gwinc)* «искра, вспышка», *гв**и**мла (gwimla)* «мерцать, мигать».

Морит**а**рнон (Moritarnon). «Двери Ночи» (см. статью *Морниэ*). В ГС приводятся *тарн (tarn)* «врата», *т**а**рнон (tarnon)* «привратник». Ср. Тарн Фуи.

М**о**рниэ (Mornië). Отсутствует в КС, но является одним из многих производных корня МОРО (MORO), так же как и *м**о**ру- (moru-)* «прятаться», *м**о**ри (mori)* «ночь», *м**о**рна (morna)*, *м**о**рква (morqa)* «черный», *м**о**рион (morion)* «сын тьмы». (Любопытно слово *М**о**рвэн (Morwen)* «дочь тьмы»,

Юпитер. В первоначальном варианте сказания о Турине «М**о**рвэн» не было именем его матери.). В языке гномов ладья смерти называлась *М**о**рнир (Mornir)* — позднее добавление к оригинальным статьям *морн (morn)* «темный, черный», *морт (morth)* «темнота», *м**о**рта (mortha)* «тусклый» с примечанием «черная ладья, плавающая между Мандосом и Эрумани, кв. *М**о**рниэ (Mornië)* (Черное Горе)». Вторая часть слова, следовательно, *нир (nîr)* «горе» (<*н**и**эр- (niér-)*), и сказано, что ему соответствует квениийское *нь**е**рэ (nyérë)*. Ср. Мори**т**арнон, М**о**ру, Морв**и**ньон.

М**о**ру (Móru). В позднем добавлении к ГС приводится слово *М**у**ру (Muru)* «**название Первозданной Ночи, персонифицированной как Гвэрлум или Гунглионт**», поэтому в тексте слову *М**о**ру* я предпочитаю слово *Морн (Morn)* (с. 156). Среди оригинальных статей ГС есть *м**у**ри (múri)* «темнота, ночь». См. статью *М**о**рниэ*.

М**у**рмуран (Murmuran). См. Мурмэн**а**лда. В ГС приводится слово из языка гномов *Морм**а**уриэн (Mormaurien)* «жилище Л**у**риэля», связанное с квэнийским *М**у**рмуран (Murmuran)*, однако, похоже на то, что у них разная этимология: ср. *Малм**а**уриэн (Malmaurien)* = *Ол**о**рэ М**а**ллэ (Olórë Mallë)*, Тропа Снов, *м**а**ур (maur)* «сон, видение».

Мурмэн**а**лда (Murmenalda). Переводится в тексте как «Дол Сна», «Сонный Дол» (с. 233, 235). В КС в гнезде МУРУ (MURU) приводятся *м**у**ру- (muru-)* «дремать», *м**у**рмэ (murmë)* «дрема», *м**у**рмэа (murmëa)* «навевающий дрему». Второй элемент происходит от корня НЛДЛ (NḶDḶ) (оба звука Л — слоговые), производными которого в КС являются *н**а**л(лэ) (nal(lë))* «дол, лощина» и *н**а**лда (nalda)* «долина». В языке гномов встречаются *нал (nal)* «дол, долина», *нал (nal)* «внизу, вниз», *н**а**лос (nalos)* «снижение, заход, склон», *Налос**а**ура (Nalosaura)* «закат» и т. д. Ср. М**у**рмуран.

Мэ**а**ссэ (Meássë). Поздняя, поспешно записанная в КС, статья *Мэ**а**ссэ*, «**сестра Макара, амазонка с окровавленными руками**» помещена в гнездо МЭХЭ (МЕНЕ) «сочиться?», откуда *м**э**ар (mear)* «запекшаяся кровь». В ГС она — *М**э**хос (Mechos)* и *Мэх**о**тли (Mechothli)* (*м**э**хор (mechor)* «запекшаяся кровь»), также ее зовут *Магр**и**нта (Magrintha)* «окровавленнорукая» (*м**а**гру (magru)* = *м**а**ха (macha)* «резня, сражение», *м**а**грусайг (magrusaig)* «кровожадный»). В перечне имен валар она зовется *Р**а**вэ (Rávë)* или *Равэ**н**ни (Ravenni)*; в КС у корня РАВА (RAVA) множество производных, как, например, *р**а**ута- (rauta-)* «охотиться», *р**а**уст (raust)* «охота, ловля», *Р**а**устар (Raustar)* — имя **О**ромэ,

*р**а**у (rau)* (множественное число *р**а**ви (ravi)*) «лев», *рав**э**ннэ (ravennë)* «львица», *Р**а**ви (Rávi)* — имя Мэ**а**ссэ. Очень близкие формы приводятся в ГС: *р**а**у (rau)* «лев», *р**а**уста (rausta)* «охотиться», *р**а**уст (raust)* «охота».

М**э**лько (Melko). Это имя введено в КС, но без этимологических связей. В ГС ему соответствуют *Б**э**лька (Belca)*, измененное в *Б**э**льха (Belcha)*, с примечанием, отсылающим к квэнийскому *в**э**лька (velka)* «пламя». В перечне имен валар он зовется *Й**э**лур (Yelur)* (корень ДЬЕЛЭ (DYELE), откуда квэнийское *йэльва (yelwa)* «холод», *Й**э**лин (Yelin)* «зима»); в языке гномов он — *Г**э**луим (Geluim)*, *Гиэлуим (Gieluim)* «это имя используется, когда Бэльха действует противоположным образом, используя смертельный холод, кв. *Иэл**о**йму (Yeloimu)*», ср. *Г**и**лим (Gilim)* «зима». В перечне имен Мэлько зовется также ***У**лбан(д) (Ulban(d))*, что в КС помещено с переводом «чудовище» в гнездо отрицательной приставки УЛ- (UL-); его сын К**о**сомот (Г**о**тмог) был «от Улбанди» (с. 93). Другие его имена в языке гномов — *Уд**у**врин (Uduvrin)* (см. статью *Ут**у**мна*) и *Анг**а**йнос (Angainos)* (см. статью *Анг**а**йно*).

М**э**риль-и-Тур**и**нкви (Meril-i-Turinqi). *М**э**риль* отсутствует в КС, но *тур**и**нкви (turinqi)* «коро-

лева» приводится в гнезде ТУРУ (TURU) «быть сильным» вместе со многими другими производными, включая *Тур**а**мбар (Turambar)* (*Турум**а**рто (Turumarto)*) и *тур (túr)* «король». В ГС есть *тур- (tur-)* «мочь, обладать властью для», *тур (tûr)* «король», *т**у**рвин (turwin)* «королева», *турм (turm)* «власть, правление; сила», *тур**и**нти (turinthi)* «принцесса, в частности титул Гв**и**диль». Ср. статьи *Сор**о**нтур, Валат**у**ру, Т**у**ор*.

В ГС есть также более позднее добавление: «*Гв**и**диль-и-Дур**и**нти (Gwidhil-i-Durinthi*) = *М**э**риль-и-Тур**и**нкви,* Королева Цветов»; *гв**э**тра (gwethra)* «цветение, процветание», а основа *гвэд- (gwedh-)* сравнивается там с квэнийской *мэр- (mer-)*, отсутствующей в КС.

Н**а**ндини (Nandini). На отдельном листке с перечнем разных родов фэй *н**а**ндини* — это «фэй долин». В КС существует корень НАРА (NARA) с производными *нан(д) (nan(d))* «лесистая местность», *н**а**ндин (nandin)* «дриада». В ГС встречается *н**а**ндир (nandir)* «фэй полей, кв. *н**а**ндин (nandin)*» вместе с *нанд (nand)* «поле, поместье» (множественное число *н**а**ндин (nandin)* «угодья»), *н**а**ндор (nandor)* «земледелец» и т. д.

Н**а**углат (Nauglalhi). В ГС приводятся следующие слова: *н**а**уг (naug)* и *н**а**угли (naugli)* «карла», *н**а**уг-*

ла (naugla) «принадлежащий или относящийся к карлам», *н**а**углафэль (nauglafel)* «похожий по натуре на карлу, т. е. скаредный, алчный» (см. с. 236). В КС аналогов не имеется, но в ГС в качестве квэнийского эквивалента *н**а**уг (naug)* приводится *н**а**ука (nauka)*.

*Ниэл**и**кви* (Nielíqui). В КС это имя (также *Ниэл**и**кви (Nieliqi)*, *Ниэл**и**кки (Nielikki)*, *Ньел**и**кки (Nyelikki)*) происходит от корня НЬЕХЭ (NYEHE) «плач» (см. *Ниэнна*). Там, где упали ее слезы, выросли подснежники (*ниэн**и**нквэ (nieninqë)*, буквально «белая слеза»). См. стихотворение *Ниэн**и**нквэ (Nieninqë)* (J.R.R. Tolkien, *The Monsters and the Critics and Other Essays*, 1983, p. 215). *Н**и**нквэ (ninqë)* см. в статье *Тан**и**квэтиль*.

Вторая часть слова *Ниэл**и**кви (Nieliqui)*, по-видимому, происходит от корня ЛИКВИ (LIQI), так же как и *л**и**нквэ (linqë)* «вода», *л**и**квин (liqin)* «мокрый», *л**и**квис (liqis)* «прозрачность» и т. д. (см. *Улмо*).

Ни**э**ллуин (Nielluin). Это название звезды Сириус переведено в тексте (с. 182) как «Лазурная Пчела» (см. статью *Ингиль*). Первая часть слова происходит от корня НЭХЭ (NEHE), откуда *нэктэ (nektë)* «мед», *н**и**эр (nier)* (<*н**э**иэр (neier)* <*н**э**хиэр (neχier)*) «медоносная пчела», *ни**э**рвэс (nierwes)*

«улей». В КС название Сириуса звучит как *Ниэллу**н**э (Niellúnë)* или *Ниэрни**н**ва (Nierninwa)*; оба квэнийских слова *ни**н**ва (ninwa)* и *лу**н**э (Ĭъпл)* обозначают голубой цвет. В языке гномов звезда называется *Ниотлуими (Niothluimi)* = квэнийское *Ниэллуин (Nielluin)*: *ни**о** (nio)*, *ни**о**с (nios)* «пчела» и множество родственных слов, *луим (luim)* «голубой».

Ни**э**нна (Nienna). В КС имя богини *Нь**е**нны (Nyenna)* помещено в гнездо НЬЕ(НЭ) (NYE(NE)) «ныть, скулить»; отсюда же *нь**е**ни (nyéni)* «коза», *нь**е**на- (nyéna-)* «причитать» и т. д.; но существует примечание «или все это отнести к корню НЬЕХЭ (NYEHE)». Он означает «плакать»: *ни**э** (nië)* «слеза» (ср. Ниэликви), *нь**е**нье (nyenyë)* «плачущий». В ГС вариантами имени являются: *Н**э**нни(р) (Nenni(r))*, *Н**э**нир (Nenir)*, *Н**и**нир (Ninir)*. Этимология слова не приводится, но ср. *нин (nîn)* «слеза».

Н**о**лдоли (Noldoli). У корня НОЛ (NOL) «знать» в КС существуют производные *н**о**лдо (Noldo)* «гном» и прилагательное *Нолдор**и**нва (Noldorinwa)*, *Н**о**лдомар (Noldomar)* «Страна Гномов» и *Н**о**лдорин (Noldorin)* «тот, кто жил в Н**о**лдомаре и привел гномов назад в **И**нвэнорэ». Похоже на то, что *Н**о**лдомар* означает Великие Земли. Однако весьма любопытно, что в этих разделах, относящихся к

наиболее ранним, «гном» является исправлением слова «гоблин»; ср. стихотворение *Шаги Гоблинов* (1915) и его староанглийский заголовок Cumaþ þá Nihtielfas (с. 32).

В языке гномов «гном» — *г**о**лда (Golda)* («т. е. мудрый»); *голд**о**трим (Goldothrim)* «народ гномов», *голд**о**грин (Goldogrin)* — их язык, *Г**о**лдобар (Goldobar)*, *Г**о**лдомар (Goldomar)* «Страна Гномов». Эквивалентом *Н**о**лдорин (Noldorin)* в ГС служит *Г**о**лдриэль (Goldriel)*, который является формой, предшествующей форме *Голт**а**дриэль (Golthadriel)*. Впоследствии они обе были удалены из текста (с. 22). См. статью ***Н**о**лэмэ***.

Н**о**лдорин (Noldorin). См. статью ***Н**о**лдоли***.

Н**о**лэмэ (Nólemë). Приводится в КС как имя нарицательное, «глубокое знание, мудрость» (см. статью ***Н**о**лдоли***). В языке гномов Ф**и**нвэ Н**о**лэмэ — *Голф**и**нвэг (Golfinweg)* (с. 115) — содержит общий элемент с именем *Финг**о**лма (Fingolma)*, которое было дано ему в набросках к *Рассказу Гильфанона* (с. ~238–239~).

Н**о**рнорэ (Nornorëe). В КС это имя имеет форму *Н**о**рнорос (Nornoros)* «вестник богов», которое вместе с глаголом норноро- (nornoro-) «продолжаться, идти без запинок» произошло от корня НОРО (NORO) «бежать, ехать, кружиться». ГС

содержит похожие слова: *нор- (nor-)* «бежать, катиться», *норн (norn)* «колесо», *нур (nûr)* «гладкий, свободно вращающийся». Аналогом квэнийского *Н**о**рнорэ (Nornorë)* является *Др**о**ндор (Drondor)* «посланец богов» (*дронд (drond)* «езда, гонка, преследование» и *дро (drô)* «колея, борозда»). Впоследствии *Др**о**ндор* было заменено на *Др**о**нурин (Dronúrin)* (<*Н**о**ронор- (Noronôr)*), а *дронд (drond)* на *дронн (dronn)*.

Н**у**мэ (Númë). (На рисунке «Корабль Земли».) В КС *н**у**мэ (númë)* «Запад» произошло от корня НУХУ (NUHU) «склоняться, сгибаться, устремляться вниз, погружаться»; помимо того есть слова *н**у**та- (núta-)* «устремляться вниз, погружаться», *н**у**мэта- (númeta-)*, *нум**э**нда- (numenda-)* «садиться (о Солнце)», *н**у**мэа (númëa)* «на Западе». В языке гномов *нум- (num-)* «сток, спуск», *н**у**мин (númin)* «на Западе», *Ауран**у**мин (Auranúmin)* «закат», *н**у**мброс (numbros)* «наклон, склон», *н**у**нти (nunthi)* «вниз». Ср. *Фал**а**ссэ Н**у**мэа*, *Ф**а**скала-н**у**мэн*, *Сирн**у**мэн*.

Н**у**ри (Núri). Имя Фуи Ниэнны — «Нури, вздыхающая», с. 66. В КС приводится без перевода в гнезде НУРУ (NURU), вместе со словами *н**у**ру- (núru-)* «рычать (о собаке), ворчать», *нур (nur)* «жалоба, недовольство». У гномов она *Н**у**рниль*

(Nurnil); однокоренные слова: *нур- (nur-)* «рычать, ворчать», *нурн (nurn)* «плач», *нурна- (nurna-)* «оплакивать, жаловаться».

Н**э**ни Эру**у**мэар (Neni Erumëar). (На рисунке «Корабль Земли» я перевел это как «Внешние Воды», с. 85.) В КС в гнезде НЭНЭ (NENE) дается *нэн (nen)* «река, вода», та же форма существует и в языке гномов. *Эрумэа (Erúmëa)* «внешний, крайний» приводится в КС как производное от ЭРЭ (ERE) «вне», подобно ***Э**руман (Eruman)*. Ср. статью Кой-виэ-н**э**ни.

Н**э**рмир (Nermir). В перечне фэй, упомянутом в статье Нандини, *нэрмир* — «фэй лугов». В КС существует самостоятельное понятие *нэрми (Nermi)* «дух полей», а в ГС *нэрмиль (Nermil)* «фэй из тех, что населяют луговины и берега рек».

Н**э**сса (Nessa). Это имя не встречается в словарях. В перечне имен валар ее называют *Хэлиньет**и**ллэ (Helinyetillë)* и *Мэлэста (Melesta)*. В наиболее ранних статьях КС *хэлин (helin)* — это фиалка полевая или трехцветная, а *Хэлиньэт**и**ллэ* переводится «анютины глазки» (что является одним из названий фиалки трехцветной); ср. *йэта (yéta)* «бросить взгляд». Но в КС так называют Эр**и**нти. Очевидно, поначалу богини Весны перетасовывались, им приписывались разные имена и

роли (см. статью *Эр**и**нти*). *Мэл**э**ста*, безусловно, происходит от корня МЭЛЭ (MELE) «любить», (*мэл**э**с(сэ) (meles(së))* «любовь», *мэльва (melwa)* «любимый» и т. д.; у гномов *мэл- (mel-)* «любить», *мэлэт (meleth)* «любовь», *мэлон (melon)*, *мэльта (meltha)* «возлюбленный» и т. д.).

О (O). (На рисунке «Корабль Земли»: «Море», с. ~84–85~.) См. статью *Онэн*.

О**а**рни (Oarni). См. статью *Онэн*.

Ол**о**рэ М**а**ллэ (Olórë Mallë). *Ол**о**рэ (Olórë)* см. в статье *Лориэн*. *М**а**ллэ (mallë)* «улица» встречается в КС в гнезде МАЛА (MALA) «дробить, крошить» (см. статью *Б**а**лрог*); у гномов — *мал (mal)* «мощеная дорога, тракт», а эквивалентом *Ол**о**рэ М**а**ллэ* является *Малм**а**уриэн (Malmaurien)* (см. статью Мурмуран).

Олоф**а**нтур (Olofantur). См. статьи *Лориэн*, *Фантури*.

Онэн (Onen). У корня ’O’O (O’O’) в КС есть производные: *О (Ô)* «море» (поэтическое), ***о**ар (oar)* «дитя моря, водяной», ***о**арис(-тс) (oaris(-ts))*, *о**а**рвэн (oarwen)* «русалка», ***О**ссэ (Ossë)*. Встречается имя ***О**вэн (Ówen)* (предшественник ***О**нэн (Ónen)* в тексте, с. 61, 79), которое, очевидно, означает то же самое, что и *оарвэн (о**а**rwen)* (*-вэн (-wen)* см. в статье ***У**рвэн* (Urwen)). Поздний вариант ***У**инэн*

(Uinen), встречающийся в *Сказаниях*, явно из языка гномов; в ГС ***У**нэн (Únen)* «Владычица Морская» впоследствии превратилось в ***У**инэн (Uinen)*, встречается также форма ***О**йнэн (Oinen)* (с. 211).

В перечне валар **О**нэн также именуется *Сол**о**рэ (Solórë)* (см. статью *Солос**и**мпи* (Solosimpi)) и ***У**и Оар**и**ста (Ui Oarista)*. Это имя встречается в КС с уточнением «Королева Русалок», вместе с ***У**ин (Uin)* «Первозданный кит», но неясно, как они связаны с другими именами.

Орк (Orc). В КС *орк (ork (orq-))* «чудовище, демон». В ГС *орк (orc)* «гоблин», множественное число ***о**ркин (orcin)*, ***о**ркхот (orchoth)* (*хот (hoth)* «народ», *х**о**три (hothri)* «армия», *х**о**трон (hothron)* «предводитель»).

Оромэ (Oromë). В КС ***О**ромэ (Oromë)* «сын Аулэ» помещено в гнездо ОРО (ORO). Этот корень отличен (явно из-за разной природы согласных) от ОРО (ORO) (со значением «крутизна, подъем»), помещенного в статье *Калормэ*, однако отмечается, что эти корни «часто путают». От второго корня происходят ***о**рэ (órë)* «рассвет, Восход, Восток», ***о**рэа (óгёа)* «рассветный, восточный», *ор**о**нтэ (orontë)*, *ор**о**нто (oronto)* «Восход», ***о**сто (osto)* «врата Солнца», ***О**стор (Ostor)* «Восток; Солнце, появляющееся из своих белых врат». Отмечается,

что ***О**ромэ* может быть отнесено и к какому-нибудь другому корню, но нет никаких упоминаний о родственных этому имени словах. В *Сокрытии Валинора* (с. 214) **О**ромэ выделяется знанием Восточных земель. В языке гномов его имя — ***О**рма (Orma)*. В перечне имен валар он также зовется *Р**а**устар (Raustar)*, см. статью *Мэ**а**ссэ*.

Ор**о**нто (Oronto). (На рисунке «Корабль Земли»: «Восток».) См. статью **О**ромэ.

Ор**о**сси (Orossi). В перечне фэй, упомянутом в статье *Н**а**ндини*, *ор**о**сси* — это «ф**э**ери гор», и, таким образом, их имя происходит от корня ORO (ORO), встречавшегося в статье *Кал**о**рмэ*.

Оссэ (Ossë). См. *О**н**эн*. У гномов его имя ***О**та (Otha)* или *Ом (Oth)*.

П**а**лисор (Palisor). См. Пал**у**риэн.

Палуриэн (Palurien). В ранней статье КС приводится *П**а**лурин (Palurin)* «широкий мир» в гнезде ПАЛА (PALA), производные которого имеют общий смысл «плоскостности», среди них *п**а**лис (palis)* «газон, лужайка», отсюда же, несомненно, *П**а**лисор (Palisor)*. В ГС аналогом служит *Бэл**а**урин (Belaurin)*, *Б(а)л**а**урин (B(a)laurin)*; также его иногда называют *Блад**о**рвэн (Bladorwen)* «широкий мир, мир со всеми своими ростками и плодами, Мать-Земля» (родственные слова: *блант (blant)*

«плоский, открытый, распростертый, прямой», *блат (blath)* «ярус», *бл**а**двэн (bladwen)* «равнина»). См. статью *Йаванна*.

Полд**о**рэа. (Poldórëa). Отсутствует в КС, но в ГС приводится несколько похожих слов: *Пол**о**двэг (Polodweg)* = *Т**у**лкус* (*п**о**лод (polod)* «власть, могущество, авторитет»); *пол**о**дрин (polodrin)* «могущественный, также существует поэтическая форма *Полд**у**рин (Poldurin)* или *Полд**о**рин (Poldorin)*, особенно как эпитет Т**у**лкуса; кв. *Полд**о**рэа (Poldórëa)*».

Р**а**на (Rána). Отсутствует в КС, но в ГС есть *Ран (Rân)* «Луна» (кв. *Р**а**на (Rána)*) и *р**а**нот (ranoth)* «месяц» (*Р**а**нот (Ranoth)* — отвергнутое имя, предшествовавшее имени *Р**а**нуин (Ranuin)*, с. 222).

В тексте (с. 192) говорится, что боги называли Луну Р**а**на (Rána).

Р**а**нуин (Ranuin). См. статью *Р**а**на*.

Р**и**нгиль (Ringil). В КС приводятся *р**и**нга (ringa)* «сырой, холодный, зябкий», *р**и**нгвэ (ringwe)* «иней, мороз», *рин (rin)* «роса»; в ГС *ри (rî)* «прохлада», *ринг (ring)* «прохладный, холодный, внезапный бриз или холодное дуновение» и (позднее дополнение) *Р**и**нгли (Ringli)* «арктические морозы, Северный Полюс (см. сказание о Пришествии Айнур [broken link: #UtraI_taleprihodainur])». Ср.

*Квэркар**и**нга.*

Р**у**миль (Rúmil). Этого имени нет в обоих словарях, но похоже на то, что оно связано со словами из ГС: *ру (rû)* и *рум (rûm)* «секрет, тайна», *р**у**им (ruim)* «секретный, таинственный», *руи (rui)* «шепот», *р**у**ита (ruitha)* «шептаться».

С**а**лмар (Salmar). Это имя должно быть связано с производными корня САЛА (SALA): *с**а**лма (salma)* «лира», *с**а**лмэ (salmë)* «игра на арфе» и т. д.

Сам**и**риэн (Samírien). («Празднество Двойного Веселья», с. 143.) По-видимому, происходит от корня МИРИ (MIRI) «улыбаться»; *са- (sâ)* употребляется в КС как «усилительная приставка». Ср. *Вансам**и**рин.*

С**а**ри (Sári). Отсутствует в обоих словарях, но в КС производные корня СА-ХА/САХЬЯ (SAHA/SAHYA): *са (sa)* «огонь», *с**а**йва (saiwa)* «жар», *Сах**о**ра (Sahóra)* «Юг»; в ГС есть *са (sa)* «огонь» (поэтическое *сай (sai)*), *с**а**йрин (sairin)* «огненный», *с**а**йвэн (saiwen)* «лето» и другие слова.

Сил**и**ндрин (Silindrin). «Лунный котел» не встречается ни в одном из словарей; ближайшей формой является *Сил**и**ндо (Silindo)* в КС, название Юпитера. См. статью *Силь*.

Силубр**и**льтин (Silubrilthin). См. *Сильмарилли*.

Силь (Sil). В гнезде СИЛИ (SILI) КС дает длин-

ный перечень слов, начинающихся на *Силь (Sil)* «Луна», все со значением белизны или белого света, но ни *Сильпиона (Silpion)*, ни *Сильмариля (Silmaril)* среди них нет. В ГС *Силь (Sil)* «в точном смысле слова = «Роза Сильпиона», см. Сказание о сотворении Солнца и Луны [broken link: #UtraI_talesun], но часто используется поэтически = обо всей Луне — *Ран (Rân)*». В этом сказании (с. 192) говорится, что фэри называли Луну «Силь, Роза» (ранний вариант — «серебряная роза»).

Сильмарилли (Silmarilli). См. статью *Силь*. В ГС эквивалентом «кв. *Сильмариль (Silmaril)*» является *силубрилль- (silubrill-)* (*силум(б)ариль-(silum(b)aril-)*), множественное число *силубрильтин (silubrilthin)* (встречается в тексте, с. 128). Впоследствии было добавлено *бритла (brithla)* «жемчуг», квэнийское *марилла (marilla)* (в КС отсутствует). Жемчужная Башня на языке гномов — *Тиримбритла (Tirimbrithla)*.

Сильмо (Silmo). См. статью *Силь*. В КС *Сильмо (Silmo)* переводится «Луна», а в ГС *Сильма (Silma)* дано как эквивалент квэнийского *Сильмо (Silmo)* на языке гномов.

Сильпион (Silpion). См. статью *Силь*. Аналогами в языке гномов являются *Сильпиос (Silpios)* или *Пиосиль (Piosil)*, но их значение не указывается.

С**и**рион (Sirion). В КС корень СИРИ (SIRI) «течь» с производными *с**и**нди (sindi)* «река» (ср. *Кэлус**и**нди*), *с**и**рэ (sire)* «поток», *с**и**рима (sirima)* «жидкий, текучий». В ГС приводятся *сир (sir)* «река», *с**и**риол (siriol)* «текущий» и *С**и**рион (Sirion)* (поэтическое) «река, исконное имя знаменитой волшебной реки, протекавшей через Гарл**и**сгион и Нант**а**трин» (*Гарл**и**сгион (Garlisgion)* «Земля Тростников», сохранившаяся как *Л**и**сгард (Lisgardh)* «заросли тростников в Устьях Сириона», *Неоконченные Сказания*, с. 34). Ср. *Сирн**у**мэн (Sirnúmen)* и предшествовавшее ему название *Нум**э**ссир (Numessir)*.

Сирн**у**мэн (Sirnúmen). См. *С**и**рион (Sirion)*, *Нумэ (Númë)*.

Солос**и**мпи (Solosimpi). В КС приводится *солос**и**мпэ (Solosimpe)* «Флейтисты Побережья». Первая часть слова происходит от корня СОЛО (SOLO): *с**о**лмэ (solmë)* «волна», *с**о**лор (solor)*, *сол**о**ссэ (solossë)* «прибой, волны» (ср. *Сол**о**рэ (Solórë)*, имя **О**нэн), а вторая от СИПИ (SIPI) «свистулька, свирель»: *с**и**мпа (simpa)*, *с**и**мпина (simpina)* «свирель, флейта», *с**и**мписэ (simpisë)* «игра на свирели», *с**и**мпетар (simpetar)* «флейтист». В ГС солос**и**мпи именуются *тл**о**ссибин (Thlossibin)* или *тлосс**и**брим (Thlossibrim)*, от *тлосс (thloss)* «бурун» (один из вариантов *флосс**и**брим (Flossibrim)*).

Говорится, что слово *флосс (floss)* произошло от *тлосс (thloss)* под влиянием *фласс (flass)* «берег моря, прибой, побережье».

Сор**о**нтур (Sorontur). Произошло от корня СОРО (SORO) «орел»: *сор (sor)*, *с**о**рнэ (sornë)* «орел», *с**о**рнион* «орлиное гнездо», *Сор**о**нтур (Sorontur)* «Король Орлов». *-тур (-tur)* см. статью *Мэриль-и-Туринкви*. В языке гномов имеются *торн (thorn)* «орёл», *тронд (thrond)* «(орлиное гнездо), пик», *Т**о**рндор (Thorndor)* и *Тр**о**ндор (Throndor)* «Король Орлов».

С**у**лимо (Súlimo). В КС в гнездах СУХЬЮ (SUHYU), СУХУ (SUHU), СУФУ (SUFU) «воздух, дыхание, дуновение, выдох» приводятся *су (sú)* «шум ветра», *с**у**лимэ (súlimë)* «ветер» и *С**у**лими (Súlimi)*, — о (-о) «В**а**ли Ветра = М**а**нвэ и В**а**рда». Это, вероятно, означает, что имя М**а**нвэ было *С**у**лимо*, а В**а**рды — *С**у**лими*, так как В**а**рда зовётся *С**у**лими* в перечне имен валар; однако в ГС говорится, что вместе М**а**нвэ и В**а**рду называли *и-С**у**лими (i Súlimi)*. В ГС есть *су (sú)* «шум ветра», *с**у**лта (súltha)* «порыв (ветра)», но ассоциирующееся с ветром имя М**а**нвэ — *С**а**улмот (Saulmoth)* (*с**а**ул (saul)* «ураган»), которое считается первоначальной формой более позднего *С**о**лмот (Solmoth)* «= кв. *С**у**лимо (Súlimo)*».

В языке гномов его также называют *Гв**а**нвэг*

(Gwanweg) (*гва (gwâ)* «ветер», *гвам (gwam)* «порыв ветра»), часто объединяя с *Ман (Man)* (см. статью *Манвэ*), например, *Ман ’Ванвэг (Man ’Wanweg)* = кв. *Манвэ Сулимо (Manwë Súlimo)*. Корень ГВА (GWÂ) встречается в КС: *ва (wâ)* «ветер», *ванва (wanwa)* «великая буря», *ванвавойтэ (wanwavoitë)* «ветреный»; в перечне валар Манвэ и Варда вместе именуются *Ванвавойси (Wanwavoisi)*.

Сурули (Súruli), См. статью *Сулимо*. *Сурули* отсутствует в КС. но в ГС есть *сулус (Sulus)* (во множественном числе *сулуссин (Sulussin)* и *сулутрим (Suluthrim)*) «один из двух родов духов воздуха Манвэ, кв. *суру (Súru)*, множественное число *сурули (Súruli)*».

Тавари (Tavari). В перечне фэй, упомянутом в статье *Нандини, тавари* — «фэй лесов» В КС *тавар (tavar)* (*таварни (tavarni)*) «духи долин» выводится из корня ТАВА (TAVA), откуда также *тауно (tauno)* «лес», *таулэ (taulë)* «высокое дерево», *тавас (tavas)* «леса». В ГС есть *тавор (tavor)* «фэй леса», *таур (taur), таврос (tavros)* «лес» (*Таврос (Tavros)*, к тому же, является именем собственным «верховный фэй леса, Лазурный Дух Леса». Позднее *Таврос* стало именем Оромэ, превратившись, через промежуточную форму *Таурос (Tauros)*, в *Таурон (Tauron)* в *Сильмариллионе*).

Т**а**вробэль (Tavrobel), В ГС переведено как «лесной дом» (см. статью *Т**а**вари*). Говорится, что элемент *пэль (pel)* используется «обычно лишь в таких географических названиях, как *Т**а**вробэль (Tavrobel)*» и означает «селение, деревушка, — ское (-ham)». В другом месте отдельным примечанием даются названия *Т**а**врост (Tavrost)* на языке гномов и *Тавар**о**с(сэ) (Tavaros(së))*, *Таур**о**ссэ (Taurossë)* на квэнья. *Т**а**врост*, очевидно, содержит *рост (rost)* «склон, всхолмье, отроги» с родственными словами *р**о**ста (rosta)* «подъем» (*Рост'**а**ура (Rost'aura)* «Восход»), *ронт (ront)* «высокий, крутой», возводимые к основе *ро- (rõ-)*, *оро-(oro-)*. Все это этимологические варианты слов, приведённых в статье *Калормэ*.

Т**а**лка М**а**рда (Talka Marda). Этот титул **А**улэ, переведённый в тексте как «Кузнец Мира», отсутствует в КС, но в ГС приводится «*Март**а**глос (Martaglos)*, точнее *Малт**а**грос (Maltagros)*, титул **О**лы, Кузнеца Мира», как эквивалент квэнийского *Т**а**лка М**а**рва (Talka Marwa)*; также *т**а**грос (tagros)*, *т**а**глос (taglos)* «кузнец». Кроме того, его называют ***О**ла Мар (Óla Mar)*, в перечне имен валар — ***А**улэ Мар (Aulë Mar)*. (Спустя длительное время этот титул **А**улэ возник вновь. В более позднем примечании его называют *мб**а**ртано (mbartanõ)*

«мастеровой мира» > *М**а**ртамо (Martamo)* на квэнья, *Б**а**ртан (Barthan)* на синдарине.)

Тан**и**квэтиль (Taniquetil). В КС *Тан**и**квэтиль* приводится в гнезде ТАХА (ТАНА) со значением «величественная снежная вершина» Вторая часть слова — от корня НИКВИ (NIQI) (*н**и**нквэ (ninqë)* «белый», *н**и**квис (niqis)* «снег», *н**и**квэтиль (niqetil)* «снежная шапка»; ср. *ниэн**и**нквэ (nieninqë)* «белая слеза» (подснежник) в статье *Ниэл**и**кви*.

В языке гномов — *Дан**и**гвэтиль (Danigwethil)* (*да (dâ)* «высокий»), однако, вторая часть, по-видимому, иная, так как в ГС существует *н**и**гвэт (nigweth)* «буря (изначально — снежная буря, но этот оттенок был утрачен)».

Таньяс**а**лпэ (Tanvasalpë). В тексте переведено как «огненная чаша» (с. 187). *С**а**лпа (salpa)* «чаша» в КС помешено в гнездо СЛПЛ (SLPL) (обе согласные Л — слоговые) вместе с *сулп- (sulp-)* «облизывать», *с**а**лпа (salpa)* «отхлебнуть», *с**у**лпа (sulpa)* «суп». *Т**а**нья (tanya)* отсутствует в КС; в ГС есть *тан (tan)* «дрова», *т**а**нта- (tantha-)* «зажигать», *танг (tang)* «пламя, вспышка» и *Т**а**нфа (Tanfa)* «самый нижний из воздушных слоёв, жаркое дыхание глубин».

Т**а**ри-Л**а**йси (Tári-Laisi). Тари (Tári) см. в статье Квалмэ-Тари. В КС корень ЛАЙА (LAYA) «быть

живым, процветать» имеет производные *л**а**йрэ (lairë)* «луговина», *л**а**йква (laiqa)* «зеленый», *л**а**йто (laito)* и *л**а**йси (laisi)*, оба означающие «молодость, энергия, новая жизнь». В языке гномов есть слова *лайб (laib)* (также *глайб (glaib)*) «зеленый», *л**а**йгос (laigos)* «зелень = кв. *лайкв**а**ссэ (laiqassë)*», *лайр (lair)* (также *глайр (glair)*) «луговина». Большой интерес представляет следующее замечание: «Заметь: *Л**а**йголас (Laigolas)* = зелёный лист (см. статью *Гар Л**о**ссион*), становясь архаичным из-за того, что окончательная форма превращается в *лайб (laib)*, дал *Л**э**голаст (Legolast)*, т. е. остроглазый (*ласт (last)* «взор, быстрый взгляд», *лэг (leg, lêg)* «острый, колющий»). Возможно, однако, что оба слова были его именами, ибо гномы любили давать два созвучных, но различающихся по смыслу имени, как, например, *Л**а**йголас Л**э**голаст (Laigolas Legolast)*, Т**у**рин Тур**а**мбар и т. д. Обычная форма *Л**э**голас (Legolas)* — результат смешения двух слов». (Л**э**голас Зеленый Лист упоминается в сказании *Падение Гондолина* он был эльфом из Гондолина, который благодаря своей способности видеть в темноте вывел беглецов из города по равнине под покровом ночи. Замечание к этому преданию гласит: «он живет с тех пор на Тол Эр**э**ссэа, прозванный тамошними

эльдар *Лайквал**а**ссэ (Laiqalassë)*».)

Тарн Ф**у**и (Tarn Fui). См. статьи *Морит**а**рнон*, *Ф**у**и*.

Тилькал (Tilkal). Название, составленное из первых букв названий шести металлов (см. с. 100 и сноску). *Т**а**мбэ (tambë)* «медь» см. в статье *Аулэ*, ***и**льса (ilsa)* «серебро» см. в *Ильсал**у**нтэ*. *Лат**у**кэн (latúken)* «олово» в КС посвящена отдельная статья, вместе с *латук**э**нда (latukenda)* «оловянный»; у гномов — *л**а**дог (ladog)*. *К**а**ну (Капи)* «свинец», *кан**у**ва (kanuva)* «свинцовый» в КС помещены в гнездо КАНА (KANA). *А**н**га (anga)* «железо» см. в статье *Ангам**а**нди*, *л**а**урэ (laurë)* «золото» см. в статье *Лаурэлин*.

Т**и**мпинэн (Timpinen). В КС это слово значится единственным деривативом от корня ТИФИ (TIFI), но в статье ТИПИ (TIPI) даны слова *т**и**мпэ (timpë)* «моросящий дождь», *т**и**мпинэ (timpinë)* «брызги» и т. д. См. статью *Т**и**нфанг*.

Т**и**нвэ Л**и**нто. Т**и**нвэлинт (Tinwë Linto, Tinwelint). В ГС говорится: «*Тинвэг (Tinweg)* (также *Линт**и**нвэг (Lintinweg)*), а чаще *Т**и**нвэлинт (Tinwelint)* = кв. *Т**и**нвэ Л**и**нто (Tinwe Linto)*; сначала — вождь *сол**о**с**и**мпи* (впоследствии предводительствуемых **Э**ллу), превратившийся в Короля Утраченных Эльфов **А**ртанора. Первая часть имени происхо-

дит от ТИН- (TIN-), так же как и *тим (tim)* «искра, отблеск, (звезда)», *тинт**и**льта- (tintiltha-)* «мерцание», *тинв**и**тли (tinwithli)* «скопление звезд, созвездие». Вторая часть — это, по-видимому, *линт (lint)* «быстрый, проворный, лёгкий» из языка гномов, которое отец приводит в эссе «Тайный порок» (*The Monsters and Critics and Other Essays*, 1983, p. 205) как одно из слов, которые он помнит из самого раннего этапа его языкового конструирования. В КС нет ни ранней (*Л**и**нвэ Т**и**нто (Linwë Tinto)*, с. 130), ни поздней форм этого имени, но в гнезде ТИНИ (TINI) можно найти *т**и**нвэ (tinwë)* «звезда», *тинт (tint)* «(серебряная) искра» и т. д., а также *линтит**и**нвэ (lintitinwë)* «многозвездный», первой частью которого является умножающая приставка *ли- (li-), лин- (lin-)*. Ср. *Тинвэт**а**ри*.

Тинвэт**а**ри (Tinwetári). «Королева Звезд». Элементы этого имени см. в статьях Т**и**нвэ Л**и**нто, $kvalmetari***Кв**а**лмэ-Т**а**ри***. У гномов аналогом является *Тинт**у**рвин (Tinturwin)*, с отличающейся второй частью, см. статью *М**э**риль-и-Тур**и**нкви*. В арду, помимо того, называли *Т**и**мбридиль (Timbridhil)*, *Т**и**мфириль (Timfiril)*, сохраняя первый элемент (*Бр**и**диль (Bridhil)* — имя В**а**рды у гномов), и *Гайлбр**и**д(н)ир (Gailbridh(n)ir)* — включает *гайл (gail)* «звезда» (соответствует

квэнийскому ***и**лэ (ilë)* в *Илив**а**рда (Ilivarda)*, отсутствующему в КС).

Т***и**нфанг* (Tinfang). Статья в ГС гласит: «*Т**и**нфинг (Tinfing)* или *Т**и**нфанг (Tinfang)* — флейтист (прозванный *Гв**а**рбилин (Gwarbilin)*, или Птичий Страж), фэй; ср. кв. *т**и**мпинэн (timpinen)* «флейтист» (*Тимп**а**ндо (Timpando)*, *Варавил**и**ндо (Varavilindo)*)». Другие слова гномов: *тиф- (tif-)* «свистеть», *т**и**мпа- (timpa-)* «звон, побрякивание», *т**и**мпи (timpi)* «колокольчик», *тимп (timp)* «гудок, звук флейты», *т**и**фин (tifin)* «маленькая флейта». Первая часть слова *Гв**а**рбилин (Gwarbilin)* встречается в топониме ***А**мон Гв**а**рэт (Amon Gwareth)* — «Холм Бдения», который упоминается в сказании *Падение Гондолина*; вторая — *б**и**лин(к) (bilin(c))* «воробей, пташка».

Тол Эр**э**ссэа (Tol Eressëa). В КС у корня ТОЛО (TOLO) есть производные *тол (tol)* «остров; нечто, возвышающееся над водой, зеленой равниной», *толмэн (tolmen)* «умбон (на щите), одиночный круглый холм и т. д.», *т**о**лос (tolos)* «шишка, комок», *т**о**лэ (tólë)* «центр» и другие слова. В ГС *тол (tol)* «остров с высокими обрывистыми берегами».

Эр**э**ссэа (Eressea) помещено в КС в гнездо ЭРЭ (ERE) (не путать с тем, что в ***Э**руман (Eruman)*)

«остаться в одиночестве»: *эр (er)* «только, лишь, до сих пор», *эр**э**ссэ (eressë)* «единственно, только, отдельно», *эр**э**ссэа (eressëa)* «одинокий», ***э**рда (erda)* «уединенный, пустынный», ***э**рин (erin)* «реликвии». На языке гномов Одинокий Остров — *Тол Эр**э**трин (Tol Erethrin)* (*эр (er)* «один», ***э**рэт (ereth)* «одиночество», *эр**э**трин (erethrin)* «уединенный, одинокий» и т. д.).

Т**о**лли К**у**рувар (Tolli Kuruvar). (На рисунке «Корабль Земли» — «Волшебные Острова», с. ~84–85~.) *Т**о**лли (Tolli)* см. статью *Тол Эр**э**ссэа*. В КС есть группа слов *к**у**ру (kuru)* «волшебный, магический», *к**у**рувар (kuruvar)* «волшебник», *к**у**руни (kuruni)* «волшебница», с примечанием: «о добром волшебстве». В ГС *к**у**ру (curu)* «магия», *к**у**руг (curug)* «маг», *к**у**рус (curus)* «волшебница».

Т**о**мбо (Tombo). В КС *т**о**мбо (tombo)* «гонг» производится от корня ТУМУ (TUMU) «нечто выпуклое, пустое изнутри», так же как и *т**у**мбэ (tumbë)* «труба», *т**у**мбо (tumbo)* «мрачная долина», *т**у**мна (tumna)* «глубокий, глубинный, темный или укрытый» (см. статью *Ут**у**мна*). У гномов *тум (tûm)* «долина», *тум (tum)* «полый», *т**у**мли (tumli)* «дол», *т**у**мбол (tumbol)* «долинный, пустой», *т**у**мла- (tumla-)* «потрошить».

Туив**а**на. (Tuivána). См. статьи *Т**у**илэрэ*, *В**а**на*.

Т**у**илэрэ (Tuilérë). Гнездо ТУЙУ (TUYU) из КС: *т**у**илэ (tuilë)* «весна, дословно — набухание почек, собирательно: почки, молодые побеги, свежая зелень», *Т**у**илэрэ (Tuilérë)* «Весна» и некоторые другие слова, как, например, *туил**и**ндо (tuilindo)* «(певец весны), ласточка». Варианты на языке гномов — *т**у**иль (tuil)*, *т**у**илир (tuilir)* «весна» (с примечанием «*Т**у**илир (Tuilir)* = *В**а**на*»); однако *В**а**ну* также именуют *Х**а**йрэн (Hairen)* «весна», возможно, в связи с *хайр (hair)* «пунктуальный, своевременный», *хай (hai)* «пунктуально», *х**а**йдри (haidri)* «утро».

Тулиэльто, и т. д. (tulielto, &c.). *Тулиэльто* переводится «они явились» (с. 114), *И-**Э**льдар т**у**лиэр (I Eldar tulier)* «**Э**льдар явились» (там же), *И-кал'ант**у**лиэн (I kal'antúlien)* «Свет возвратился» (с. 184). В КС в гнезде ТУЛУ (TULU) «принести, привести, носить; идти, прийти» есть глагол *т**у**лу- (tulu-)* с тем же значением, а также *т**у**лвэ (tulwë)* «колонна, опора, столб», *т**у**лма (tulma)* «носилки». В ГС: *тул- (tul-)* «принести; прийти», *т**у**лта (tultha-)* «поднимать, нести (на себе тяжесть)».

Т**у**лкас (Tulkas). В КС это имя помещено в гнездо ТУЛУК (TULUK) вместе с *тул**у**нка (tulunka)* «устойчивый, твёрдый», *т**у**лка- (tulka-)* «укреплять, устанавливать, основывать». У гномов — *Т**у**л-*

кус(-ос) (Tulcus(-os)); однокоренные слова *т**у**луг (tulug)* «устойчивый, твёрдый», *т**у**лга- (tulga-)* «укреплять, обосновываться, закаляться, поддерживать».

Тулк**а**стор (Tulkastor). Это имя не встречается в словарях (так же как и предшествующие формы *Тулк**а**ссэ (Tulkassë)*, *Тур**э**нбор (Turenbor)*, с. 22). См. статьи *Т**у**лкас*, *М**э**риль-и-Тур**и**нкви*.

Т**у**ор (Tuor). Имя *Т**у**ор (Tuor)* отсутствует в словарях, но, вероятно, происходит от корня ТУРУ (TURU) «быть сильным» (так как иногда пишется *Тур (Tûr)*). См. статью *М**э**риль-и-Тур**и**нкви*.

Т**у**ргон (Turgon). Ни *Тур**о**ндо (Turondo)*, ни, на языке гномов, *Т**у**ргон (Turgon)* нельзя найти в словарях, и эти имена не поддаются истолкованию, кроме разве что предположения о том, что первый элемент происходит от корня ТУРУ (TURU) (см. статью *М**э**риль-и-Тур**и**нкви*).

Туруха**л**мэ (Turuhalmë). «Сбор Дров» (с. 229). Второй корень ТУРУ (ТУСО) (TURU (TUSO)) «зажигать» (отличается средней согласной от первого ТУРУ (TURU) «быть сильным») имеет в КС множество производных: *т**у**ру-(turu-)*, *т**у**нда- (tunda-)* «зажигать», *т**у**ру (turu)* «буквально = хворост, но используется и в более широком смысле — лес», *тур**у**ва (turúva)* «деревянный», *т**у**стурэ (tusturë)*

«трут» и т. д. В ГС есть *дуру (duru)* «лес: столб, балка или бревно», *дурог (durog)* «деревянный».

Второй элемент встречается в языке гномов в слове *халм (halm)* «вытягивание, вытаскивание (рыбы и т. д.)». Название праздника *Дурухалмо(с) (Duruchalmo(s)) = Халм на-дурутон (Halm na-dhuruthon)* (в тексте было написано, но затем вычеркнуто *Дурухалм (Duruchalm)*, с. 244) переводится как «Святочная неделя»; впоследствии оно было изменено в *Дуруфуи (Durufui)* «Святки (ночь), т. е. Сочельник» (см. статью *Фуи*).

Тэвильдо (Tevildo). В КС приводится в гнезде ТЭФЭ (TEFE) (с производными *тэвэ-(teve-)* «ненавидеть», *тэвин (tevin)*, *тэвиэ (tevië)* «ненависть») и толкуется как «Владыка Котов» (см. с. 47). Вариант гномов — *Тифиль (Tifil)*, «Князь Котов».

Телимпэ (Telimpë). В гнезде ТЭЛЬПЭ (TELPE) в КС отсутствует, однако там есть *тэлэмпэ (telempë) = тэльпэ (telpë)* «серебро». В языке гномов: *кэлэб (celeb)* «серебро», *кэлэбрин (celebrin)* «серебряный», *Кэлэброн (Celebron)*, *Кэлиот (Celioth)* — имена Луны. См. статью *Ильсалунтэ*.

Тэлимэктар (Telimektar). В КС *Тэлимэктар (Telimektar)*, *Тэлимбэктар (Telimbektar)* переводится как «Орион, дословно — Небесный Мечник» и находится в гнезде ТЭЛЭ (TELE) «за-

крывать, покрывать» вместе с *тэл (tel)* «крыша», *тэльда (telda)* «укрываться», *тэлимбо (telimbo)* «навес, небо» и т. д.; — *мэктар (-mektar)*, по-видимому, происходит от корня МАКА (МАКА), см. статью *Макар*. В языке гномов — *Тэлумайтар (Telumaithar)*.

В перечне имен валар его также называют *Таймондо (Taimondo)*. В обоих словарях есть внушительные комментарии к этому имени, появившиеся, похоже, в одно и то же время. В КС *Таймондо (Taimondo)* и *Таймордо (Taimordo)* — имена Тэлимэктара — помещены в гнездо ТАХА (ТАНА) (см. статью *Квалмэ-Тари*) вместе с *Таймэ (Taimë)*, *Таймиэ (Taimië)* «небо». Эквивалент в языке гномов — *Дайморд (Daimord)* (*дай (dai)*, *даймот (daimoth)* «небо, небеса») — встречается также в статье ГС, посвященной Ингилю, сыну Инвэ (Гиль, Сириус): он достиг небес, приняв облик великой пчелы, «последовав за Даймордом» (см. статью *Ингиль*). Однако квэнийское слово *мордо (mordo)* «воин, герой» фактически является заимствованным *морд (mord)* из языка гномов, а правильным квэнийским эквивалентом было *мавар (mavar)* «пастух». Это исконное значение слова из языка гномов, приобретшего значение «мужчина, воин» в поэзии после того, как вышло

из употребления в прозе и разговорной речи. Таким образом, *Д**а**йморд* первоначально означал «Небесный Пастух», как и исходное квэнийское *Т**а**ймавар (Taimavar)*, превратившееся под влиянием языка гномов в *Тайм**о**ндо (Taimondo)*, *Тайм**о**рдо (Taimordo)*.

Тэл**э**лли (Telelli). Смысл этого слова, встречающегося в *Сказаниях* всего лишь один раз (с. 19), неясен. В ранних статьях КС приводится целый ряд слов, означающих «маленький эльф». Он включает *т**э**лэр (Teler)*, *тэл**э**ллэ (Telellë)* и прилагательные *тэл**э**рэа (telerëa)*, *тэл**э**лла (telella)*. Нет никаких соображений по поводу различий между ними. В отдельном примечании говорится, что молодые эльфы всех родов, которые поселились в Коре, желая совершенствовать своё искусство пения и стихосложения, звались *тэл**э**лли (Telelli)*; но в другом месте *тэл**э**ллин (Telellin)* — название наречия, используемое вместо *т**э**лэрин (Telerin)*. См. статью *Т**э**лэри*.

Т**э**лэри (Teleri). См. статью *Тэл**э**лли*. В ГС встречается *т**и**лит (Tilith)* «эльф из первых трех колен ф**э**ери, или **э**льдар; множественное число *т**и**льтин (Tilthin)*». Более позднее значение слова *т**э**лэри (Teleri)*, когда оно стало именем Третьего Колена, потенциально существовало с самого

начала: в КС приводится ТЭЛ+У (TEL+U) с производными *тэлу- (telu-)* «закончить, завершить», *тэлу (telu)* «конец», *тэльва (telwa)* «последний, поздний», с указанием, что это, возможно, производное корня ТЭЛЭ (TELE) «закрыть» (см. статью *Тэлимэктар*). В ГС эти значения «закрыть — замкнуть — закончить» подчеркнуто приписываются корню ТЭЛ- (TEL-): *тэльм (telm)* «крыша, небо», *тэлот (teloth)* «покрытие, навес, укрытие», тэлу- (telu-) «закрыть, завершить, закончить», *тэлу (telu)* «конец».

Ув**а**нимор (Úvanimor). См. статью *В**а**на*.

Уин (Uin). См. статью ***О**нэн*. В ГС ***у**ин (uin)* — имя нарицательное, «кит», возникшее от имени ***У**ин (Uin)* «Великий кит Г**у**лмы» (*Г**у**лма (Gulma)* = ***У**лмо (Ulmo)*); но очевидно (хотя эта статья довольно запутана), что первоначальное значение слова ***у**ин*, сохранившееся в поэзии, было «волна». Другое гномское слово для «кита» — ***у**имот (uimoth)* «овца волн» (*мот (moth)* «овца», также «тысяча», вероятно, первоначально «стадо»; ***мо**твэг (mothweg)* «пастух»).

Уинэн (Ilinen). См. статью ***О**нэн*.

Улмо (Ulmo). Улмо приводится в КС в гнезде УЛУ (ULU) «лить, течь быстро» вместе с ***у**лу- (ulu-)* и ***у**лто- (ulto-)* «лить», в переходной и непереходной

формах. У гномов его имя — *Г**у**лма (Gulma)* с однокоренными словами *гул-(gul-)* и *г**у**лта- (gulta-)*. В черновике *Музыки Айнур* его также называют *Л**и**нквиль (Linqil)*; см. статью *Ниэл**и**кви*. Другие имена см. в статье *В**а**йлимо*.

Улмонан (Ulmonan). См. статью *У**л**мо*. Второй элемент этого имени истолковать не удается.

Унгвэ Ли**а**нти. Унгвэли**а**нт(э) (Ungwë Lianti, Ungweliant(ë)). В гнезде ГУНГУ (GUNGU), отмеченном знаком вопроса, КС дает *у**н**гвэ (ungwë)* «паук, особенно *У**н**гвэ (Ungwë)* Мракоткущая, обычно именуемая *Унгвэли**а**нти (Ungwelianti)*». Второй элемент происходит от корня ЛИ (LI) + *йа (ya)* «сплетать» с производными *л**и**а (lia)* «бечевка», *ли**а**нтэ (liantë)* «лиана», *лиант**а**ссэ (liantassë)* «виноградная лоза». В ГС это имя первоначально появилось в виде *Г**у**нглионт (Gungliont)*, так же, как сначала оно написано в тексте (с. 156); впоследствии оно превратилось в «*Унгв**э**лионт (Ungweliont)* или *Унг**о**лионт (Ungoliont)*». Второй элемент относится к корню *ли- (li)* (*линд (lind)* «бечевка»).

Унг**о**лионт (Ungoliont). См. статью *Унгвэ Ли**а**нти*.

Уолэ К**у**вион (Uolë Kúvion). *К**у**вион (Kúvion)* является заменой *Мик**у**ми (Mikúmi)* (с. 198). В

КС этого имени нет в гнезде КУВУ (KUVU) «кланяться, изгибаться», имеющем производные *ку (kû)* «Месяц», ***ку**нэ (ку́нё)* «полумесяц, дуга». В ГС приводится *ку (си)* «дуга, полумесяц, убывающая или прибывающая Луна», а также «*Кув**о**нвэг (Cuvonweg)*: *Ул Кув**о**нвэг (Ûl Cuvonweg)* (= кв. ***О**лэ К**у**мион (Ólë Ку́mion)*), Лунный Король». Однако квэнийским эквивалентом *Ул (Ûl)* является ***У**олэ (Uolë)*, и указывается, что слово *Ул (Ûl)* употребляется, как правило, во фразе *Ул-а-Ринт**и**лиос* (Ûl-a-Rinthilios); *Ринт**и**лиос (Rinthilios)* переводится «диск Луны; имя лунного эльфа» (*ринк (rinc)* «круговой», существительное «диск»; *рин- (rin-)* «вращаться, возвращаться»).

Ур (Ûr). У корня УРУ/УСУ (URU/USU) в КС есть производные ***у**ру (uru)* «огонь», ***у**рит (úrin)* «обжигающе жаркий», *урув**о**йтэ (uruvoitë)* «огненный», *ур**у**ва (urúva)* «подобный огню», ***у**рва (urwa)* «на огне», *Ур (Úr)* «Солнце» (другие варианты ***У**ри (Úri)*, *Ур**и**нки (Úrinki)*, ***У**рвэн (Urwen)*), ***У**рион (Úrion)* «имя Фи**о**нвэ», ***у**рна (urna)* «печь», ***у**ста- (usta-)*, ***у**рья- (urya-)* «гореть» (переходная и непереходная формы). У гномов — ***А**ур (Aur)* (***а**урост (aurost)* «восход»), а также поэтическое ***У**риль (Uril)*. См. статьи *Фи**о**нвэ-**У**рион*, ***У**рвэн*.

Урвэн, Урв**э**нди (Urwen, Urwendi). Урвэн (Urwen)

ранних преданий этой книги превращается в *Урвэнди (Urwendi)* в *Сказании о Солнце и Луне*. Одна из первых статей ГС гласила: «*Урвэнди (Urwendi)* и *Урвин (Urwin)* (кв. *Урвэн (Urwen)*) — дева Корабля-Солнца», но позднее было внесено изменение: «*Урвэдин (Urwedhin)* и *Урвин (Urwin)* (кв. *Урвэнди (Urwendi)*)». В КС (см. статью *Ур*) *Урвэн (Urwen)* появляется как имя Солнца. В перечне имен валар Дева Солнца зовется также *Уринки (Úrinki)*, и это имя также встречается в КС как одно из имен Солнца.

Элемент — *вэн (-wen)* приводится в КС в гнезде ГВЭНЭ (GWENE): *вэн(wen)* и *вэнди (wendi)* «дева, девушка», — *вэн (-wen)* — женский патроним, так же как — *ион (-ion)* — мужской, *вэндэлэ (wendelë)* «девичество» (см. статью *Вэндэлин*). В ГС эти формы сильно изменены и запутаны. Приведенные слова с основами *гвин- (gwin-)*, *гвэн- (gwen-)*, *гвэт (gweth)* означают «женщина», «девушка» и т. д.; как кажется, корень был изменен из *гвэни-(gweni-)* на *гвэдэ- (gwedhe-)*, со ссылкой как на квэнийское *мэриль (meril)* (см. статью *Мэриль-и-Туринкви*), так и квэнийское *вэнди (wendi)*.

Утумна. (Utumna.). В КС корень слова *Утумна (Utumna)* («нижние области тьмы и мрака на севере, первое жилище Мэлько») не приводится, но

ср. со словом *тумна (tumna)* «глубокий, глубинный, темный или укрытый», упоминавшимся в статье *Томбо (Tombo)*. В языке гномов — *Удум (Udum)* и *Удувна (Uduvna)*; Бэльха (Мэлько) зовется *Удуврин (Uduvrin)*.

Фалассэ Нумэа. (Falassë Númëa). Переводится в тексте (с. 124) как «Западный Прибой»; см. статьи *Фалман*, *Нумэ*.

Фалман (Falman). В КС у корня ФАЛА (FALA) есть производные *фалма (falma)* «пена», *фалмар (falmar)* «волна, разбивающаяся о берег», *фалас(с) (falas(s))* «берег, пляж», *Фалман* = Оссэ; ср. *Фалассэ Нумэа (Falassë Númea)*, *фалмарини (Falmarini)*. В ГС есть *фалм (falm)* «бурун, волна», *фалос (falos)* «брег морской, прибой», *Фалмон (Falmon)* или *Фалатрон (Falathron)* «имена Оты (Оссэ) = кв. *Фалман (Falman)* и *Фалассар (Falassar)*».

Фалмарини (Falmarini). См. статью *Фалман*.

Фантури (Fanturi). В КС *фантур (fantur)*, без перевода, но со ссылкой на статьи *Лориэн и Мандос*, приводится в гнезде ФАНА (FANA) вместе с несколькими производными, касающимися видений, сна, дремоты. В ГС (поздняя статья) приводится *Фантор (Fanthor)*, множественное число *и-Фантаурин (i-Fanthaurin)*, «каждый из двух братьев по отдельности; сон; смерть».

Ф**а**нуин (Fanuin). В ГС — *фанн (fann)* «год». Отвергнутые слова *Л**а**тос (Lathos)*, *Л**а**твэг (Lathweg)* (с. 222) см. в статье *Г**о**нлат*.

Ф**а**скала-н**у**мэн, Ф**а**скалан (Faskala-númen. Faskalan). Переведено в тексте (с. 187) как «Купель Заходящего Солнца». В ГС есть *фас — (fas-)* «омывать», *фаск (fasc)* «чистый», *ф**а**ска- (fasca-)* «плескать, брызгать», *фос (fôs)* «купальня». *-н**у**мэн (-númen)* см. в статье *Н**у**мэ*.

Ф**и**нвэ (Finwë). Как имя собственное в словарях отсутствует, но в ГС приводится нарицательное существительное *ф**и**нвэг (finweg)* «мастер, умелец» (вместе с *фим (fim)* «искусный; правая рука» и другими подобными словами); *— вэг (-weg)* см. в статье *Бр**о**нвэг*. В КС производные корня ФИНИ (FINI) — *ф**и**нва (finwa)* «проницательный», *ф**и**ниэ (finië)*, *ф**и**ндэ findë)* «искусный». См. статью *Н**о**лэмэ*.

Финг**о**лма (Fingolma). См. статью *Н**о**лэмэ*.

Ф**и****о**нвэ-**У**рион (Fionwë-Úrion). *Ф**и**он (fion)* «сын» приводится в КС отдельно (торопливая поздняя приписка), с примечанием «в частности вала Фион(вэ)». У гномов он — «*А**у**рос Ф**и****о**нвэг (Auros Fionweg)* или *Фионаур Фионор (Fionaur Fionor)*». В поздней статье ГС «*Ф**и**онаур (Ф**и**онор)* = кв. Ф**э**анор (Fëanor) (мастер кубков)», а среди оригинальных

статей — *ф**и**он (fion)* «чаша, кубок». Указания на то, что это относится к Ф**э**анору-гному, отсутствуют.

Второй элемент (**У**рион, **А**урос) см. в статье *Ур* (Ûr). В перечне имен валар Фи**о**нвэ зовется *К**а**лмо (Kalmo)*; см. статью *Г**а**лмир*.

Ф**у**и (Fui). В КС есть *х**у**и (hui)* «мгла, темнота, мрак, ночь», *х**у**ива (huiva)* «мрачный», а также «*Ф**у**и* (= *х**у**и*), жена Вэ». У гномов она — *Ф**у**иль (Fuil)* «Королева Тьмы», однокоренные слова *ф**у**и (fui)* «ночь», *ф**у**ин (fuin)* «потайной, тёмный».

Фум**э**ллар (fumellar). «Цветы сна» (маки) в садах Л**о**риэна (с. 74). В КС в гнезде ФУМУ (FUMU) «сон» есть *ф**у**мэ (fúmë)* «сон», *фум**э**лла (fúmella)*, *фум**э**ллот (fúmellot)* «мак».

Ф**э**анор (Fëanor). Единственное толкование этого имени приводится в статье *Фи**о**нвэ-**У**рион*.

Хал**о**йси В**э**ликэ (Haloisi Velikë). (На рисунке «Корабль Земли», с. 84.) В КС *хал**о**йси (haloisi)* «море (штормовое)» приводится в гнезде ХАЛА (HALA) вместе с другими производными: *хал**о**йтэ* (haloitë) «прыгающий», *х**а**лта-(halta-)* «прыгать».

Слову *в**э**ликэ (velikë)* «великий» в квэнья соответствует *б**э**лэг (beleg)* «могущественный, великий» языка гномов (как в имени Б**э**лэга Лучника из предания о Турине).

Хисил**о**мэ (Hisilomë). В КС в гнезде ХИСИ (HISI) даны *х**и**сэ (hisë)*, *х**и**стэ (histë)* «мрак», *Х**и**синан (Hisinan)* «Земля Сумерек». Перевод *Хисил**о**мэ (Hisilómë)*, как «Тенистые Сумерки» см. на с. 112.

У корня ЛОМО (LOMO) есть много производных, как, например, *л**о**мэ (lómë)* «сумерки, мгла, темнота», *л**о**мэар (lómëar)* «дитя мглы» (ср. *ломэ**а**рни (Lómëarni)*), *л**о**мин (lómin)* «тень, полумрак», *л**о**мир (lomir)* «я прячусь», *л**о**мба (lomba)* «тайный». Ср. *Вирил**о**мэ (Wirilome)*. В языке гномов *лом (lôm)* «тьма, полумрак», *л**о**мин (lómin)* «тенистый, мглистый» и существительное «мгла»: отсюда *Дор Л**о**мин (Dor Lómin)*. Сходный элемент встречается в *Ломэнд**а**нар (Lomendánar)* «Дни Сумерек».

Хис**и**льди (Hisildi). См. статью *Хисил**о**мэ*.

Х**э**лькар (Helkar). В КС в гнезде ХЭЛЭ (HELE) есть *х**э**лькэ (helkë)* «лед», *х**э**лька (helka)* «ледяной», *х**и**лькин (hilkin)* «морозит», *х**а**лкин (halkin)* «замерзший». В ГС *хэльк (helk)*, *х**э**лэг (heleg)* «лед», *хэл- (hel-)* «замерзать», *х**э**лот (heloth)* «мороз» и т. д., также *х**э**лькор (helcor)* «арктический холод, сильнейший мороз». Последнее было изменено на *х**э**льхор (helchor)* «антарктический холод, сильнейший холод Юга (столп Южной Светильни). Кв. *Х**э**лькар (Helkar)*».

Хэлькар**а**ксэ (Helkaraksë). См. статью *Х**э**лькар*;

*Хэлькар**а**ксэ* нет ни в одном из словарей и второй элемент неясен, разве что он связан с кв. ***а**кса (aksa)* «водопад» (см. статью ***А**сгон*).

Х**э**скиль (Heskil). У корня ХЭСЭ (HESE) «зима» в КС есть производные *Х**э**скиль (Heskil)* «зимний», *Х**э**син (Hesin)* «зима», *х**э**сса (hessa)* «мертвый, увядший», *х**э**ста- (hesta-)* «вянуть». В ГС *Хэсс (Hess)* «зима, в особенности как имя Ф**у**иль» и *хэск (hesc)* «увядший, мертвый; холодный». Другие имена Ф**у**и Ни**э**нны см. в статье *В**а**йлимо*.

Эар**э**ндэль (Eärendel). В аннотированном перечне имен, сопровождающем *Падение Гондолина*, есть предположение, приписываемое Сердечку, сыну Вор**о**нвэ, что имя *Эарэндэль* «родственно эльфийским ***э**а (ea)* и ***э**арзн (earen)* «орел» и «высокое гнездо»». В КС эти слова (оба означающие «орел») также помещены вместе со словом *Эарэндэль*, хотя явная увязка отсутствует. В самом же предании говорится, что «люди и эльфы по-разному переводили» имя *Эарэндэль*, и предполагается, что это слово из «некоего тайного языка» народа Гондолина.

В ГС есть статья: Иорингли *(Ioringli)* «исконная форма имени *Эарэндэль* в языке гномов, хотя эльдарская форма тоже была заимствована и часто встречается в переходных вариантах *Иарэндэль*

(Iarendel), *Иорэндэль (Iorendel)*» (о различиях языков гномов и эльдар см. с. 50). На языке гномов «орел» — ***и**ор (ior)*, ***и**ороm (ioroth)*.

В КС есть статья Эарэндильон *(Eärendilyon)* «сын Эар**э**ндэля (применительно к любому моряку)»; ср. с. 13.

Эльдамар (Eldamar). Первый элемент см. в статье ***Эльдар***. Нижеприведённые слова в КС собраны в одну группу: *мар (mar)* *(мае- (mas-))* «место обитания людей, Земля, — земье», *м**а**рдо (mardo)* «обитатель», *м**а**сто (masto)* «поселение» и — *мас (-mas)*, аналогичное русским — *ка, — во* [английским— *тон (-ton), — би (-by)*] в названиях мест (ср. *Мар В**а**нва Тьялиэва (Mar Vanva Tyaliéva)*; *К**о**ромас (Koromas)*; *и-Т**а**лка М**а**рда (i-Talka Marda)* «Кузнец Мира», **А**улэ). В ГС есть *бар (bar)* «дом» (<*мбар- (mbar-)*), и такие производные, как *б**а**рос (baros)* «деревушка», *— бар (-bar)* в роли суффикса со смыслом «житель» или «дом, деревня».

У гномов эквивалентом ***Э**льдамар* было ***Э**глобар (Eglobar)* (***Э**гла (Egla)* на языке гномов = ***Э**льда (Elda)* на квэнья): «***Э**глобар* «**Э**льфинесс» = кв. ***Э**льдамар*, т. е. Дом эльфов; земли на окраине В**а**линора, где эльфы поселились и построили Кор. Есть также формы ***Э**глабар (Eglabar)*, ***Э**гламар (Eglamar)*, ***Э**гломар (Eglomar)*». В одной из

самых ранних статей КС говорится, что ***Э**льдамар* — «гористое побережье в западном Инвин**о**рэ (Фаэри)»; «на той горе был белый город возведен и назван Кор».

Эльдар (Eldar). В КС ***э**льда (Elda)* приводится отдельно, без этимологических связей, и трактуется как «ф**э**ери побережья, или *солос**и**мпэ (Solosimpë)* (прибрежный флейтист)». Это отзвуки концепции более ранней, чем та, на которую опираются *Утраченные Сказания*: исходно ***э**льдар* были Морскими Эльфами. В ГС есть статья ***э**гла (Egla)* «"нездешнее создание", прозвище эльфов, полученное ими от валар и в основном принятое ими, = кв. ***э**льда*» (см. с. 235); также *эг (eg, êg)* «далеко, далёкий». Истоки связи ***э**льдар* со звездами на начальных стадиях не прослеживаются.

Эр**и**нти (Erinti). Она появляется в КС в отдельной ранней статье (впоследствии зачёркнутой).

В *Утраченных Сказаниях* об Эр**и**нти ничего не говорится, но в той статье она — В**а**ла любви, музыки и красоты, именуемая также *Лот**э**ссэ (Lotessë)* и *Ак**а**йрис (Akairis)* («невеста»), сестра Н**о**лдорина и Ам**и**лло. Эти трое единственные из валар покинули В**а**линор и поселились в Инвэн**о**рэ (Тол Эр**э**ссэа); сама она обитает в Алами**о**рэ в к**о**рине из вязов, охраняемом эльфами.

Вторая половина месяца *авэсталис (avestalis)* (январь) называется *Эр**и**нтион (Erintion)*.

Больше об этом не упоминается нигде, однако ясно, что, когда Эр**и**нти стала дочерью М**а**нвэ и В**а**рды, её жилище отошло к М**э**риль-и-Тур**и**нкви, Владычице Тол Эр**э**ссэа.

В перечне имён в**а**лар Эр**и**нити также зовётся *Кал**а**йнис (Kalainis);* это слово в КС переводится «май» и является одним из многих производных корня КАЛА (KALA) (см. статью *Г**а**лмир (Galmir)*).

Эриол (Eriol). В *Домике Утраченной Игры* (с. 14) имя ***Э**риол* переводится как «Тот, кто грезит в одиночестве». В КС элементы этой интерпретации приводятся в гнездах ЭРЭ (ERE) «остаться в одиночестве» (см. статью *Тол Эр**э**ссэа*) и ЛОРО (LORO) «дрема» (см. статью *Л**о**риэн*). В ГС есть примечание, цитируемое на с. 34, о том, что ***А**нгол (Angol)* из языка гномов и квэнийское *Эри**о**лло (Eriollo)* были названиями области «между морями», откуда явился **Э**риол (= **А**нгельн на Датском полуострове). В другом месте в отдельном примечании ***А**нгол* выводится от *анг (ang)* «железо» и *ол (ôl)* «утёс», и говорится, что «**Э**риол» означает то же самое — «так назвали его фэери по местам [*sic*], где стоял его дом (железные утесы)». М**э**риль упоминает о «черных берегах… страны» **Э**рио-

ла (с, 96). В этом примечании указывается, что интерпретация «Тот, кто грезит в одиночестве» является каламбуром Л**и**ндо.

Анг (ang) «железо» см. в статье *Ангам**а**нди (Angamandi)*. В ГС есть *ол (ol)*, ***о**ла (óla)* «утёс, прибрежный обрыв» и квэнийские формы ***о**лло (ollo)*, ***о**лдо (oldõ)*, ***Э**рэ(н) (ere(n))* «железо или сталь» встречается в КС в *Эрэм**а**нду (Eremandu)* — альтернативе *Ангам**а**нду (Angamandu)*, «Железные Преисподни».

Эруман (Ernman). С названиями этой земли та же самая неясность, что и с представлением о ней (см. с. 91 и далее). Вариант *Эрум**а**ни (Erumáni)* (который встречается в *Сказаниях*, как и ***Э**руман*) помещён в КС в гнездо ЭРЭ (ERE) «вне» (ср. *Н**э**ни Эр**у**мэар (Neni Erúmëar)*) без дальнейших пояснений. В ГС есть длинная статья ***Э**дофон (Edhofon)* = кв. *Эрум**а**ни (Erumáni)*: это «мрачная земля за пределами В**а**линора, к югу от Залива Ф**а**эри, простершаяся до западного подножия Гор В**а**линора; на севере она граничит с подножьем Тан**и**квэтиль, отсюда ***Э**дофон (Edhofon)* < *Эдусм**а**ни- (Eðusmãnî-)*, т. е. за жилищем м**а**нир. Отсюда же кв. название *Аф**а**линан (Afalinan)* или *Арв**а**лион (Arvalion)*, т. е, близкий к В**а**линору». По-видимому, здесь подразумевается, что Тан**и**-

квэтиль была «жилищем м**а**нир», что понятно, поскольку м**а**нир обычно связывались с М**а**нвэ (на языке гномов *м**о**на (móna)*, *м**о**ни (móni)* — «духи воздуха, дети М**а**нвэ»), и **Э**руман, следовательно, лежал за их жилищем (к югу от него). См. статью ***М**а**нир***.

ГС также утверждает, что **Э**дофон иначе назывался *Г**а**риот (Garioth)*, а *Г**а**риот* — это «в языке гномов исконная форма» названия *А**а**рьядор (Aryador)* (слова, происходящего из языка **и**лькоринов), «земля тени», относящаяся, тем не менее, не к Хисил**о**мэ, а к **Э**дофону/**Э**руману.

Согласно КС, *Х**а**рвалин (Harvalin)* «подле в**а**лар» содержит *хар(э) (har(e))* «рядом»; статьи ГС слишком запутаны для того, чтобы на них ссылаться, ибо формы Х**а**рвалин/**А**рвалин раз за разом изменялись. В поздней статье ГС приводится приставка *ар- (ar-)* «рядом, вместе с». По поводу топонима *Х**а**ббанан (Habbanan)* см. в статье ***В**а**лар***.

УКАЗАТЕЛЬ

Этот указатель содержит (по идее) полные постраничные ссылки для всех статей за исключением ***э**льдар/эльфы*, *боги/в**а**лар* и *В**а**линор*; статьи включают отброшенные формы имен, данные в Примечаниях, но не покрывают всего содержания Приложений.

Иногда ссылки даны на страницы, где личность или местность не названы по имени, как, например Р**у**миль на с. 46 назван "привратником". Ссылки даны на упоминания Сказаний, которые появятся в Части II, но не на упоминания Сказаний из этой книги. Пояснения очень кратки, а имена и названия, упомянутые в Указателе к *Сильмар**и**ллиону*, здесь, как правило, не поясняются.

(в Указателе имеются пропущенные при сканировании страницы — прим. верстальщика)

Авари (Avari) 131, 234
Аватар (Avathar) 82, 157, 160
Ад 92 [broken link: #UtraI_pg92]
Айлиос (Ailios) Более раннее имя Гильфанона.

197— 198, 204, 220— 222, 227, 229— 231

*Айн**а**йрос (Ainairos)* Эльф из Алквалунтэ. 208, 222. (Эта форма заменила более раннюю Ойварин.)

*Айн**у**линдалэ (Ainulindalë)* 49, 60— 63. См. *Музыка Айнур*.

*Айн**у**р (Ainur)* (ед. ч. **А**йну (Ainu); мн. ч. ***А**йну (Ainu)* 52, 60— 61.) 52— 57, 59— 63, 66— 67, 102, 105, 147, 150— 151, 154— 155, 219, 225; ***А**йну **М**элько (Ainu Melko)* 147, 150. См. *Музыка Айн**у**р*.

Алалминорэ (Alalminórë) "Земля Вязов", название местности на Тол Эр**э**ссэа. 16, 25, 33, 36, 39 [broken link: #UtraI_pg39], 41, 43 [broken link: #UtraI_pg43], 94; *Ал**а**лминор (Alalminor)* 40 [broken link: #UtraI_pg40]; первая часть стихотворения *Древа Кортириона* 39 [broken link: #UtraI_pg39]. См. *Гар Л**о**ссион*, *Земля Вязов*.

Алдарон (Aldaron) Имя **О**ромэ, "короля лесов". 66, 79; *владыка лесов* 71

*Алквал**о**ндэ (Alqualondë)* 171, 223

*Алквал**у**нтэ (Alqaluntë)* См. *К**о**пас Алквал**у**нтэ*.

Алмайн, океан (*Almain, Ocean of*) Северное море. 205 [broken link: #UtraI_pg205]— 206

Алмарэн (Almaren) 87, 110 [broken link: #UtraI_pg110], 222

Алое Сердце Эмблема Народа Короля в Гондо-

лине. 245

*Ал**у**ин (Aluin)* Время, самый старший из **А**йнур. 219, 222. (Эта форма заменила более раннюю *Л**у**мин*.)

Аман (Aman) 23, 26, 93, 135, 137, 196. См. *Благословенное Королевство*.

*Амбарк**а**нта (Ambarkanta)* "Очертания Мира" (космологический труд). 86, 227

*Ам**и**лло (Amillo)* Самый младший из великих валар, также называемый **О**мар. 67, 75, 80, 89, 93, 228

Амнон (Amnon) Пророчество **А**мнона, **А**мнон Пророк. 172, 197

Амнор (Amnor) Берега **А**мнора. 176, 197. (Эта форма заменила более раннюю ***А**мнос*.)

Амнос (Amnos) Причал корабля М**о**рниэ; пророчества **А**мноса. 167, 170, 172, 197. (Эта форма заменила более ранние ***Э**мнон*, *Морни**э**нто*.)

*Анг**а**йно (Angaino)* "Смиритель", великая цепь, которой был скован М**э**лько. 101, 103— 5, 114; более поздняя форма — *Анг**а**йнор* 111

*Ангам**а**нди (Angamandi)* "Железные Преисподни". 77, 90, 92 [broken link: #UtraI_pg92], 198, 230, 238. См. *Железные Преисподни*.

Ангбанд (Angband) 158— 159, 198, 240— 244; *Осада **А**нгбанда* 242

Ангельн (Angeln) 24

Англия, Английский язык 22— 27, 202. См. *Древнеанглийский язык*.

Англо-Саксонский 24. См. *Древнеанглийский* (ссылки на язык).

Ангол (Angol) "Железные Скалы", гномское имя **Э**риола и его родины. 24, 107

*Анф**а**углит (Anfauglith)* 243

Араман (Araman) 83, 93, 172— 173

Аратар (Aratar) 62, 80

Арвалин (Arvalin) Название, употребляемое наряду с топонимом ***Э**руман*, q. v. 19, 22, 32, 68, 70, 74, 76— 77, 79, 82— 83, 85, 87, 90— 91, 93, 118, 125, 130— 131, 145, 147, 155, 157— 158, 167, 170, 188; *Арв**а**лиэн (Arvalien)* 148, 155; *Залив **А**рвалин (Bay of Arvalin)* 119, 122— 123, 125

Арда (Arda) 80, 87, 110 [broken link: #UtraI_pg110]— 111, 133, 199, 202

Ариэн (Arien) 88

Арктур 133, 200. См. *Морв**и**ньон*.

Артанор (Artanor) Местность, позднее получившая название Д**о**риат. 175, 196, 240— 241

Арьядор (Aryador) "Земля Тени", наименование Хисил**о**мэ, употребляемое среди людей. 119, 138— 139; стихотворение *Песнь Арьядора* 138— 139

Асгон (Asgon) Раннее наименование озера *М**и**т-*

рим. 238— 239, 241

Аск (Askr) В скандинавской мифологии первый человек. 245

*Аст**а**лдо (Astaldo)* Имя Тулкаса. 80

Атлантический океан 24

Аулэ (Aulë) 16, 48, 50, 56, 58, 60, 62, 66— 71, 73— 4, 76— 80, 82, 90, 100— 105, 111, 113— 114, 117— 118, 121— 122, 124, 126— 128, 133, 135, 137, 141— 142, 145, 147— 149, 152— 154, 158— 159, 176— 177, 179— 181, 183, 185— 186, 189, 191— 192, 195, 198, 201, 209— 210, 212, 215, 217, 224. См. *Талкам**а**рда*.

*Аулэн**о**ссэ (Aulenossë)* "Народ Аулэ", имя данное тем н**о**лдоли, что остались в В**а**линоре. 16, 176, 197— 198

Аур (Aur) Солнце (на языке гномов). 196

*Б**а**лроги (Balrogs)* 93, 161, 241

*Белое Древо В**а**линора* 88. См. *С**и**льпион*, *Тэльп**э**рион*.

*Б**е**овульф* 23

*Б**е**орн (Beorn)* (1) Дядя **О**ттора В**э**фре (**Э**риола). 23. (2) Оборотень в книге *Хоббит*. 23

Битва Бессчетных Слез 230, 239— 244. См. *Н**и**рнаэт Арн**о**эдиад*.

Битва Внезапного Пламени См. *Д**а**гор Брагр**о**ллах*.

*Битва П**а**лисора* См. *П**а**лисор*.

Битва Стихий 111

Битый Лед См. *Хэлькар**а**ксэ*.

Благословенное Королевство 173; *благословенные королевства* 182, 199. См. ***А**ман*.

Боги — повсеместно; о природе и свойствах богов (*в**а**лар*, см. 63) и их отношениях с М**а**нвэ см. главным образом 103— 104, 111, 149, 182, 189— 190, 199, 209, 213, 219— 220, 222— 223, 225— 226, 228; язык богов 47— 48, 51— 52, 235. См. *Дети Богов*.

Боги Олимпа 160

Большая Медведица 133; *Небесная Медведица* 33, 35; *Ковш* 39 [broken link: #UtraI_pg39], 43 [broken link: #UtraI_pg43]. См. *Семь Звезд*, *Валак**и**рка*.

*Бр**а**глорин (Bráglorin)* Наименование Солнца (на языке гномов). 187

Братоубийство, Резня (в Лебединой Гавани) 164,169, 171, 176, 199, 239

Британия 23— 24

*Брит**о**мбар (Brithombar)* 134

*Бр**о**нвэг (Bronweg)* Гномская форма имени Ворон**о**нвэ. 48, 52

*Бр**у**итвир (Bruithwir)* Отец Ф**э**анора. 145— 146, 148— 149, 155— 156, 158, 243; *Бр**у**итвир го-Ф**э**анор (Bruithwir go-Fëanor)* 155; *Бр**у**итвир го-М**а**йдрос (Bruithwir go-Maidros)* 146, 155

*Бэл**э**рианд (Beleriand)* 51, 132, 240, 242— 243

Бэор (Bëor) 236

Бэрэн (Beren) 82, 90, 238, 240— 241; см. также ссылки на первоначальное Сказание о (Бэрэне и) Тинувиэль, см. *Тинувиэль*.

Вай (Vai) Внешнее Море. 59, 61— 62, 83, 85— 87, 154, 190, 196, 214— 215, 226. См. особенно 85— 86, см. *Внешнее Море (Моря)*.

Вайлимо (Vailimo) Имя Улмо, Правителя Вай. 101,114, 214— 215

Вайрэ (Vairë) (1) Эльф Тол Эрэссэа, жена Линдо. 14— 18, 20, 22, 31 [broken link: #UtraI_pg31], 45, 65, 80, 90, 94— 95, 129, 140, 195, 207, 212— 213, 219, 221, 225, 227, 229— 231. (2) "Ткачиха", супруга Мандоса. 90

Вайтья (Vaitya) Внешний из трех слоев воздуха. 65, 67, 83, 85— 86, 181, 226

Вайя (Vaiya) "Всеохватывающий Океан". 86, 227

Валаквэнта (Valaquenta) 79, 82

Валакирка (Valacirca) "Серп Валар". 133; *Серебряный Серп* 133

Валар (Valar) встречается повсюду; см. *Боги*. (Ед. ч. *вала (Vala)*; мн.ч. также *вали (Vali)* 58, 61, 65, 104, 107, 114, 148, 154, 178, 180, 186, и *валур (Valur)* и *валир (Valir)* 61.) См. *Дети Валар*.

Валатуру (Valatúru) = Валахиру. 180, 190

Валахиру (Valahíru) Титул Манвэ, "Владыка

валар". 180

*В**а**лвэ (Valwë)* Отец Линдо. 16, 22, 26. (*М**а**нвэ и В**а**лвэ* 22.)

*В**а**линор (Valinor)* "Земля Богов" (70); *Валин**о**рэ (Valinórë)* 182. *Встречается повсюду;* "долина" или "равнина" В**а**линора 68, 70— 73, 75, 77 (В**а**линор "на равнине"), и т. д.; буковые леса 99; поляны 126— 127; золотые пески 126; В**а**линор ближе к Стене Бытия, чем берега востока 238, (статья *В**а**линор* в Приложении); *Сокрытие В**а**линора* 27, 137, 195, 207, 209, 213, 220, 222— 224; *Затмение В**а**линора* 169, 203. См. *Горы В**а**линора*.

*В**а**лмар (Valmar)* 73— 75, 77— 78, 82, 89, 100, 103— 104, 113— 114, 116, 120, 123, 126— 127, 140, 142— 144, 146— 149, 153, 155, 158, 177, 184, 193, 213, 217, 230

*В**а**на (Vána)* 67, 71— 73, 75— 76, 79— 80, 88— 89, 93, 105, 117, 154, 177— 180, 183— 187, 190, 199, 202, 209— 210, 212; *Светильня В**а**ны, Солнце*, 197. См. *Т**а**ри-Л**а**йси*, *Туилэрэ*, *Туив**а**на*, *В**а**на-Л**а**йси*.

*В**а**на-Л**а**йси (Vána-Laisi)* Имя В**а**ны. 180

*Вансам**и**рин (Vansamírin)* Дорога церемониальной процессии Празднества Двойного Веселья. 207, 222 (описание дороги 143). См. *Сам**и**риэн*.

*В**а**нэ Х**а**нсто (Vanë Hansto)* См. *Ханстов**а**нэн*.

*В**а**ньяр (Vanyar)* 26, 44, 50, 62, 132, 134— 135, 159, 169, 220, 223, 234. См. *Т**э**лэри* (1).

*В**а**рда (Varda)* 58, 62, 65, 69— 71, 73— 74, 79, 88, 99— 100, 111, 113— 117, 127, 133, 144, 148, 154, 176, 178, 180— 183, 185— 186, 189, 192, 194— 196, 199— 201, 208— 209, 212, 216, 223, 227; *В**а**рда Звездная* 126, 192, *Владычица Звезд* 178, *Королева Звезд* 58, 62, 180, *создательница звезд* 183; *Источники В**а**рды* 160. См. *Тинвэт**а**ри*.

Вдаль по древним холмам, прочь из этих земель [Over Old Hills and Far Away] (стихотворение) 115— 116

Великие Земли Земли к востоку от Великого Моря. 15, 18— 21, 24— 27, 32, 48— 49, 51, 68, 81— 82, 85 (*и-Н**о**ри Л**а**ндар (i Nori Landar)*), 94, 106, 111, 114, 118, 125, 129, 134— 135, 157— 160, 166— 168, 170, 177, 197— 198, 212, 220, 224, 226, 230, 234, 244

Великие Равнины 240

Великий Конец 53, 59, 63, 77, 90— 92, 97, 157, 182, 219

Великий Народ Запада Наименование богов среди **и**лькоринов. 231

Великий Поход, *Великое Странствие* 44, 50, 132— 133, 144, 244; описание 118— 120

Великое Море (Моря) 21, 36, 46, 53, 64, 68— 69, 71, 81— 83, 85 (*Хал**о**йси В**э**ликэ (Haloisi Velikë)*), 106, 118, 120, 125, 135, 137, 146, 166, 194; также названо *Море, Огромное Море*, и т. д.; *Западные Воды* 125

Вервие Лет 219

*Видение Г**ю**льви* Часть Младшей Эдды Снорри Стурлусона. 245

*В**и**льна (Vilna)* Самый низкий из трех слоев воздуха. 65, 67, 83, 85— 86, 181, 187, 199

*В**и**нгилот (Wingilot)* Корабль Эар**э**ндэля. 15, 21; *В**и**нгэлот (Wingelot)* 21

*Винг**и**льди (Wingildi)* Духи морской пены. 66

*В**и**ньямар (Vinyamar)* Дом Т**у**ргона в Н**э**врасте. 52

*Вирил**о**мэ (Wirilome)* Великая Паучиха, "Мракоткущая". 152— 153. См. *Гв**э**рлум*, *М**о**ру*, $uungoliant$*Унг**о**лиант*$, *Унгвэли**а**нтэ*.

*В**и**рин (Virin)* Вещество, созданное **А**улэ для судна Луны. 192— 193

*В**и**руин (Wiruin)* Гигантский водоворот близ Хэлькар**а**ксэ. 167

Владыка Сумерек Чародей Ту. 232

Владычица Земли К**э**ми (Йав**а**нна Пал**у**риэн). 71, 79, 179— 180, 214; *Королева Земли* 177

Властелин Колец 41— 44, 200

Внешнее Море (Моря) 68, 70, 74, 82, 90, 114, 126, 142, 162, 188, 196, 215— 216, 226; *Дальние Моря* 67; *Внешние Воды (Н**э**ни Эр**у**мэар (Neni Er**u**mear))* 85; *Внешний Океан* 58, 62, 83, 85; *Море* 179, 196. См. *В**а**й*.

Внешние Земли (1) Первоначально наименование использовано для обозначения Великих Земель. 21, 81. (2) В**а**линор, **Э**руман/**А**рвалин и Сумеречные Острова (68). 21, 64, 67— 68, 77, 81— 82, 125, 158, 160, 220; *Внешняя Земля* 134

Внешняя Тьма 216, 221, 226

Внутреннее Море См. *Хэлькар*.

*В**о**ден (Wóden)* 23

Воды Пробуждения 50, 85, 115, 131, 231— 232, 234. См. *Куивиэнэн*, *К**о**йвиэ — нэни*.

Волшебное Солнце 17, 25, 35, 65, 179, 199

Волшебные Острова 36, 39 [broken link: #UtraI_pg39], 64, 68, 83, 85 (*И-Т**о**лли Курувар (I Tolli Kuruvar)*), 121, 125, 134, 211, 220, 224 (см. особенно 211); *Волшебный Архипелаг* 134

*Вор**о**нвэ (Voronwë)* =Гномскому варианту имени *Бр**о**нвэг*. 48, 52

Воротэмнар (Vorotemnar) Наручники, одетые на запястья М**э**лько. 101, 104

Восточные Земли 211, 233; *Восточный(ые) берег(а)* 182, 214— 215, 226

Врата Утра 216, 221, 226; *Врата Востока и Запада* (т. е. *Врата Утра и Двери Ночи*) 219

Время См. особенно 218— 219, 227— 228

Второй Род Гномы, или нолдоли. 21

Высокие Небеса 187

Высокие Эльфы 43 [broken link: #UtraI_pg43]; *Язык высоких эльфов* 44

Вэ (Vë) Имя В**э**фантура (М**а**ндоса), данное его покоям. 76— 77, 89— 90, 146, 150. См. *М**а**ндос*.

*В**э**ндэлин (Wendelin)* Раннее имя М**э**лиан. 106— 107, 115, 120, 131— 132. (Эта форма заменила более раннюю *Т**и**ндриэль*.)

*В**э**фантур (Vefántur)* "Ф**а**нтур Смерти", В**а**ла М**а**ндос. 66, 76, 82, 89— 90, 100, 106, 144, 167, 172. См. *Ф**а**нтур*, *М**а**ндос*.

Гавань Лебединых Кораблей 164; *Гавань Лебедей* 208; *Лебединая Гавань* 164; *Гавань* 165, 171, 176. См. ***И**ельфетхит*, *К**о**пас Алквал**у**нтэ*.

Гавань Луны 215— 216

Гавань Солнца 213, 215, 221, 225, 236

*Гал**а**дриэль (Galadriel)* 44

*Г**а**лмир (Galmir)* "Златоблеск", имя Солнца (на языке гномов). 187, 196

*Гар Л**о**ссион (Gar Lossion)* "Край Цветов", гномское наименование Алалмин**о**рэ. 16, 21. (Эта форма заменила более раннюю *Л**о**сгар*.)

*Гар **Э**глос (Gar Eglos)* Первоначально гномское наименование Тол Эр**э**ссэа (заменено на *Дор **Э**лот* и т. д.) 21

*Гв**э**рлум (Gwerlum)* "Мракоткущая", гномское имя Великой Паучихи. 152; (*Гв**э**рлум Черная*), 153,

160. См. *Вирил**о**мэ*.

*Гельг**о**ланд (Heligoland)* Остров в Балтийском море 23— 24

*Г**и**льфанон (Gilfanon)* (*Г**и**льфанон а-Д**а**вробэль (Gilfanon a-Davrobel)*, *Г**и**льфанон из Т**а**вробэля (Gilfanon of Tavrobel)*) 51, 174— 175, 188— 189, 194— 198, 203— 204, 219, 222, 228— 231, 235. (Эта форма заменила более раннюю ***А**йлиос*.)

*Гим-Г**и**тиль (Gim-Githil)* Гномское имя **И**нвэ. 22, 131— 132. (Эта форма заменила более раннюю *Г**и**тиль*, позднее заменено на *Инв**и**тиэль*.)

*Г**и**тиль* 22. См. *Гим-Г**и**тиль*.

*Гл**и**нгол (Glingol)* Гномское имя Златого Древа В**а**линора. 22

*Гл**о**рвэнт (Glorvent)* "Золотая Ладья", наименование Солнца (на языке гномов). 187

Глубокомудрые Эльфы Гномы. 43 [broken link: #UtraI_pg43]

Гномский язык, *Речь гномов*, *Язык гномов* 21— 22, 24, 43 [broken link: #UtraI_pg43], 48, 50— 52, 89, 91, 108, 130, 132, 138, 160, 200, 235, 245

Гномы (Gnomes) (включая *народ гномов*, *род гномов*) 13, 16— 17, 21— 22, 24, 27, 43 [broken link: #UtraI_pg43]— 44, 49— 51, 62, 94, 129, 140— 142, 144, 146, 150— 151, 153, 156— 157, 160, 163, 165— 169, 171, 174— 176, 178, 187, 192, 196, 198, 207— 210, 213,

220, 234, 237— 243. См. особенно 43 [broken link: #UtraI_pg43]— 44, 50— 51, и см. *н**о**лдоли*.

Гоблины (Goblins) 47, 237, 245

Годы Двойного Веселья См. *Двойное Веселье*.

*Г**о**лдриэль (Goldriel)* Ранее имя Голт**а**дриэля. 22

*Голт**а**дриэль (Golthadriel)* Гномское имя С**а**лмара (Н**о**лдорина). 22. (Эта форма заменила более раннюю *Г**о**лдриэль*.)

*Голф**и**нвэг (Golfinweg)* Гномское имя Н**о**лэмэ Ф**и**нвэ. 115, 132

Гонг Детей В Мар В**а**нва Тьялиэва. 15, 17, 27, 230. См. *Т**о**мбо*, *Сердечко*.

*Г**о**нги (Gongs)* См. 245

*Г**о**ндолин (Gondolin)* 25, 27, 47, 52, 93, 158, 167— 168, 172, 239, 242, 245; *сказание о Т**у**оре и об изгнанниках Г**о**ндолина* ("*Падение Гондолина*") 45, 52, 88— 89, 112, 172, 203, 231, 233, 242, 245

*Г**о**нлат (Gonlath)* Великая скала на Тан**и**квэтиль. 219

Гора Мира См. Тан**и**квэтиль.

*Г**о**рфалон (Gorfalon)*, *Г**о**рфалонг (Gorfalong)* Место Битвы Бессчетных Слез. 238, 240, 244. См. *Дол Плачущих Вод*, *Долина Источников*.

*Горы В**а**линора* 68, 70, 74— 77, 82— 83, 85, 87, 93, 100, 118, 122, 125— 126, 135, 137, 141, 144— 147, 149, 154— 155, 157— 158, 162, 167, 169, 172, 177, 190, 194,

199, 209— 210, 220, 223, 226

Горы Тени **Э**рэд В**э**трин. 112, 158— 159, 242

*Г**о**тмог (Gothmog)* Предводитель балрогов. 93. См. *К**о**сомот*.

го-Фэанор (go-Feanor), *го-М**а**йдрос (go-Maidros)* "сын Ф**э**анора, сын М**а**йдроса". 155, 146, 155, 158

Град богов [The City of the Gods] (стихотворение, ранее озаглавленное Кор). 136

Грейт-Хэйвуд Деревня в Стаффордшире (*Т**а**вробэль*). 25, 196

*Г**у**нглионт (Gungliont)* Раннее имя Унг**о**лионт. 156, 160

*Д**а**гор Брагг**о**ллах (Dagor Bragollach)* "Битва Внезапного Пламени". 242

*Д**а**нуин (Danuin)* День, сын **А**луина, "Времени". 217— 219, 222, 227; ранние формы *Д**а**нос (Danos)*, *Д**а**на (Dana)*. 222

Датский полуостров 24

*Д**а**урин (Daurin)* Гном, убитый М**э**лько при нападении на Древа; также названный *Т**о**рином (Torin)*. 153, 156, 160

Два Древа (включая ссылки на *Древа*) 82, 85 (*i aldas*), 88, 100, 105, 107, 110 [broken link: #UtraI_pg110], 114, 121— 122, 125, 128, 134— 135, 141, 143— 147, 152— 154, 157— 160, 164— 165, 169, 171, 174, 176— 180, 182— 184, 187, 190— 191, 194,

196, 199— 202, 207, 209, 213, 227, 234

Двери Ночи 215— 217, 219, 221— 222, 226— 227. См. *Морит**а**рнон*, *Тарн* *Ф**у**и*.

Двойное Веселье Великое празднество в В**а**линоре. 143— 144, 222. См. *Сам**и**риэн*.

День Всех Святых 34, 38 [broken link: #UtraI_pg38], 42 [broken link: #UtraI_pg42]

Дети Богов 145, 183, 189; *Дети Валар* 63

*Дети Ил**у**ватара* 57, 63, 80, 97, 115— 117, 150, 179, 223, 235; *младшие сыны Ил**у**ватара* 180; *Дети Земли* 211, 225, 227; *Дети Мира* 44, 117, 142, 220

Дни Сумерек См. *Ломэнд**а**нар*.

Дол (Долина) Плачущих Вод 239— 240, 244. См. *Г**о**рфалон(г)*.

Дол Сна См. *М**у**рмэналда*.

Долина Источников, *Дол Источников* 239— 240, 244. См. *Г**о**рфалон(г)*.

Дом Сотни Дымоходов Дом Г**и**льфанона в Т**а**вробэле. 175, 196

Дом Утраченной Игры 189

Домик Утраченной Игры (без ссылок на само сказание) и другие наименования (*Домик Детей*, *Детей Земли*, *Игры Сна*, *Приют Утраченной Игры*, *Дом Памяти*) 14, 19— 20, 27— 28, 31 [broken link: #UtraI_pg31]— 32, 62, 140, 189, 199, 211, 225, 230; стихотворения на эту тему 27— 31. См. *Мар*

*В**а**нва Тьялиэва*.

*Дор Л**о**мин (Dor Lomin)* "Земля Тени". 112, 138, 240— 241, 243. См. *Хисил**о**мэ*.

*Дор Ф**а**йдвэн (Dor Faidwen)* "Земля Избавления", гномское наименование Тол Эр**э**ссэа. 13, 21, 51

*Дор **Э**длот (Dor Edloth)*, *Дор **У**с(г)вэн (Dor Us(g)wen)* Раннее гномское наименование Тол Эр**э**ссэа. 21. (Заменено на *Дор Ф**а**йдвэн*.)

*Д**о**риат (Doriath)* 196, 240, 243. См. *А**а**ртанор*.

Дорога вдаль идет [The Road Goes Ever On] 160

*Древа В**а**линора* См. *Два Древа*.

*Древа К**о**ра* См. *Кор*.

Древнеанглийский 23— 24, 28, 32, 91, 108, 138, 164, 204, 217, 245

Древнеисландский 23, 245

Друзья эльфов 240

*Д**у**рухалм (Duruchalm)* Отброшенное наименование *Турух**а**лмэ*. 244

Железные Горы 101, 112, 118, 149, 158— 159, 166, 176, 198, 238, 240, 242, 243; называемые также *Железными Холмами* 209, 243, *горами Севера* 77, *Холмами Горечи* 238, 240, 242. См. особенно 112, 158— 159.

Железные Преисподни 77, 92 [broken link: #UtraI_pg92], 158, 198, 242. См. *Ангам**а**нди*.

Железные Холмы См. *Железные горы*.

Жемчужная Башня Башня на одном из Сумеречных островов. 68, 125, 221; *Спящая в Жемчужной Башне* 15, 27, 215, 221

Заклятье Бездонного Ужаса Заклятье наложенное М**э**лько на его рабов. 239, 241— 242

Зал Вновь Обретенной Игры В Мар В**а**нва Тьялиэва. 15

*Залив Ф**а**эри* 68, 83, 119, 125, 129, 134, 209— 211. См. *Ф**а**эри*.

Западные Воды См. *Великое Море*.

Затерявшиеся Племена См. *Утраченные Эльфы*.

Затерянные Роды См. *Утраченные Эльфы*.

Зачарованные Острова 137, 224

Звезды 64— 65, 67, 69, 71, 73— 74, 99, 111, 113— 116, 127, 133, 135, 154, 171, 175, 178, 181— 182, 186, 188, 192— 193, 195, 200— 202, 216, 221, 227, 231, 233; *Фонтаны Звезд* 216. *Созидание звезд В**а**рдой* 69, 113— 114, 133, 181

Земля Вязов 16, 25, 33, 36, 39 [broken link: #UtraI_pg39]— 40, 95. См. *Алалмин**о**рэ*.

Земля Тени (Теней) 112, 138, 239— 240; *земля сумрака* 118. См. *А**а**рьядор*, *Дор Л**о**мин*, $uhisilome*Хисил**о**мэ*.

*Земля ф**э**ери* 110 [broken link: #UtraI_pg110]

***И**ельфетхит (Ielfethyþ)* "Лебединая Гавань" (*др. — англ.*). 164

*Ил**и**нсор (Ilinsor)* Дух, один из с**у**рули, кормчий Луны. 192— 195, 207, 215, 218— 219, 222, 227; названный также *охотником небесной тверди* 195, 227

***И**ллуин (Illuin)* Северная Светильня. 87

***И**лу (Ilu)* =Илуватар. 52, 60— 61

*Ил**у**ватар (Ilúvatar)* 49, 52— 57, 59— 63, 67, 74, 86, 90, 92 [broken link: #UtraI_pg92]— 93, 97, 99, 113— 114, 116, 118, 141, 144, 150— 151, 162, 180, 182— 183, 185, 187, 199, 214, 218— 220, 225— 227, 230, 232— 233, 236, 244; *Предвечный Владетель* 49, *Властитель Всего Сущего* 233. См. *Дети Ил**у**ватара*.

*Илур**а**мбар (Ilurambar)* Стены Мира. 227

***И**львэ (Ilwë)* Средний слой воздуха, что «струится среди звезд». 65, 69, 73, 83, 85, 113, 127, 138, 181, 193— 194

***И**львэран (Ilweran)* "Небесный Мост", радуга. 212— 213. См. *Радуга*

***И**львэрин (Ilverin)* Сердечко, сын Бр**о**нвэга. 46, 52. (Эта форма заменила более раннюю *Эльвэн**и**льдо*.)

***И**лькорины (Ilkorins)* Эльфы, "никогда не зревшие свет Кора". 175, 196, 231, 235— 241, 243; язык **И**лькоринов 236

***И**льмарэ (Ilmarë)* приближенная В**а**рды. 62

*Ильсал**у**нтэ (Ilsaluntë)* "Серебряная Лодка", наименование Луны. 192, 194— 195

*Ильтэрэ**э**нди (Ilterendi)* Оковы, надетые на М**э**лько. 101, 104

***И**нвир (Inwir)* Королевский клан т**э**лэри (позднее в**а**ньяр), родичи **И**нвэ. 26, 48— 50, 52, 115, 126, 132, 143, 163, 235

*Инв**и**тиэль (Inwithiel)* Гномское имя **И**нвэ. 16, 22, 115, 131— 132. (Эта форма заменила более ранние *Г**и**тиль*, *Гим — Г**и**тиль*.)

***И**нвэ (Inwe)* Король **э**льдар Кора (позднее **И**нгвэ). 16, 18, 22, 25— 26, 49— 50, 59, 82, 116— 118, 122— 123, 129, 132, 135, 141, 144, 162, 196, 200, 213; названный также ***И**силь (Isil)* 115, ***И**силь **И**нвэ (Isil Inwë)* 115— 116, 132. (Эта форма заменила более раннюю *Инг*.) См. **И**нгвэ, Инв**и**тиэль.

Инг (Ing) Раннее имя **И**нвэ. 22, 132

***И**нгвэ (Ingwë)* Владыка в**а**ньяр. 26, 132, 135, 223. См. ***И**нвэ*.

***И**нгиль (Ingil)* Сын **И**нвэ. 16, 22, 25— 26, 95— 96, 129, 132, 200. (Эта форма заменила более раннюю *Инг**и**льмо*.)

*Инг**и**льмо (Ingilmo)* Ранний вариант имени **И**нгиля. 22, 132

***И**нглор (Inglor)* Ранний вариант имени Ф**и**нрода

(Фэлагунда). 44

Индис (Indis) Мать Финголфина и Финарфина. 44

Иртинса (Irtinsa), озеро 193, 215

Исиль (Isil), *Исиль Инвэ* (Isil Inwë) См. *Инвэ*.

Истерлинги 135

Исход 17, 19, 25— 27, 97— 98

Йаванна (Yavanna) 66, 79— 80, 88, 98— 100, 110 [broken link: #UtraI_pg110]— 111, 114, 116— 118, 123, 127— 128, 131, 135, 159, 177, 179— 180, 183— 185, 187, 190, 199, 209, 214. См. *Владычица Земли*, *Кэми*, *Палуриэн*.

Калавэнтэ (Kalaventë), *Калавэнэ (Kalavénë)* "Ладья Света", наименование Солнца. 188, 198, 221— 222

Калакирья (Calacirya) "Путь Света". 135, 157, 171, 223

Калионди (Kaliondi) Наименование Темных Эльфов 244

Калормэ (Kalormë) Высокая гора на дальнем востоке. (83), 212, 225

Каминная Комната См. *Огонь Сказаний*.

Капалинда (Kapalinda) Исток реки Кэлусинди в Валиноре. 157

Карлы (Dwarves) 236— 237, (см. статью *Науглат*

в Приложении). См. *Науглат*.

Карпентер, Хэмфри. Биография Дж. Р. Р. Толкина. 32, 204, 221

Каукарэльдар (Kaukareldar) "лже — фэери". 239, 245

Квалванда (Qalvanda) "Путь Смерти". 213

Кваалмэ-Тари (Qalmë-Tári) "Госпожа Смерти", имя Фуи Ниэнны. 66

Квен (Cwén) Жена Оттора Вэфре (Эриола). 24

Квориноми (Qorinómi) Сказание 202, 215, 221, 227

Квэнди (Qendi) Эльфы, но также используется для обозначения илькоринов, как противопоставление эльдар Валинора. 231— 232, 234— 235. *Квэнди (Quendi)* 44, 132, 223, 236

Квэнья (Qenya) (со ссылками на статьи в раннем словаре квэнья) 86, 92 [broken link: #UtraI_pg92], 160, 200, 227. *Квэнья (Quenya)* 41, 51, 112, 132

Квэркаринга (Qerkaringa) Студеная Пучина, расположена между Ледяным Клыком (*Хэлькараксэ*) и Великими Землями. 166— 169, 172, 177, 224

Кирдан Корабел (Círdan the Shipwright) 134

Комната Огня Сказаний См. *Огонь Сказаний*.

Комната Пылающего Очага См. *Огонь Сказаний*.

Койвиэ-нэни (Koivië-néni) "Воды Пробуждения".

85, 115, 117, 232; *Воды К**о**йвиэ (Koivië)* 115. См. *Куи-ви**э**нэн*, *Воды Пробуждения*.

*К**о**пас (Со́pas)* См. *К**о**пас Алквал**у**нтэ*.

*К**о**пас Алквал**у**нтэ (Алквал**у**нтэн)* (*Ко́pas Alqaluntë (Alqalunten), Со́pas Alqaluntë*), *К**о**пас (Ко́pas, Со́pas)* "Гавань Лебединых Кораблей". 163— 164, 166, 169, 171, 178, 209, 223; *Алквал**у**нтэ (Alqaluntë)* 176, 239. См. *Гавань Лебединых Кораблей*.

Кор (Kôr) Город эльфов в **Э**льдамаре и холм, на котором он был построен. 15— 16, 18— 20, 25— 27, 31 [broken link: #UtraI_pg31], 48— 50, 58, 65, 83, 98, 115, 122— 123, 126— 129, 135, 137, 141— 144, 146— 147, 149— 154, 156, 159, 162— 164, 169, 171, 175, 177, 196, 207, 209— 211, 213, 220, 222, 225, 230— 231, 235, 242; см. особенно 122— 123. Древа Кора 123, 135, 213, 221. Стихотворение *Кор* (переименовано в *Град богов*) 136. См. *Тун*.

Корабль Луны См. *Луна*

Корабль Мира 83— 87, 134, 225

*К**о**рин (Korin)* Огороженное вязами место, где обитала М**э**риль-и-Тур**и**нкви. 16, 95

*К**о**ромас (Koromas)* Кортирион. 16, 22, 24— 26; ранняя форма *К**о**рмас (Kormas)* 22

*Корт**и**рион (Kortirion)* Главный город Алалми-н**о**рэ на Тол Эр**э**ссэа. 16, 24— 26, 32— 33, 35— 43,

49, 132, 175, 222. Поэма *Корт**и**рион среди Деревьев [Kortirion among the Trees]* 25, 32— 39, 50, поздняя версия *Древа Кортириона [The Trees of Kortirion]* 32, 39 [broken link: #UtraI_pg39]— 43. См. *К**о**ромас*.

*Кор**э**льдар (Koreldar)* Эльфы Кора. 50, 143

*К**о**сомот (Kosomot)* Сын М**э**лько (=Г**о**тмог, Предводитель Б**а**лрогов). 93

*Крит**о**скэлэг (Crithosceleg)* Наименование Луны (на языке гномов). 192

*Куиви**э**нэн (Cuiviénen)* 85, 131. См. *К**о**йвиэнэни*, *Воды Пробуждения*.

*Кул**у**ллин (Kulullin)* Чаша золотого света в В**а**линоре. 71, 73, 76, 88, 99, 127, 154, 177— 178, 180— 181, 183, 186, 190, 208, 212

*Кум а Г**у**млайт (Cûm a Gumlaith)*, *Кум а Тэгран**а**йтос (Cúm a Thegranaithos)* "Курган Первой Скорби", могила Бр**у**итвира, отца Ф**э**нора. 149

Курган Первой Скорби См. Кум а Г**у**млайт.

*Кэлус**и**нди (Kelusindi)* Река в В**а**линоре. 157

*К**э**ми (Kémi)* Имя Йав**а**нны Пал**у**риэн. 71— 72, 79, 100, 179, 209. См. *Владычица Земли*.

*Кэмэнт**а**ри (Kementári)* Имя Йав**а**нны. 79

*Л**а**ммас (Lammas)* (Празднество Урожая, первое августа) 41

*Л**а**нгон (Langon)* Слуга М**э**лько. 102

*Л**а**тос (Lathos)*, *Л**а**твэг (Lathweg)* Ранние имена

Ф**а**нуина. 222

*Л**а**урэлин (Laurelin)* 72— 73, 75— 76, 88— 89, 99, 116— 117, 119, 122, 126— 128, 135, 153, 162, 178— 179, 181— 182, 184— 186, 190— 191, 193, 200— 201. См. *Гл**и**нгол*, *Л**и**ндэлос*, *Линдэл**о**ксэ*.

Лебединая Гавань См. *Гавань Лебединых Кораблей*.

Ледяной Клык 167, 169, 172, 224. См. *Хэлькар**а**ксэ*.

Ледяные Царства 166

Лидс (Leeds) 108, 136, 204

*Л**и**мпэ* (Limpë) Напиток эльдар. 17, 95— 98, 107, 166, 174— 175, 230

*Л**и**ндо (Lindo)* Эльф с Тол Эр**э**ссэа, хозяин Мар В**а**нва Тьялиз**э**ва. 14— 18, 20, 24, 26— 27, 45, 63, 65, 78, 129, 140, 162, 166, 169— 170, 174— 175, 182, 189, 194— 197, 200, 203, 219— 220, 229— 231

*Линдэл**о**ксэ (Lindeloksë)* Наименование Л**а**урэлин. 22, 72, 79, 88, 119, 131. (Эта форма заменила более ранние *Линдэл**о**тэ*, *Линдэл**о**ктэ*.)

*Линдэл**о**ктэ (Lindeloktë)* Наименование Л**а**урэлин. 22. (Заменено наименованием *Линдэл**о**ксэ*.)

*Л**и**ндэлос (Lindelos)* Наименование Л**а**урэлин. 18, 22. (В одном отрывке это наименование заменило *Линдэл**о**ксэ*.)

*Линдэл**о**тэ (Lindelótë)* Наименование Л**а**урэлин.

79, 131. (Заменено на *Линдэл**о**ксэ*.)

*Л**и**нвэ Т**и**нто (Linwë Tinto)*, *Л**и**нвэ (Linwë)* Раннее имя Т**и**нвэ Л**и**нто. 106— 107, 130, 132

*Л**и**нквиль (Linqil)* Имя **У**лмо. 61

*Лир**и**лло (Lirillo)* Имя С**а**лмара (Н**о**лдорина). 144, 155

*Ломэ**а**рни (Lómëarni)* Наименование Темных Эльфов. 244

*Ломэнд**а**нар (Lomendánar)* "Дни Сумерек" до создания Светилен. 69, 79; *Л**о**мэ Д**а**нар (Lome Danar)* 79

*Л**о**риэн (Lórien)* 27, 66, 71— 74, 79— 80, 88— 89, 99— 101, 105— 106, 111, 113— 115, 117, 132, 147, 177— 179, 183, 189— 191, 193— 195, 199, 201— 202, 209— 211, 213, 221, 224. См. *Ф**а**нтур*, *Олоф**а**нтур*.

*Л**о**сгар (Losgar)* (1) Раннее наименование Гар Л**о**ссиона. 21. (2) Место сожжения кораблей т**э**лэри. 198

*Лос**э**нгриол (Losengriol)* Ранняя форма наименования *Лот**э**нгриол*. 172

*Лот**э**нгриол (Lothengriol)* "Лилия Долины", одно из семи наименований Г**о**ндолина. 172. (Эта форма заменила более раннюю *Лос**э**нгриол*.)

*Л**у**мин (Lúmin)* Раннее имя А*л**у**ина*. 222

Луна 60, 64, 83, 85, 88, 119, 151, 174— 175, 182, 187, 192— 193, 195, 197, 199— 203, 206 [broken link:

#UtraI_pg206]— 208, 214— 220, 227— 228, 242; *Корабль Луны* 192, 194, 216; *Человек-с-Луны* 193, 202; *Король Луны* 202. См. *Гавань Луны*; другие наименования Луны см. 192.

Лутиэн (Lúthien), Лутиэн Тинувиэль (Lúthien Tinúviel) 82, 90, 107, 132, 203. См. Тинувиэль.

Люди 16, 18— 20, 25— 27, 31 [broken link: #UtraI_pg31]— 32, 45, 47, 49, 52— 53, 56— 57, 59— 61, 63— 64, 68, 77, 80, 82, 90— 93, 97— 99, 105, 118— 119, 125, 134— 135, 138— 139, 146, 150, 156, 159, 174— 175, 177, 180, 187, 189, 198, 207— 208, 211— 213, 215— 216, 219— 221, 223— 225, 230, 233— 242, 244. О природе и судьбе людей см. особенно 59— 61, 77, 90— 93, 150— 151

Маблон-илькорин (Mablon the Ilkorin) 239, 241

Майар (Maiar) 63, 80, 88

Майдрос (Maidros) (1) Отец Бруитвира, отца Фэанора. 146, 155, 158, 238. (2) Старший сын Фэанора (позднее Маэдрос). 158, 238— 240, 242— 243

Майнлос (Mainlos) Ранняя форма наименования Минэтлос. 198

Макар (Makar) Вала-воитель. 67, 75, 77— 78, 80, 82, 89, 98, 101, 103, 105, 117, 144, 154— 155, 177

Манвэ (Manwë) 26— 27, 48, 52, 56, 58— 60, 62— 63, 65— 67, 69— 70, 73— 74, 79, 88— 93, 99— 105, 111, 113— 117, 122, 124, 126— 129, 131— 132, 138, 141,

143— 151, 153— 154, 156— 159, 162, 172, 176— 184, 186— 188, 190, 192, 194— 196, 199, 208— 209, 211— 221, 223, 230, 233, 244; *названный Владыка Воздуха* 176, *Владыка Небес* 190, *Владыка Богов и Эльфов и Людей*, *Владыка Богов*, *Владыка Богов и Эльфов*, *Владыка Эльфов и Людей* 52, 58— 59, 62, 100, 104, 115, 142, 218. См. *Сулимо*, *Валахиру*, *Валатуру*; *Валвэ*.

Мандос (Mandos) (Вала) 66— 67, 72, 76, 79— 80, 82, 89— 90, 101, 105, 111, 113, 117, 145, 147— 148, 154, 158, 167— 168, 171— 172, 189, 213, 224, 234; *дети Мандоса* 116, 154, 173. См. *Вэфантур*. (Область, в которой располагается его жилище) 47, 76— 78, 82, 90, 99— 100, 105— 106, 111, 131, 142— 143, 145, 156— 157, 167, 170, 172, 176. См. *Вэ*.

Мир Используется в значении "Великие Земли" 16, 26, 49, 70, 82, 129, 146, 150, 159, 169, 176— 177, 196, 199, 208, 220; *внутренние земли* 168, *внешний мир* 174, 180— 181, 207, 208, 223

Мировой Корабль См. *Корабль Мира*.

Мирувор (Miruvor) 153, 160; *мируворэ (miruvórë)* 161

Митрим (Mithrim) (озеро и область) 160, 238— 239, 241, 243. См. *Асгон*.

Младшая Эдда 245

Морвиньон (Morwinyon) Арктур. 114, 133, 182,

200

*М**о**ргот (Morgoth)* 26, 135, 222, 242-243

*Морит**а**рнон (Moritarnon)* "Врата Ночи". 215, 222; *М**о**ритар (Móritar)* 222. См. *Врата Ночи*, *Тарн **Ф**уи*.

*М**о**рниэ (Mornië)* Черная ладья, увозящая мертвых из М**а**ндоса. 77, 90, 92 [broken link: #UtraI_pg92], 167, 170, 172

*Морниэ**э**нто (Morniento)* Раннее наименование места причала корабля М**о**рниэ. 170. (Заменено на ***Э**мнон*, ***А**мнос*) См. *Ханстов**а**нэн*.

Морские Эльфы 43 [broken link: #UtraI_pg43], 50

*М**о**ру (Móru)* "Изначальная Тьма" персонифицированная в великой Паучихе. 151, 156, 160; *М**у**ру* 160

Мракоткущая Перевод имени *Вирил**о**мэ*, *Гвэр**э**лум*, Великая Паучиха. 152-153

Музыка Айнур (не включает ссылки на само Сказание) 49, 56, 59— 63, 65. 74, 92 [broken link: #UtraI_pg92], 107, 144, 150, 159, 180, 209, 219, 226; *Музыка Ил**у**ватара* 220, *Великая Музыка* 227. См. *Айнул**и**ндалэ*.

*М**у**рмуран (Murmuran)* Жилище Л**о**риэна в В**а**линоре. 74, 100

*Мурмэн**а**лда (Murmenalda)* Долина, в которой пробудились люди. 233, 235— 237; *Дол Сна* 233, *Сонный Дол* 235

*М**у**ру (Muru)* См. *М**о**ру*.

*Мэ**а**ссэ (Meássë)* Богиня-воительница. 67, 77— 78, 80, 82, 89, 98, 105, 117, 154, 177

Мэлиан (Melian) 107, 132— 133. См. *Т**и**ндриэль*, *В**э**ндэлин*.

Мэлько (Melko) 25— 27, 47, 49, 52— 60, 62— 63, 66— 70, 77— 79, 87, 89— 90, 92 [broken link: #UtraI_pg92]— 93, 98-107, 111, 113— 118, 120, 128, 131, 133, 135, 140— 154. 156— 160, 165— 169, 171, 174, 176— 177, 180, 182— 183, 196, 198, 200. 203, 207— 211, 213, 217, 219— 220, 222— 223, 230, 234, 236— 244; *сын(овья) Мэлько* 93, 210, *отпрыск Мэлько* 237; *Оковы Мэлько* 98, 107, 168; *Рудники Мэлько* 239, 241. См. *Мэлькор*, *М**о**ргот*.

Мэлькор (Melkor) 26, 79— 80, 110 [broken link: #UtraI_pg110], 112, 131, 133, 156— 161, 198— 199, 222— 223, 225

Мэлэмно (Melemno), *Э**э**ллу Мэлэмно (Ellu Melemno)* См. *Э**э**ллу*.

*Мэриль-и-Тур**и**нкви (Meril-i-Turinqi)* Владычица Тол Эр**э**ссэа; также *Мэриль (Meril)*, *Тур**и**нкви (Turinqi)*. 16— 17, 20, 22, 26, 48, 50, 52, 95— 98, 107, 111— 113, 129— 130, 134, 175, 230, 235; *Владычица Острова* 175

Мэрэт Адэртад (Mereth Aderthad) Празднество Воссоединения. 243

*Мэтт**а**нье (Mettanyë)* Последняя часть поэмы Древа Кортириона. 43 [broken link: #UtraI_pg43]

*Нам**а**риэ (Namarië)* (стихотворение) 161

*Нан Дунг**о**ртэб (Nan Dungortheb)* 161

*Н**а**ндини (Nandini)* Фэй (духи) долин. 66

*Нарг**о**тронд (Nargothrond)* 240

*Нарквэ**э**лион (Narquelion)* Осень. 32; вторая часть поэмы *Древа Корт**и**риона* 41

Народ Тени (1) Наименование Утраченных Эльфов Хисил**о**мэ среди людей. 119, 138— 139, 237. (2) Фэй неизвестного происхождения, которых н**о**лдоли встретили в Хисил**о**мэ. 237, 239

*Н**а**углат (Nauglath)* Карлы. 236

Небеса 92 [broken link: #UtraI_pg92]

Небесная Ладья, Ладья Утра См. *Солнце*.

Небесный Мост См. ***И**львэран*.

Неоконченные Сказания 158, 244

Нин, Нэн (Nen(e)), река 205 [broken link: #UtraI_pg205]— 206

*Н**и**рнаэт Арн**о**эдиад (Nirnaeth Arnoediad)* 135. См. *Битва Бессчетных Слез*

*Ниэл**и**кви (Nieliqui)* Дочь **О**ромэ и В**а**ны. 75, 89, 93

*Ниэ**э**ллуин (Nielluin)* Сириус. 182, 192, 200; *Лазурная Пчела, Голубая Пчела*, 182, 200. См. *Хэллуин*.

*Ниэ**э**нна (Nienna)* См. *Ф**у**и*.

*Н**о**лдоли (Noldoli)* Гномы, второй род эльфов. 21, 25— 26, 43 [broken link: #UtraI_pg43], 47— 52, 58, 62, 94, 110 [broken link: #UtraI_pg110], 115, 117, 119, 121— 124, 126— 128, 132, 134— 135, 137— 138, 140— 152, 154, 156— 165, 167— 169, 171— 173, 175— 178, 181, 189, 192, 196, 198— 199, 207— 210, 215, 220, 223— 224, 230— 231, 238, 241— 243. См. *Гномы*, *Нолдор*.

*Н**о**лдор (Noldor)* 21, 24, 43 [broken link: #UtraI_pg43]— 44, 49— 51, 132, 134— 135, 138, 156, 158— 160, 171, 173, 198, 223, 242— 243, 245; форма этнонима, встречающаяся в оригинальном тексте 162, 169. Прилагательное *н**о**лдорин (Noldorin)* 43 [broken link: #UtraI_pg43], 49— 50, 62, 156, 171, 242

*Н**о**лдорин (Noldorin)* Имя С**а**лмара. 16, 22, 27, 66, 75, 80, 89, 93, 155

*Н**о**лэмэ (Noletmë)* См. *Ф**и**нвэ*.

Нориджс 206 [broken link: #UtraI_pg206]

*Н**о**рнорэ (Nornorë)* Глашатай богов. 77, 93, 101— 103, 115— 118, 131, 144, 231

Норфолк 206 [broken link: #UtraI_pg206]

Ночная Паучиха 153. См. *Гв**э**рлум*, *М**о**ру*, *Унг**о**лиант*, *Унгвэли**а**нтэ*, *Вирил**о**мэ*.

*Н**у**ин (Nuin)* Темный Эльф, нашедший первых людей, 232— 233, 235— 237, 244; названный *Отец Речи* 236— 237

*Нум**э**ссир (Numessir)* Раннее наименование

*Сирн**у**мэн*. 155
*Н**у**ри (Núri)* Имя Ф**у**и Ни**э**нны. 66
*Н**у**рталэ Валинор**э**ва (Nurtalë Valinoréva)* Сокрытие В**а**линора. 224
*Н**э**рмир (Nermir)* Фэй (духи) лугов. 66
*Н**э**сса (Nessa)* 75, 79, 89, 99, 117, 126, 154, 177, 209

***О**аритси (Oaritsi)* русалки (?). 227
*О**а**рни (Oarni)* Духи моря. 66, 70, 74, 121, 123—124
***О**вэн (Ówen)* Самое раннее имя **У**инэн. 61, 79, 220. (Заменено на ***О**нэн*.)
Огонь Сказаний В Мар В**а**нва Тьялиэ**э**ва. 17, 46, 48, 65, 107, 174— 175, 229, 241; *Комната Огня Сказаний* 140, 229; *Комната Пылающего Очага* 15; *Каминная Комната* 17
Одинокий Остров 13, 15— 16, 22— 23, 25, 37 [broken link: #UtraI_pg37], 85, 121, 125, 134, 136— 137, 224; *Остров, наш остров* 97, 174— 175; *остров ф**э**ери* 175; стихотворение *Одинокий Остров* 25. См. *Тол Эр**э**ссэа*.
Ожерелье Карлов, Сказание 231, 233; *Сказание о Науглафринге* 204
*Ойв**а**рин (Oivárin)* Раннее имя Айн**а**йроса. 222
***О**йнэн (Oinen)* См. ***У**инэн*.
*Ойол**о**ссэ (Oiolossë)* 88
Оксфорд 23, 25, 27, 45, 107— 108, 203; *Оксфорд-*

ский Словарь Английского Языка 44— 45, 203

***О**лвэ (Olwë)* 132— 133. См. ***Э**ллу*.

*Ол**о**рэ М**а**ллэ (Olórë Mallë)* "Тропа Снов". 18, 27, 212, 220— 221, 224— 225; *волшебный путь Л**о**ри-эна* 213

*Олоф**а**нтур (Olofantur)* "Ф**а**нтур Снов", В**а**ла Л**о**риэн. 66. См. ***Фа**нтур*, ***Ло**риэн*.

***О**мар* (*Ómar*) Младший из великих в**а**лар, называемый также Ам**и**лло. 47, 52, 67, 75, 80, 89, 93, 101, 122, 177, 184, 228

***О**нэн (Ónen)* Раннее имя **У**инэн. 58, 61, 63, 66, 68, 74, 79, 83, 120, 130, 220. (Эта форма заменила более раннюю ***О**вэн*.)

Орион 224. См. *Тэлум**э**хтар*.

Орки 236, 238, 240— 243, 245

***О**рмал (Ormal)* Южная Светильня. 87

***О**ромэ (Oromë)* Сын **А**улэ и Пал**у**риэн (67). 27, 66— 67, 75— 76, 78— 80, 89, 93, 99, 101— 102, 104, 106, 110 [broken link: #UtraI_pg110]— 111, 114— 115, 117— 120, 124, 126— 128, 131, 145, 154, 157, 194, 209— 212, 214, 220, 224— 225, 231. См. ***А**лдарон*.

*Ор**о**сси (Orossi)* Фэй (духи) гор. 66

***О**ссэ (Ossë)* 58, 63, 66, 68, 70— 71, 74— 75, 79— 80, 83, 85— 86, 89, 100, 104, 106, 117— 121, 123— 126, 129, 134— 137, 144, 152, 154, 177, 194, 210— 211, 214, 220, 224; *Ф**а**лман-**О**ссэ (Falman-Osse)* 66, 101, 118,

121, *Фалман (Falman)* 119
Островные Эльфы Эльфы Тол Эрэссэа. 48— 49, 129
Оттор Вэфре (Ottor Wœfre) Подлинное имя Эриола. 23— 24

Палисор (Palisor) Край «в сердце» (114) Великих Земель, где пробудились эльфы. 85, 106, 114— 119, 131, 141, 231— 232, 234— 238; *Битва, Война Палисора* 236— 238, 243
Палуриэн (Palúrien) Йаванна. 66— 68, 71— 75, 79— 80, 88— 89, 98— 100, 105— 106, 114, 117, 123— 124, 126, 131, 133, 154, 179— 180, 184, 237; *дети Палуриэн* 94. См. *Владычица Земли*, *Кэми*, *Йаванна*.
Парацельс 43 [broken link: #UtraI_pg43]— 44
Письма Дж. Р. Р. Толкина 22, 25, 44— 45, 192
Плетение Дней и Месяцев и Лет 217, 221, 227
Плеяды 35. См. *Семь Звезд*.
Полдорэа (Poldórëa) Имя Тулкаса 66, 75, 79, 103, 148, 154
Полуденный Плод, плод Полудня 186— 187, 191, 193, 201
Последние Отряды 34, 37 [broken link: #UtraI_pg37]; *Верные Отряды* 41
Поход Освобождения Великий поход из Кора. 166; *поход в пределы мира* 26, 129, 196

Празднество Объединения 240, 243. *Празднество Воссоединения*, см. *Мэрэт Адэртад*.

Прибрежные Флейтисты Солос**и**мпи (впоследствии называемые т**э**лэри). 16, 50, 94, 123, 165, 223; *играющие на флейтах по брегу* 230; *Флейтисты* 106; *танцующие на взморьях* 129; *Прибрежные Эльфы, прибрежный народ* 125, 165, 210

Прибрежные Эльфы См. *Прибрежные Флейтисты*.

Приключения Тома Бомбадила [The Adventures of Tom Bombadil] 27, 32, 204

Приют Утраченной Игры 28, 30 [broken link: #UtraI_pg30]— 31

Прорицание Вельвы Часть Старшей Эдды. 245

*Пророчества **А**мноса, Пророчество **А**мнона* См. ***А**мнос*, $uamnon*__А__мнон*.

Пророчество Севера 171— 173

Радуга 212, 220— 221, 224— 225. См. ***И**львэран*.

*Рам**а**ндур (Ramandur)* Раннее имя *Сор**о**нтура*. 89

*Р**а**на (Rána)* Наименование Луны, данное богами. 192— 193, 218

*Р**а**нуин (Ranuin)* "Месяц", сын **А**луина "Времени". 217— 219, 222, 227. (Ранние формы *Р**а**нос (Ranos)*, *Р**а**нот (Ranoth)*, *Рон (Rôn)* 222.)

*Р**и**нгиль (Ringil)* (1) Столп Северной Светильни.

69— 70, 82, 87, 101, 106, 118. (2) Меч Финголфина. 87

Рисунки Дж. Р. Р. Толкина 85

Роза Сильпиона Лунный Цветок. 191— 193, 195, 218; *Серебряная Роза* 192. См. *Силь*.

Румиль (Rúmil) Привратник Мар Ванва Тьялиэва, называемый *Мудрый* (65). 46— 52, 59, 64— 65, 78— 79, 94, 107, 129, 134, 167, 169, 171, 230, 235. См. ***Эвроморд***.

Садор (Sador) Слуга Хурина. 244

Салмар (Salmar) Спутник Улмо, называемый также Нолдорин, Лириллло и (на языке гномов) Голтадриэль. 58, 63, 66, 75, 79— 80, 89, 93, 101, 126, 155, 177, 184

Самириэн (Samírien) Празднество Двойного Веселья в Валиноре. 143— 144, 222; *Дорога Самириэн* 222 (см. *Вансамирин*).

Сари (Sári) Наименование Солнца, данное богами. 186, 193, 195, 198, 215— 216, 218, 221— 222

Саурон (Sauron) 52

Светильни 69— 71, 87, 100, 110 [broken link: #UtraI_pg110]— 111, 118, 134, 152, 182

Светильня Ваны Солнце. 187

Северное Море 23— 24; *Океан Алмайн* 205 [broken link: #UtraI_pg205]— 206

Семь Звезд 38 [broken link: #UtraI_pg38], 42

[broken link: #UtraI_pg42] (возможно, относится к Плеядам); 114 (относится к Большой Медведице); *Семь Бабочек* 133. См. *Большая Медведица*, *Валак**и**рка*.

Сердечко Сын Бр**о**нвэга, называемый "Хранитель Гонга" (в Мар В**а**нва Тьялиэва). 15, 46, 48, 52, 64, 94— 96, 230. См. ***И**львэрин*.

*Серп В**а**лар* См. *Валак**и**рка*; *Серебряный Серп* 133

Серые Эльфы 51, 132, 243

*Сил**и**ндрин (Silindrin)* Чаша серебряного света в В**а**линоре; это наименование чередуется с *Тэл**и**мпэ*. 71— 74, 79, 88, 130, 196

*Силубр**и**льтин (Silubrilthin)* Гномское наименование *С**и**льмарилей*. 128, 130

Силь (Sil) Наименование Луны. 85, 192

*С**и**льмарили (Silmarils)* 128, 138, 145, 149, 152, 156— 157, 159, 162, 169, 238, 240

*Сильмар**и**лли (Silmarilli)* Сильмарили. 58, 128. См. *Силубр**и**льтин*.

*Сильмар**и**ллион (The Silmarillion)* 23, 26, 49— 51, 60— 63, 79— 80, 82, 87— 92, 110 [broken link: #UtraI_pg110]— 112, 131— 138, 156— 161, 171— 173, 198— 202, 222— 225, 227, 231, 236, 241— 245

*С**и**льмо (Silmo)* Страж древа С**и**льпион. 73— 74, 88, 116, 178, 189, 192, 202

*С**и**льпион (Silpion)* Серебряное древо В**а**линора.

73— 74, 76, 88— 89, 113, 116— 117, 122, 125— 129, 133, 135, 142— 144, 146, 152— 153, 160, 176— 179, 181, 189— 191, 193, 200— 202. См. *Роза Синильпиона*.

Синдарин (Sindarin) 51, 132

Синголло (Singollo) См. *Эльвэ*.

Сирион (Sirion) 238, 240— 242, 244; *Ущелье Сириона* 244

Сириус 200. См. *Хэллуин*, *Ниэллуин*.

Сирнумэн (Sirnúmen) Долина в Валиноре, где обитали нолдоли после их изгнания из Кора. (142), 144, 146 (*Сирнумэн, что на Равнине*), 147, 149, 153, 155, 157— 159, 163— 164, 192. (Эта форма заменила более раннюю *Нумэссир*.)

Сияющие Острова в представлении илькоринов — жилище богов и эльдар Валинора. 231

Сокрытие Валинора См. *Валинор*.

Сокрытое Пламя 53, 55, 60

Солнце 36, 39 [broken link: #UtraI_pg39], 43 [broken link: #UtraI_pg43], 60, 64, 68, 83, 85, 88, 118— 119, 125, 139, 151, 174— 175, 182, 186— 191, 193— 203, 207— 208, 212, 214— 221, 226— 228, 230— 231, 236— 237, 242; во многих эпизодах названо *Ладья Солнца*, а также *солнечный корабль*; *Ладья Небес* 186; *Ладья Утра* 188, 190, 194, 198. См. *Гавань Солнца*; остальные наименования Солнца см. 186— 188, 196.

Солосимпи (Solosimpi) Третий род эльфов (впо-

следствии называемы тэлэри). 16, 19, 22, 48— 50, 58, 61— 62, 94, 119— 121, 123— 129, 132— 137, 141, 143, 155, 157, 163— 165, 169, 171, 176, 178, 199, 208, 210, 219, 223, 231; ранее *Солос**и**мпэ (Solosimpë)* 22, 61. См. *Прибрежные Флейтисты*, *Тэлэри* (2).

Сонный Дол См. *Мурмэн**а**лда*.

*Сор**о**нтур (Sorontur)* Король Орлов. 73, 89, 148— 149, 158, 176, 178, 198. (Эта форма заменила более раннюю *Рам**а**ндур*.) См. *Т**о**рндор*.

Соу Река в Стаффордшире. 196

Спящая в Жемчужной Башне См. *Жемчужная Башня*.

Средиземье (Middle-earth) 21, 23, 26, 51, 81, 89, 110 [broken link: #UtraI_pg110]— 111, 132— 135, 199, 222— 223

Срединные земли 234

Старший Род 42 [broken link: #UtraI_pg42]

Стаффорд, Стаффордшир 25, 91, 108, 196

Стена Бытия 214— 215, 221, 226— 227; *Восточная Стена* 216, 221— 222, 226

Стены Мира См. *Илур**а**мбар*.

Студеная Пучина См. *Квэркар**и**нга*.

*С**у**лимо (Súlimo)* Имя М**а**нвэ. 52, 56, 58— 59, 62, 65, 79, 93, 100, 115, 117, 122, 142, 146, 151, 179— 180, 183, 209, 218; *С**у**лимо Владыка Воздуха* 212

Сумеречные Острова Острова в Тенистых Мо-

рях, западнее Тол Эрэссэа. 15, 68— 69, 82, 85 (*Толли Кимпэлэар (Tolli Kimpelëag)*), 120— 121, 123, 125, 134, 224

Сурули (Súruli) Духи ветров, сопровождающие Манвэ и Варду. 66, 144, 181, 192, 195, 200

Счастливые Морестранники (стихотворение) 221

Сыновья Фэанора См. *Фэанор*.

Тавари (Tavari) Фэй (духи) лесов. 66

Тавробэль (Tavrobel) Местность на Тол Эрэссэа. 25, 175, 196, 230; *Мост Тавробэля* 175, 196; *Башня Тавробэля* 174; *Гильфанон а-Давробэль (Gilfanon a-Davrobel)*, *Гильфанон из Тавробэля* 174, 195— 196, 203, 229

Талат Дирнэн (Talath Dirnen) Хранимая Равнина Нартронда. 240

Талкамарда (Talkamarda), *и-Талка Марда (i-Talka Marda)* "Кузнец Мира", Аулэ. 180, 186

Тангородрим (Thangorodrim) 26, 158, 243

Таниквэтиль (Taniquetil) 21, 58, 62, 68, 70, 73, 77, 82— 83, 85, 88— 89, 91, 93, 100, 103— 104, 113, 115, 125, 133, 144— 146, 148, 154, 158— 159, 181, 186, 188— 189, 191, 194— 195, 210— 212, 219; *Гора Мира* 214

Таньясалпэ (Tanyasalpë) "Отненная Чаша". 187. См. *Фаскала-нумэн*.

Тари (Tári) "Владычица, Госпожа", примени-

тельно к В**а**рде, В**а**не и Ф**у**и Ни**э**нне. 66— 67. См. *Кв**а**лмэ-Т**а**ри*, *Т**а**ри-Л**а**йси*, *Тинвэт**а**ри*.

*Т**а**ри-Л**а**йси (Tári-Laisi)* "Владычица Жизни", В**а**на. 67

*Тарн Ф**у**и (Tarn Fui)* "Двери Ночи". 215, 222; См. *Двери Ночи*, *Морит**а**рнон*.

*Т**а**рэг-**и**лькорин* 237, 240

Темные Эльфы 232— 237, 244. См. *Хис**и**льди*, *Хум**а**рни*, *Кали**о**нди*.

Тенистые Моря Область Великого Моря западнее Тол Эр**э**ссэа (см. особенно 68, 125). 15, 27, 68, 70, 74, 76, 83, 118— 121, 125, 134, 137, 152, 154, 164, 188, 209, 211, 224; *Тенистое Море* 101, 163, *Тени* 134

*Т**и**лион (Tilion)* Кормчий Луны. 88, 202, 222

*Т**и**лькал (Tilkal)* Металл, изобретенный **А**улэ для оков М**э**лько. 100, 104, 111, 114

*Т**и**мпинэн (Timpinen)* Имя Т**и**нфанта на языке **э**льдар. 94— 95, 107

*Т**и**нвэ Л**и**нто (Tinwë Linto)*, *Т**и**нвэ (Tinwë)* Властитель солос**и**мпи, потерянный во время Великого Путешествия и ставший Владыкой эльфов Хисил**о**мэ; впоследствии *Т**и**нгол*. 115— 116, 120, 130— 133. (Эта форма заменила более раннюю *Л**и**нвэ Т**и**нто*.)

*Тинв**э**линт (Tinwelint)* Гномское имя Т**и**нвэ Л**и**нто (впоследствии Т**и**нгола). 115, 131— 132, 238, 240,

243— 244. (Эта форма заменила более раннюю *Тинт**о**глин*.)

*Тинвэт**а**ри (Tinwetári)* "Королева Звезд", имя В**а**рды. 100

*Т**и**нгол (Thingol)* 107, 238, 243; ***Э**лу Т**и**нгол (Elu Thingol)* 132. См. *Т**и**нвэ Л**и**нто*, *Тинв**э**линт*.

*Т**и**ндриэль (Tindriel)* Раннее имя *М**э**лиан*. 106— 107, 131— 132. (Заменено на *В**э**ндэлин*.)

*Тинт**о**глин (Tintoglin)* Раннее имя Тинв**э**линта. 131— 132

*Тин**у**виэль (Tinúviel)* Дочь Тинв**э**линта (впоследствии Л**у**тиэн (Тин**у**виэль) дочь Т**и**нгола). 27, 107, 115, 132; *Сказание о Тин**у**виэль* 27, 51— 52, 203— 204, 231, 233, 238— 239, 241. См. *Л**у**тиэн*.

*Т**и**нфанг (Tinfang)* Гномское имя Т**и**мпинэна, прозванного *Т**и**нфанг Трель* (см. Приложение, статья *Т**и**нфанг*). 94— 95, 107— 110; стихотворения *Тинфанг Трель [Tinfang Warble]*, *Вдаль по древним холмам, прочь из этих земель* 107— 110

*Т**и**рион (Tirion)* 26, 49, 135, 159— 160, 198, 222— 223

*Тол Эр**э**ссэа (Tol Eressëa)* 13, 21— 27, 32, 47— 50, 52, 83, 85, 90, 97— 98, 107, 120— 121, 123— 126, 129— 130, 134— 137, 165, 196, 224— 225, 235. См. *Одинокий Остров*.

*Т**о**мбо (Tombo)* "Гонг Детей" в Мар В**а**нва Тьяли-

эва. 15. См. *Гонг Детей*, *Сердечко*.

Томпсон, Франсис 29 [broken link: #UtraI_pg29]

*Т**о**рин (Tórin)* См. *Д**а**урин*.

*Т**о**рндор (Thorndor)* Гномское имя Сор**о**нтура, Короля Орлов. 89; более поздняя форма *Тор**о**ндор (Thorondor)* 158

Трент, река 196

Три рода 51

Тропа Снов См. *Ол**о**рэ М**а**ллэ*.

Ту (Tû) Чародей или фэй, ставший Королем Темных эльфов. 232— 234, 237, 244; *Владыка Сумерек* 232. (Эта форма заменила более раннюю *Т**у**во*.)

*Т**у**во (Túvo)* Ранний вариант имени Ту. 234— 236, 238, 243

*Туив**а**на (Tuivána)* Имя В**а**ны. 67, 99, 116— 118, 180

*Туил**э**рэ (Tuilérë)* Имя В**а**ны. 67

*Т**у**лкас (Tulkas)* 66— 67, 70, 73, 75, 78— 80, 89, 101— 105, 111, 115, 140, 145, 147— 149, 152, 154, 158, 176— 177, 179, 182, 184— 186, 198, 200— 201, 209— 210, 218, 224. См. *Аст**а**лдо*, *Полд**о**рэа*.

*Тулк**а**ссэ (Tulkassë)* Раннее имя Тулк**а**стора. 22. (Эта форма заменила более раннюю *Тур**э**нбор*.)

*Тулк**а**стор (Tulkastor)* Отец В**а**йрэ, жены Л**и**ндо. 16, 22. (Эта форма заменила более раннюю *Тулк**а**ссэ*.)

Тун (Tûn) Наименование, заменившее Кор (как название города). 222

*Т**у**на (Túna)* 26, 82, 135, 222

*Т**у**ор (Tuor)* 48, 52, 238. Для сказания о *Т**у**оре и об изгнанниках Гондолина* ("*Падение Г**о**ндолина*") см. *Г**о**ндолин*.

*Тур**а**мбар (Turambar)* См. *Т**у**рин*.

*Т**у**ргон (Turgon)* 115, 132, 170— 173, 238— 242, 244— 245. См. *Тур**о**ндо*.

*Т**у**рин (Túrin)* 244; *Сказание о Тур**а**мбаре* 27, 158, 229— 231, 233, 239, 244

*Тур**и**нкви (Turinqi)* См. *М**э**риль-и-Тур**и**нкви*.

*Тур**о**ндо (Turondo)* Сын Ф**и**нвэ Н**о**лэмэ, называемый на языке гномов Т**у**ргоном. 115, 132, 167, 170— 171, 245

*Турух**а**лмэ (Turuhalmë)* "День Сбора Дров", внесение дров в Мар В**а**нва Тьялиэва. 229— 230, 244. (Другие формы *Д**у**рухалм* и *Халмад**у**рвион*.)

*Тур**э**нбор (Turenbor)* Ранний вариант имени Тулк**а**стор. 22. (Заменено на *Тулк**а**ссэ*.)

Ты и Я, и Домик Утраченной Игры [You and Me and the Cottage of Lost Play] (стихотворение) 27— 30, 32, 136

*Тэв**и**льдо (Tevildo)* Князь Котов 47, 52

*Тэл**и**мпэ (Telimpë)* Чаша серебряного света в В**а**линоре; наименование чередуется с вариантом

*Сил**и**ндрин*. 79, 113— 114, 127, 129— 130, 178, 181, 189, 192, 196, 202

*Тэлим**э**ктар (Telimektar)* Сын Т**у**лкаса. 101, 154, 182, 200. См. *Тэлум**э**хтар*.

*Тэлум**э**хтар (Telumehtar)* Орион. 200. См. *Тэлим**э**ктар*.

*Тэльп**э**рион (Telperion)* 88, 133, 135, 201

*Тэл**э**лли (Telelli)* Наименование некоторых эльфов (см. Приложение, статья *Тэл**э**лли*). 19, 22; ранее *Тэл**э**ллэ (Telellë)* 22

*Т**э**лэри (Teleri)* (1) Первый род эльфов (впоследствии называемых в**а**ньяр). 48— 50, 52, 59, 62, 115, 118— 119, 121— 124, 126, 132, 134, 143, 163, 169, 175— 176, 210, 220, 231, 234. (2) В более позднем понимании, =Солос**и**мпи в *Утраченных Сказаниях*. 50, 62, 132— 138, 157, 171, 198, 223

*Ув**а**лэар (Úvalear)* Наименование Народа Тени из Хисил**о**мэ. 237

*Ув**а**нимор (Úvanimor)* "чудовища, великаны и исполины", выведенные М**э**лько. 75, 236— 237

***У**ин (Uin)* Великий кит. 85, 118— 120

***У**инэн (Uinen)* 63, 79, 121, 130, 172, 192, 220; ***О**йнэн* 211, 220; *Владычица Моря* 211. (Эта форма заменила более раннюю ***О**нэн*.)

*Улб**а**нди (Ulbandi)* Мать сына М**э**лько К**о**сомота. 93

***У**лмо (Ulmo)* 26, 56, 58— 63, 66— 68, 70— 71, 74, 79— 80, 83, 85— 87, 89, 100— 102, 104— 106, 114, 117— 126, 132, 134— 135, 137, 144, 153— 154, 171, 177— 178, 190— 191, 198— 199, 209— 211, 213— 218, 220, 223— 226; *Владыка В**а**й* 190, 214. См. *Л**и**нквиль*, *В**а**йлимо*.

***У**лмонан (Ulmonan)* Чертоги **У**лмо во Внешнем Океане. 61— 62, 68, 83, 85— 86, 214

*Ум**а**ньяр (Úmanyar)* Эльфы "не из **А**мана". 196, 241

*Унгвэли**а**нтэ (Ungweliantë)* Великая Паучиха. 188, 209, 220; ***У**нгвэ Ли**а**нти (Ungwë Lianti)* 152; ***У**нгвэ (Ungwë)* 152, 154; *Унгв**э**лиант (Ungweliant)* 182, 200, 223. См. *Гв**э**рлум*, *М**о**ру*, *Вирил**о**мэ*.

*Унг**о**лиант (Ungoliant)* Форма имени Великой Паучихи, употребляемая в *Сильмар**и**ллионе*. 157, 160— 161, 201. Ее имя на языке гномов в *Утраченных сказаниях* Унг**о**лионт 152, 156, 160— 161, 214. (Эта форма заменила более раннюю *Г**у**нглионт*.)

***У**олэ К**у**вион (Uolë Kúvion)* Эльф, известный, как Человек-с-Луны. 193, 198, 202, 206 [broken link: #UtraI_pg206], 215. (Эта форма заменила более раннюю ***У**олэ Мик**у**ми*.)

***У**олэ Мик**у**ми (Uolë Mikúmi.)* Раннее имя ***У**олэ К**у**виона*. 198, 202

Уорик 25— 26, 32; *Уорикшир* 25

Ур (Ûr) Наименование Солнца. 85, 187, 196

***У**рвэн (Urwen)* Раннее имя *Урв**э**нди*. 73, 76, 88, 154, 196

*Ф**а**лман-**О**ссэ (Falman-Ossë)* См. ***О**ссэ*.

*Фалм**а**рини (Falmarini)* Духи морской пены. 66

*Ф**а**нгли (Fangli)* Раннее имя Ф**а**нкиля. 236— 237, См. *Ф**у**киль*.

*Ф**а**нкиль (Fankil)* Слуга М**э**лько. 107, 237. (Эта форма заменила более ранние *Ф**а**нгли/Ф**у**киль*.)

*Ф**а**нтур (Fanlur)* (мн.ч. *Ф**а**нтури (Fánturi.)*) В**а**лар В**э**фантур М**а**ндос и Л**о**риэн Олоф**а**нтур. 66, 79, 89, 101; более поздняя форма — *Фэ**а**нтури* 79–80

*Ф**а**нуин (Fanuin)* "Год", сын **А**луина "Времени". 217— 219, 222, 227. (Эта форма заменила более ранние *Л**а**тос, Л**а**твэг*.)

*Ф**а**скала-н**у**мэн (Faskala-númen)* "Купель Заходящего Солнца", 187; *Ф**а**скалан (Faskalan)* 187, 192, 215. См. *Таньяс**а**лпэ*.

*Ф**а**эри (Faëry)* 129; См. *Залив Ф**а**эри*.

*Фин**а**рфин (Finarfin)* 44, 171, 173, 223

*Ф**и**нвэ (Finwë)* Владыка Н**о**лдоли; называемый также *Н**о**лэмэ*, *Н**о**лэмэ Ф**и**нвэ*, *Ф**и**нвэ Н**о**лэмэ* (все ссылки собраны здесь). 115— 116, 119, 123, 132, 135, 138, 141— 142, 156— 157, 162— 163, 167, 170-171, 173, 213, 238— 241,243, 245. См. *Финголма*, *Голф**и**нвэг*.

Финголма (Fingolma) Имя *Ф**и**нвэ Н**о**лэмэ*. 238-

239
Финголфин (Fingolfin) 87, 132, 156, 173, 243
Фингон (Fingon) 173, 243
Финрод Фэлагунд (Finrod Felagund) 44, 173. См. *Инглор*.
Фионвэ (Fionvë), *Фионвэ-Урион (Fionwë-Úrion)* Сын Манвэ и Варды. 58, 62— 63, 93, 101, 194, 202, 215, 219
Формэнос (Formenos) 156— 159, 161
Фуи (Fui) Богиня смерти, называемая также *Ниэнна*, *Фуи Ниэнна* (все ссылки собраны здесь.) 66, 76— 77, 79— 80, 82, 88— 90, 92 [broken link: #UtraI_pg92], 117, 144— 145, 167, 189, 202, 213; *Фуи* как наименование ее жилища 77, 90. См. Хэскиль, *Нури*, *Квалмэ-Тари*.
Фукиль (Fúkil) Раннее имя *Фанкиля*. 236— 237. См. *Фангли*.
Фумэллар (Fumellar) Маки в садах Лориэна. 74
Фэанор (Fëanor) 128, 138, 141, 145— 146, 149— 151, 155— 160, 162, 165, 168— 169, 171, 173, 175, 181, 192, 198, 238, 240— 243; *Сыновья Фэанора* 192, 197, 238— 243; Клятва Фэанора, или его сыновей 171, 238, 240, 243
Фэаноринги (Feanorians) 158, 173, 242-243
Фэантури (Fëanturi) См. *Фантур*.
Фэери (Fairies) 19, 22— 23, 25— 26, 32, 34— 36, 51,

59, 110 [broken link: #UtraI_pg110], 166, 175, 192, 196, 212, 228, 230, 232, 235, 237, 244; утраченные фэери 231, 235; лже-фэери, см. каукарэльдар; язык фэери 13, 51

Фэй (Fay) 94, 108, 120, 132, 215, 232, 234, 236— 237, 239

*Х**а**ббанан (Habbanan)* Раннее наименование области **Э**руман/**А**рвалин. 79, 82, 91— 92, 130— 131, 155, 170; стихотворение *Х**а**ббанан под звездами [Habbanan beneath the Stars]* 91— 92

*Халмад**у**рвион (Halmadhuruion)* Другое наименование Турух**а**лмэ. 244

*Ханстов**а**нэн (Hanstovánen)* Место причала ладьи М**о**рниэ. 167, 170; также *В**а**нэ Х**а**нсто (Vanë Hansto)* 170

*Х**а**рвалин (Harwalin)* Ранняя форма наименования **А**рвалин. 22, 79, 82, 91, 131

*Харв**а**лиэн (Harvalien)* Ранняя форма наименования **А**рвалин. 155

*Х**а**рмалин (Harmalin)* Раннее наименование области **Э**руман/**А**рвалин. 22, 79, 82, 85, 130, 155

*Х**а**уд-эн-Нд**э**нгин (Haudh-en-Ndengin)* Холм Мертвецов в пустоши Анф**а**углит. 243

*Х**е**ден (Heden)* Отец **Э**оха, отца **О**ттора В**э**фре (**Э**риола). 23

*Х**е**нгест (Hengest)* Завоеватель Британии 23;

сын **О**ттора В**э**фре (**Э**риола)24

*Х**и**льдор (Hildor)* Пришедшие Следом, люди. 223

*Х**и**ри (Hiri)* Река в В**а**линоре. 142, 156

*Хисил**о**мэ (Hisilómë)* 101, 106— 107, 111— 112, 115, 118— 119, 132, 135, 138, 158— 159, 175, 196, 237— 239, 241— 244; см. особенно 111— 112, 135, см. ***А**рьядор*, *Дор Л**о**мин*, *Земля Тени*.

*Хис**и**льди (Hisildi)* Народ сумерек: Темные Эльфы. 232, 244

*Х**и**тлум (Hithlum)* 107, 112, 135

Хоббит 23, 43 [broken link: #UtraI_pg43]

Холм Мертвецов См. *Х**а**уд-эн-Нд**э**нгин*.

Холм Смерти Курган, возведенный над Ф**и**нвэ Н**о**лэмэ. 241, 243

Холмистые Земли 240, 244; в ином значении 214

Холмы Горечи См. *Железные горы*.

*Х**о**рса (Horsa)* Завоеватель Британии 23; сын **О**ттора В**э**фре (**Э**риола) 24

*Хранимая Равнина Нарг**о**тронда* См. *Т**а**лат Д**и**рнэн*.

*Хр**и**вион [Hrivion]* Третья часть поэмы *Древа Корт**и**риона*. 42 [broken link: #UtraI_pg42]

*Хум**а**рни (Humarni)* Наименование Темных Эльфов. 244

*Х**у**рин (Húrin)* 239, 242; *Народ Х**у**рина* 244. См.

***У**рин*

*Хьярм**э**нтир (Hyarmentir)*, гора 160

*Х**э**ллуин (Helluin)* Сириус. 200. См. *Ни**э**ллуин*.

*Х**э**лькар (Helcar)* Внутреннее Море. 87; *(Helkar)* Столп Южной Светильни. 69— 71, 87, 106, 118.

*Хэлькар**а**ксэ (Helcaraxë)* Битый Лед; *(Helkaraksë)* "Ледяной Клык", мыс на Внешних Землях на дальнем севере. 167— 170, 172, 177, 210, 220, 224, 237, 241. См. *Ледяной Клык*.

*Х**э**скиль (Heskil)* "Та, что приносит зиму", имя Ф**у**и Ни**э**нны. 66

Человек-с-Луны См. Луна, ***У**олэ К**у**вион*; *[Why the Man in the Moon came down too soon]*, стихотворение 202, 204— 206

Чистилище 92 [broken link: #UtraI_pg92]

Шаги гоблинов [Goblin Feet] (стихотворение) 32, 136; относительно *гоблинов* в данном месте см. Приложение, статья ***Но**лдоли*.

Шатры Ронота Жилище н**о**лдоли близ Хэлькар**а**ксэ. 168, 173

Эа (Eä) Вселенная 173, 199, 225 (слово Ил**у**ватара, давшее ей бытие 62, 225).

Эарэндэль (Eärendel) 13, 15, 18, 24, 48, 141; *Сказание об Эарэндэле* 27, 221, 230— 231, 233; более поздняя форма *Эарэндиль (Edrendil)* 135

***Э**вроморд (Evromord)* Привратник Мар В**а**нва Тьялиэва (по-видимому, он должен был заменить Румиля). 107

***Э**гларэст (Eglarest)* 134

***Э**гнор (Egnor)* Отец Бэрэна. 240— 241

***Э**дайн (Edain)* 40 [broken link: #UtraI_pg40]

*Экт**э**лион (Ecthelion)* 93

***Э**ллу (Ellu)* Властитель солос**и**мпи, избранный вместо Т**и**нвэ Л**и**нто (позже **О**лвэ; отличный от **Э**лу Т**и**нгола). 120, 130, 132— 133, 155; ***Э**ллу Мэл**э**мно (Ellu Melemno)* 141, 155, *Мэл**э**мно (Melemno)* 155

Элу Т**и**нгол (Elu Thingol) 132. См. *Т**и**нгол (Thingol)*.

***Э**львэ Синг**о**лло (Elwe Singollo)* 132— 133

*Эльвэн**и**льдо (Elwenildo)* Раннее имя **И**львэрина (Сердечка). 52

*Эльд**а**лиэ (Eldalië)* 51, 97— 98, 115, 117— 118, 128, 140, 150, 165, 231, 235

***Э**льдамар (Eldamar)* "Дом Эльфов". 19— 20, 65, 68, 77, 98, 125— 126, 129, 135, 137, 140, 143, 154, 164, 166, 171, 177 (почти во всех случаях ссылки даны на *берега, взморья, побережье*, или *утесы* **Э**льдамара); *Залив **Э**льдамар* 134— 135. См. ***Э**льфинесс*.

***Э**льдар (Eldar)*, ед. ч. ***э**льда (Elda)* Отдельные ссылки (включающие оба термина ***Э**льдар* и ***Э**льфы*): собственно термины ***Э**льдар и Эльфы*

50— 51, 131, 235; языки 47— 48, 50— 51, 177, 215, 232, 235— 236; происхождение, природа и судьба 57, 59— 61, 66, 76, 80, 90, 97, 142, 157, 213; рост по сравнению с людьми 32, 233, 235; отношения с людьми 32, 98, 150— 151, 159, 175, 235; пробуждение 113— 116; призыв в В**а**линор 115— 117, 132; увядание 32, 179

***Э**льмир (Elmir)* Одна из двух первых людей (вместе с **Э**рмоном). 236— 237

***Э**льтас (Eltas)* Рассказчик *Сказания о Тур**а**мбаре*. 229

***Э**льфвине (Ælfwine)* "Друг эльфов", более позднее имя **Э**риола. 24, 49, 107, 234; сказание ***Э**льфвине из Англии* 24, 134

Эльфийский (Elfin) О языке **э**льдар 48, 50— 51

***Э**льфинесс* Перевод топонима **Э**льдамар (см. статью ***Э**льдамар* Приложении). 22, 211, 240

Эльфы См. ***Э**льдар*; также *Темные Эльфы*, *Глубокомудрые Эльфы*, *Серые Эльфы*, *Высокие Эльфы*, *Островные Эльфы*, *Эльфы Света*, *Утраченные Эльфы*, *Морские Эльфы*, *Прибрежные Эльфы*

Эльфы Света 43 [broken link: #UtraI_pg43]

***Э**мбла (Embla)* В скандинавской мифологии первая женщина. 245

***Э**мнон (Emnon)* Пророчество **Э**мнона. 170, 172, 197. (Эта форма заменила более раннюю *Морни-*

***э**нто*; позднее заменено на ***А**мнос*.)

*Э**о**нвэ (Eönwë)* Глашатай М**а**нвэ. 63, 93

***Э**ох (Eoh)* Отец **О**ттора В**э**фре (**Э**риола). 23— 24

*Эр**и**нти (Erinti)* Дочь М**а**нвэ и В**а**рды. 58, 62, 202

***Э**риол (Eriol)* 14— 18, 20, 22— 27, 32, 45— 51, 63— 65, 78, 94— 98, 107, 112— 113, 129, 140, 164, 166, 169, 174— 175, 189, 195— 197, 202— 203, 225, 230, 234— 235; *Эри**о**лло (Eriollo)* 24. О его имени и истории см. 23— 24; см. ***Э**льфвине*.

***Э**рмон (Ermon)* Один из двух первых людей (вместе с **Э**льмир), 236— 237, 239, 243, 245; *Народ **Э**рмона, сыновья **Э**рмона* 237— 238, 240

***Э**ру* 173

***Э**руман* Название чередующееся с **А**рвалином (см.); (первоначально) область к востоку от гор В**а**линора и к югу от Тан**и**квэтиль (см. главным образом 82— 83, 91— 93). 68, 70, 79, 82— 83, 87, 91— 93, 145, 151— 152, 155, 157— 158, 209; ***Э**румани (Erumani)* 70, 79, 91, 125, 131, 149, 179, 188, 196, 200. (Ранние наименования этой области: *Х**а**ббанан*, *Х**а**рвалин*, *Харв**а**лиэн*, *Х**а**рмалин*.)

***Э**рэд Вэ**э**трин (Ered Wethrin)* Горы Тени. 112, 158, 242

Эск (Æsk) (др.-англ.) 245. См. *Аск*.

***Э**стэ (Estë)* 88, 201

Яр, река 205 [broken link: #UtraI_pg205]— 206

Ярмут 205 [broken link: #UtraI_pg205]— 206